ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ѳ. КОНИ.

ТОМЪ IV.

АВГУСТЪ. — КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

1850.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ. 27 Августа 1850 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

ТОМЪ IV.

ПАНТЕОНЪ

№ 8.

1850.

АВГУСТЪ.

С.Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЯДЯ ВЪ ХЛОПОТАХЪ или **КТО НА КОМЪ ЖЕНАТЪ?** комедія въ одномъ дѣйствіи *Н. В. Самойловой.*

II. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МУДРЕНЫЙ КОНТРАКТЪ. Романъ въ четырехъ частяхъ, *М. И. Воскресенскаго.* Часть третья.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1. Лѣсной царь. (Изъ Гете). — *Ап. Григорьева.*
2. ***. — *А. Зименко.*
3. Кого любить? — *В. Зотова.*
4. Три листка изъ дневника сумасшедшаго. — *И. Карелина.*
5. Утопающій. (Басня). — *Н. Суслова.*

III. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ИСТОРІЯ МАРІОНЕТОКЪ У ДРЕВНИХЪ. Статья *Шарля Маньена.*

IV. МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ІОГАННА-ХРИСТІАНА БРАНДЕСА, нѣмецкаго актера и драматурга XVIII вѣка. Книга шестая.

V. ЮМОРИСТИКА.

БАРХАТНЫЙ БАШМАЧЕКЪ. Повѣсть.—*В. С....ова.*

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ. *(Мѣсяцъ Іюнь).*

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. **Гуляка, или нынѣшніе друзья.** Комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго.
2. **Опытъ электрическаго освѣщенія, или мнимый слѣпецъ.** Современный фарсъ-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, соч. *Г**.*
3. **Онъ остепенился, или весь домъ вверхъ дномъ!** Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.
4. **Имянины городничнаго или старый другъ лучше новыхъ двухъ.** (*Бенефисъ г. Крапошкина.*
5. **Левъ и львица.** Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Я. Яковлевскаго.*
6. **Порывъ и страсть или два женскія сердца.** Драма въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ Французскаго *И. С. Юрьевой.*
7. **Всякой шутъ Иванъ Иванычъ!** Шутка-поговорка въ двухъ картинахъ. *Ѳ. А. Кони.*
8. **Покойникъ мужъ и его вдова.** Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи *Ѳ. А. Кони.* (Сюжетъ заимствованъ изъ французской комедіи). *Бенефисъ г-жи Сандуновой.*

VII. ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

I. Франція (*Письмо изъ Парижа отъ 1/13 августа.*

Театръ Комической Оперы. — Композиторъ Жоссъ. — Новая опера его «**Талисманъ**». — Либретто г. г. Варена и Шокара. — Мадамъ Алланъ и торжество ея въ драматической пословицѣ Альфреда Мюссе «**Подсвѣчникъ**». — Бездѣйствіе парижскихъ театровъ. — «**Жизнь въ Кофейнѣ**» водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. г. г. *Дюпети и Вандербурха.* — **LES TROIS DONDONS**» — «**Ромео и Маріелла**» водевиль *Дюмануара, Сиродена* и *Моро.* — «**Между двухъ огней,**» водевиль г. г. *Антони Беро* и *Альбера.* — Новое драматическое предпріятіе Александра Дюма. *Статья Ап. Бонавентура.*

II. Англія. (*Письмо изъ Лондона отъ 2/14 августа.*)

1. Ковентгарденская опера, послѣ пораженія, нанесеннаго ей *Бурею* Галеви. — Г-жа Віардо въ Мейерберовой оперѣ «*Пророкъ*». — Маріо — въ роли *Іоганна Лейденскаго.* — Г-жа Кастелланъ — въ ролѣ *Берты.* — «**Робертъ**» Мейербера; г-жа Гризи въ ролѣ *Алисы.*

2. Театръ Королевы. — «*Капулетти и Монтекки.*» Фреццолини в[illegible] *Юліи.* — Г-жа Пароди въ ролѣ *Ромео.* — Появленіе на сцену Гар[illegible] слѣ продолжительной болѣзни. — «**Тайный бракъ**»—Чимарозы. [illegible]итая Паста — снова является на сценѣ въ ролѣ *Анны Болей*[illegible] Концерты обѣихъ состязающихся труппъ.

3 Сентъ Джемскій театръ: Французская труппа Митчеля: *Лафонъ,* мадмоазель *Натали,* г-жи *Брассинъ, Констансъ* и *Октавъ.* — *Г-жа Рашель* въ «*Роксанѣ*», «*Федрѣ*» — «*Баязетѣ*» — и «*Адріеннѣ Лекувреръ*». — Бенефисъ знаменитой англійской актрисы *Гловеръ.* *Статья В. Б-нъ.*

VIII. СМѢСЬ.

1. Достовѣрные разсказы объ Абазіи. (Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у абазеховъ.) *Праздникъ Мизитхи*: Клады.—Дорогой цвѣтокъ.— Выигранная красавица. — *Праздникъ Шибли*: Ингушъ Сатай. — Отъѣздъ на праздникъ. — Одахорское ущелье.—Опасность. — Кража. — Картина праздника. — Скала грома. — Судъ старшины. — Вызыватель грома.—Пиръ. — *Праздникъ Тлепсу*: — Строгій обрядъ. — *Разсказъ*: Князь Келимъ. — Красавица Ассана. — Праздничная ночь. — Факелъ жрицы.—Избранный счастливецъ. — Жрица Тлепса. — *В. Савинова*.

2. Исторія игорныхъ картъ.

3, Молодость и первая слава Рубини.

4. Калейдоскопъ.

1. *Пиръ въ честь Скриба и Галеви и поваръ Сойеръ.* — *Черная Малибранъ.* — *Полетъ на воздухъ на Пегасѣ.*

IX. БАЛАГУРЪ.

Сплетня. (Куплеты изъ новаго водевиля).— *А. Туманова.* **Пародія.** Картина. — *Н. Суслова.*— **Одиннадцать анекдотовъ.—Остроты французской актрисы Дежазе.**

—

№ 8 РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ — будетъ приложенъ къ слѣдующей книжкѣ.

———

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЯДЯ ВЪ ХЛОПОТАХЪ

или

КТО НА КОМЪ ЖЕНАТЪ?

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

Н. В. Самойловой.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ЛИЦА.

	Актеры.
Александръ Алексѣевичъ Холмогоровъ, Костромской помѣщикъ.	*г-нъ Мартыновъ.*
Алексѣй Михайловичъ Шумскій, племянникъ его.	*г-нъ Самойловъ.*
Василій Сергѣевичъ Зорьевъ.	*г-нъ Максимовъ.*
Вѣра Петровна, жена Алексѣя Михайловича.	*г-жа Самойлова* 2.
Наденька Ольгина.	*г-жа Самойлова* 1.

Дѣйствіе происходитъ въ Костромѣ, въ помѣстьи Холмогорова.

—

Театръ представляетъ залу, убранную по старинному; съ портретами.

I.

НАДЕНЬКА ОЛЬГИНА, АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ и ВѢРА ПЕТРОВНА, (входя съ боязнію).

Вѣра Петровна. Какъ, и тутъ никого?

Наденька. Это странно!... выходимъ изъ кареты — никто не встрѣчаетъ насъ, идемъ въ домъ и тутъ ни души; это похоже на необитаемой островъ.

Алексѣй Михайловичъ. Это меня удивляетъ.... Дядюшка былъ болѣнъ при смерти, вѣроятно всѣ слуги собрались въ его комнатѣ. Извините, если я васъ оставлю на нѣсколько минутъ, чтобъ узнать, наконецъ, что здѣсь происходитъ? (*Уходитъ.*)

—

II.

НАДЕНЬКА и ВѢРА ПЕТРОВНА.

Наденька. Вотъ примѣрное несчастіе! Надобно-же было скакать и день и ночь въ деревню, и совсѣмъ тѣмъ даже не успѣть проститься съ дядюшкой. Мнѣ говорили, что онъ былъ подверженъ мнимымъ болѣзнямъ, и что въ продолженіе, года, четыре мѣсяца писалъ духовныя завѣщанія, а прочіе мѣсяцы лечился и дошелъ до того, что лекаря помѣстилъ въ верхнемъ этажѣ.

Вѣра Петровна. Но впрочемъ онъ былъ удивительный человѣкъ, прекрасныхъ правилъ, самой строгой нравственности, въ особенности уважалъ строгія правила въ супружеской жизни, честенъ, добръ. (*Почти со слезами.*) Жаль, очень жаль.

Наденька. Не грусти, мой другъ.

Вѣра Петровна. Меня одно безпокоитъ: дядюшка не зналъ, что я вышла замужъ за его племянника, желаніе его было женить Алекси на тебѣ; на этомъ условіи, онъ только дѣлалъ его наслѣдникомъ своего имѣнія.

Наденька. Да, я это знаю; бывъ другомъ моего отца, онъ хотѣлъ меня обогатить: это прекрасно и я весьма ему благодарна, но онъ никогда не могъ принудить меня быть его наслѣдницею.

Вѣра Петровна. О! я никогда незабуду великодушной жертвы твоей.

Наденька (*весело*). Эта жертва не такъ велика, мой другъ, какъ ты представляешь.... если-бы твой Алекси былъ и свободенъ, то.... все же....

Вѣра Петровна. Возможно-ли!... Неужели любовь къ другому?...

Наденька. Да, мой другъ, я отъ тебя ничего не скрою. Два года тому назадъ встрѣтила я у тетушки молодаго человѣка съ прекрасною наружностію. Мнѣ нравилась его веселость, легкій умъ; сначала мы шутя проводили время, замѣчали странности мужчинъ, смѣялись надъ вѣтренностію женщинъ и наконецъ:

Онъ въ страсти нѣжной мнѣ открылся,
И я клялась любить его;
Но вдругъ, къ несчастію, онъ скрылся,
Не объяснивъ мнѣ ничего.
Объ немъ я искренно жалѣю,
И хоть не встрѣчусь съ нимъ опять:
Его забыть я не умѣю
И буду въ сердцѣ сохранять!

Вѣра Петровна. И съ тѣхъ поръ ты нигдѣ его не встрѣчала?

Наденька. Нигдѣ.

—

III.

Тѣже и Алексѣй Михайловичъ вбѣгаетъ.

Алексѣй Михайловичъ. Вообразите, какое неожиданное обстоятельство.

Вѣра Петровна и Наденька (*вмѣстѣ*). Дядюшка умеръ?

Алексѣй Михайловичъ. Здоровъ.... и съ четырехъ часовъ утра отправился на охоту.

Наденька (*съ радостію*). Ну, слава Богу!

Алексѣй Михайловичъ. Выслушайте меня. Три дня тому назадъ, посланный отъ моего дядюшки привезъ мнѣ это письмо.

Наденька (*съ любопытствомъ*). Что-жъ онъ пишетъ?

Алексѣй Михайловичъ. Вотъ что: «Любезный племянникъ! «я приближаюсь къ концу дней моихъ и пишу къ тебѣ съ одра бо«лѣзни. Женись на Наденькѣ Ольгиной и пріѣзжай поскорѣе, пока «я навсегда не разстался съ міромъ. Ты знаешь, что отецъ ея «оказалъ мнѣ важную услугу по торговлѣ, и при кончинѣ своей «убѣждалъ меня устроить дочь его. Чрезъ три дня ожидаю тебя «съ женой. Не медли; если не пріѣдешь, то пѣняй на себя. Любящій «тебя дядя *Холмогоровъ*.»

Наденька (*торопливо*). Что-жъ вы отвѣчали ему?

Алексѣй Михайловичъ. Я отвѣчалъ.... что вчера женился.... на васъ.

Наденька (*испуганная*). Какъ на мнѣ?

Вѣра Петровна. Возможно-ли?

Алексѣй Михайловичъ. И по его приказанію отправился въ деревню.

Наденька. Помилуйте, Алексѣй Михайлычъ! да это ни съ чѣмъ не сообразно.

Алексѣй Михайловичъ. Я думалъ, что дядюшка при смерти, и хотѣлъ представить васъ, какъ жену мою.

Наденька. Боже мой! Что-же вы это сдѣлали? и какъ-же вы меня не предупредили?

Алексѣй Михайловичъ. Я боялся отказа.

Наденька. Вотъ прекрасно, боясь отказа, вы завезли меня за тысячу верстъ, и теперь, конечно, вы вправѣ принудить меня согласиться. Могу ли я узнать, какую же роль вы изволили назначить вашей супругѣ?

Алексѣй Михайловичъ. Роль нѣжной и неразлучной подруги. Представьте-же мое положеніе: что я долженъ дѣлать? Остается сѣсть въ карету и скакать обратно въ Петербургъ.

Наденька (*очень весело*). Ха, ха, ха, все придумано мастерски! Я воображаю, какъ вы теперь будете суетиться, выворачиваться, лгать, боясь не проговориться, ха, ха, ха.... Надо признаться, не желала-бы я быть на вашемъ мѣстѣ.... Ха.... ха.... ха....

Алексѣй Михайловичъ. Вы смѣетесь, а я въ отчаяніи!

Наденька (*смѣясь*). Плачьте вы, господинъ выдумщикъ, а ужъ мнѣ позвольте посмѣяться отъ души: ха, ха, ха! Но успокойтесь, я помогу вамъ выдти изъ этого лабиринта, въ которой вы насъ завели.... ха.... ха.... ха.... Однако надо приняться серьезно за это дѣло.

Вѣра Петровна (*со страхомъ*). Мое мнѣніе лучше всего упасть къ ногамъ дядюшки и признаться ему во всемъ.

Наденька (*съ притворнымъ страхомъ*). За чѣмъ-же упасть? можно ушибиться, а ставъ на колѣна, прокричать плачевнымъ голосомъ: Дядюшка; смягчитесь страданіями нашими!... Главное, чтобъ слышно было *страданіями нашими*.... Вѣдь насъ много страдаетъ: я страдаю, ты страдаешь, онъ страдаетъ.... Онъ-то главное страдаетъ.... ха, ха, ха!... Напротивъ, друзья мои, признаніе это испортитъ все дѣло. Онъ вспыльчивъ, горячъ, упрямъ.

Алексѣй Михайловичъ. Но....

Наденька (*шутливо*). Нѣтъ; ваше но.... ужъ опоздало, вы оба

теперь никуда не годитесь, я спокойнѣе васъ и, если вы мнѣ вполнѣ ввѣритесь, то я возьмусь за ваше дѣло.

Алексѣй Михайловичъ. Дѣлайте, что хотите, только вывыручите насъ изъ бѣды.

Наденька. Во-первыхъ, дядюшка вашъ любитъ деревенскую жизнь; я напротивъ, притворюсь легкомысленной, вѣтренной, кокеткой. А ты, Вѣра, поступай совсѣмъ иначе, старайся ему услуживать, и когда онъ выведенъ будетъ мной изъ терпѣнія.... тогда.... (*За сценой слышенъ ударъ хлыста*).

Алексѣй Михайловичъ. Тсъ.... Дядюшка возвратился съ охоты; ступайте въ свою комнату, а я приготовлю его принять васъ.

Наденька. Смѣлѣй, друзья мои.... конецъ вѣнчаетъ дѣло. (*Уходитъ.*)

—

IV.

Алексѣй Михайловичъ и Холмогоровъ, въ охотничьемъ платьѣ.

Холмогоровъ. Гдѣ? гдѣ, изволите видѣть, мои любезные дѣти?

Алексѣй Михайловичъ. Дядюшка! милый дядюшка!

Холмогоровъ. Здравствуй, мой другъ! Здравствуйте.... но гдѣже, изволите видѣть, жена твоя?

Алексѣй Михайловичъ. Она пошла переодѣться съ дороги. Вы знаете, дядюшка, что жена моя любитъ пощеголять.

Холмогоровъ. Э! братецъ, вотъ изволите видѣть, не люблю этихъ церемоній, развѣ она меня не знаетъ? я люблю, изволите видѣть, чтобъ у меня было просто.

Алексѣй Михайловичъ. И Вѣра Петровна, о которой я вамъ писалъ, съ нами пріѣхала.

Холмогоровъ. Тѣмъ лучше. Друзья ваши будутъ моими друзьями, я вѣдь знаю и родителей Вѣры Петровны; а я, съ своей стороны, познакомлю васъ съ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, съ философомъ, мудрецомъ — въ двадцать пять лѣтъ. Это вотъ, изволите видѣть, по вашему говориться фаэтонъ нашего времени.

Алексѣй Михайловичъ. Феноменъ, хотите вы сказать.

Холмогоровъ. Да, да, феноменъ. Сосѣдъ по деревнѣ; мы познакомились съ нимъ на охотѣ; между нами будь сказано, записной врагъ женщинъ; мы съ нимъ сегодня объѣздили около десяти верстъ.

Алексѣй Михайловичъ. И такъ, дядюшка, вы теперь совершенно здоровы?

Холмогоровъ (*притворяясь слабымъ*). Этого нельзя сказать.... Я вотъ, изволите видѣть, не знаю, что со мною дѣлается: если я стою, то хочется сѣсть, если сяду, то хочется лечь, а если лягу, то встать не хочется; но совсѣмъ тѣмъ, я очень благодаренъ моей болѣзни, безъ нея ты бы вѣрно не женился.

Алексѣй Михайловичъ. Но, дядюшка.

Холмогоровъ. Ага, повѣса.... Ты жалѣешь холостую жизнь?

Алексѣй Михайловичъ. Увѣряю васъ, что я давно ее оставилъ.

Холмогоровъ. Я знаю, вотъ изволите видѣть, что ты любилъ блестящій свѣтъ, вдавался во всякія дурачества, а главное губили тебя оперы да балеты, вотъ гдѣ сидятъ эти балеты, со всѣмъ кордебалетомъ. (*Показывая на затылокъ.*) Погоди, дружокъ, я препоручу тебя новому моему другу, ты услышишь, какъ разсуждаетъ онъ о ничтожествѣ и превратности нашей жизни. Но вотъ онъ и самъ, очень кстати.

—

V.

ТѢЖЕ и ЗОРЬЕВЪ.

Зорьевъ. Никакъ не могъ догнать проклятаго зайца.

Холмогоровъ. Изволите видѣть, почтеннѣйшій мой, рекомендую тебѣ моего племянника.

Алексѣй Михайловичъ. Базиль Зорьевъ!

Зорьевъ. Тебя-ли я вижу?

Холмогоровъ. Да вы знакомы? вотъ изволите видѣть!

Зорьевъ. Да, мы вмѣстѣ съ нимъ служили.

Алексѣй Михайловичъ. Такъ это знаменитый философъ, о которомъ вы сейчасъ говорили?

Холмогоровъ. Онъ самый.

Алексѣй Михайловичъ (*смѣясь*). Ха, ха, ха! да онъ былъ у насъ первый повѣса.

Холмогоровъ. Тише.... тише, племянникъ, уважай моего сосѣда.

Алексѣй Михайловичъ. Я представить себѣ не могу, чтобъ послѣ нашей восьмилѣтней разлуки онъ могъ такъ перемѣниться.

Зорьевъ. Страданія, мой другъ, сердечныя страданія убили меня; но оставимъ это.... А ты, искатель сильныхъ ощущеній, всели еще попрежнему поживаешь?

Холмогоровъ. Онъ женатъ.

Зорьевъ. Женатъ! Несчастный смертный!...

Холмогоровъ. Какъ? изволите видѣть, неужели супружество....

Зорьевъ. Супружество собратія мои глубокомысленныя почитаютъ главнымъ основаніемъ благополучія земнаго. Что я не женатъ, вы этому не удивляйтесь. Я нашелъ одну, чудо красоты, кротости, постоянства, былъ уже назначенъ и день свадьбы; но къ несчастію, ея отецъ обѣщалъ ея руку другому и, противъ воли всѣхъ родныхъ, — меня учтиво выпроводили. Я не устрашился и вооружился твердостью, надѣясь, что обстоятельства какъ нибудь перемѣнятся. Мы поклялись другъ другу въ взаимной страсти.... Увы! на другой день я долженъ былъ отправиться по казенной надобности на шесть мѣсяцевъ. Въ продолженіе этого времени я писалъ къ предмету моей страсти, но ни на одно письмо не получалъ отвѣта. Возвратясь, лечу къ ней — узнаю, что отецъ ея умеръ, что съ нѣкотораго времени посѣщалъ ее часто молодой человѣкъ и.... въ одинъ день они безъ вѣсти пропали. Тогда, проклиная женщинъ, жизнь, свѣтъ, все, что мнѣ ни попадалось, я удалился въ деревню, гдѣ счастливый случай свелъ меня съ мудрецомъ (*показывая на Холмогорова*), котораго умъ и бесѣда озаряютъ меня; съ нимъ паря въ страны эѳирныя, наслаждаемся всей прелестію бытія, сами собой и природой....

Алексѣй Михайловичъ (*всторону*). Какъ вретъ-то! Я очень радъ, мой другъ, что ты поселился здѣсь; мнѣ надо многое пересказать тебѣ.

Холмогоровъ. Я оставлю васъ, изволите видѣть; вы можете возобновить старое знакомство; я скоро возвращусь. Нетерпѣніе видѣть мою племянницу лишаетъ меня удовольствія, изволите видѣть, побесѣдовать съ вами.

—

VI.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ и ЗОРЬЕВЪ.

Алексѣй Михайловичъ (*поворотивъ его*). Взгляни-ка теперь на меня.

Зорьевъ. А что?

Алексѣй Михайловичъ. Что съ тобою сдѣлалось? неужели и въ самомъ дѣлѣ ты помѣшался?

Зорьевъ. Ты слышишь истину. Я навсегда простился съ свѣтомъ, а женщинъ — я просто видѣть не могу.

—

VII.

ТѢЖЕ и ВѢРА ПЕТРОВНА.

Зорьевъ. Какая прелестная женщина! не она-ли твоя жена?

Алексѣй Михайловичъ. Нѣтъ, она.... другъ моей жены....

Зорьевъ. Знаешь-ли, что?... Она мила, даже очень мила, представъ меня ей....

Алексѣй (*тихо ему*). Да вѣдь ты видѣть не можешь женщинъ, а тутъ тотчасъ разглядѣлъ, что она мила; впрочемъ, изволь. Вѣра Петровна, честь имѣю представить господина Зорьева, великаго философа, славящагося ненавистью своею къ женщинамъ.

Зорьевъ (*Алексѣю Михайловичу*). Помилуй, кто-же такъ рекомендуетъ! Не вѣрьте, сударыня, ненавидѣть женщинъ есть ужасное преступленіе; напротивъ, я всегда былъ первый поклонникъ прекраснаго пола.

Вѣра Петровна. И судя по вашему виду, трудно повѣрить, чтобъ онѣ были къ вамъ жестоки.

Зорьевъ (*всторону*). Какой умъ....

Алексѣй Михайловичъ (*тихо женѣ*). Не вѣрь ему, это сумазбродъ.

Зорьевъ. Повѣрьте, сударыня, что я вполнѣ умѣю цѣнить высокій умъ, любезность, при красотѣ, которой такъ щедро надѣлила васъ природа.

Алексѣй Михайловичъ (*всторону*). Прошу покорно, какъ онъ перемѣнился! Это становится опасно. (*Женѣ.*) Не говори ему ничего о нашей тайнѣ.

Зорьевъ (*Алексѣю Михайловичу*). Она просто прелестна.

Алексѣй Михайловичъ (*съ досадой*). Да, она недурна. (*Всторону*). Вотъ сюда дядюшка идетъ, а то-бы я не выдержалъ.

—

VIII.

ТѢЖЕ, ХОЛМОГОРОВЪ И НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Холмогоровъ. Поди, любезная племянница, поди, взоромъ однимъ порази дерзкаго порицателя женщинъ.

Наденька. Мы возторжествуемъ, дядюшка; преступникъ будетъ наказанъ, я докажу ему.

Холмогоровъ. Вотъ онъ самъ передъ тобою.

Зорьевъ (*вскрикиваетъ*). Надежда Александровна!

Наденька. Зорьевъ!!

Зорьевъ. Какъ, мой другъ, это жена твоя?

Алексѣй Михайловичъ. Да, это она.

Наденька. Ахъ, что мнѣ дѣлать, что онъ подумаетъ?

Вѣра Петровна. Что значитъ твое смущеніе?

Наденька. Ахъ, мой другъ, ты не знаешь....

Зорьевъ. Такъ вотъ причина ея отъѣзда, коварная, хитрая женщина....

Алексѣй Михайловичъ. Чтожъ ты ничего не скажешь любезнаго женѣ моей? не правда-ли, она очаровательно мила?

Зорьевъ. Да.... я нахожу.... что (*всторону*) Нѣтъ силъ, я задыхаюсь.

Холмогоровъ. Ты не удивляйся, мой другъ, что онъ такъ встревоженъ. Онъ, изволите видѣть, влюбленъ въ какую-то вѣтренницу и подозрѣваетъ ее въ измѣнѣ.

Зорьевъ (*съ досадой*). Я подозрѣваю? Я увѣренъ, увѣренъ совершенно! (*Смотря на Наденьку*).

Наденька. Иногда наружность обманчива, г-нъ Зорьевъ.

Зорьевъ (*взбѣшенный*). Неслыханное вѣроломство!...

Холмогоровъ. Стало быть, ты получилъ извѣстіе?

Зорьевъ. Сейчасъ, сію-минуту.

Холмогоровъ. Это дѣло другое.... тебѣ измѣнили, ты въ этомъ убѣдился, — баста. Не крушись; вотъ изволите видѣть, забудь и полюби другую.... Вотъ какъ мы жупровали бывало, я былъ вотъ, изволите видѣть, фаэтонъ своего времени, тфу, чортъ возьми, феноменъ, хотѣлъ я сказать.

Наденька (*тихо ему*). Дядюшка, что это вы ему совѣтуете?

Зорьевъ (*съ досадою*). Знаете-ли, Александръ Алексѣевичъ, за этотъ совѣтъ я вамъ очень благодаренъ: я воспользуюсь имъ въ полномъ смыслѣ этого слова.

Холмогоровъ. Браво.... философъ.... Что-же касается до тебя, племянница, я сдѣлалъ вамъ сюрпризъ, выстроилъ вамъ хижину, она отдалена отъ жилья, въ ней одна только комната; но эта комната сущій рай.

Наденька (*дядѣ*). Но.... дядюшка, я никогда съ подругой своей не разлучаюсь.

Холмогоровъ. Нѣтъ, изволите видѣть, этого не будетъ.... я и слышать не хочу! Что это: мужъ въ сторону, а жена въ другую.

Вотъ комната для твоей подруги. Неправда-ли, Василій Сергѣевичъ?

Зорьевъ. Правда, правда.... сударь.

Холмогоровъ. Да что съ тобой сдѣлалось, ты такъ грозно смотришь на мою племянницу?

Наденька (*шутливо*). Что вы, дядюшка, я сегодня въ первый разъ имѣю удовольстіе видѣть г-на Зорьева, и онъ не можетъ имѣть никакой причины на меня сердиться.

Зорьевъ (*сердясь и скрывая*). Напротивъ, я вамъ очень обязанъ.

Холмогоровъ. Хорошо, хорошо, я вѣдь пошутилъ; да, я и забылъ, что вы не видали моего звѣринца, моихъ рощей, моихъ, изволите видѣть, луговъ. Пойдемъ, милая племянница, между прочимъ, мы заглянемъ и въ хижину. А ты, Василій Сергѣевичъ, не пойдешь?

Зорьевъ. Извините.... я тотчасъ буду къ вамъ.

Наденька (*всторону*). Еслибъ я могла вывесть его изъ заблужденія!

Холмогоровъ (*Вѣрѣ Петровнѣ*). Сударыня! вотъ ваша комната, если хотите заглянуть въ нее, прошу васъ, будьте, какъ у себя. (*Уходятъ.*)

—

IX.

ЗОРЬЕВЪ И АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Зорьевъ (*ходитъ по сценѣ въ волненіи*). Можетъ-ли быть что ужаснѣе этого?

Алексѣй Михайловичъ. Зорьевъ! что съ тобой сдѣлалось? Ты въ отчаяніи?

Зорьевъ (*сжимая ему руку*). Прощай, мой другъ, прощай; я ѣду.

Алексѣй Михайловичъ. Что это значитъ! куда?

Зорьевъ. Въ Петербургъ.

Алексѣй Михайловичъ. За чѣмъ?

Зорьевъ. Я не могу здѣсь долѣе оставаться, не могу.... и не могу.

Алексѣй Михайловичъ. А я не могу тебя отпустить, не могу и не могу, не узнавъ причины такой поспѣшности.

Зорьевъ. Нельзя, это тайна.

Алексѣй Михайловичъ. Пустяки, мой другъ; между друзьями тайнъ не бываетъ.

Зорьевъ. Для твоего спокойствія, не спрашивай меня; но какъ благородный человѣкъ, я долженъ ѣхать.

Алексѣй Михайловичъ. Нѣтъ, Зорьевъ, какъ ты хочешь, я не выпущу тебя отсюда, и ты долженъ сказать.

Зорьевъ. Ты требуешь, изволь.... Та, которую я любилъ и которая такъ жестоко обманула.....

Алексѣй Михайловичъ. Ну....

Зорьевъ. Жена твоя.

Алексѣй Михайловичъ. Моя жена? ха, ха, ха! (*Всторону.*) Вотъ хорошо! Бѣдный Зорьевъ!

Зорьевъ. Теперь ты самъ видишь, что я долженъ я ѣхать.

Алексѣй Михайловичъ. Напротивъ, ты долженъ остаться; глупо приходить въ отчаяніе отъ такой бездѣлицы, а что касается до меня, ты меня нимало не огорчаешь.

Зорьевъ. Ты шутишь?

Алексѣй Михайловичъ. Какія шутки! Полно дурачиться— останься.

Зорьевъ. Доказать ей мою холодность, а то она подумаетъ, что я уѣхалъ съ отчаянія! (*Алексѣю.*) Рѣшено, я остаюсь! Благодарю тебя, мой другъ, за довѣренность, а я между тѣмъ воспользуюсь совѣтомъ Александра Алексѣевича, то-есть, займусь другой. Вѣра Петровна свободна, молода, прекрасна....

Алексѣй Михайловичъ (*въ испугѣ*). Что ты говоришь? (*Всторону.*) Моей-то женой, слуга покорный?—

Зорьевъ (*скоро*). Я влюбленъ.

Алексѣй Михайловичъ. Не можетъ быть.

Зорьевъ. Я безъ памяти отъ нея.... она меня очаровала.

Алексѣй Михайловичъ. Такъ скоро?

Зорьевъ. Она взглянула и этимъ взоромъ приковала меня навѣки. Я увѣренъ, ты мнѣ поможешь.

Алексѣй Михайловичъ. Хорошъ гусь, съ чѣмъ подъѣхалъ.... Помилуй, какъ это можно?

Зорьевъ. Для друга сдѣлать все можно, тѣмъ болѣе, что ты, какъ кажется, у нея въ довѣренности; скажи ей о моемъ состояніи, о нравѣ, скажи, что я нѣженъ, вѣренъ, молчаливъ....

Алексѣй Михайловичъ. Нѣтъ, вотъ этого не скажу.... я люблю правду; зная Вѣру Петровну, скажу тебѣ откровенно: я нехочу, чтобъ ты женился.

Зорьевъ. Почему?

Алексѣй.

Она бѣдна.

ЗОРЬЕВЪ.

Тѣмъ лучше.

АЛЕКСѢЙ.

Она дурна.

ЗОРЬЕВЪ.

Нѣтъ нужды.

АЛЕКСѢЙ.

Она глупа.

ЗОРЬЕВЪ.

Тѣмъ лучше.

АЛЕКСѢЙ.

Она горда.

ЗОРЬЕВЪ.

Нѣтъ нужды.

АЛЕКСѢЙ.

Капризна, даже зла!

ЗОРЬЕВЪ.

Такая быть должна!

АЛЕКСѢЙ.

Взыскательна, смѣшна!

ЗОРЬЕВЪ.

Прелестная жена!

Алексѣй Михайловичъ (*всторону*). Ничѣмъ не вразумишь! (*Горячо*). А я тебѣ говорю, что если ты будешь искать случая объясниться ей въ любви, она тебя возненавидитъ, она женщина холодная, безчувственная, любитъ больше разсудкомъ, такъ ты представь себѣ, можешь-ли ты ей нравиться! Прощай! (*Уходитъ.*)

—

X.

ЗОРЬЕВЪ, одинъ.

Что это значитъ, что онъ такъ горячо защищаетъ ее? Я пойду наперекоръ всѣмъ.

На зло-же всѣмъ въ нее влюблюсь,
И этимъ отомщу ужасно.
Удастся — я на ней женюсь,
А не не удается — и прекрасно!
За чѣмъ-же мнѣ лишь суждено
Испытывать: капризъ, кокетство....
Философомъ быть мудрено
Когда любезничать есть средство.

—

XI.

ЗОРЬЕВЪ И ВѢРА ПЕТРОВНА.

Вѣра Петровна. Извините, я думала, что Алексѣй Михайловичъ здѣсь. (*Хочетъ уйти*).

Зорьевъ. Онъ только что вышелъ отсюда; но вы уходите?

Вѣра Петровна. Я боюсь....

Зорьевъ (*перебивая*). Остаться со мною?

Вѣра Петровна. Нѣтъ, нарушить ваше уединеніе.

Зорьевъ. Напротивъ, сударыня, вашимъ присутствіемъ вы только украсите его.

Вѣра Петровна. Васъ-ли я слышу? Вы вѣдь поклялись въ вѣчной ненависти къ нашему полу?

Зорьевъ. Вы удивляетесь? Да, я ненавижу женщинъ легкомысленныхъ, непостоянныхъ; но я цѣню добродѣтель, чувствительность и, увидя васъ, кто-жъ не перемѣнитъ своихъ мнѣній въ лучшую сторону.

Вѣра Петровна (*всторону*). Какая досада, что я немогу ему открыть нашей тайны, онъ пересталъ-бы надоѣдать мнѣ своими комплиментами.

Зорьевъ. Женщины для насъ загадка, часто подъ прелестною наружностью скрывается душа холодная, безчувственная.

Вѣра Петровна (*шутливо*). Ого! какое сильное предубѣжденіе. Мнѣ кажется, что ваша философія васъ обманываетъ.

Зорьевъ. Я даже увѣренъ въ этомъ.

Вѣра Петровна. Извините, я заступлюсь.

Зорьевъ (*съ восторгомъ*). Какъ, любовь и нѣжность могутъ тронуть ваше сердце?

Вѣра Петровна (*удивленная*). Мое сердце?

Зорьевъ (*всторону*). Она смущается.... вздыхаетъ.... не могу болѣе преодолѣть себя (*бросаясь на колѣна*). Вѣра Петровна! Я люблю васъ. Я молодъ, имѣю двадцать тысячъ въ годъ дохода, свободенъ. Произнесите одно слово и я счастливѣйшій изъ людей.

Вѣра Петровна (*съ испугомъ*). Возможно-ли, сударь! что вы дѣлаете? Встаньте....

—

XII.

ТѢЖЕ И АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ, вбѣгая.

Алексѣй Михайловичъ. Вотъ положеніе! видѣть и не имѣетъ возможности остановить несноснаго волокиту! Будь проклятъ тотъ часъ, въ который я выдумалъ эту комедію.

Зорьевъ. Поздравь меня, другъ мой, все кончено....

Алексѣй Михайловичъ. Какъ, все кончено?...

Зорьевъ. Я люблю Вѣру Петровну, она меня любитъ, мы любимъ другъ друга, вы будете любить насъ, а мы будемъ любить васъ.

Алексѣй Михайловичъ (*разсердясь*). Что мы-то будемъ-ли любить васъ, это мы еще увидимъ, а почему ты знаешь, что она тебя любитъ? Кто это тебѣ сказалъ?

Зорьевъ (*Алексѣю Михайловичу*). Ея смущеніе, ея трепетъ, я безъ ума отъ радости. Теперь у меня до тебя есть просьба: такъ-какъ жена твоя дружна съ Вѣрой Петровной и ты, какъ короткій ея знакомый, посовѣтуйте ей немедленно рѣшиться. Будь другъ, устрой мое счастіе.

(*Откланивается и уходитъ.*)

—

XIII.

ВѢРА ПЕТРОВНА и АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Алексѣй Михайловичъ (*сердясь*). Прекрасно, сударыня....

Вѣра Петровна. Что̀, мой другъ?

Алексѣй Михайловичъ. Васъ нисколько не удивилъ поступокъ господина Зорьева? И наконецъ, довольны-ли вы изъясненіемъ его?

Вѣра Петровна (*обидясь*). Какъ ты могъ подумать?

Алексѣй Михайловичъ. Что тутъ думать.... я видѣлъ и слышалъ все очень хорошо. Это не новость. Женщинамъ всегда пріятно слушать пошлыя увѣренія въ любви.

Вѣра Петровна. Что̀-же я могла ему отвѣчать? Онъ не далъ мнѣ сказать ни одного слова.

Алексѣй Михайловичъ (*живо*). Полноте, сударыня, если только женщина захочетъ, она всегда заставитъ себя уважать. Господинъ Зорьевъ прекрасный молодой человѣкъ, но онъ сумасбродъ, который....

Вѣра Петровна (*съ достоинствомъ*). Довольно, сударь! Положеніе, въ которое вы меня поставили, было причиною всѣхъ неудовольствій. Я не менѣе васъ оскорблена и потому не заслуживаю подобныхъ упрековъ. (*Плачетъ.*)

Алексѣй Михайловичъ (*опомнясь*). Вѣра! другъ мой.... прости меня, ты видишь, я сумасшедшій, я оскорбилъ тебя, я не

знаю, что со мною сдѣлалось, я на колѣнахъ готовъ просить у тебя прощенія за минутную мою вспыльчивость.

Вѣра Петровна. Ты даже не хотѣлъ меня выслушать.

Алексѣй Михайловичъ. Въ знакъ примиренія — одинъ поцѣлуй.

Вѣра Петровна. Вы-бы не стоили его, негодный ревнивецъ; но я васъ прощаю. (*Цѣлуетъ его.*)

—

XIV.

ТѢЖЕ и ДЯДЯ.

Холмогоровъ (*съ ужасомъ вскрикиваетъ*). Что я вижу! ай да племянникъ!

Алексѣй Михайловичъ. Дядюшка!

Вѣра Петровна. Мы пропали!

Холмогоровъ. Продолжай, продолжай.... Еще только три дня, какъ ты женатъ — и тебѣ не стыдно, безнравственный человѣкъ!

Алексѣй Михайловичъ. Дядюшка, не подумайте....

Холмогоровъ. Что тутъ думать, изволите видѣть, на лицо улика, цѣловаться изволите.

Алексѣй Михайловичъ. Клянусь вамъ....

Холмогоровъ. Молчать!... а вы, сударыня, вотъ изволите видѣть, какъ платите за дружбу племянницѣ моей. Разстроивать семейное счастіе, это неприлично, непростительно.

Вѣра Петровна (*всторону*). Боже мой! что я должна переносить! долго-ли продолжиться это несчастіе? Это невыносимо!

Алексѣй Михайловичъ. Дядюшка! позвольте мнѣ объяснить вамъ....

Холмогоровъ (*разсердясь еще болѣе*). Не хочу никакихъ объясненій. (*Ему.*) Она не должна здѣсь долѣе оставаться.

Алексѣй Михайловичъ (*всторону*). Новая бѣда! если онъ отправитъ жену мою!

Холмогоровъ (*Вѣрѣ Петровнѣ*). Сударыня, я получилъ сегодня письмо отъ вашихъ родителей, они просили меня не задержать васъ здѣсь, тѣмъ болѣе, что отсутствіе ваше тамъ такъ замѣтно, и я тотчасъ прикажу приготовить все къ вашему отъѣзду.

Вѣра Петровна (*Алексѣю*). Что дѣлать?

Алексѣй Михайловичъ (*сердясь*). Я не позволю.... Я.... Помилуйте, дядюшка, это невозможно.

Холмогоровъ (*повелительнымъ тономъ*). Это должно. Вы отправитесь въ коляскѣ, вотъ изволите видѣть, съ вѣрнымъ человѣкомъ.

Алексѣй Михайловичъ. Воля ваша, дядюшка, этого нельзя сдѣлать, я обѣщалъ родителямъ Вѣры Петровны возвратиться вмѣстѣ съ нею и я долженъ самъ ее проводить.

Холмогоровъ. Вы слышите.... я сказалъ, что съ вѣрнымъ (*всторону, Алексѣю*), а не съ скверным человѣкомъ, стало быть, не вы проводите. Неугодно-ли, сударыня, пожаловать за мною, я прикажу все приготовить къ отъѣзду.... Такъ-то, дорогой мой племянничекъ, шагу не дамъ сдѣлать. (*Уходитъ съ Вѣрой Петровной.*)

—

XV.

Алексѣй Михайловичъ, одинъ.

Какой злосчастный духъ принесъ сюда этого Зорьева, онъ все дѣло испортилъ. Кончить эту комедію нѣтъ возможности, дядюшка въ такомъ расположеніи, что съ досады за обманъ готовъ лишить имѣнія. Я совершенно теряюсь.

—

XVI.

Алексѣй Михайловичъ и Наденька.

Наденька. Наконецъ я васъ вижу, Алексѣй Михайловичъ! Какъ хотите, я не могу болѣе играть роль жены вашей и оставлять Зорьева въ такомъ ужасномъ недоразумѣніи.

Алексѣй Михайловичъ. Я самъ въ отчаяніи, Надежда Александровна, заварилъ такую кашу, изъ которой, кажется, вѣкъ не выпутаться; вы еще всего несчастія моего не знаете.

Наденька. Неужели тайна открыта?

Алексѣй Михайловичъ. Нѣтъ, еще хуже. Зорьевъ.... да ужъ хорошъ вашъ Зорьевъ. Онъ-то и надѣлалъ всю эту кутерьму.

Наденька (*нетерпѣливо*). Объяснитесь, что случилось?

Алексѣй Михайловичъ. Вашъ прелестный Зорьевъ.... влюбился въ жену мою.

Наденька. Возможно-ли?

Алексѣй Михайловичъ. Мало того, хочетъ на ней жениться.

Наденька. Это просто злодѣйство! Какъ, не узнавъ причину, оставить, позабыть, влюбиться въ другую? Теперь я увѣрена, что онъ меня никогда не любилъ.... да какъ-же вы это позволяете?..

Алексѣй Михайловичъ. Меня и не спрашивали.... Можетъ-быть, въ эту самую минуту жену мою отправляютъ въ Петербургъ, я бѣгу остановить. (*Уходитъ.*)

—

XVII.

НАДЕНЬКА, сердясь.

А! господинъ Зорьевъ, вы думали, что убили меня своею холодностію, что я приду въ отчаяніе? Напротивъ, сударь, во мнѣ есть гордость и я заставлю васъ раскаяться въ вашемъ поступкѣ.

Вы часто женщинъ упрекали
Въ коварствѣ, хитрости и лжи,
Но одного лишь вы не знали,
Какъ тоже мстительны онѣ.
Я гордость вашу уничтожу,
Холодностью я васъ убью,
Кокетствомъ ревность я умножу —
И я вамъ страшно отомщу.

—

XVIII.

ЗОРЬЕВЪ И НАДЕНЬКА.

Наденька. Вотъ онъ! Посмотримъ, какъ онъ оправдается?

Зорьевъ (*всторону*). Какъ она мила.... Можно-ли подъ такой наружностію скрывать такое лукавое сердце?

Наденька. А это вы, сударь?

Зорьевъ. Я, сударыня.

Наденька. Вы уже оставили новый предметъ вашей страсти?

Зорьевъ. Напротивъ, сударыня, я думалъ, что найду ее здѣсь.

Наденька. Я могу васъ отъ души поздравить съ новой побѣдой.

Зорьевъ. Признаюсь, я отъ нея безъ ума.

Наденька (*съ усмѣшкою*). Какъ вы скоро воспламенились.

Зорьевъ. Въ одинъ мигъ и навсегда.

Наденька. И женитесь?

Зорьевъ. Женюсь, сударыня.

Наденька. И скоро?

Зорьевъ. Не такъ скоро, какъ-бы желалъ.

Наденька. И этотъ бракъ....

Зорьевъ. Основанъ на возможности!

Наденька. Тѣмъ лучше, вы вполнѣ достойны наслаждаться счастіемъ, которое васъ ожидаетъ.

Зорьевъ. Я вамъ очень благодаренъ, а передъ тѣмъ прошу васъ объ одной милости.

Наденька. Что вамъ угодно?

ЗОРЬЕВЪ.

Сказать, какъ я страдаю,
Душею изнываю,
И мигъ тотъ ожидаю,
Увидѣться чтобъ съ ней....

НАДЕНЬКА (*иронически*).

Позвольте мнѣ прибавить,
Что счастіе составить,
Блаженство ей доставить —
Вы поклялися ей?

ЗОРЬЕВЪ.

Нѣтъ, вы неугадали
Мы клятвы не давали,
А только обѣщали
Другъ друга вѣкъ любить.

НАДЕНЬКА.

Вамъ вѣрить невозможно,
Но презирать тѣхъ должно,
Кто клятвой такъ безбожно —
Рѣшается шутить.

Зорьевъ. И послѣ вашего поступка, сударыня, вы можете обвинять меня? Не вы-ли первая нарушили клятву? Доказательство тому — ваше замужество.

Наденька. Если я скажу вамъ въ двухъ словахъ.... я не замужемъ! и для счастія только друзей моихъ я рѣшилась назваться его женою.

Зорьевъ. Возможно-ли? что я слышу!

Наденька. Да, неблагодарный человѣкъ, я была въ отчаяніи, скрывая эту тайну.

Зорьевъ (*въ восторгѣ*). Да я съ ума сойду отъ радости! Наденька! всей жизни моей мало, чтобъ получить себѣ прощеніе.

Наденька (*смѣясь*). На колѣна, сударь, на колѣна.

Зорьевъ. На всю жизнь! (*Падаетъ на колѣна.*)

—

XIX.

ТѢЖЕ И ХОЛМОГОРОВЪ.

Холмогоровъ. Чортъ возьми, еще новая картина.... они играютъ въ очередную!

Зорьевъ. Вотъ бѣда.

Наденька. Мы пропали.

Холмогоровъ. Тамъ мужъ, а здѣсь жена; вотъ, изволите видѣть, чудеса, невиданныя мною. Что это значитъ, г. философъ? А ты, дорогая племянница, свѣтская дама, ты кажется не глуха была?

Наденька (*всторону*). Вотъ удобная минута сдѣлатъ развязку. (*Громко.*) Дядюшка, вы меня оглушили своимъ крикомъ, можно-ли такъ сердиться за бездѣлицу.

Холмогоровъ. Какъ? Вы называете бездѣлицей то, что я считаю для замужней женщины преступленіемъ?

Наденька. Васъ удивило, что мужчина стоялъ на колѣнахъ передъ молодой женщиной?... Развѣ въ первый разъ вы это видите?

Холмогоровъ (*сердясь*). Вотъ, изволите видѣть, какъ поговариваетъ! (*передразнивая.*) Развѣ въ первый разъ вы видите? Самъ стоялъ сто разъ, сударыня, да не передъ замужней, вотъ изволите видѣть; а если я разскажу вашему мужу?

Наденька (*спокойно, улыбаясь*). Хоть сейчасъ, онъ этому нисколько не удивится.

Холмогоровъ. Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ? бездѣлица — домъ съ четырехъ сторонъ загорѣлся!...

Наденька (*смѣясь*). Ха, ха, ха! мнѣ смѣшно вспомнить, дядюшка, что васъ такъ разсердило; какъ видно, что вы живете въ глуши, въ Костромѣ и, признаюсь вамъ откровенно, мнѣ эта деревенская жизнь начинаетъ страшно надоѣдать. Я совсѣмъ не рождена для этой жизни; то-ли дѣло въ столицѣ, въ Петербургѣ, сколько удовольствій: Итальянская Опера, дивная Эльслеръ, балы, катанья, собранія, такъ, что мужу въ продолженіе дня успѣешь сказать только два слова: здравствуй и прощай! а здѣсь, не смотря на ваше хлѣбосольство и желаніе доставить намъ хоть какое нибудь удовольствіе, скучно, скучно и скучно, и я не могу переносить долѣе, какъ вамъ угодно.

Холмогоровъ (*остолбенѣвъ*). Я-ли это слышу, и мнѣ-ли говорятъ? То-ли счастіе я обѣщалъ моему племяннику?

Наденька. Такъ вы думаете, что я сдѣлала несчастнымъ вашего племянника? Зачѣмъ дѣло стало, вѣдь это ваше желаніе

было соединить насъ, можно по вашему-же желанію и развести. Мы не рождены другъ для друга.

Холмогоровъ (*въ гнѣвѣ*). Развести? Такъ знайте-же, сударыня,

Я къ вашимъ штукамъ питерскимъ,
Нимало не привыкъ,
Къ манерамъ вашимъ рыцарскимъ
Не годенъ—я старикъ.
Вы знаете, что нравственность
Дороже мнѣ всего.
А ваша безхарактерность
Дошла ужъ до чего?
И потому прошу я васъ
Оставить этотъ домъ,
Который вы, какъ кажется,
Поставите вверхъ дномъ.

Да знаете-ли вы, петербургская вертушка, что во всей моей фамиліи не было подобнаго скандала. Пробабушка моя жила 45 лѣтъ въ совершенномъ согласіи, бабушка 70 и матушка 63 года. Наконецъ я прожилъ 58 лѣтъ съ моей покойной женой и между нами не было ни ссоръ, а ужъ подобнаго соблазна здѣсь и не слыхивали! Вы осрамили весь мой родъ.... и потому я желаю вамъ счастливаго пути; вертитесь, какъ волчки, на паркетѣ, обманывайте мужей, мотайте имѣніе.... только извините, не мое; теперь я проученъ, знать ничего не хочу! Пока вы живы, не видать племяннику моего имѣнія!

Наденька (*смѣясь*). Увидимъ, увидимъ, дядюшка, только не сердитесь, а то болѣзнь ваша можетъ возвратиться, я лучше васъ оставлю. (*Уходитъ, смѣясь.*)

—

XX.

Холмогоровъ (*падая въ кресла*). Я задыхаюсь отъ досады.

Зорьевъ (*всторону*). Теперь до меня доберется.

Холмогоровъ. Три дня какъ женились,—что-жъ будетъ чрезъ годъ? (*Зорьеву*). А ты, сударь?...

Зорьевъ. Что дѣлать, я человѣкъ; величайшіе люди древнихъ и новыхъ временъ имѣли свои слабости; но чувства мои къ вашей племянницѣ основаны на одной чести.

Холмогоровъ. Дурачь, дурачь другихъ, а я въ просакъ, изволите видѣть, не попадусь.

Зорьевъ. Чтобъ вамъ доказать, что я не думаю о вашей племянницѣ, то сегодня-же женюсь на Вѣрѣ Петровнѣ.

Холмогоровъ. Ты на ней женишься!

Зорьевъ. Я вамъ говорю, сегодня же.

Холмогоровъ. Поздравляю.... (*скоро*) да знаешь-ли ты ее?

Зорьевъ. Какъ самого себя.

Холмогоровъ (*на ухо*). Мнѣ нужно сказать о ней слова два.

Зорьевъ. Я уже все обдумалъ.

Холмогоровъ (*постепенно сердясь*). Я не хочу, чтобъ она тебя обманула.

Зорьевъ. Будьте спокойны.

Холмогоровъ. Я вамъ говорю, что я ее засталъ здѣсь....

Зорьевъ. Знаю все....

Холмогоровъ. Ну, такъ лѣшій съ тобою, о вкусахъ спорить нельзя, всѣ вѣрно любятъ модныя украшенія. Хорошъ, очень хорошъ; и такъ, какъ это уже рѣшено, то прошу тотчасъ-же отправиться въ Петербургъ.

Зорьевъ. Очень хорошо, сударь, мы ѣдемъ.

Холмогоровъ. Я велѣлъ заложить мою коляску, она готова, поторопитесь.

Зорьевъ. Позвольте мнѣ прижать васъ къ моему сердцу, никто не отпускалъ такъ гостей своихъ какъ вы. (*Зорьевъ уходитъ.*)

Холмогоровъ. Тише.... тише, вы меня задушите.

—

XXI.

Холмогоровъ (*одинъ*). Ну, ужъ денекъ! послѣ мирной, спокойной жизни, перенести такое потрясеніе. Вотъ, изволите видѣть.... впрочемъ, это для меня будетъ урокъ, не стану женить безъ согласія, то-есть, не спросясь броду, не сунусь въ воду, а феноменъ-то нашъ какъ оборвался! ха, ха, ха! пишто ему, это всегда такъ бываетъ: кто болѣе всѣхъ ненавидитъ женщинъ, того болѣе всѣхъ и водятъ за носъ. Ха, ха, ха!

—

XXII.

ХОЛМОГОРОВЪ и АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

Алексѣй Михайловичъ (*вбѣгая.*) Дядюшка, гдѣ Вѣра Петровна?

Холмогоровъ. И ты смѣешь меня спрашивать? Ты ее никогда болѣе не увидишь.

Алексѣй Михайловичъ. Бога ради, скажите, гдѣ она?

Холмогоровъ. Ха, ха, ха! въ эту самую минуту летитъ въ Петербургъ. Вотъ изволите видѣть.

Алексѣй Михайловичъ (*въ испугѣ*). Дядюшка! что вы сдѣлали?...

Холмогоровъ. Успокойся, съ ней господинъ Зорьевъ.

Алексѣй Михайловичъ (*въ отчаяніи*). Какъ! дядюшка, Зорьевъ поѣхалъ съ моей женой?... Вы погубили меня, вы заставили увесть мою жену.

Холмогоровъ (*удивясь*). Да ты съ ума сошелъ, что-ли?

Алексѣй Михайловичъ. Онъ влюбленъ въ мою жену!...

Холмогоровъ. Не правда, онъ поѣхалъ жениться на подругѣ жены твоей.

Алексѣй Михайловичъ. Нѣтъ, дядюшка, онъ увезъ жену мою; понимаете-ли, жена моя подруга жены моей, а подруга жены моей жена моя.

Холмогоровъ. Кой чортъ, ты дичь порешь, съ ума, что-ли ты сошелъ?

Алексѣй Михайловичъ. Нѣтъ, дядюшка, не сошелъ, а думаю что сойду.

—

XXIII.

ТѢЖЕ, ЗОРЬЕВЪ, ВѢРА ПЕТРОВНА И НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА.

Зорьевъ. Прежде моего отъѣзда въ Петербургъ, позвольте мнѣ представить вамъ мою невѣсту.

Алексѣй Михайловичъ. Что я слышу?

Холмогоровъ. Позвольте, позвольте! Это не та; что вы? всмотритесь хорошенько, вы ошиблись.

Зорьевъ. Нѣтъ, сударь, тутъ нѣтъ никакой ошибки и я исполню ваше желаніе, женюсь на Надеждѣ Александровнѣ.

Холмогоровъ. Какое желаніе? да я съ ума что-ли сошелъ, чтобъ женить васъ на женѣ моего племянника?

Зорьевъ. Да я и не женюсь на женѣ вашего племянника, а на подругѣ жены вашего племянника.

Холмогоровъ (*въ отчаяніи*). Да нѣтъ, скажите добрые люди, что я помѣшался, что-ли? (*Выходя изъ терпѣнія и схвативъ руку племянника.*) Да цѣловалъ ты кого?

Алексѣй Михайловичъ. Жену мою.

Холмогоровъ (*Зорьеву*). А на колѣнахъ-то ты стоялъ предъ кѣмъ?

Зорьевъ. Предъ подругой жены вашего племянника.

Холмогоровъ. Такъ лѣшій васъ разберетъ; наконецъ разтолкуйте мнѣ, которая моя племянница?

Наденька. Отъ васъ самихъ зависитъ выборъ племянницы.

Холмогоровъ (*передразнивая ее*). Отъ васъ самихъ зависитъ.... Вы очень хорошо знаете, что этого теперь поправить нельзя, на зло вамъ скажу горькую истину.... Я отдалъ-бы половину моего состоянія за свободу моего племянника, такая женщина, какъ вы, не можетъ составить семейнаго счастія. Проклинаю тотъ часъ, въ который мнѣ пришла въ голову эта мысль.

Алексѣй Михайловичъ. Вамъ стоитъ только пожелать, дядюшка, и я женатъ на другой.

Холмогоровъ (*удивясь*). Это еще что значитъ?

Всѣ. Вотъ рѣшительная минута.

Алексѣй Михайловичъ. Дядюшка, простите! насъ обстоятельства обвиняютъ; но мы не такъ виноваты. Надежда Александровна была женой моей на время. Когда я получилъ отъ васъ письмо, я былъ уже женатъ; не желая въ послѣднія минуты вашей жизни огорчить васъ, я рѣшился представить вамъ мою жену въ лицѣ Надежды Александровны. Пріѣзжаемъ сюда и находимъ васъ совершенно здоровымъ. Несмотря на нашу радость видѣться съ вами, мы испытали весь ужасъ нашего положенія.... Остальное вамъ извѣстно.

Холмогоровъ. Такъ вотъ вы каковы?...

Вѣра Петровна. Дядюшка, добрый дядюшка!...

Холмогоровъ (*гнѣвно*). Вы всѣ меня обманывали.... (*Обращаясь къ Зорьеву, тихо.*) Совѣтую обратить вниманіе на характеръ (*показываетъ на Наденьку*).

Зорьевъ. Это была комедія.... а въ самомъ-то дѣлѣ она со всѣмъ нето, какъ вамъ показалась.

Холмогоровъ. Такъ это все комедія? мнѣ-бы надо для окончанія разыграть самую драматическую сцену, но кончу водевилемъ.... Ну, такъ и быть, поцѣлуйтесь и будьте счастливы!

Всѣ. Добрый, великодушный дядюшка!

Авторъ.

Я васъ прошу, судить не строго
Попытку первую мою,

Хотя трудовъ тутъ и немного,
Да страхъ великъ, я не таю —
Желалабъ ваше снисхожденье
И этимъ даже заслужить,
Хотя еще на представленье
Позвольте мнѣ васъ пригласить.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МУДРЕНЫЙ КОНТРАКТЪ.

РОМАНЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ,

М. И. ВОСКРЕСЕНСКАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА I.

„Выѣзжать откуда-бы то ни было, друзья мои,—началъ, послѣ небольшаго молчанія, Василій Васильевичъ Борецкій, тогда только трудно и горько, когда оставляешь людей близкихъ сердцу. У меня въ Петербургѣ, въ самомъ дѣлѣ не было ни одного дома, къ которому-бы я былъ привязанъ особенно, кромѣ развѣ вашего, Петя Черницкій, потому что твой батюшка и матушка всегда очень ласкали меня и принимали, какъ роднаго, ты еще былъ тогда въ пансіонѣ. Всѣми прославляемый знаменитый Невскій Проспектъ не плѣнялъ меня какъ всѣхъ петербургцевъ, или пріѣзжихъ зѣвакъ, потому что я былъ бѣденъ, а Невскій Проспектъ любитъ только богачей.

Бѣдняку гулять по этому проспекту, грустнѣе, нежели сидѣть дома, въ своей небогатой квартиркѣ. Не видишь, такъ и не бредишь, есть русская пословица, а какъ

не закрасться иногда грусти въ сердце, когда ты видишь съ обѣихъ сторонъ богатые магазины, наполненные всѣмъ, что только богатство и утонченная роскошь могли придумать для удовольствія человѣка; когда безпрестанно встрѣчаются тебѣ пышные экипажи съ блистательными модниками, которые сорятъ горстями золото, промѣнивая его на бронзу, и кучами серебра, покупая на него часто простое стекло. Болѣе всего мнѣ жалко было разстаться съ театромъ. Въ Петербургѣ онъ мнѣ нравился болѣе всего — и это было впрочемъ такъ естественно. Я не бывалъ въ блестящихъ обществахъ петербургскаго большаго свѣта, не игралъ въ вистъ, не пилъ вина, и даже не былъ влюбленъ.... Ну, а такимъ людямъ, что-же и можетъ нравиться больше театра, гдѣ все свѣтло, весело, игриво, и хоть обманчиво, да счастливо? Но, съ другой стороны мнѣ было даже не жаль и самаго театра, потому что желаніе мое быть въ немъ, такъ часто, какъ бы мнѣ хотѣлось, никогда не могло быть удовлетворено по ограниченности моихъ средствъ, и я не рѣдко вмѣсто спектакля принужденъ бывалъ довольствоваться прочтеніемъ одной афишки, въ чемъ есть маленькая разница.... Повторяю вамъ опять, друзья мои, бѣдняку жить посреди столичной роскоши, очень не весело. Это почти тоже, что голодному смотрѣть, какъ другіе обѣдаютъ за богатымъ столомъ.

„Не помню, сколько дней мы ѣхали, только знаю, что долго, и что эта дорога показалась мнѣ длиннѣе той, которую недавно имѣлъ я, объѣхавши почти полъ-Европы. Сначала еще меня веселило разнообразіе этой дороги, но черезъ двѣ станціи это разнообразіе сдѣлалось однообразіемъ вполнѣ. Бричка попалась на мою бѣду тряская, безъ рессоръ, и я уже почти раскаявался, что уѣхалъ изъ Петербурга. Наконецъ однажды утромъ, вскорѣ послѣ восхожденія солнца, когда я, закрывши глаза, дремалъ отъ скуки, въ моей походной спальнѣ, изъ дремоты вывелъ меня голосъ Антипыча, который весело промолвилъ, оборачивая ко мнѣ голову съ козелъ: „вонъ батюшка, Василій Васильичъ, вдали бѣлѣется и Кошаровка наша!“

„Но Антипычу слѣдовало бы для точнѣйшаго выраженія своей мысли сказать не „бѣлѣется“, а „чернѣется“, потому что, сколько я ни смотрѣлъ вдаль, ничего не могъ различить, кро-

мѣ избъ, дымившихся изрѣдка къ солнцу, и какой-то черной массы, похожей на развалившуюся фабрику, окруженную лѣскомъ, мѣстами слишкомъ не симметрически вырубленнымъ.

„Черезъ полчаса оказалось, что избушки — были ничто иное, какъ моя пресловутая Кошаровка; черная масса, показавшаяся мнѣ издали за старую фабрику—полуразвалившіяся барскія хоромы, про которыя Антипычъ разсказывалъ мнѣ, что они „не меньше и не ниже Марморнаго дворца“ а лѣсокъ съ порубленными деревьями — садъ, по его словамъ, тоже, „не хуже петербургскаго Лѣтняго сада!“

„Но какъ бы то ни было, пріѣхавшему помѣщику надобно было гдѣ нибудь остановиться. Въѣхали на господскій дворъ, со всѣхъ сторонъ поросшій густою крапивой и высокимъ репейникомъ. Домъ былъ почти весь въ развалинахъ: одна лѣвая сторона его къ саду, могла съ грѣхомъ пополамъ назваться жилою; ибо тутъ были три или четыре комнаты, въ которыхъ уцѣлѣли еще полы и потолки. Антипычъ, не смотря ни на что, весело хозяйничалъ за меня, приговаривая безпрестанно: черезъ мѣсяцъ вы не узнаете вашей деревни, батюшка Василій Васильевичъ, мы все перевернемъ здѣсь на свой манеръ!

„Въ полуразвалившемся старомъ домѣ ничего не нашелъ я, кромѣ нѣсколькихъ старинныхъ портретовъ, вѣроятно моихъ почтеннѣйшихъ предковъ, съ такими страшными лицами, и въ такихъ мудренныхъ костюмахъ, что я по неволѣ подумалъ, не происхожу-ли я по прямой линіи отъ Кипчакской орды? Въ большомъ шкафѣ, изъ почернѣвшаго отъ времени дубоваго дерева, лежали кучи старыхъ календарей съ весьма интересными отмѣтками, мужскихъ и женскихъ почерковъ, какъ то: „седьмаго марта пускалъ изъ руки кровь; стала густа и черна, какъ деготь.... Тринадцатаго ноября выпалъ ужасный снѣгъ, и былъ такой большой вѣтеръ, что съ крыши сорвало три драницы.... Десятаго декабря продано было девяносто три четверти,“ и проч. и проч. въ такомъ родѣ.

„Комнаты, кромѣ занимаемыхъ мною, были въ такомъ жалкомъ положеніи, что въ нихъ нельзя было войти безъ опасенія сломать себѣ ноги о худой полъ, или быть раздавлену гнилымъ потолкомъ, какъ-бы изъ милости еще висѣвшимъ надъ какою нибудь опальною комнатою.

„Сказать правду — слишкомъ не завидна была моя жизнь въ первые дни послѣ моего пріѣзда въ деревню. Нельзя вполнѣ описать скуки и одиночества въ безлюдной сторонѣ, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни общества. Къ тому-же моя Кошаровка стояла довольно всторонѣ отъ города; сосѣдей кругомъ почти не было. Все мое время проводилъ я въ повѣркѣ счетовъ, бумагъ, въ разборѣ старосты Панфила съ жаловавшимися на него крестьянами и въ посильномъ сборѣ недоимокъ, о которыхъ давнимъ давно забыли и думать въ моей Кошаровкѣ. Если-бы не Антипичъ — право, я не могъ бы пробыть тутъ недѣли и на этой-же тройкѣ лошадей поскакалъ-бы назадъ въ Петербургъ.

„Говорятъ и пишутъ, друзья мои, что ничто такъ не портитъ молодыхъ людей, какъ свѣтъ и блестящія общества, которые распаляютъ ихъ и безъ того пылкое воображеніе и заставляютъ часто дѣлать большія дурачества. Я на опытѣ узналъ противное. Мнѣ кажется, что самый опасный товарищъ молодому человѣку, есть онъ самъ, когда уединяется съ собою. Уединеніе и однообразная жизнь зараждаютъ въ головѣ гораздо больше необдуманныхъ плановъ и воздушныхъ замковъ, нежели жизнь въ обществѣ. Да и молодое сердце скорѣе заговоритъ о любви въ уединеніи, нежели среди городскаго шума. По-крайней-мѣрѣ, когда я жилъ въ Петербургѣ и видѣлъ каждый день около себя кучу прелестныхъ женщинъ, мнѣ и на умъ не приходило влюбиться въ которую нибудь изъ нихъ! Я даже смотрѣлъ тогда на нихъ — на всѣхъ вдругъ, какъ на большой красивый букетъ цвѣтовъ съ прекраснымъ запахомъ.... А здѣсь, здѣсь совсѣмъ другое дѣло Здѣсь мнѣ отчего-то захотѣлось найти не цѣлый букетъ, а одинъ отдѣльный цвѣтокъ. Хотѣлось видѣть не женщинъ, а одну женщину.... Подите-же послѣ этого, разгадайте молодое сердце мужчины!

„Да, именно! Уединенная моя жизнь, однообразныя прогулки съ сигаркою во рту по густымъ лѣсамъ, въ которыхъ не попадалось мнѣ ни одно живое порядочное существо, кромѣ старухъ и ребятъ съ кузовами, собиравшихъ или ягоды, или грибы, наводили мнѣ на душу какія-то странныя думы, неопредѣленныя мечты, и—сознаться искренно, въ этихъ мечтахъ часто главнымъ дѣйствующимъ лицомъ всегда была женщи-

на! Все мнѣ казалось почему-то, что я непремѣнно встрѣчу скоро какое-то милое существо въ этой глуши уединенія, что оно скраситъ пустыню мою своимъ свѣтлымъ появленіемъ, радушно откликнется молодому сердцу сладкимъ отвѣтомъ любви взаимной, вѣчной, неизмѣнной.... Однимъ словомъ, друзья мои, мнѣ думалось все то, что думается теперь вамъ обоимъ, и что обыкновенно входитъ въ голову человѣку, которому по закону природы пора влюбиться.... Теперь мнѣ это смѣшно, а тогда было вовсе не до смѣха.

„Но какъ-бы то ни было, черезъ нѣсколько времени и я обжился въ моей Кошаровкѣ и такъ какъ одному въ деревнѣ — все занятіе и развлеченіе: и цвѣтокъ распускающійся, и листъ, падающій съ дерева, и полетъ птицы, и бѣгъ облака, то и я посвятилъ себя вполнѣ природѣ и черезъ нѣсколько времени почувствовалъ себя какъ будто перерожденнымъ; ибо началъ понимать—и о чемъ вѣтеръ шепчется съ лѣсомъ, и что говорятъ рѣки съ берегами, жаворонокъ съ солнцемъ и соловей съ ночью.... прежняя моя скука изчезла совершенно; я привыкъ къ моей жизни и началъ находить ее даже очень пріятною.

„Однажды, въ ясное и почти знойное утро, прохаживаясь по окрестностямъ моей деревни, зашелъ я какъ-то далѣе обыкновеннаго. Передо мною бѣжалъ небольшой ручеекъ; я кой-какъ перебрался черезъ него по лежавшимъ тутъ большимъ камнямъ и перекинутому бревну. За ручьемъ въ гору лежали прекрасная равнина съ мелкимъ кустарникомъ, весьма картинно разсѣяннымъ по скату горы. Я пошелъ по этой горѣ, все далѣе и далѣе завлекаясь пріятными видами и свѣжимъ воздухомъ ближняго лѣса, вѣявшимъ мнѣ прохладою въ лицо.... Не помню, долго-ли я шелъ, погрузясь въ какія-то неопредѣленныя мечтанія, какъ вдругъ близкій лай собаки вывелъ меня изъ задумчивости.... Я поднялъ голову и увидѣлъ, что я стоялъ передъ рѣшетчатымъ заборомъ премиленькаго сада съ кучею разныхъ цвѣтовъ и съ прекрасно-устроенными бесѣдками. Садъ этотъ выходилъ одною своею стороною къ лѣсу, въ который я забрелъ. За нимъ виднѣлся небольшой домикъ, чрезвычайно заманчивой наружности, въ одинъ этажъ, съ полукруглою террасою въ садъ. Окна были въ два большія стекла, на нихъ стояли горшки съ бѣлыми розами и

каприфоліями. Зеленыя сторы до половины были спущены; изъ одного открытаго окна слышались звуки фортепьяно....

„У меня шибко заколотило сердце. Въ глуши лѣса—маленькій домикъ, какъ бесѣдочка, красивый садъ, цвѣты на окнахъ, звуки фортепьяно — ну какъ не быть тутъ женщинѣ? А если есть женщина—вѣрно прехорошенькая! Да это иначе и быть не можетъ: вкусъ, съ которымъ выбрано мѣсто для дома, съ которымъ отдѣланъ садъ, даже самая рѣшетка его — все обличаетъ, что въ этомъ имѣла участіе женщина очень миленькая. Воображеніе мое пошло дальше: женщина эта живетъ въ уединеніи, слѣдовательно у ней чистое, неиспорченное сердце; она не кокетка. Она вѣрно также, какъ и я, живетъ здѣсь въ слѣдствіе какихъ нибудь домашнихъ обстоятельствъ, съ отцомъ или съ братомъ; она вѣрно и скучаетъ порою, также какъ я, это очень естественно. Миленькая сосѣдка, можетъ быть, тоже мечтаетъ за фортепьянами о томъ, какъ-бы ей пріятно было познакомиться съ кѣмъ-нибудь въ глуши деревенской.... Бѣдняжка! она не знаетъ, не чувствуетъ, что этотъ „кто нибудь“ стоитъ теперь подлѣ рѣшетчатаго забора ея сада и подслушиваетъ тоску ея одинокаго сердца, выражаемую нѣжными, и вѣрно бѣлыми, какъ слоновая кость, пальчиками, на счастливыхъ клавишахъ!

„ — Но если она живетъ здѣсь не съ отцемъ и не съ братомъ, а съ мужемъ? вдругъ задалъ я самъ себѣ вопросъ; что тогда? Но нѣтъ! Быть не можетъ, чтобы моя красавица была замужемъ.

„Но какъ узнать, чей этотъ домъ, кто въ немъ живетъ? Я обошелъ кругомъ сада — никого нѣтъ, кромѣ собаки у забора, которая даже перестала и лаять на меня, вѣроятно замѣтя, что я, хотя и близко подошелъ къ дому, но не имѣлъ никакихъ злыхъ намѣреній. Замѣчено, что собаки чутьемъ узнаютъ влюбленнаго человѣка, я въ эту минуту принадлежалъ вполнѣ къ этой категоріи.

„За домомъ виднѣлись службы и еще другой отдѣльный флигель, но все было на этотъ разъ пусто и какъ будто необитаемо. Хотѣлъ было я войти въ садъ черезъ небольшую калитку, полуотворенную къ лѣсу, но неравно встрѣтишься съ хозяиномъ, котораго не знаешь? Еще какъ покажется.... Я же и не такъ одѣтъ, чтобы знакомиться съ кѣмъ нибудь.

Воротимся на первый разъ домой, разсудилъ я съ собою; познакомиться еще успѣю. Надобно прежде пообстоятельнѣе узнать отъ своихъ, чей это домъ и кто живетъ въ немъ?

„Само собою разумѣется, что я замѣтилъ хорошо дорогу къ этому уединенному романическому домику въ лѣсу, въ которомъ, какъ казалось мнѣ, было заключено милое существо, долженствовавшее имѣть рѣшительное вліяніе на всю жизнь мою.

„Антипычъ, къ которому обратился я воротясь домой, съ моими распросами, не могъ, естественнымъ образомъ, удовлетворить имъ, потому что и самъ зналъ столько-же мало, какъ и я, окрестности съ ихъ жителями. Позвали одного кошаровскаго старожила.

„— Есть здѣсь по близости какіе-нибудь сосѣдніе помѣщики? спросилъ я старика.

„— Никакихъ нѣтъ близко, кормилецъ, отвѣчалъ онъ.

„— Неужели-же здѣсь кругомъ одинъ только лѣсъ? продолжалъ я распрашивать.

„— Почитай что такъ, мой родимой, отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ.

„— Да на сколько-же верстъ въ окружности здѣсь нѣтъ никакого помѣщичьяго дома?

„— Самые близкіе сусѣди, государь милостивой, Шариковъ. Ихъ дача на двадцать четвертой верстѣ отсюда.

„— А ближе ихъ нѣтъ никого, старина?

„— Ближе нѣтъ никого, сударь.

„— А чей-же я видѣлъ красивый домикъ за мельничнымъ ручьемъ, на горѣ, къ лѣсу, не дальше, какъ въ трехъ верстахъ отсюда?

„— За мельничнымъ ручьемъ, на горѣ, къ лѣсу, сударь?

„— Да.

„— Да это, видно, домикъ Дмитрія Ѳедосѣича.

„— А кто такой этотъ Дмитрій Ѳедосѣичъ?

„— Дмитрій Ѳедосѣичъ-то кто? Да это какой-то баринъ, не вспомню фамиліи, только знаю, что это предобрѣйшій человѣкъ. Дмитрія Ѳедосѣича знаетъ всякой бѣднякъ въ здѣшнемъ околоткѣ!

„— Какъ-же ты мнѣ сказалъ, что ближе двадцати трехъ верстъ отсюда, нѣтъ никакихъ сосѣднихъ помѣщиковъ?

„— Да окромя его, и точно что нѣтъ, кормилицъ.

„— Ну а этотъ.... какъ его? Дмитрій Ѳедосѣичъ, развѣ онъ не помѣщикъ, не сосѣдъ намъ?

„— Оно вѣстимо помѣщикъ, сусѣдъ, батюшка баринъ, да мы ужъ всѣ его просто привыкли считать Дмитріемъ Ѳедосѣичемъ, да думали, что и ваша милость знаетъ его.

„— Что онъ, богатый человѣкъ?

„— А Христосъ его вѣдаетъ! Должно быть богатъ. Всѣхъ почти бѣдныхъ одѣляетъ чемъ-нибудь по праздникамъ.

„— Давно онъ тутъ живетъ?

„— Не такъ, чтобы очень, батюшка баринъ.

„— Одинъ или съ семействомъ?

„— Не могу доложить, кормилецъ, а должно быть али одинъ, али съ семьей.

„— Ты проницательный человѣкъ, старина! Ступай домой, да пошли ко мнѣ старосту.

„Старостѣ были заданы тѣже самые вопросы; отвѣты были почти столько-же удовлетворительны, какъ и у старика, кромѣ только того, что я узналъ фамилію моего сосѣда, и то не знаю, не перевранную-ли — фамилія эта была Луньковъ.

„На другое утро, одѣвшись порядочно, я рѣшился отправиться къ Лунькову; отрекомендоваться ему, какъ ближайшій, только что пріѣхавшій изъ Петербурга, сосѣдъ и попросить его, безъ дальнихъ церемоній, познакомиться со мною покороче, что, вѣроятно, будетъ не непріятно и ему самому, живя въ такой уединенной сторонѣ. А познакомясь съ нимъ, я, разумѣется, познакомлюсь и съ ней. Первое мое предположеніе у меня все не выходило изъ головы. Женщина должна была тутъ быть непремѣнно.

„Съ ускореннымъ сердечнымъ біеніемъ подошелъ я теперь къ калиткѣ, ведущей прямо въ красивый садикъ. Меня такъ и обдало благовоніемъ туберозъ и жасминовъ, а это всегда дѣйствуетъ какъ-то хорошо на нервы....

„У одной куртины старый садовникъ подчищалъ сучья молодой яблони.... Слава Богу! На нынѣшній день тутъ есть живые люди! Увидя меня, онъ учтиво снялъ съ сѣдой, какъ лунь, головы своей шляпу и спросилъ, что мнѣ угодно?

„— У себя-ли Дмитрій Ѳедосѣичъ? спросилъ я.

„— Не могу доложить, сударь. Баринъ недавно проха-

живался здѣсь.... Не пошелъ-ли развѣ на деревню? Прикажете проводить васъ въ комнаты?

„— Да, мой милый. Я бы хотѣлъ непремѣнно сегодня видѣться съ Дмитріемъ Ѳедосѣичемъ.

„Въ эту минуту изъ двери на садовую террасу вышелъ человѣкъ, весьма чисто одѣтый. Садовникъ сдалъ меня ему съ рукъ на руки, говоря, что я желаю видѣться съ ихъ бариномъ.

„Самымъ учтивымъ образомъ, — что всегда хорошо рекомендуетъ хозяина — попросилъ меня этотъ человѣкъ войти въ комнаты, подождать Дмитрія Ѳедосѣича, которому сейчасъ доложатъ о моемъ желаніи видѣться съ нимъ.

„Дмитрій Ѳедосѣичъ, по словамъ человѣка, былъ не далеко, на гумнѣ, осматривалъ работы.

„Меня ввели въ небольшую, но съ отличнымъ вкусомъ убранную гостиную комнату. Полы — парке, стѣны оклеены французскими обоями. Мебель, по видимому, столичная. Картины — лучшей современной литографіи.... однимъ словомъ, я забылся, что я въ Тульской губерніи, въ деревнѣ, а не въ петербургской гостиной.

„Человѣкъ попросилъ меня отдохнуть въ ожиданіи барина и оставилъ одного въ гостиной. Мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ. Дверь въ залу была отворена, я пошелъ прохаживаться. Въ залѣ стоялъ рояль англійской работы, на немъ набросаны кучи современныхъ нотъ съ модными романсами и употребительнѣйшими танцами. На кругломъ столѣ стоялъ на большомъ подносѣ приготовленный деревенскій завтракъ. Сервизъ и серебро были отдѣланы съ большимъ вкусомъ.

„Въ гостиной надъ диваномъ привлекла особенное мое вниманіе довольно большая картина въ широкой золотой рамѣ, задернутая бѣлымъ кисейнымъ чахломъ. Мнѣ почему-то думалось, что это долженъ быть непремѣнно женскій портретъ. У сердца, особливо молодаго, есть свои предчувствія, которыя обманываютъ рѣдко. Долго сидѣлъ я напротивъ таинственной картины, какъ будто ожидая, не свалится-ли какимъ-нибудь волшебствомъ досадный кисейный чахолъ и не покажетъ-ли мнѣ прелестное изображеніе той, которую въ такихъ роскошныхъ краскахъ рисовало мое пылкое воображеніе? Тихій вѣтерокъ изъ садовой двери робко пробирался

къ картинѣ и волновалъ складки кисеи, какъ-бы насмѣхавшейся надъ моимъ любопытствомъ.... Я рѣшился подойти поближе къ дивану. Въ гостиной не было никого, въ залѣ также; дверь въ слѣдующія изъ гостиной дальнѣйшія внутреннія комнаты, на замкѣ.... Чего бояться? Искушеніе было такъ сильно.... Я рѣшился приподнять хоть одинъ уголокъ ревниваго чахла и взглянуть на таинственную картину!

Боже ты мой! Что я увидѣлъ, друзья мои? Мое сердце не обмануло меня; это былъ точно портретъ, женщины но какой женщины! Нѣтъ, это было не просто земное существо. Это было одно изъ тѣхъ милыхъ созданій, которыя снятся душѣ человѣка одинъ разъ въ жизни — и которыя онъ, проснувшись, тоскливо отыскиваетъ въ продолженіе всей своей жизни, и горе ему, если онъ не найдетъ такого существа! Тяжело ему будетъ жить на свѣтѣ! Въ этой очаровательной картинѣ, на которую нельзя было довольно налюбоваться, я какъ будто вдругъ нашелъ всѣ знакомыя, родныя душѣ моей черты, которыя давно рисовало мое воображеніе, формуя себѣ идеалъ женщины, которую полюблю я однажды навсегда въ моей жизни.... И она такъ привѣтно смотрѣла на меня съ очаровательнаго полотна, какъ будто хотѣла улыбнуться и сказать: „Здравствуй! Вотъ я! Наконецъ мы нашли другъ друга!“ Вы видите, господа, изъ этой послѣдней тирады, что и толстячекъ Борецкій въ свое время, какъ и вы же, готовъ былъ лѣзть на стѣны изъ за хорошенькаго женскаго личика.

„Нѣсколько минутъ, какъ окаменѣлый отъ сладкаго изумленія, стоялъ я неподвижно предъ очаровательною картиною, любуясь на красавицу, и мнѣ кажется, я бы простоялъ тутъ цѣлый день, если-бы меня не вывелъ изъ моего оцѣпененія чей-то незнакомый, довольно пріятный и звучный голосъ:

„— Не правда-ли, что она хороша, молодый человѣкъ?

„Я оглянулся, смутился, покраснѣлъ, уголъ кисейнаго чахла выпалъ изъ моихъ рукъ.... Передо мною стоялъ Дмитрій Ѳедосѣичъ Луньковъ!

„Это былъ мужчина лѣтъ подъ пятдесятъ, довольно высокаго роста, блѣдный и худощавый. Волосы его, кудрявые отъ природы, были черны, какъ смоль, но къ вискамъ начинали уже серебриться. По всему лицу разлито какое-то добродушіе, но въ тоже время черты этого лица запечатлѣны были

глубокою мыслію. Большіе черные глаза его были быстры и, казалось, пронизывали насквозь того, на кого смотрѣлъ онъ. Онъ былъ въ военномъ сюртукѣ, бѣлой фуражкѣ, съ палкою въ рукахъ.

„Долго, какъ школьникъ, пойманный въ воровствѣ яблокъ въ чужомъ, сосѣднемъ саду, стоялъ я, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова въ свое извиненіе.

„— Кого я имѣю честь видѣть у себя? спросилъ снова, обращаясь ко мнѣ съ ласковымъ видомъ, Луньковъ.

„Съ трудомъ пробормоталъ я мое извиненіе и отрекомендовалъ себя.

„— А! вы мой сосѣдъ, Василій Васильичъ Борецкій! сказалъ хозяинъ таинственнаго домика, радушно пожимая мою руку. Очень радъ съ вами познакомиться! Я вчера только услышалъ о вашемъ пріѣздѣ изъ Петербурга.

Я снова началъ извиняться въ моей нескромности на счетъ завѣшанной картины надъ диваномъ.

„— Ничего, совершенно ничего, сказалъ онъ; это не стоитъ того, чтобы говорить. Вы вѣрно охотникъ до живописи, можетъ быть, рисуете сами.... Да? Я угадалъ. Въ такомъ случаѣ, пойдемте въ мой кабинетъ; тамъ увидите вы много хорошихъ копій.

„И онъ повелъ меня въ свой кабинетъ, приказавши тудаже принести и завтракъ. Проходя внутренними комнатами, которыя всѣ были отдѣланы и меблированы съ большимъ вкусомъ, я безпрестанно поглядывалъ во всѣ стороны и ждалъ, не появится-ли откуда нибудь прелестный подлинникъ очаровательнаго портрета.... Ничего не бывало! Безъ всякой встрѣчи мы дошли до отдаленнаго кабинета ласковаго хозяина. Кабинетъ этотъ былъ въ самомъ дѣлѣ почти весь увѣшанъ копіями картинъ лучшихъ итальянскихъ художниковъ; мебель и вообще разположеніе всѣхъ вещей показывали достатокъ хозяина, который былъ со мною необыкновенно ласковъ.

„Мы вмѣстѣ завтракали, разговаривали о томъ, о другомъ; онъ распрашивалъ меня о Петербургѣ, называлъ тамъ многихъ своихъ знакомыхъ изъ лучшаго круга. Я разсказывалъ ему о своемъ разстроенномъ имѣніи, о скукѣ заниматься непривычнымъ хозяйствомъ, о тоскѣ уединенія послѣ столичной жизни и просилъ позволенія сблизиться съ нимъ и воспользо-

ваться подчасъ благоразумными его совѣтами, на счетъ управленія деревенскимъ хозяйствомъ, что ему должно быть хорошо извѣстно, потому что онъ давно живетъ въ деревнѣ. Дмитрій Ѳедосѣичъ радовался знакомству, увѣрялъ въ своей готовности быть полезнымъ, чѣмъ можетъ, и на другой-же день обѣщался быть у меня. Но ни слова ни о себѣ, ни о своемъ семействѣ. Я рѣшился также не начинать для перваго раза. Будетъ еще много времени впереди, думалъ я самъ съ собою; познакомимся покороче, тогда увижу и подлинникъ дивнаго портрета.

„Но коротко мы познакомились съ моимъ сосѣдомъ Дмитріемъ Ѳедосѣичемъ, а о подлинникѣ портрета никогда не было и помина! Мы почти каждый день видѣлись другъ съ другомъ, — то я у него, то онъ у меня; но тѣмъ не менѣе таинственный портретъ оставался для меня подъ чахломъ и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи. Много разъ старался я заговаривать съ Луньковымъ о немъ — онъ какъ будто избѣгалъ этой матеріи и начиналъ что-нибудь другое. Разъ я даже напомнилъ ему, какъ смѣшно началось наше первое знакомство предъ завѣшанною картиной надъ диваномъ, онъ улыбнулся — и только.

„Я началъ терять терпѣніе.

—

ГЛАВА VI.

„Рѣшившись во что-бы то ни стало узнать о таинственномъ портретѣ моей красавицы, — такъ продолжалъ разсказъ свой нашимъ двумъ героямъ Василій Васильичъ Борецкій — я однажды собрался съ духомъ и заговорилъ прямо на счетъ этого предмета съ моимъ пріятелемъ и сосѣдомъ Дмитріемъ Ѳедосѣичемъ Луньковымъ.

„— Скажите мнѣ, почтеннѣйшій Дмитрій Ѳедосѣичъ, началъ я, указывая ему рукою на завѣтное мѣстечко надъ диваномъ въ гостиной комнатѣ, что это — просто картина, фантазія живописца или портретъ чей нибудь?

„— Портретъ, отвѣчалъ сухо Луньковъ и заговорилъ со мною о вырубкѣ лѣса на продажу.

„Въ другой разъ я спросилъ его:

„— Вы, вѣроятно, большой музыкантъ, Дмитрій Ѳедосѣичъ; у васъ на рояли куча нотъ и романсовъ?

„— Нѣтъ, я мало и рѣдко играю; отрывисто отвѣчалъ онъ и предложилъ мнѣ идти прогуливаться съ ружьемъ за плечами.

„Явная вещь, что Дмитрій Ѳедосѣичъ не хотѣлъ говорить. Надлежало все предоставить времени.

„И наконецъ это время пришло.

„Все это лѣто прошло незамѣтно для меня въ домашнихъ хлопотахъ и занятіяхъ по моей деревнѣ, въ чемъ ревностно помогалъ мнѣ новый другъ и сосѣдъ Дмитрій Ѳедосѣичъ, съ которымъ мы сдѣлались почти неразлучны. Мы полюбили другъ друга, не смотря на видимое различніе лѣтъ нашихъ. Я любилъ его, какъ умнаго наставника, почти, какъ отца; съ своей стороны и онъ привязался ко мнѣ, какъ къ сыну.

„Наступила осень. Вечера сдѣлались длинны; гулять было нельзя. Все почти наше время проводили мы, сидя передъ каминомъ въ кабинетѣ Дмитрія Ѳедосѣича, разговаривая, или читая. Всего чаще я мечталъ о будущемъ, строилъ воздушные зàмки, рисовалъ будущую подругу моего сердца, и представлялъ, какъ мы будемъ съ ней блаженствовать.

„При этихъ разговорахъ Дмитрій Ѳедосѣичъ обыкновенно покачивалъ головою и улыбался печально.

„— Ты большой руки мечтатель, другъ мой, говаривалъ онъ мнѣ; смотри, не ошибись въ своихъ планахъ. Я боюсь за тебя въ будущемъ.

„— О нѣтъ, возражалъ я; меня не легко обмануть, особливо женщинѣ. Мнѣ кажется, я всякую изъ нихъ опредѣлю вѣрно съ перваго взгляда.

„— Такъ говорятъ обыкновенно всѣ молодые люди. Ты еще ни разу не любилъ, Василій Васильичъ?

„— Ни разу.

„— Какъ-же ты хочешь безошибочно судить о женщинахъ?

„— Для меня довольно внимательно посмотрѣть на женщину, чтобы опредѣлить ея характеръ, говорю я вамъ, Дми-

трій Өедосѣичъ. Въ этомъ случаѣ я вѣрю, что глаза суть зеркало души.

„— Старая, истертая поговорка, любезный другъ; къ тому-же ты самъ знаешь, что не всякое и зеркало вѣрно.

„— На этотъ разъ я не согласенъ съ вами, любезнѣйшій Дмитрій Өедосѣичъ.

„— Почему-же такъ?

„— Потому что вы сами, живя до-сихъ-поръ въ одиночествѣ, не можете судить хорошо о женщинахъ. Я даже думаю, что вы должны быть весьма предубѣждены противъ нихъ, когда не захотѣли до вашихъ настоящихъ лѣтъ ни одной изъ нихъ осчастливить вашею прекрасною душою.

Луньковъ горько улыбнулся.

„— Право, молодой человѣкъ? сказалъ онъ. Сказать-ли тебѣ вещь, которой ты меньше всего ожидаешь? Я.... женатъ! Да! Что ты смотришь на меня такъ дико? Я женатъ — и ты видѣлъ портретъ жены моей, когда я въ первую минуту нашего знакомства спросилъ тебя: „Не правда-ли, что она хороша, молодой человѣкъ?“

„Я приросъ къ кресламъ, въ которыхъ сидѣлъ.

„— Теперь мы съ тобой хорошо сошлись, молодой другъ мой, продолжалъ дружески, пожимая мою руку, Луньковъ; я полюбилъ тебя, какъ роднаго сына, и не хочу ни въ чемъ болѣе таиться предъ тобою. Пойдемъ за мной.

„И онъ привелъ меня въ гостиную комнату, гдѣ висѣлъ закрытый портретъ моего идеальнаго предмета обожанія. Теперь Луньковъ самъ снялъ съ рамы кисейный чахолъ и, смотря вмѣстѣ со мною на прелестное изображеніе, спросилъ меня какимъ-то страннымъ и почти торжественнымъ голосомъ:

„— Ты говорилъ мнѣ, любезный другъ, о своей проницательности; ты сказалъ, что для тебя довольно одного взгляда на женщину, чтобы опредѣлить ее вѣрно. Теперь спрашиваю тебя, что ты скажешь мнѣ о подлинникѣ этого портрета? Онъ снятъ вѣрно.

„— Она должна быть неземное существо! съ жаромъ вскричалъ я, не будучи въ состояніи отвести глазъ отъ прелестнаго изображенія. О! скажите мнѣ, Дмитрій Өедосѣичъ, жива-ли эта женщина или вы лишились ее? Признайтесь мнѣ, вѣдь я точно

и вѣрно опредѣлилъ ее? Я не ошибся назвавъ ее неземнымъ существомъ?

„— Она умерла, мрачно отвѣчалъ Луньковъ; я лишился ея на всегда. А вѣрно-ли ты опредѣлилъ ее, молодой человѣкъ, объ этомъ суди самъ, выслушавъ исторію моей жизни. Съ этой минуты нѣтъ между нами тайнъ; ты все узнаешь. Пойдемъ въ кабинетъ, я все разскажу тебѣ, хоть и тяжело для меня, старика, трогать раны сердца, еще не совсѣмъ зажившія.

„Я крѣпко пожалъ руку моего друга, еще разъ взглянулъ на прелестное изображеніе, какъ-бы стараясь надолго удержать въ моей памяти милый, очаровательный образъ.... И признаюсь вамъ, по чистой совѣсти, друзья мои, въ эту минуту я былъ вполнѣ влюбленъ въ этотъ портретъ, такъ влюбленъ.... какъ можетъ-быть вы теперь влюблены въ вашу общую невѣсту, Ракитину! Мы отправились въ кабинетъ.

„Вотъ что разсказалъ мнѣ тамъ Луньковъ. Я беру на себя его роль, и передаю исторію его собственными словами, потому-что они всѣ до одного врѣзались въ моей памяти неизгладимыми чертами.

— „Сирота съ дѣтства, я воспитывался благодѣяніями добраго нашего Государя въ Санктпетербургскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, такъ началъ разсказъ свой Луньковъ; учился не дурно, и какъ я былъ высокаго роста, красивъ собою, и хорошо кончилъ курсъ мой, то и былъ назначенъ въ артиллерію. Во всемъ Петербургѣ у меня не было ни одного роднаго дома, кромѣ старой княгини Сицкой, которая принимала во мнѣ всегда участіе, потому-что я былъ ея крестный сынъ. Она одна обласкала молодаго кадета и обѣщалась мнѣ покровительствовать. Но тогда не нужно было ничье покровительство: открывалась кампанія незабвеннаго двѣнадцатаго года и русскому орлу было широкое раздолье летать отъ Москвы до самаго Парижа. Я служилъ какъ храбрый солдатъ моему Государю и отечеству, за то и не оставили безъ вниманія моей усердной службы. Въ пятнадцатомъ году я ужъ былъ штабсъ-капитаномъ и имѣлъ два ордена. Начальники любили меня за то, что я былъ исправенъ по службѣ, товарищи за то, что я былъ добрый весельчакъ и готовъ былъ за каждато изъ нихъ рубиться, какъ за род-

наго брата. Въ двадцатомъ году я былъ перемѣщенъ въ **, и началъ жить постоянно въ Петербургѣ. Эта постоянная жизнь продолжалась ровно десять лѣтъ. Здоровье мое, нѣсколько разстроенное отъ ранъ, полученныхъ во время послѣдней кампаніи, сдѣлало меня какимъ-то дикаремъ; я рѣдко посѣщалъ общества, сидѣлъ больше дома за книгами и только разъ въ недѣлю бывалъ на обѣдѣ у моей крестной матери и благодѣтельницы, старушки княгини Сицкой. Сначала моей петербургской жизни, она было собиралась женить меня, но какъ я не имѣлъ никакого состоянія, и жилъ почти однимъ жалованьемъ, то естественное дѣло, что мнѣ не легко было найти партію въ Петербургѣ, гдѣ для жениха мало одного блеску красиваго мундира и одной честной души безъ придачи по-крайней-мѣрѣ нѣсколькихъ сотенъ родоваго или благопріобрѣтеннаго имѣнія. Такимъ образомъ я продолжалъ мою уединенную, скромную жизнь холостяка и на меня начали уже смотрѣть, какъ на человѣка, не ищущаго сдѣлать себѣ партіи. Я же въ обществахъ не танцовалъ ловко мазурку, не игралъ въ вистъ по большой, не обѣдывалъ въ клубахъ, не красовался на домашнихъ спектакляхъ и не учавствовалъ въ пикникахъ; а безъ этихъ условій не скоро прослывешь за порядочнаго свѣтскаго человѣка.

„На тридцать первомъ и второмъ году на меня смотрѣли уже, какъ смотрятъ въ обществѣ на отцвѣтшую невѣсту, которой позволено играть въ карты, и нюхать табакъ. Я и не тужилъ объ этомъ. На женщинъ, смотрѣлъ я какъ ни красивыя, милыя существа, съ которыми мнѣ никогда не придется сблизиться, по моимъ обстоятельствамъ. Но я любилъ одно изъ этихъ милымъ существъ — какъ дочь мою впрочемъ — а не какъ обыкновенную женщину.

„Существо это была двоюродная племянница княгини Сицкой, воспитывавшаяся въ одномъ изъ женскихъ пансіоновъ, въ Петербургѣ. По препорученію старой княгини, я часто ѣзжалъ къ милой Еленѣ, отвозя ей то поклоны, то конфекты, а иногда и деньги отъ ея тетки. Добрая, милая дѣвушка, всегда ласково и съ чистою дѣтскою улыбкою встрѣчала своего добрѣйшаго, какъ называла она меня, Дмитрія Ѳедосѣича; болтала со мной безъ умолку о своихъ за-

нятіяхъ, урокахъ, играхъ, и ея сильномъ желаніи поскорѣе пожить полною роскошною жизнію нашей сѣверной Пальмиры. Эту-то милую Елену я любилъ чувствами, истинно отеческими, и радовался на ея дѣтскіе успѣхи, которыя оказывала она въ своемъ пансіонѣ.

„При началѣ нашего знакомства, она была еще для меня Еленочкой. Черезъ нѣсколько времени я увидѣлъ уже, что мнѣ надобно называть ее Еленой Петровной. Она сформировалась быстро, и физически и нравственно, и сдѣлалась такою красавицей, что всякій, кто видѣлъ ее, любовался на нее, какъ на милый весенній цвѣтокъ, только что распустившійся пышно.

„По окончаніи пансіонскаго курса, Елена Петровна поступила на житье къ княгинѣ Сицкой. Эта, не имѣя дѣтей, любила ее, какъ дочь. Рѣдко выѣзжая сама, по старости, въ блестящія петербургскія общества, старушка не захотѣла лишить свою племянницу свѣтскихъ удовольствій, столь свойственныхъ ея лѣтамъ и отпускала ее съ своими короткими знакомыми то въ собранія, то въ театръ, то на званые танцовальные вечера. Часто приглашала она меня быть спутникомъ милой Елены, но я отказывался, во-первыхъ, потому, что отъ природы не любилъ шумныхъ обществъ, а во-вторыхъ и потому, что я не могъ быть приличнымъ кавалеромъ для молодой, только что разцвѣтшей на жизнь и счастіе дѣвушки.

„Въ Петербургѣ хорошенькая дѣвушка всегда на такомъже виду у всѣхъ, какъ адмиралтейскій шпицъ. За Еленой Петровной потянулась длинная фаланга мундировъ и модныхъ фраковъ. Всѣ глаза и лорнеты были обращены на нее. Посмѣтливѣе — даже спрашивали стороною, что̀ у ней есть, и не одна-ли она наслѣдница послѣ старой княгини Сицкой? Но на бѣду, у княгини были двѣ родныя сестры, по прямой линіи наслѣдницы ея имѣнія, также впрочемъ не слишкомъ огромнаго.... Густая фаланга угодниковъ порѣдѣла. Одного красивенькаго личика и масляныхъ глазокъ мало для петербургской молодежи.

„А что сама Елена Петровна? Елена Петровна, какъ веселая, молодая пташечка, весело порхала по Божьему свѣт-

лому міру и пѣла такъ сладко, такъ сладко.... Я впрочемъ видалъ ее не въ обществахъ, а только у старой княгини. Со мною была она всегда одинаково ласкова, и продолжала называть своимъ добрѣйшимъ Дмитріемъ Ѳедосѣичемъ. Молодыя дѣвушки вообще очень добры и ласковы къ тѣмъ мужчинамъ, на которыхъ онѣ не смотрятъ, какъ на жениховъ своихъ.

„Такъ шли обстоятельства цѣлые два года. Между тѣмъ, я былъ произведенъ въ полковники.

„Когда я въ первый разъ пріѣхалъ въ моихъ густыхъ эполетахъ къ княгинѣ Сицкой, она, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и поздравленій, позвала меня въ свой кабинетъ, переговорить объ одномъ нужномъ дѣлѣ, какъ сказала она. И какъ-бы вы думали, какое было это нужное дѣло? Старушка вздумала опять атаковать меня женитьбою!

„Сначала я смѣялся, но послѣ увидѣлъ, что крестная матушка моя отнюдь не думала шутить.

„— Не поздно-ли будетъ, княгиня? сказалъ я ей со смѣхомъ. Есть русская поговорка: спустя лѣто, въ лѣсъ по малину не ходятъ!

„— За то спустя лѣто, ходятъ въ лѣсъ, не пугаясь приближенія осени, за грибами, а они хоть и не малина, а тоже питательны и даже очень вкусны подчасъ, отсмѣиваясь отвѣчала мнѣ добрая старушка; но шутки въ сторону, любезнѣйшій мой полковникъ съ иголочки, я дѣйствительно и непремѣнно хочу женить тебя.

„— На комъ-же, княгиня? спросилъ я, отчасти со смѣхомъ, а отчасти и съ какою-то робостію.

„— Скажи только прежде, Дмитрій Ѳедосѣичъ, хочешь-ли ты жениться?

„— Я давно пересталъ уже и думать объ этомъ, княгиня. Ни лѣта мои, ни состояніе не позволяютъ мнѣ и надѣяться составить себѣ какую-нибудь порядочную, не говорю уже, богатую партію.

„— Ну, а если-бы не это, полковникъ?

„— Да это *если* нельзя забыть мнѣ, княгиня!

„— Какой скучный человѣкъ! Ну, да представь себѣ, что у тебя есть состояніе, что ты въ отставкѣ, живешь въ собственной деревнѣ съ порядочнымъ, обезпеченнымъ доходомъ?

„— Но этого никогда не можетъ быть.

„— Еще разъ: если-бы все это было такъ, и въ добавокъ, еслибы еще тебя любила молодая, прелестная дѣвушка, также не безъ состоянія — ну, что-бы ты сказалъ тогда?

„— Нечего и спрашивать, княгиня. Разумѣется, я бы на ней женился.

„— Насилу промолвилъ! Послушай-же, мой милый другъ, продолжала добрая старушка, съ чувствомъ пожимая мою руку; я скажу тебѣ пріятную новость: Еленочка моя влюблена въ тебя безъ ума!

„Я соскочилъ со стула. Меня какъ-будто обожгло.

„— Садись и слушай, что я буду говорить тебѣ, продолжала тѣмъ-же тономъ княгиня. Да, Еленочка любитъ тебя. Она вчера сама мнѣ призналась въ этой страсти, когда мы разговаривали съ ней о любви, и когда я спросила ее, кто изъ всѣхъ мужчинъ, болѣе другихъ доселѣ сдѣлалъ впечатленіе на нее? Я очень обрадовалась этому открытію, тѣмъ болѣе, что сказать правду, я не могу выбрать для нея сама лучшей партіи. Ты старше ея, Дмитрій Ѳедосѣичъ, но это не бѣда. Мужъ-мальчикъ — не находка для жены, которая еще сама почти дитя. Имъ обоимъ еще хочется играть, а въ играхъ часто мѣняютъ куколъ — и это заводитъ иногда очень далеко.

„— Но, княгиня....

„— Прошу молчать, господинъ полковникъ, и слушать меня внимательно. Леночка очень небогата. У ней только полтораста душъ; у тебя, я знаю, ничего нѣтъ, но крестная мать твоя подумала обо всемъ. Я дарю тебѣ такое-же число душъ въ Тульской губерніи, изъ моего благопріобрѣтеннаго имѣнія, которымъ всегда могу располагать по произволу. Сестрамъ достанется еще и безъ того довольно. Вотъ теперь, слѣдовательно, вы оба и сравнялись вашими состояніями. Приданое я все сдѣлаю моей Леночкѣ — это уже мои хлопоты. Получа отставку, ты не останешься безъ пенсіи. Этой пенсіи и доходовъ съ вашихъ двухъ деревень очень достаточно будетъ для того, чтобы вамъ жить, если не богато, по-крайней-мѣрѣ прилично и обезпеченно. Ты еще не старикъ, можешь заниматься дѣлами, оборотами, и все будетъ хорошо. А устрою и тебя и мою Леночку и умру спокой-

но.... Ну? Такъ-ли? Согласенъ-ли ты на все это? Да или нѣтъ?

„Разумѣется, я сказалъ да.

„— Руку вашу, господинъ полковникъ! продолжала добрая старушка. Поздравлю васъ съ этой минуты женихомъ Леночки!

„Я почти не могъ придти въ себя. Мнѣ казалось, что все это не болѣе, какъ сонъ....

„Но какъ-бы то ни было, черезъ три мѣсяца послѣ этого разговора съ княгинею, я былъ уже въ отставкѣ съ полнымъ пенсіономъ, а на четвертый я уже былъ счастливымъ мужемъ прелестнѣйшей женщины, портретомъ которой любовались мы съ тобою сейчасъ, мой другъ, Василій Васильичъ.

„Нужно-ли, да и можно-ли описывать тебѣ всю полноту моего блаженства? Я плавалъ въ морѣ наслажденій, я жилъ полною роскошною жизнію человѣка.... Дивное время! небесныя минуты! Зачѣмъ вы были не болѣе, какъ минуты? Зачѣмъ я не умеръ въ то время, не пробужденный отъ моего сладкаго, невыразимаго словами, очарованія?

„Первый годъ послѣ моего брака я провелъ здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, гдѣ мы теперь съ тобою, другъ мой. На этомъ креслѣ, гдѣ сидишь ты, часто сиживала моя Елена, и какъ свѣтлый геній смотрѣла мнѣ въ счастливыя очи. О! чего не перечувствовалъ я въ этотъ блаженный годъ? Въ продолженіе его только я вполнѣ постигъ, что человѣкъ называетъ „счастьемъ“ въ жизни.

„Одно нѣсколько отравляло мое блаженство: моя Елена часто отъ чего-то скучала и задумывалась. Сначала я приписывалъ это нашей уединенной жизни, потомъ состоянію ея беременности, но нѣтъ; это было, какъ будто, что-то другое.... Судьбѣ не угодно было осчастливить меня названіемъ отца: Елена родила прежде времени мертвое дитя. Я не плакалъ о немъ, потому-что болѣе всего боялся за жизнь матери. Но она была сохранена мнѣ Провидѣніемъ.

„На слѣдующую зиму, по просьбѣ жены, мы отправились въ Петербургъ, для развлеченія и свиданія съ родными Елены. Старушка княгиня Сицкая, общая наша благодѣтельница, умерла черезъ полгода послѣ нашей свадьбы.

„Надобно тебѣ замѣтить, другъ мой, что съ самаго пріѣз-

да нашего въ Петербургъ, характеръ милой моей Елены совершенно измѣнился: она сдѣлалась опять жива, весела, и даже ко мнѣ ласковѣе обыкновеннаго. Я приписывалъ это радости ея свиданія съ родными, съ которыми я даже знакомъ былъ доселѣ только черезъ письма. Родные эти были именно двѣ замужнія сестры покойной моей благодѣтельницы княгини Сицкой, съ кучею ихъ дѣтей обоего пола, которыхъ я и не видывалъ, потому что во время моей свадьбы ихъ еще не было въ Петербургѣ.

„Елена моя до такой степени полюбила одинъ изъ этихъ родственныхъ домовъ, что большую часть своего времени проводила тамъ. Я, какъ и всегда, былъ постояннымъ домосѣдомъ, и если бывалъ, такъ очень рѣдко, въ домахъ родныхъ моихъ по женѣ, которые почему-то всегда косо смотрѣли на меня.

„Въ такомъ порядкѣ были всѣ дѣла мои до слѣдующаго происшествія.

„Однажды, воротясь домой, послѣ утренней моей прогулки, я увидѣлъ у себя на дворѣ дорожную бричку, изъ которой усачъ лакей выгружалъ подушки, чемоданы и разныя вещи и переносилъ ихъ въ наши комнаты. Это меня удивило, тѣмъ болѣе, что я никого не ждалъ къ себѣ, даже не имѣлъ кого-бы ждать.

„— Кто это пріѣхалъ? спросилъ я лакея.

„— Александръ Александровичъ Гремскій, изъ Москвы, отвѣчалъ онъ.

„— Гремскій? повторилъ я въ раздумьи, и не могъ отыскать въ моей памяти такой фамиліи. Къ кому-же онъ пріѣхалъ?

„— Къ своимъ родственникамъ, ваше высокобрагородіе, не упомню только фамиліи, отвѣчалъ лакей, продолжая переносить вещи въ наши комнаты.

„Я подумалъ съ перваго раза, что тутъ была какая нибудь ошибка. Войдя въ переднюю комнату, я спросилъ у себя-ли барыня, и узналъ отъ человѣка, что она въ своемъ кабинетѣ съ пріѣзжимъ господиномъ.

„Это меня удивило еще болѣе, я отправился къ кабинету Елены; онъ былъ запертъ изнутри.

„Услыша мой легкій стукъ и голосъ, дверь скоро отво-

рили и я увидѣлъ Елену рука объ руку съ однимъ молодымъ франтикомъ, весьма недурной наружности.

„ — Рекомендую тебѣ, Александръ, начала жена моя, подводя ко мнѣ незнакомаго гостя, мужа моего, Дмитрія Ѳедосѣича Лунькова, а тебѣ, mon cher mari, моего кузена Александра Александровича Гремскаго; большаго повѣсу, отчаяннаго понтера, но между тѣмъ весьма милаго и добраго молодаго человѣка. Я, помнится, давно говорила тебѣ о немъ? Мы подружились съ нимъ еще въ дѣтствѣ, когда оба были въ пансіонахъ.... Помнишь, какой ты былъ ужаснѣйшій шалунъ и повѣса, Александръ?

„ Сказать правду, я что-то не помнилъ, когда Елена разсказывала мнѣ объ этомъ, какъ будто изъ земли выросшемъ, кузенѣ.... Но дѣлать было нечего: надобно принять ласково. Этого требуетъ приличіе. Онъ кузенъ моей Еленочки, да къ тому, въ самомъ дѣлѣ долженъ быть славной малой, потому что физіономія его понравилась мнѣ съ перваго взгляда. Я спросилъ, по какому случаю онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и почему я до-сихъ-поръ лишенъ былъ удовольствія познакомиться съ нимъ, хоть черезъ письма? Отвѣты молодаго человѣка были весьма просты и удовлетворительны. Онъ прежде жилъ въ одной изъ малороссійскихъ губерній. Гремскій пріѣхалъ по судебнымъ дѣламъ и не на слишкомъ долгое время въ Петербургъ, котораго онъ такъ давно ужъ не видывалъ, не писалъ онъ по обыкновенной разсѣянности и не досугамъ молодыхъ людей; однимъ словомъ, мы сошлись съ нимъ, какъ нельзя лучше.

„ — Гдѣ будетъ ваша постоянная квартира, любезный Гремскій? спросилъ я съ своего гостя, дружески, по солдатски пожимая его руку.

„ — Ты не осердишься, мой милой дружокъ, что я распорядилась немножко безъ твоего согласія? прервала слова мои Елена; Александръ остановится у насъ, и я приказала уже опростать для него мою гардеробную комнату. Мнѣ жаль было посылать его въ какую нибудь грязную и безпокойную гостинницу. Не правда-ли, ты одобришь мои распоряженія, мой другъ?

„ Дѣлать было нечего. Надлежало согласиться, тѣмъ болѣе,

что сдѣланннаго нельзя ужъ было переменить безъ явнаго неудовольствія между нами и пріѣзжимъ гостемъ.

„— За то мы все трое будемъ ближе другъ къ другу, сказала съ милою улыбкою Елена. Я теперь такъ весела и счастлива, какъ нельзя больше: право, я никуда даже не буду выѣзжать всѣ эти дни. Намъ будетъ весело дома!

„Въ самъ дѣлѣ, намъ и было весело во все продолженіе времени, пока гостилъ у насъ Гремскій.

„Это былъ живой и всегда веселый человѣкъ, умѣвшій хорошо говорить, и слѣдственно всякаго располагавшій въ свою пользу. Отхватать лихо мазурку со всѣми польскими пріемами, пропѣть модный романсъ, разсказать дневный анекдотъ, распить съ пріятелемъ полдюжины шампанскаго, иногда переметнутъ тайкомъ направо и налѣво — всѣ эти вещи были трынъ-трава для Гремскаго.

„Еленочка моя была просто безъ ума отъ своего кузена. Онъ былъ ея безсмѣннымъ кавалеромъ и въ городскихъ прогулкахъ, и въ бальныхъ танцахъ. Дома — они были также почти всегда вмѣстѣ, рука съ рукою. Гремскій или читалъ что нибудь вслухъ, или разыгривалъ съ нею сонату въ четыре руки, или просто сидѣлъ съ ней на диванѣ, мечтая о своемъ будущемъ. Мы такъ хорошо сошлись съ Гремскимъ, что даже начали говорить другъ другу ты. Еленочка восхищалась нашей дружбой.

„Теперь приступаю къ самому главнѣйшему происшествію въ моей жизни, любезнѣйшій Василій Васильичъ. Слушай-же внимательно, и учись узнавать женщинъ.

„Однажды вечеромъ — это было зимою, какъ теперь помню, мы всѣ трое сидѣли въ Еленочкиномъ кабинетѣ. Гремскій вдругъ оборотился ко мнѣ съ вопросомъ.

„— Послушай, cher Дмитрій; сдѣлаешь-ли ты для меня, о чемъ я сбираюсь сейчасъ попросить тебя?

„— Оченъ радъ. Что такое? спросилъ я.

„— Позволишь ты на завтрешній день увезти себя изъ Петербурга?

„— Какое нибудь новое дурачество! сказала улыбаясь Елена.

„— Совершенно напротивъ, отвѣчалъ Гремскій, цѣлуя

ея пальчики; я собираюсь сдѣлать дѣло, въ которомъ пособитъ мнѣ съ своей стороны мужъ твой, милая кузина.

„— Что-же это такое? спросилъ я опять.

„— Вотъ что: все дѣло состоитъ въ томъ, началъ Гремскій, что завтра утромъ я далъ слово моимъ пріятелямъ обѣдать вмѣстѣ съ ними въ загородномъ трактирѣ, который пока не хочу называть. У насъ тамъ заказанъ славный обѣдъ, приготовлено отличное шампанское, а главное: у меня съ полковникомъ Стрѣльскимъ будетъ пари на его пару гнѣдыхъ рысаковъ, перегонятъ-ли они моихъ? Ты, Дмитрій, долженъ быть знатокъ въ этихъ дѣлахъ, ты старый служака, и мы тебя выберемъ въ наши посредники, или лучше сказать, въ судьи.

„— Но, любезный мой Гремскій....

„— Ни слова болѣе, cher кузенъ, ты напередъ далъ мнѣ обѣщаніе, жена твоя — свидѣтельница.

„— Но ты знаешь, что я плохой товарищъ въ веселыхъ пирушкахъ. Я не краснобай, до шампанскаго не охотникъ....

„— Все равно, все равно; ну за то ты будешь моимъ менторомъ, Дмитрій, и недопустишь меня выпить больше полдюжины шампанскаго, чтобы явиться завтра вечеромъ на собственныхъ еще ногахъ къ моей хорошенькой кузинѣ, поцѣловать ея ручку.

„— Повѣса! сказала смѣясь Елена и ударила его вѣеромъ по рукамъ, которыя онъ протянулъ къ ней.

„— Ктому-же мнѣ страхъ хочется купить у Стрѣльскаго его рысаковъ. Ты сведешь насъ, Дмитрій. Онъ очень дорожится.... И такъ рѣшено; ты ѣдешь? Да?

„— Пожалуй, да; отвѣчалъ я нехотя.

„— Руку твою.

„Я подалъ ему мою руку.

„Съ вечера оба мы простились съ Еленочкой. Предположено было выѣхать изъ дому рано, чтобы побывать еще кой у кого изъ знакомыхъ Гремскаго. Елена шутя, при прощаньи, называлась ѣхать съ нами кататься и обѣдать за городомъ; Гремскій, отшучиваясь, отвѣчалъ ей со смѣхомъ, что у насъ и безъ нея, можетъ быть, будутъ тамъ очень хорошенькія дамочки; тѣмъ дѣло и кончилось.

„На другое утро, въ условный часъ, мы отправились къ

Стрѣльскому. У него ужъ была въ полномъ сборѣ толпа веселой молодежи. Завтракъ и водка стояли на столѣ; закусили и отправились шумной гурьбой въ назначенное за городомъ мѣсто.

„Само собою разумѣется, что дорогой много смѣялись, дурачились, обгоняли другъ друга, даже пили шампанское, садясь съ важностію на завалинки снѣга.

„Пышный, богатый обѣдъ ожидалъ насъ въ загородномъ трактирѣ. Бутылочныя батареи симметрически разставлены были по столу. Между тѣмъ время шло непримѣтно и нашъ обѣдъ кончился ужъ при огнѣ.

„Гремскій за столомъ сидѣлъ подлѣ меня и безпрестанно подливалъ вина въ мой стаканъ. Напрасно я отговаривался моею непривычкою къ крѣпкимъ французскимъ винамъ, слабымъ здоровымъ и проч. И Гремскій, и всѣ товарищи его приставали ко мнѣ, чтобы я пилъ, говоря, что одинъ разъ не въ счетъ, и что можетъ быть, это уже послѣдняя прощальная пирушка ихъ съ Гремскимъ, которому весною надобно было отправляться по первому пути въ Москву.

„Трудно было отговориться. Что дѣлать? Въ самомъ дѣлѣ одинъ разъ не въ счетъ, думалъ я, и безпрестанно опоражнивалъ мой стаканъ. Мудрено-ли, что въ головѣ моей скоро зашумѣло, въ глазахъ задвоилось и какой-то теплый, пріятный жаръ пробѣжалъ искрами по всему тѣлу.... Просто сказать, мудрено-ли, что я опьянѣлъ въ продолженіе обѣда.

„Къ концу стола, когда головы у всѣхъ собесѣдниковъ пришли въ такое-же положеніе, какъ и моя, языки развязались, глаза заблистали, пошли разные тосты шампанскаго....

„— Здоровье Гремскаго! Здоровѣе Лунькова! Здоровье Стрѣльскаго! раздавалось то въ томъ, то въ другомъ концѣ стола.... пробки хлопали, шампанское бѣжало золотистой струей въ бокалы, пили, пѣли, шумѣли, курили, чего не дѣлали? Помнится, даже я, скромный отъ природы, затянулъ какую-то русскую пѣсню.

„— Здоровье милыхъ петербургскихъ дамъ! закричалъ Гремскій, снова напѣнивая всѣмъ бокалы. Этого тоста нельзя не пить, господа! У каждаго изъ насъ, вѣроятно, есть въ Петербургѣ своя зазноба....

„Всѣ принялись за бокалы.

„— Я не могу больше, Гремскій, сказалъ я, съ трудомъ выговаривая; уволь меня отъ этого бокала; я скоро скачусь со стула....

„— Какой вздоръ! закричалъ Гремскій, и въ слѣдъ за нимъ вся кампанія; пей, непремѣнно пей! За здоровье твоей жены!

„— Нѣтъ, нѣтъ, это будетъ новый тостъ, господа прервалъ товарищей Гремскій. Дмитрій! Мы всѣ пьемъ за здоровье моей милой кузины!

„Вмѣсто одного, мнѣ пришлось теперь выпить два бакала, да третьимъ поблагодарить учтивыхъ товарищей.... Но какъ только я выпилъ эти три послѣдніе бокала, глаза мои, противъ моей воли, закрылись, голова затуманилась, и я уже не знаю, что со мною было. Помню только крикъ, гамъ, хохотъ, дребезжанье бокаловъ, какія-то дикія пѣсни.

„Тутъ Дмитрій Ѳедосѣичъ всталъ съ своего кресла передъ каминомъ и большими шагами началъ ходить по комнатѣ.

„— Что-же вы не продолжаете? спросилъ я; очень интересно узнать, чѣмъ все это кончилось?

„— Чѣмъ кончилось, молодой человѣкъ? сказалъ отрывисто Луньковъ, подходя ко мнѣ и кладя руку на плечо мое; ты ужаснешься, чѣмъ это кончилось.... Но за чѣмъ прерывать ходъ происшествія, мнѣ осталось немного разсказывать.

„Луньковъ опять сѣлъ; я съ нетерпѣніемъ придвинулъ мое кресло къ его. Поводя нѣсколько времени рукою по своему морщинистому лбу, какъ-бы сбираясь съ памятью, онъ продолжалъ отрывисто.

„— Не помню, долго-ли я спалъ. Не знаю даже твердо, спалъ-ли я? Эти ужасныя минуты какъ-будто вычеркнуты изъ моей жизни. Дѣло въ томъ, что не знаю, черезъ сколько времени я пришелъ въ себя, понялъ, что я живъ. Первое чувство, обнаружившееся въ моемъ самосознаніи, было чувство холода.... Я вздрогнулъ. Дрожь эта могла быть впрочемъ и не отъ одного холода: гдѣ я? Открываю съ трудомъ мои глаза.... ничего не вижу! Тьма кругомъ. Я началъ ощупывать себя руками — я раздѣтъ и сижу въ постели. Я смутно началъ припоминать, гдѣ я, что со мною, кто подлѣ меня?

Хотѣлъ закричать, кликнуть кого-нибудь — языкъ не могъ новоротиться и я снова съ закружившеюся головою и дрожью во всемъ тѣлѣ опустился на холодную подушку....

„Тутъ Дмитрій Ѳедосѣичъ опять всталъ съ своего кресла и нѣсколько разъ молча прошелся по кабинету.

„— Елена, продолжалъ онъ, въ эту ночь, какъ послѣ узналъ я, уѣхала въ Варшаву подъ защитою своего милаго кузена Гремскаго. Гремскій долженъ былъ въ началѣ нашей свадьбы ѣхать въ Малороссію за полученіемъ имѣнія послѣ старика отца; онъ получилъ его; дорогой пропилъ и проигралъ въ карты, потомъ явился къ ней. У нихъ было заранѣе обо всемъ условлено. Ужасенъ и поучителенъ былъ конецъ краткой и бѣдственной ея жизни въ Варшавѣ. Но довольно! — Ну? Хороша-ли моя исторія, любезный другъ?

„Я сидѣлъ, какъ окаменѣлый. Такой ужасной развязки я никакъ не ожидалъ.

„— Теперь вѣришь-ли ты хорошенькимъ женскимъ личикамъ? спросилъ Дмитрій Ѳедосѣичъ, таща меня въ гостиную комнату и снова открывая портретъ обольстительной Цирцеи.

„Я молчалъ. Мнѣ показалось, что у меня навертывались слезы, когда я смотрѣлъ на черты лица этой необыкновенной красавицы и вспоминалъ ужасный разсказъ Лунькова.

„— А пуще всего, продолжалъ съ мрачною улыбкою Дмитрій Ѳедосѣичъ, когда будешь жениться на красавицѣ, не старайся коротко знакомиться ни съ однимъ изъ ея кузеновъ, особливо, если они были друзья дѣтства!

„Мы простились молча.

„Съ-тѣхъ-поръ, друзья мои, я ненавижу женскіе портреты, и далъ себѣ честное слово никогда не влюбляться. Съ-тѣхъ-поръ, во всѣхъ обществахъ, чѣмъ лучше и красивѣе встрѣчается мнѣ женщина, тѣмъ скорѣе и дальше бѣгу я отъ нея, какъ отъ чумы, боясь встрѣтить новую Елену и подвергнуться не завидной участи Лунькова! Если-же я задумаю жениться, то постараюсь сначала узнать о характерѣ невѣсты и, главное, о ея ко мнѣ сердечномъ расположеніи.“

„Длинный разсказъ Василья Васильича Борецкаго продолжился гораздо за полночь и наши друзья-соперники принуждены были разойтись до завтра, не кончивъ ничего рѣшительно между собою.

—

ГЛАВА VII.

Странное дѣло! Ни вчерашняя пирушка, ни посредничество третьяго лица, то-есть, Василья Васильича Борецкаго, ни самый разсказъ его, имѣвшій цѣлію показать слушателямъ-соперникамъ женщину въ такомъ видѣ, что за нею ухаживать пристально у всякаго отпадетъ охота, однимъ словомъ ничто не подѣйствовало на нашихъ двухъ героевъ, такъ, какъ-бы слѣдовало, и они, увидѣвшись на другой день утромъ, разкланялись между собою очень сухо и даже холодно.

Послѣ довольно продолжительнаго взаимнаго выжиданія начать разговоръ о томъ, что слишкомъ интересовало ихъ обоихъ, Бѣльской сказалъ, вдругъ обращаясь къ своему сопернику:

— Ну, такъ какже, любезнѣйшій Петръ Григорьичъ? Вы вчера не кончили ничего опредѣлитетьнымъ образомъ?

— Я васъ хотѣлъ спросить сейчасъ объ этомъ-же самомъ, милостивый государь, сухо отвѣчалъ Черницкій.

— Я кажется, съ моей стороны, сказалъ вамъ вчера всѣ мои резоны.

— Точно также, какъ и я вамъ свои.

— Если у васъ дурна память, то я повторю вамъ, что я люблю Юлію Петровну, хочу на ней жениться и не уступлю ее никому иначе, какъ съ моею жизнію; кажется это очень ясно?

— Не можетъ быть яснѣе, только вы упускаете изъ виду-то, что и я самъ чувствую рѣшительно тоже, что вы; и дѣйствовать расположенъ точно также.

— То-есть, другими словами, вы хотите со мной драться на саблях или стрѣляться на пистолетахъ? хладнокровно сказалъ Бѣльской.

— Не прочь и отъ этого, если нельзя иначе, съ такимъ-же хладнокровіемъ отвѣчалъ Черницкій.

— Прекрасно! Только вы забыли, согласится-ли Юлія Петровна отдать свою руку тому, кто опозоритъ себя убійствомъ друга?

— Въ этомъ случаѣ и вашъ шансъ, если вы меня убьете, одинаковъ.

— И такъ?

— Къ вашимъ услугамъ!

Странное существо — мужчина! Неистово, дико любитъ онъ женщину въ ту минуту, когда видитъ, что она можетъ достаться сопернику. Не будь этого соперника, изчезни всѣ препятствія къ достиженію его цѣли — онъ, можетъ быть, остался-бы холоднымъ къ этой женщинѣ! Ужъ не гордость-ли свою мы называемъ любовію? Въ этомъ случаѣ женщина стоитъ много выше мужчины. Она любитъ, между тѣмъ какъ онъ хочетъ быть любимымъ. Похищеніе у ней предмета любимаго — наноситъ ей смерть. Похищеніе у него любимой женщины наноситъ смерть только дерзкому сопернику.

Скажи Юлія Петровна Ракитина одному изъ двухъ соперниковъ: я люблю и избираю тебя! дѣло-бы и кончилось этимъ. Въ нашъ вѣкъ насильно не женятся на дѣвушкѣ; наши два героя не были-бы даже и врагами другъ другу; но она не сказала ничего рѣшительнаго, показала одинакое расположеніе къ обоимъ и они готовы зарѣзать другъ друга, потому что тутъ ужъ дѣло шло не столько о любви, сколько объ оскорбленномъ самолюбіи. Да правду сказать, и самаго самолюбія тутъ было очень мало. Я бы, съ моей стороны, никогда не женился на дѣвушкѣ, которая сказала-бы мнѣ, что для нея все равно, достанется-ли она мнѣ или другому. Я бы всегда думалъ, что ей надобно подождать третьяго....

Но какъ-бы то ни было, вѣроятно ни одно изъ этихъ разсужденій не входило въ голову обоихъ героевъ моего разсказа и они рѣшились на весьма глупую вещь, то-есть,

на дуэль изъ-за женщины, которою каждый изъ нихъ хотѣлъ владѣть непремѣнно.

— Если невѣста одна, надобно чтобы у ней и женихъ былъ одинъ, говорили они и потому одинъ изъ насъ совершенно лишній человѣкъ на свѣтѣ; а кто этотъ лишній — мы узнаемъ скоро.

Но такъ какъ дуэль не бываетъ, по правиламъ, безъ секундантовъ, то надлежало-же выбрать кого-нибудь для этого щекотливаго, и безумнаго дѣла. Бѣльской отозвался, что у него въ Москвѣ нѣтъ ни одного знакомаго человѣка, которому можно-бы довѣриться безъ опасенія, тѣмъ болѣе, что оба они согласились по-крайней-мѣрѣ въ томъ, что эта дуэль должна оставаться вѣчною тайною для свѣта, для собственной выгоды того, кто останется въ живыхъ. Черницкій сказалъ, что онъ кромѣ Василья Васильича Борецкаго не находитъ также съ своей стороны никого, кому-бы могъ ввѣриться надежно.

— За скромность и вѣрность этого человѣка я ручаюсь, какъ за мои собственныя, сказалъ онъ.

— Если это такъ, то я не вижу никакой нужды имѣть другаго свидѣтеля въ этомъ дѣлѣ, отвѣчалъ на его слова Бѣльской. Пусть онъ будетъ секундантомъ у обоихъ насъ; это будетъ, по-крайней-мѣрѣ, ново и оригинально, какъ и самая причина, за которую мы деремся.

— Я съ моей стороны не имѣю ничего сказать противъ этого.

— Значитъ эта статья и покончена. Отправляемся сейчасъ-же къ нему, если вы свободны.

— Совершенно свободенъ.

И оба друга, или вѣрнѣе сказать теперь, оба смертельные врага отправились къ Василью Васильичу Борецкому, звать его на пиръ, только не на такой какъ вчера, а на кровавый. Чтобы не подать подозрѣнія въ домѣ Ракитиныхъ, гдѣ привыкли видѣть ихъ постоянно каждый день, съ общаго согласія послана была записка, въ которой объяснено, что Бѣльской и Черницкій должны отлучиться по дѣламъ дня на три или на четыре изъ города въ подмосковную деревню къ одному изъ общихъ ихъ знакомыхъ.

Можетъ себѣ представить читатель, какъ смутился, или

правильнѣе сказать, испугался нашъ добрый толстячекъ Василій Васильичъ Борецкій, когда два нежданные гостя вдругъ явились къ нему съ объясненіемъ, что они сегодня-же дерутся не на животъ, а на смерть, и что оба они его выбираютъ въ секунданты.

— Да что вы бѣлены что-ли объѣлись съ позаранку? спросилъ ихъ съ изумленнымъ видомъ Борецкій. Или еще въ головахъ вашихъ играетъ вчерашнее шампанское, или вы просто на просто уговорялись пошутить надо мною, господа?

— Ни то, ни другое, ни третье, любезнѣйшій Базиль, отвѣчалъ Черницкій.

— Мы совершенно не шутимъ, Василій Васильичъ, подхватитъ Бѣльской.

— Вздоръ!

— Повѣрьте....

— Сказки, господа! Я не такъ простъ, какъ вы думаете. Стараго воробья, есть русская поговорка....

— Оставь въ покоѣ ты своихъ воробьевъ, и русскія поговорки, Базиль, прервалъ его почти съ досадою Черницкій. Ему говорятъ дѣло, а онъ несетъ свое! Еще разъ: хочешь ты быть нашимъ общимъ секундантомъ? Да или нѣтъ?

— Но вы, право, рѣхнулись, господа?

— Не твое дѣло! Отвѣчай на мой вопросъ! да или нѣтъ?

— Разумѣется, да, если только это дѣйствительно не шутка съ вашей стороны, и если это не можетъ пойти какъ нибудь иначе....

— Не можетъ! сказать Черницкій.

— Никакъ не можетъ, добавилъ Бѣльской.

— И даже вчерашній мой разсказъ ничего не подѣйствовалъ на васъ господа? Вы все-таки хотите драться за женщину? спросилъ Борецкій.

— Хотимъ драться за женщину.

— Когда будетъ этая глупая потѣха?

— Сегодня-же.

— А если я сегодня занятъ? Не могу исполнить вашего требованія?

— Въ такомъ случаѣ прощай, мы будемъ драться безъ свидѣтеля.

— Это еще гдупѣе!

— Не наша будетъ вина, а твоя.

— Ну, если ужъ такъ, то я къ вашимъ услугамъ, господа; но какъ общій секундантъ вашъ, я кажется, имѣю полное право распросить васъ обоихъ обстоятельно, за что именно вы деретесь? Я еще довольно смутно знаю смѣшную исторію вашего общаго сватовства.

— Да что тутъ долго толковать, Базиль, сказалъ Черницкій. Ты все знаешь, какъ нельзя лучше. Мы оба влюблены въ одну дѣвушку. Ни одинъ изъ насъ не хочетъ, а можетъ быть и не можетъ уступить ее другому, и потому одинъ изъ насъ лишній на свѣтѣ.... Кажется, это очевидно?

— Однако....

— Безъ возраженій! Собирайся и ѣдемъ сейчасъ-же съ нами!

— Далеко?

— Версты за четыре, за пять....

— Но куда именно?

— Узнаешь, когда будемъ на мѣстѣ.

— Когда такъ — я буду готовъ въ десять минутъ, сказалъ на этотъ разъ съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ Василій Васильичъ, и началъ одѣваться, не торопясь впрочемъ и какъ будто выжидая, не возметъ-ли это щекотливое дѣло какого нибудь другаго оборота?

Другаго оборота не воспослѣдовало, а Василій Васильевичъ ужъ одѣлся. Надобно было ѣхать! Они и поѣхали.

У старушки Москвы бѣлокаменной такое множество прелестныхъ, и въ тоже время глухихъ окрестностей, что нечего затрудняться въ выборѣ мѣста, гдѣ бы можно въ тихомолку совершить дурное дѣло; только къ общему счастію эти дурныя дѣла слишкомъ рѣдки и почти сказочны у насъ. Въ одно изъ такихъ глухихъ мѣстъ прикатили трое героевъ моей сказки. Называть его по имени я не вижу большой надобности.

— Вотъ здѣсь, кажется, намъ будетъ очень удобно покончить наше дѣло, сказалъ Черницкій, озираясь кругомъ и видя, что они забрались въ такую лѣсную трущабу, что не только видѣть, и слышать ихъ почти нельзя было за версту.

— Да; здѣсь дѣйствительно очень хорошо, сказалъ Бѣль-

ской. Мѣсто какъ нарочно выбрано для насъ, вездѣ лѣсъ, глушь.... Ни откуда не видно.

— Ну, оно сверху-то видненько и здѣсь, хладнокровно замѣтилъ Борецкій, указывая друзьямъ на ясное голубое небо. Странно, какъ каждый изъ васъ торопится разквитаться съ жизнію! А кажется, она ни одному изъ васъ не должна бы еще надоѣсть. Вы оба такъ молоды....

— Опять за тоже, Базиль?

— Именно опять за тоже, сказалъ съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ Борецкій, садясь на одинъ полусгнившій пенекъ дерева. Въ послѣдній разъ, господа, спрашиваю васъ, какъ общій вашъ посредникъ, вы твердо и безвозвратно рѣшились на вашу смѣшную, чтобы не сказать глупую дуэль?

— Твердо!

— Безвозвратно.

— И эта дуэль, какъ говорите вы, должна быть, не театральная, гдѣ часто дѣло оканчивается простой царапинкой, и послѣ дюжиной шампанскаго за завтракомъ, а смертью одного изъ васъ?

— Да!

— Конечно!

— Въ такомъ случаѣ позвольте сказать вамъ: я даже не совсѣмъ понимаю, для чего эта дуэль должна имѣть мѣсто, а можетъ быть и опасныя послѣдствія для оставшихся въ живыхъ — о себѣ я ужъ не говорю....

— Какъ такъ?

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Да то именно, друзья мои, что если у васъ все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы одному изъ васъ умереть, то къ чему-же вамъ стрѣляться? Бросьте просто жребій, кому придется умереть, да и все тутъ!

— Да какимъ-же образомъ умереть-то, другъ Базиль? спросилъ съ недоумѣніемъ Черницкій.

— Какъ кто знаетъ, такъ и умирай. Счастливцу по жребію предоставляется это въ полное его распоряженіе.

Воспослѣдовало небольшое молчаніе.

— Я не хочу быть самоубійцею, проговорилъ наконецъ Бѣльской, послѣ небольшаго совѣщанія съ самимъ собою.

— Я также, прибавилъ Черницкій; и, право, такая смѣшная идея могла придти въ голову только тебѣ одному, другъ Базиль!

— А между тѣмъ, господа, продолжалъ съ тою-же обычною флегмою Борецкій, каждый изъ васъ никакъ не отказывается убить другаго на дуэли....

— Оно, коли ты хочешь — ты почти правъ съ одной стороны, Базиль, сказалъ послѣ новаго молчанія, Черницкій, за то съ другой стороны....

— Да тутъ другой-то стороны вовсе и нѣтъ, дружище Пьеръ; разсуди самъ хорошенько. Что вы на это скажете, Валерьянъ Григорьичъ? Вы хоть до-сихъ-поръ и молчите, но кажется, серьезно и глубоко обдумываете о глупости дуэлей?

— Я, право, не знаю, что мнѣ отвѣчать вамъ на это, Василій Васильичъ, задумчиво сказалъ Бѣльской. Въ вашихъ словахъ есть много правды, но....

— Какое тутъ но, любезнѣйшій Валерьянъ Григорьичъ, его вовсе нѣтъ, говорю я вамъ. А если вы находите мои слова не совсѣмъ пустыми, то позвольте прибавить мнѣ еще вотъ что: если разсуждать здраво и безъ малѣйшаго увлеченія, то я даже не вижу никакой достаточной причины и для того, чтобы одному изъ васъ непремѣнно должно было умирать, право такъ! Живите-ко себѣ оба. Одинъ женись, а другой.... Ну какъ быть; да вѣдь при томъ-же дѣло еще не извѣстное, на чьей сторонѣ будетъ и тутъ выигрышъ!

— Пока я живъ, я неуступлю никому Юліи Петровны! запальчиво вскричалъ Черницкій.

— Я также! сказалъ Бѣльской.

— Ну, право, вы смѣшны, какъ маленькія дѣти, господа! Да развѣ все-таки одинъ изъ васъ не уступитъ ее другому, когда этотъ другой прострѣлитъ ему насквозь черепъ или грудь? Развѣ это не все равно? Кабы можно было въ этомъ дѣлѣ сдѣлать силлогизмъ: хоть я и буду убитъ, за то мнѣ достанется Юлія Петровна! Ну, тогда-бы я не сказалъ вамъ обоимъ и слова; стрѣляйтесь себѣ, въ доброй часъ! А то вѣдь ужъ этого не можетъ-же быть? О чемъ-же вы толкуете?

— Но я бы не могъ перенести, такой потери, сказалъ

Черницкій, увидя, что другой владѣетъ рукой Юліи Петровны, я все-таки умеръ съ отчаянія.

— Я также, сказалъ Бѣльской.

— И прекрасно. Умирай себѣ благополучно тотъ, кому придется, а въ дуэли все-таки нѣтъ никакой необходимости, какъ сами вы видите, продолжалъ Борецкій. Лучше-же умереть естественною смертью, чѣмъ насильственною. Шансы совершенно одинакіе.

— Напротивъ, возразилъ Черницкій. Въ нашей дуэли можетъ быть жребій быть живымъ и слѣдовательно счастливымъ, падетъ на мою долю?

— Или на мою, прибавилъ Бѣльской.

— Да и въ томъ случаѣ, когда вы, безъ смертоубійства, бросите между собой жребій, кому владѣть вашей прекрасной Еленой, одному изъ васъ онъ выпадетъ-же на долю и жизнь и счастіе; это очень просто и естественно. Если у васъ обоихъ нѣтъ въ запасѣ другихъ, лучшихъ возраженій, господа, то согласитесь, что я говорю совершенную правду!

— Оно конечно....

— Почти такъ....

— Не почти такъ, а совершенно такъ, иначе быть и не можетъ и не должно.... Ну? что-же вы оба опять замолчали и задумались? Я жду вашего отвѣта; нельзя-же упрямо спорить противъ очевидности?

Но видно таковъ человѣкъ, я разумѣю человѣка или глупоупорнаго или легкомысленнаго, что онъ иногда споритъ и дѣйствуетъ противъ очевидности, потому что наши соперники въ любви, послѣ нѣсколькихъ споровъ и разногласія все-таки порѣшили тѣмъ, что они не хотятъ перемѣнить своего намѣренія, и непремѣнно стрѣляются безъ малѣйшаго отлагательства другъ съ другомъ. Можетъ быть тутъ замѣшалось и честолюбіе и взаимное опасеніе показаться смѣшными или даже и трусами. У сердца человѣческаго есть слишкомъ тонкія и деликатныя струны, звукъ ихъ почти не слышенъ: но тѣмъ не менѣе опасно трогать ихъ неосторожною, особенно посторонею рукою!

Услышавъ окончательное рѣшеніе друзей, непремѣнно стрѣляться теперь-же, Василій Васильичъ Борецкій только по-

качалъ головою, пожалъ плечами, плюнулъ не совсѣмъ учтиво, впрочемъ всторону и сказалъ хладнокровно:

— Ну, кума съ возу, куму легче. Было-бы сказано, а тамъ, какъ знаете! Кто умнѣе, тому и книга въ руки!

Но не книга была въ рукахъ у нашихъ двухъ соперниковъ, а пистолеты, въ чемъ маленькая разница, какъ согласится всякій.... Рѣшено было зарядить одинъ пистолетъ, рядомъ съ нимъ положить другой не заряженный, перемѣшать ихъ, закрыть платкомъ, потомъ выбрать каждому, какой кто захочетъ, и въ одно и тоже время спустить оба курка, приставя дуло прямо къ груди противника.

Шансовъ на жизнь, какъ видитъ читатель, тутъ не было никакихъ для одного изъ нашихъ сумазбродныхъ героевъ, какъ называлъ ихъ, весьма справедливо, толстячекъ Базиль Борецкій.

Когда два пистолета поданы были Борецкому, какъ общему секунданту, для того, чтобы онъ зарядилъ одинъ изъ нихъ роковою пулею, и потомъ накрылъ оба платкомъ. Два соперника отошли въ стороны, чтобы не видать этихъ приготовленій къ прекращенію жизни одного изъ нихъ черезъ нѣсколько минутъ....

Борецкій выполнилъ все, какъ слѣдуетъ, и позвалъ ихъ для роковаго выбора....

Черезъ пять минутъ пистолеты были въ рукахъ двухъ соперниковъ. Они подошли другъ къ другу; оставалось только поднять руку и пожать пальцемъ язычекъ....

Оба они были, по видимому, довольно спокойны, только блѣдны; руки ихъ не дрожали, но что происходило въ ихъ душахъ — это знали только они сами.

— Я готовъ! сказалъ наконецъ Бѣльской.

— Сочти три раза, другъ Базиль, сказалъ Черницкій, при третьемъ мы спустимъ курки....

И роковыя дула пистолетовъ устремились, или правильнѣе сказать, легли на груди сблизившихся молодыхъ безумцевъ, изъ которыхъ одинъ сейчасъ долженъ былъ пасть мертвымъ и обагрить своею кровію свѣжую траву уединенной глухой долины!...

А солнце такъ весело между тѣмъ свѣтило съ голубаго неба и играло на блестящихъ дулахъ роковыхъ пистолетовъ,

а птички такъ рѣзво и беззаботно порхали съ одной вѣтки на другую, не ожидая, что скоро спугнетъ ихъ съ дерева громкій ударъ смертоноснаго выстрѣла!

Василій Васильичъ всталъ хладнокровно, посвистывая, съ пенька, на которомъ сидѣлъ онъ и отошелъ нѣсколько къ сторонѣ.

— Разъ! проговорилъ онъ медленно.

Крупныя капли холоднаго пота зажемчужились на лбу каждаго изъ поблѣднѣвшихъ теперь еще болѣе соперниковъ...

Прошло нѣсколько тяжелыхъ мгновеній.... Борецкій молчалъ и какъ-будто не чувствовалъ себя въ состояніи произвести слово: два! и наконецъ роковое: три!

Оба противника въ одно и тоже время оборотили головы свои къ нему, какъ-будто говоря мутными своимъ взорами: „Да ну же, скорѣе! Не томи насъ по пустому!“

Но Василій Васильичъ Борецкій все молчалъ, какъ-будто не понимая выраженія этихъ безпокойныхъ взоровъ, и желая еще разъ слышать подтвержденіе живымъ словомъ того, что ему слѣдовало дѣлать....

Первый рѣшился заговорить Черницкій.

— Что-же ты остановился, другъ Базиль? спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ, своего общаго секунданта.

— Мы ждемъ васъ, милостивый государь! такимъ-же точно голосомъ, проговорилъ въ свою очередь и Валерьянъ Григорьичъ Бѣльской.

— Опустите ваши пистолеты, господа! Я хочу и долженъ, какъ благородный человѣкъ, сказать вамъ еще нѣсколько словъ! наконецъ промолвилъ Борецкій, подходя къ молодымъ людямъ.

Пистолеты были опущены.

— Что такое еще? спросили въ одинъ голосъ оба противника, безъ большой, впрочемъ, на этотъ разъ досады на новое промедленіе.

— Да вотъ что, началъ съ разстановкою Борецкій. За всякое дѣло надобно приниматься порядкомъ, какъ слѣдуетъ, иначе все выйдетъ на выворотъ. Ну, напримѣръ, гдѣ это видано, чтобы у двоихъ противниковъ былъ одинъ секундантъ?

— Ты только теперь надумался заговорить объ этомъ,

Базиль? съ вынужденною улыбкою сказалъ Черницкій; правду сказать — нашелъ удобную минуту....

— Имено нашелъ „удобную минуту", какъ говоришь ты, Петя, отвѣчалъ Борецкій. Пропусти я эту минуту и вы оба теперь лежали бы навѣрнякъ мертвыми у ногъ моихъ!

— Что такое говорите вы, Василій Васильичъ? Я совершенно не понимаю васъ! сказалъ Бѣльской, пристально вглядываясь въ безстрастное лице своего флегматическаго секунданта.

— А вотъ что: такъ какъ одинъ за всѣмъ не усмотришь, особенно въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ ваше, и даже подчасъ потеряешься совершенно, отвѣчалъ Борецкій, то и я, захлопотавшись съ вами, чуть было не сдѣлалъ сильной прорухи.... Осмотрите-ко хорошенько ваши пистолеты, друзья мои; кажется, я въ торопяхъ и заболтавшись съ вами, чуть-ли въ разсѣянности не зарядилъ оба вмѣсто одного, какъ слѣдовало по уговору, да хорошо еще, что вспомнилъ во время и не скомандовалъ вамъ: два! три! Вотъ-бы вышла славная штука!

Соперники осмотрѣли свои пистолеты и съ изумленіемъ, чтобы не сказать съ ужасомъ, увидѣли, что они оба были дѣйствительно заряжены самымъ исправнымъ образомъ!

— Прошу покорно! Вѣдь это дѣйствительно такъ! сказалъ еще болѣе поблѣднѣвшій Бѣльской.

— Да вѣдь ты, злодѣй, убилъ-бы насъ обоихъ на повалъ! вскричалъ почти не своимъ голосомъ Черницкій.

— То-есть, не я, а вы-бы убили другъ друга, еслибы спустили въ одно время курки, хладнокровно замѣтилъ Борецкій. Къ тому то я и говорю, что за всякое дѣло надобно приниматься порядкомъ, а не какъ-нибудь. Будь у васъ, какъ слѣдуетъ, два секунданта, вмѣсто одного, такой ошибки не могло-бы и случиться! Впрочемъ, изъ чего-же вы такъ

оба горячитесь? Моя разсѣянность могла повредить не обоимъ вамъ, а только одному.... Не извѣстно только которому! Подавайте сюда опять ваши пистолеты — я разряжу одинъ изъ нихъ и снова ихъ перемѣшаю. Теперь уже не ошибусь; будьте покойны.

Оба противника молча подали ему свои пистолеты. Борецкой принялъ ихъ и выстрѣлилъ изъ одного въ первое дерево.

Выстрѣлъ этотъ какъ-то странно и почти страшно подѣйствовалъ на обоихъ молодыхъ людей; они невольно вздрогнули, какъ-бы принимая пулю въ собственную грудь....

Борецкій отошелъ всторону и, перемѣшавши пистолеты, началъ тщательно укрывать ихъ бѣлымъ платкомъ.

— Фу, какъ это непріятно! сказалъ сквозь зубы Бѣльской, прохаживаясь въ ожиданіи неровнымъ шагомъ по уединенной долинѣ.

— Право, все это похоже на смѣшную комедію, по твоей милости, Базиль! сказалъ Черницкій.

— А по вашей милости эта комедія всё-таки кончится трагедіей, друзья мои, возразилъ Борецкій, окончивая свое дѣло. Кабы вы оба имѣли еще маленькое терпѣніе и захотѣли выслушать то, что я теперь еще придумалъ — можетъ быть, ваше дѣло окончилось-бы совсѣмъ иначе!

— Ну, право, сказалъ съ нетерпѣніемъ Бѣльской. Все это дѣло наконецъ начинаетъ надоѣдать мнѣ....

— Шутка, сколько прошло даромъ времени въ пустякахъ! подхватилъ Черницкій. Мнѣ уже просто поскорѣй-бы или стрѣлять, или завтракать.... Мой желудокъ начинаетъ громко кричать....

— Твой желудокъ умнѣе головы, другъ Петя! подхватилъ съ радостнымъ видомъ Борецкій, видѣвшій въ этихъ послѣднихъ словахъ какъ-будто якорь возможнаго спасенія. Ты говоришь дѣло. Умереть человѣкъ всегда успѣетъ еще и послѣ завтрака, а теперь настоящее время. Къ тому-же, если-бы вы оба согласились отложить на нѣсколько часовъ вашу дуэль, я бы за столомъ сообщилъ вамъ чудесную мысль, которая вошла мнѣ теперь въ голову — и даже надѣюсь, что вы оба одобрили-бы ее.

— А какая это мысль? нерѣшительно спросилъ Бѣльской, подходя къ своему секунданту.

— Какая-нибудь новая глупость? сказалъ Черницкій, также подходя къ нему.

— Въ томъ-то и штука, что это отнюдь не глупость, а просто геніальная мысль, отвѣчалъ почти съ увлеченіемъ Борецкій.

— Говори, что такое?

— Послушаемъ....

— Что-бы вы сказали, господа, если-бы я нашелъ вамъ средство обоимъ остаться живыми?

— Я васъ не понимаю, Василій Васильичъ! сказалъ изумленный Бѣльской.

— Ты бредишь что-ли, другъ Базиль, или просто смѣешься надъ нами? спросилъ почти обидѣвшись Черницкій.

— Ни то, ни другое. Я говорю правду и повторяю вамъ снова, что я придумалъ средство не стрѣляться вамъ.... Хотите знать это средство — пистолеты въ ящикъ и отправляемся завтракать въ загородный трактиръ, который близко отсюда, за бутылкою вина я разскажу вамъ его. Не понравится, опять воротимся сюда, вотъ и все. Согласны? Маршъ впередъ! Раскаяваться не будете — за это я вамъ ручаюсь; а умереть еще одинъ изъ васъ всегда успѣетъ — день великъ.

— Но это такъ странно....

— Ты большой чудакъ, Базиль....

— Посмотримъ, назовете-ли вы меня чудакомъ послѣ завтрака, сказалъ Борецкій, проворно укладывая пистолеты въ ящикъ, какъ-бы уже совершенно увѣренный въ согласіи на свое предложеніе. Ну, вотъ я и готовъ; пойдемте, господа!

Друзья, да, забылъ! — враги — переглянулись другъ съ другомъ, пожали плечами, улыбнулись немножко повеселѣе прежняго и молча послѣдовали за своимъ чудакомъ-секундантомъ, который скорымъ шагомъ выбирался уже изъ роковой пустынной долины.

—

ГЛАВА IV.

Черезъ часъ послѣ описанныхъ нами происшествій, два наши дуэлиста и третій секундантъ ихъ, сидѣли уже за завтракомъ на небольшомъ балконцѣ незатѣйливаго загороднаго трактира и курили сигары въ ожиданіи готовящихся котлетокъ съ горошкомъ и бивстекса — этихъ двухъ неизбѣжныхъ блюдъ каждаго загороднаго трактира, имѣющаго у себя всегда погребъ порядочный, но кюхню очень плохую, что можетъ быть зависитъ оттого, что гуляющіе за городомъ чаще пьютъ, нежели ѣдятъ.

— Езопъ, вѣдь помнится, отвѣчалъ, друзья мои — что онъ не знаетъ, куда идетъ? спрашивалъ Василій Васильичъ Борецкій своихъ двухъ собесѣдниковъ, въ ожиданіи завтрака и вина.

— Ну да; отвѣчалъ Черницкій: но что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что господинъ Езопъ, былъ отнюдь не глупъ, когда онъ отвѣчалъ такимъ манеромъ. Ну зналъ-ли, напримѣръ я, да и вы сами, друзья мои, отправляясь давича изъ Москвы, что мы собрались въ троемъ весело позавтракать за городомъ сегодня? Да даже допустивъ возможность этого завтрака — можно-ли было предполагать, что мы спросимъ себѣ три порціи, а не двѣ только, потому что.... Ну, да что объ этомъ толковать много. Вотъ, кажется, намъ несутъ и нашъ завтракъ.... Не знаю, какъ вамъ, господа, а мнѣ и ѣсть и пить хочется смертельно. У меня на воздухѣ всегда волчій аппетитъ.... Я думаю, не заказать-ли намъ еще чего нибудь? Эй малой! У васъ здѣсь еще есть что нибудь для стола?

— Все, что угодно, сударь!

— Ветчина есть?

— Ветчины нѣтъ, сударь.

— Ну, а этакъ, ботвиньицу сварганить нельзя-ли?

— Можно сударь, только еще рыбы не приносили изъ Москвы.

— Ну, хоть для риѳмы, къ водкѣ нѣтъ-ли селедки, дружище?

— Селедки были, да всѣ вышли.

— Ну да наконецъ, что-же у васъ есть еще, кромѣ котлетокъ и бистексу?

— Чай есть цвѣточный, и кофе отличный съ сухарями.

— Ну и на томъ спасибо! Приготовь-же кофе; да только не холоднаго, слышишь?

— Слушаю, сударь, будьте покойны.

— Ну ступай-же, не торчи здѣсь. Кликнемъ когда нужно.

Малой шаркнулъ замысловато кривой ногой и отправился на кухню, на которой для посѣтителей загородныхъ гуляньевъ готовилось и имѣлось что угодно, кромѣ того, что имъ было надобно. Впрочемъ, такія вещи случаются у насъ и не въ однихъ загородныхъ трактирахъ.

Завтракъ шелъ, какъ нельзя лучше. Наши трое друзей никогда не кушали съ такимъ прекраснымъ аппетитомъ, къ тому и бивстексъ и котлеты оказались очень сносными, а вино было даже очень хорошо. Человѣкъ за городомъ не такъ прихотливъ, какъ въ самомъ городѣ. За столомъ, на чистомъ воздухѣ, особенно послѣ долгой прогулки, поваровъ не пробуютъ, потому что бываютъ всегда слишкомъ снисходительны.

Странное дѣло: этотъ неприхотливый, особливо въ сравненіи съ вчерашнимъ богатымъ ужиномъ, завтракъ на чистомъ воздухѣ, какъ-то весьма благодѣтельно подѣйствовалъ и на самое расположеніе духа обоихъ нашихъ антагонистовъ! Физіономіи ихъ какъ будто измѣнились; они оба вдругъ подобрѣли, если можно такъ выразиться; въ глазахъ погасла злобная и желчная ненависть, которая такъ ярко блистала утромъ, губы порозовѣли и воротились къ своей обычной веселой улыбкѣ молодости; однимъ словомъ, оба они опять сдѣлались милыми и увлекательными молодыми людьми, какими зазналъ ихъ читатель въ первыхъ страницахъ нашего разсказа. Великая вещь во-время удовлетворенный желудокъ. Голодный, онъ подчасъ опаснѣе неудовлетвореннаго честолюбія.

Въ этой послѣдней истинѣ, кажется, всѣхъ болѣе былъ убѣжденъ Василій Васильичъ Борецкій, этотъ добрый, хотя по видимому и флегматическій, толстячекъ, такъ кстати по-

мѣшавшій своею разсѣянностію, а можетъ быть и съ умысломъ, нашимъ молодымъ безумцамъ стрѣляться. Поберегъ ихъ — ихъ ангелъ-хранитель, когда внушилъ имъ обоимъ выбрать себѣ такаго секунданта! Василій Васильичъ Борецкій очень вѣрно разсчелъ про себя, что въ такомъ опасномъ дѣлѣ, какова была предположенная утромъ дуэль—выиграть отсрочку, почти тоже, что выиграть половину дѣла.... За то, какъ-же теперь и веселъ былъ этотъ добрый толстячекъ Борецкій за простымъ, но слишкомъ значительнымъ для него завтракомъ! Никогда онъ не былъ такъ словоохотливъ и развязенъ и никогда слова его не имѣли такой убѣдительности, какъ теперь! Только все еще не совсѣмъ было спокойно доброе лицо его; все еще тонкія и довольно частыя морщинки — какъ маленькія тучки въ ясное утро, порою набѣгали на открытый лобъ его. Добрякъ чувствовалъ, что великій подвигъ его сберечь жизнь ближняго, еще только на половинѣ пути. Надобно было окончить начатое; а какъ еще окончишь! можетъ быть буря затихла — но надолго-ли? Не забунтуетъ-ли она черезъ нѣсколько минутъ сильнѣе прежняго? Желанный берегъ видѣнъ — да доплыветъ-ли до него утлая ладья и не истощатся-ли силы кормчаго?

Но какъ бы то ни было, все-таки по окончаніи довольно сытнаго, хотъ незатѣйливаго завтрака, запитаго порядочнымъ виномъ, наши двое антогонистовъ обратились естественнымъ образомъ къ своему посреднику съ вопросомъ: чѣмъ-же наконецъ и какъ должно окончиться начатое дѣло, и что такое онъ хотѣлъ еще предложить имъ своими мудреными намеками на возможность миролюбивой сдѣлки?

Василій Васильичъ Борецкій помолчалъ нѣсколько минутъ, потеръ рукою лобъ, какъ будто пріискивая въ мозгу своемъ дара краснорѣчиваго убѣжденія, потомъ вылилъ въ свой стаканъ остатокъ лафита, который пили они всѣ трое вмѣстѣ за завтракомъ, и прихлебывая его съ разстановкою, началъ:

— Да, любезные друзья мои, я обѣщалъ вамъ придумать,

или лучше сказать, я уже придумалъ средство избавить васъ и отъ безразсудной вашей дуэли.

— Это какимъ-же образомъ? спросилъ съ недовѣрчивою улыбкою Бѣльской.

— Это любопытно узнать! сказалъ въ свою очередь Черницкій, затягиваясь сигаркой, которая никогда ему не казалась такъ сладка, какъ теперь.

— Друзья мои, продолжалъ съ прежними разстановками и прихлебываніемъ лафиту Борецкій. Выслушайте меня внимательно: положимъ такъ, что мы теперь, позавтракавши, отправились-бы на старое мѣсто, чтобы кончить то, что было давича не совсѣмъ удачно начато....

— Положимъ! сказалъ Черницкій.

— Ну вотъ вы-бы принялись опять за ваши пистолеты, опять-бы приставили ихъ къ груди одинъ другаго и.... пафъ! Одинъ бы изъ васъ лежалъ ужъ мертвецомъ — такъ-ли?

— Такъ, сказалъ Бѣльской.

— Ну теперь, господа, я спрашиваю того изъ васъ, кому-бы пришлось быть покойникомъ, не счелъ-ли бы онъ за особенное и большое благодѣяніе для себя, еслибы судьба послала ему возможность прожить на бѣломъ свѣтѣ еще десятка полтора, а можетъ и два, лѣтъ, не трогая ни его репутаціи ни.... однимъ словомъ, ничего?

— Конечно такъ; сказалъ Черницкій.

— Но такое предположеніе совершенно несбыточно, сказалъ Бѣльской.

— Я хочу, отвѣчалъ Борецкій, вмѣсто смертной дуэли за женщину предложить вамъ вотъ что: заключите между собою словесный, по дружески, контрактъ или условіе, какъ хотите назовите, такого рода: кому достанется по жребію быть убитымъ, пускай тотъ отправляется подальше куда нибудь.... хоть, напримѣръ, въ Ситху, куда даже компанія пріискиваетъ умнаго и надежнаго человѣка, съ большимъ жалованіемъ—для своихъ коммерческихъ дѣлъ на пятнадцать лѣтъ, а оставшійся пускай женится на Юліи Петровнѣ Ракитиной, съ тѣмъ условіемъ, что въ теченіе этихъ пятнадцати или семнадцати лѣтъ уѣхавшій не долженъ о себѣ напоминать ни од-

нимъ словомъ — какъ будто исчезъ съ лица земли. Ну, а ужъ что будетъ послѣ — пусть рѣшитъ время. Такимъ образомъ, оба вы выиграете жизнь, которая, право, очень хороша, и одинъ изъ васъ женщину, которая сводитъ васъ съ ума....

— Что за вздоръ!

— Что за нелѣпость!

Эти два восклицанія вырвались у обоихъ противниковъ въ одно и то-же время.

— Ничуть не вздоръ, и отнюдь не нелѣпость, продолжалъ съ тѣми-же хладнокровными разстановками Борецкій. Разсудите хорошенько все дѣло! Пусть съ перваго взгляда мое предложеніе заключить такой контрактъ и кажется нелѣпымъ, но все-таки развѣ оно не лучше для каждаго изъ васъ смерти въ ваши года, когда еще человѣку такъ хочется и такъ хорошо жить! Повѣрьте, вы послѣ протянете другъ другу руку и скажете съ улыбкой: ну, братъ! подурачились-же мы съ тобою съ молоду. Право, кажется, на вашемъ мѣстѣ, я бы не сталъ и разсуждать долго, просто бы протянулъ руку и сказалъ, не задумываясь: я согласенъ!

— Но все это такъ странно, такъ невѣроятно, любезнѣйшій Василій Васильичъ! сказалъ послѣ небольшаго молчанія Бѣльской.

— Да и какимъ-же образомъ все это устроить? спросилъ съ разстановкою Черницкій, поглядывая въ нерѣшимости на своего друга.

— Устроить все очень просто, подхватилъ убѣдительнымъ тономъ Борецкій, замѣчая, что оба противника видимо уже подавались на его предложеніе, не смотря на всю его странность. Устроить все просто, говорю я вамъ. Вмѣсто того, чтобы бросать жребій, кому кого убить, напишите каждый по стихотворенью — въ похвалу Юліи Петровнѣ, — перепишите одной рукой, не подписывая имени автора, и пусть она скажетъ, которое ей больше нравится.... Чьи риѳмы придутся ей по сердцу, тотъ и женись, а другой отправляйся въ

Ситху, куда я серьезно берусь вѣрнымъ и выгоднымъ образомъ отправить одного изъ васъ. Выгоды эти будутъ даже такъ велики и значительны, что при изъявленномъ вами рѣшительно намѣреніи отправиться туда и ваши домашніе никакъ нерѣшатся мѣшать вамъ, тѣмъ болѣе, что оба вы балованные дѣтки вашихъ папенекъ и маменекъ. Въ невѣстѣ вамъ сомнѣваться нечего, какъ сами-же вы говорите — она не откажетъ ни одному изъ васъ, если только другой мѣшать не будетъ — хоть сказать между нами, я не совсѣмъ понимаю въ женщинѣ любовь такого рода.... Но объ этомъ ужъ нечего толковать съ вами. И такъ что-же? Да, или нѣтъ? Отвѣчайте мнѣ рѣшительно. Если да, то сейчасъ велимъ себѣ подать шампанскаго и примемся за заключеніе вашего контракта, въ которомъ я буду общимъ вашимъ свидѣтелемъ; если же нѣтъ — то баста! отправляемся опять на давишнее мѣсто втроемъ, для того, чтобы оттуда воротиться двоимъ только.... двоимъ только! Разжуйте хорошенько эти слова, молодые люди, и отвѣчайте мнѣ рѣшительно.... Я жду!

Здѣсь добрый толстячекъ Борецкій допилъ однимъ разомъ свой стаканъ съ лафитомъ, крякнулъ и отеръ потъ со лба, какъ человѣкъ, уставшій отъ непривычнаго дѣла.

Оба молодые люди задумались не на шутку — да правду сказать и было о чемъ! Жизнь для человѣка не такъ дешева, какъ думается подъ иную горячую минуту.... Нѣсколько минутъ продолжалось общее молчаніе.

— Я жду вашего рѣшительнаго отвѣта, господа! снова сказалъ Борецкій, взглядывая поочередно то на Бѣльскаго, то на Черницкаго.

Молодые люди также въ свою очередь теперь переглянулись значительно другъ съ другомъ.

— Что ты скажешь на все это, другъ Валерьянъ? спросилъ наконецъ Черницкій Бѣльскаго.

— Какъ хочешь,... Я буду согласенъ съ твоимъ мнѣніемъ, другъ Пьеръ; отвѣчалъ Бѣльской.

— Жизнь или смерть? спросилъ опять Черницкій.

— Шампанское, или пистолеты? подхватилъ Бѣльской.

И оба друзья - враги, отчасти съ отуманенными отъ навернувшихся слезъ глазами, отчасти съ молодымъ веселымъ хохотомъ, протянули другъ другу руки....

— Браво! вскричалъ Борецкій. Не даромъ-же пропало мое краснорѣчіе.... Эй! вина! За общее здоровье! Я никогда не былъ веселъ, какъ теперь! Я даже какъ будто поздоровѣлъ и помолодѣлъ отъ этого чудеснаго въ моей жизни дня!

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое друзей нашихъ были уже на обратномъ пути въ Москву.

На другой-же день стихи были сочинены, переписаны, по условію, одною рукою, и отданы Юліи Петровнѣ. Стихи Бѣльскаго ей понравились гораздо больше стиховъ Черницкаго.

— Я выигралъ! весело вскричалъ Валерьянъ Григорьичъ, увидѣвшись съ Черницкимъ у Борецкаго.

— Я проигралъ! печально сказалъ Черницкій. Впрочемъ, я люблю путешествовать, и, въ настоящемъ случаѣ, я очень радъ, что поѣду въ Ситху. Не смотря на свои слова, выражавшія его равнодушіе, голосъ его сильно дрожалъ отъ душевнаго волненія.

— А я, съ своей стороны, скажу, повершилъ толстячекъ Борецкій, утѣшая и успокоивая Черницкаго, что мудрено рѣшить еще теперь, любезный другъ мой, на чьей сторонѣ остается настоящій и истинный выигрышъ. Сердце человѣче-

ское, да и наша будущность — такія потемки, въ которыхъ, право, ни чей опытный и зоркій глазъ не разберетъ ничего порядочно.... Вѣрнѣе всего только то, что оба вы будете жить — слѣдовательно оба въ выигрышѣ, и я третій, а тамъ будь, что будетъ!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛѢСНОЙ ЦАРЬ.

(ИЗЪ ГЕТЕ.)

Кто мчится такъ поздно подъ вихремъ ночнымъ?
Это — отецъ съ малюткой своимъ.
Мальчика онъ рукой охватилъ,
Крѣпко прижалъ, тепло пріютилъ!
— Что все личикомъ жмешься, малютка, ко мнѣ? —
«Видишь, тятя, лѣснаго царя въ сторонѣ?
Лѣснаго царя въ вѣнкѣ съ бородой?»
— Дитятко — это туманъ сѣдой.

«Ко мнѣ мой малютка, со мною пойдемъ,
Мы славныя игры съ тобой заведемъ....
Много пестрыхъ цвѣтовъ въ моемъ царствѣ растетъ,
Много платьевъ златыхъ моя мать бережетъ.»
— Тятя, тятя.... слышишь — манитъ,
Слышишь, что тихо мнѣ онъ сулитъ? —
«Полно-же, полно — что̀ ты сынокъ?
Въ темныхъ листахъ шелеститъ вѣтерокъ.»

«Ну-же, малютка, не плачь, не сердись.
Мои дочки тебя, чай, давно заждались.
Мои дочки теперь хороводы ведутъ;
Закачаютъ, запляшутъ тебя, запоютъ....»
— Тятя, тятя — за гущей вѣтвей
Видишь лѣснаго царя дочерей? —

«Дитятко, дитятко.... вижу я самъ
Старыя ивы за лѣсомъ вонъ тамъ.»

«Ты мнѣ любъ.... не разстанусь съ твоей красотой;
Хочешь не хочешь, а будешь ты мой...»
— Родимый, родимый.... меня онъ схватилъ....
Царь лѣсной меня больно за шею сдавилъ.... —
Страшно отцу. Онъ мчится быстрѣй.
Стонетъ ребенокъ и все тяжелѣй....
Доскакалъ кое-какъ до двора своего....
Дитя-же былъ мертвъ на рукахъ у него.

АП. ГРИГОРЬЕВЪ.

—

***

Мой другъ! когда твои прекрасные глаза,
Въ минуты грустныя, жемчужная слеза,
Какъ свѣтлою росой цвѣтокъ весны, увлажитъ,
И имя, нѣкогда любимое тобой,
Теперь забытое, какъ дѣтства сонъ пустой,
Съ невольнымъ трепетомъ, тоскуя сердце скажетъ;
Тогда глубоко я тебя, мой другъ, люблю,
Тогда съ участіемъ я на тебя смотрю,
И тайной завистью, и ревностью томимый,
Я думаю: зачѣмъ не я тотъ другъ любимый,
Къ кому несешься ты завѣтною мечтой?
О комъ живая грусть, такъ нѣжно и свободно
Проснувшися на мигъ, нарушила покой,
Покой души твоей, столь гордой и холодной
Но лишь прекрасныхъ чувствъ замретъ въ тебѣ порывъ —
И равнодушная, безчувственная снова,
На чувство теплое, на любящій призывъ
Насмѣшкой колкою отвѣтить ты готова, —
Тогда вновь холодно и грустно я гляжу

На милый образъ твой, и полнъ негодованья,
За ревность, за мечты, за тайныя желанья —
Неумолимо я себѣ упрекъ твержу....

А. ЗИМЕНКО.

—

КОГО ЛЮБИТЬ?

Нѣтъ! нѣтъ! мои друзья! повѣрьте! никого
Я не люблю! И сами вы скажите,
Кого любить и для чего?
Съ улыбкой на меня, съ насмѣшкой не глядите,
Я правду говорю. Себя-бы самаго
Я радъ подъ часъ любить заставить,
Но чувствую, что сердца своего
Не побѣдить и не исправить, —
И не изъ гордости. О! нѣтъ! я признаюсь,
Что вѣрю я любви.... но я ея боюсь.
Не смѣйтесь, я себя давно ужъ знаю!
И чувствую, что если я влюблюсь,
То полюблю безумно, безразсудно,
Чему въ нашъ вѣкъ повѣрить трудно,
Но что случается подчасъ
Съ глупцомъ и съ геніемъ у насъ.
Я какъ глупецъ влюбился-бы. Къ чему-же
Мнѣ мучить самаго себя,
Ребяческой души всю силу обнаружа
И безраздѣльно полюбя,
Все въ жертву той отдать, которая отвѣтитъ
Одной холодностію мнѣ,
Иль не пойметъ меня, иль просто не замѣтитъ
Тѣхъ чувствъ, которыя въ сердечной глубинѣ
Далеко отъ людей таятся
И выказать себя передъ людьми боятся.

—

Но я люблю смотрѣть на женщинъ, изучать
Ихъ впечатлѣнья, мысли, чувства,
Въ непринужденности и простотѣ встрѣчать
Разсчеты тонкаго искусства.
Мнѣ весело глядѣть на опытныхъ Цирцей,
На ихъ уловки, рядъ приманокъ и сѣтей,
Разставленныхъ художнически вѣрно,
Въ которыя онѣ сѣдыхъ дѣтей,
Съ такою хитростью примѣрной,
Такъ ловко ловятъ, къ сраму нашихъ дней.
Люблю я видѣть съ гордой миной,
Гуляющихъ живой картиной
Зѣвототворныхъ нашихъ дамъ.
Дивлюсь я ихъ растрепаннымъ кудрямъ,
Ихъ рыбьимъ взглядамъ, лицамъ гибкимъ,
Смѣшнымъ, натянутымъ слезамъ
И жалкимъ, приторнымъ улыбкамъ.
И встрѣтить мнѣ отрадно между нихъ,
Красавицъ мертвенно-пустыхъ,
Простую дѣвушку безъ вздоховъ и ужимокъ,
Въ лицѣ которой есть душа,
Которая, хотя собой не хороша,
Но не статуи мертвый снимокъ.
И часто, встрѣтяся съ такой
Не здѣшней дѣвушкой, я думаю порой:
Зачѣмъ-же никого я здѣсь любить не смѣю,
Хоть чувствомъ пламеннымъ богатъ?
Конечно этому я радъ,
Но все-жъ объ этомъ я жалѣю!

В. ЗОТОВЪ.

—

ТРИ ЛИСТКА ИЗЪ ДНЕВНИКА СУМАСШЕДШАГО.

I.

Какой-то горестный недугъ
Могильнымъ холодомъ все сердце обливаетъ,
Мнѣ тяжело, душа моя страдаетъ,
Нѣтъ друга у меня, а мнѣ такъ нуженъ другъ....
Я-бъ высказалъ ему свои страданья,
Я-бъ передалъ ему завѣтныя желанья
Моей души, и было-бъ легче мнѣ:
Онъ понялъ-бы, что̀ здѣсь въ сердечной глубинѣ....
Но я одинъ, мнѣ не съ кѣмъ подѣлиться
Избыткомъ чувствъ своихъ. — Заброшенный судьбой,
Стою подъ бурею съ открытой головой
И не съ кѣмъ плакать мнѣ, и не съ кѣмъ веселиться.

II.

Листокъ-ли задрожитъ на вѣткѣ обнаженной
Отъ легкаго дыханья вѣтерка,
Внезапно звукомъ пораженный —
Я думаю тогда, издалека
Идетъ ко мнѣ она въ пріютъ уединенный.
И мнѣ все кажется, что точно слышу я
Завѣтный шелестъ ногъ ея,
Знакомый шумъ грограноваго платья....
И долго я стою, не смѣя ни вздохнуть,
Ни глазъ поднять, полураскрывъ объятья,
Покудова слеза не упадетъ на грудь.

III.

Для чего свои очи порою
Закрываешь ты бѣлой рукою?
Или смотришь задумчиво въ даль....
Аль тебѣ друга милаго жаль? —

Не тоскуй, не смотри такъ уныло:
Ты сама-же его погубила,
Не твоя-ли злодѣйка любовь
Заморозила юную кровь?...
Онъ тобой лишь страдалъ, и страданья
Перенесъ безъ тоски, безъ роптанья,
Ждалъ отрады — и вотъ, далеко,
Подъ землею залегъ глубоко.
И могила его ужъ забыта,
Словно тѣло безъ чувствъ въ ней зарыто,
Только позднею ночью надъ ней
Еще стонетъ душа-соловей.
И подъ стонъ тотъ мертвецъ одинокій
Вспоминаетъ о дѣвѣ жестокой,
Вновь въ немъ страсти былыя кипятъ,
Глухо кости объ кости стучатъ.
Не найдя и въ могилѣ забвенья,
Полонъ онъ все любви да томленья,
И когда-бъ не держала земля,
Онъ пришелъ-бы взглянуть на тебя....

И. КАРЕЛИНЪ.

—

УТОПАЮЩІЙ.

—

(*Басня*).

—

«Тону! тону!» кричалъ мужикъ въ рѣкѣ:
«Голубчики, спасите!
Послѣднее возьмите!
Все, что найдете въ сундукѣ,
Пожитки,
И все — до нитки!

Все вамъ отдамъ за душу...
И даже дочку Грушу!» —
Откуда ни возьмись крестьянинъ молодой,
Къ рѣкѣ.... бултыхъ! и борется съ волной,
Чуть чуть не гибнетъ самъ, однако, всею силой,
Выноситъ на себѣ отца красотки милой....
И думаетъ: «Счастливецъ я!
Теперь она моя.»
И вотъ ведетъ спасеннаго въ избушку,
И ставитъ передъ нимъ яичницу, ватрушку,
И травничекъ, чтобъ сердце отогрѣть....
Старикъ обсохъ, какъ муха встрепенулся,
И говоритъ: «Вѣдь я-бъ не захлебнулся,
И тутъ-бы не бывать большой бѣдѣ —
Да та́къ.... не нравится сидѣть въ водѣ....
Самъ разсуди — въ водѣ-ли, иль на сушѣ!
Ктому-же, и вода мнѣ затопила уши....
Ну, просто, я-бы до костей промокъ....
Спасибо, другъ, что ты помогъ.» —
Читатель спроситъ: Что̀-же дальше было? —
А вотъ что̀: Молодецъ вздохнулъ уныло
И говоритъ: «Послушай, старичекъ, —
Пускай, по твоему, что ты хоть покупался, —
Да, помнишь, ты вѣдь обѣщался
Отдать и полный сундучекъ,
И даже дочку Грушу....
Такъ вотъ, родимый мой, повѣрь, я не шучу:
Твоихъ пожитковъ я нисколько не хочу;
А ужъ за то̀, что я втащилъ тебя на сушу —
Отдай мнѣ Грушу!»
— Нѣтъ, — говоритъ, съ ужимкою, старикъ:
Ты прешутникъ!...
Вѣдь мнѣ не жаль, и самъ ты это знаешь;
Да ты, дружокъ, вѣдь просто пострадаешь:
Возьмешь жену — ей надо пить и ѣсть,
А у тебя почти-что не на чѣмъ и сѣсть....
И хоть она завидная дѣвица,
Да есть пословица: жена — не рукавица,
Съ руки вѣдь не стряхнешь....
А вотъ, годокъ-другой, иль третій подождешь,
Да побогаче выстроишь избёнку —
Тогда и въ руки женку....

Она-же молода, пускай до этихъ поръ
Сидитъ красавица смирнехонько за прялкой.

—

Какъ тонутъ, всѣ сулятъ топоръ,
Спаси — и топорища жалко.

Н. СУСЛОВЪ.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ИСТОРІЯ МАРІОНЕТОКЪ У ДРЕВНИХЪ.

(Статья Шарля Маньена.)

I. ПЕРВООБРАЗЪ МАРІОНЕТКИ. — ИДОЛЪ. — ПОДВИЖНОЕ ВАЯНІЕ.

Всѣмъ извѣстно, что *маріонетками* называются куколки, деревянныя, костяныя, глиняныя или просто сшитыя изъ тряпокъ, и которыхъ гибкіе члены приводятся въ движеніе искусною, невидимою рукою, посредствомъ веревочекъ, проволокъ или струнъ. Шарль Нодье, въ двухъ остроумныхъ статьяхъ [1], старался доказать, что дѣтская кукла есть безспорно первый типъ маріонетки. Изъ этой смѣлой посылки онъ выводитъ заключеніе, что маріонетки современны первой дѣвочкѣ, ибо первая дѣвочка, по врожденному инстинкту материнства, непремѣнно должна была изобрѣсть куклу. Ничего не можетъ-быть восхитительнѣе, замысловатѣе представленнаго ученымъ академикомъ анализа первой драмы, которую онъ называетъ *Драмою куклы*, этого прелестнаго разговора, на одинъ голосъ, въ которомъ дѣвочка такъ вѣрно принимаетъ тонъ и осанку матери и журитъ маленькую лѣнивицу, маленькую лакомку, маленькую болтушку! Дѣйствительно, это драма въ зародышѣ. Правда, что тоже можно сказать обо всѣхъ дѣтскихъ играхъ, въ которыхъ въ тысячѣ формахъ про-

[1] Revue de Paris, nov. 1842, mai 1843.

является уже начало столькихъ великихъ вещей, инстинктъ подражанія. Однако-же, еслибъ я смѣлъ предложить свое мнѣніе въ этомъ важномъ вопросѣ эстетики, я сказалъ бы, что не признаю куклы началомъ, а тѣмъ менѣе типомъ маріонетки. Кукла, по моему, даже не есть первое и самое простое порожденіе пластическаго творчества. Палка, на которой ѣздитъ верхомъ братецъ помянутой дѣвочки, есть болѣе простое, болѣе первобытное выраженіе этого инстинкта.

Первое проявленіе раждающагося пластическаго творчества есть деревянный чурбанъ, идолъ, который мало-по-малу принимаетъ опредѣленныя формы, и дѣлается сплошною статуею (ξόανο). Потомъ этотъ идолъ раскрашивается, одѣвается, убирается цвѣтами и дорогими украшеніями; этого еще мало; жрическое искусство, придавъ этому чурбану нѣкоторые внѣшніе признаки жизни, старается одарить его и характеристическимъ признакомъ не только бытія, но и могущества: движеніемъ. Изъ этого притязанія родилось механическое статуйное искусство, представляющее въ исторіи искусства особенную ступень, на которую, мнѣ кажется, критики донынѣ не обращали надлежащаго вниманія. Дѣйствительно, нельзя не удивляться тому, что эта ребяческая хитрость, придуманная въ надеждѣ довершить обманъ воображенія въ пластикѣ, не навела ученыхъ изслѣдователей древняго искусства на тѣ заключенія, которыя естественно вытекаютъ изъ нея. Какъ-бы то ни было, но до-тѣхъ-поръ, пока искусство ваянія не освободилось изъ подъ власти жричества и не нашло въ собственныхъ своихъ силахъ или въ геніи великихъ художниковъ тайну запечатлѣвать на марморѣ движеніе и жизнь, до-тѣхъ-поръ изображенія языческихъ боговъ заимствовали отъ механики, если не движеніе, то подвижность.

Снаряды, употреблявшіеся для этой цѣли, были двоякаго рода, или это были пружины, скрытыя во внутренности статуй, или-же просто проволоки или струны, прикрѣпленныя къ членамъ и приводившія ихъ въ движеніе на подобіе мускуловъ человѣческаго тѣла. Въ-первомъ случаѣ — это были автоматы; во-второмъ, подвижныя куклы. Греки, со свойственною ихъ языку опредѣлительностію, называли ихъ ἀγάλματα νευροσπαστα; то есть, куклами, движимыми посредствомъ бичевокъ, или, какъ ихъ назвала средневѣковая Европа, *маріонетки*.

Теперь скажу нѣсколько словъ о порядкѣ, который я считаю нужнымъ соблюсти въ задуманномъ трудѣ.

Не послѣднюю особенность скромнаго предмета нашихъ настоящихъ изслѣдованій составляетъ то, что изслѣдователь долженъ

прибѣгнуть къ той-же, нѣсколько педантической, классификаціи, которую мы уже прилагали однажды къ исторіи театра. Удивительное дѣло! въ исторіи деревянныхъ актеровъ мы находимъ совершенно тѣ же ступени развитія, гіератическую, аристократическую, и народную, на которыя мы указали нѣкогда, какъ на необходимыя вѣхи при изученіи исторіи истинной драмы. Дѣйствительно, скромный театръ маріонетокъ есть родъ театральнаго микрокозма, въ которомъ повторяется и отражается въ маломъ видѣ образъ всей драмы, и въ которомъ глазъ критика можетъ съ изумительною опредѣленностью прослѣдить совокупность тѣхъже законовъ, по которымъ совершается развитіе драматическаго творчества въ человѣчествѣ.

Поэтому, не смотря на видимую несоразмѣрность цѣли съ средствами, я считаю долгомъ, при изслѣдованіи этой миніатюрной области, прибѣгнуть къ тѣмъ-же путямъ изслѣдованія, которыми я руководствовался нѣкогда въ лабиринтѣ измѣненій драмы. И такъ намъ предстоитъ разсмотрѣть маріонетки въ трехъ степеняхъ ихъ развитія: жрической, аристократической, и народной.

—

II. ГІЕРАТИЧЕСКІЯ МАРІОНЕТКИ У ЕГИПТЯНЪ, У ГРЕКОВЪ И У РИМЛЯНЪ.

Въ Египтѣ и въ твореніяхъ Геродота, встрѣчаемъ мы древнѣйшее извѣстіе о существованіи жрическихъ или гіератическихъ маріонетокъ. Именно во второй книгѣ своего сочиненія [2] Геродотъ разсказываетъ, что Египтяне торжествовали праздникъ Діонисія или Вакха, который на языкѣ лѣтописца означаетъ Озирида [3], обрядами весьма сходными съ тѣми, которые употреблялись въ Греціи. «Женщины, говоритъ онъ, ходили изъ деревни въ деревню съ пѣснями и носили небольшія статуйки, въ одинъ локоть вышиною, которыхъ члены приводились въ дви-

[2] Гл. 148.

[3] Геродотъ самъ свидѣтельствуетъ это торжество въ 42, и еще положительнѣе въ 144 гл. 2 книги. Діодоръ его подтверждаетъ (*Oper.* t. I, p. 19); къ этому присовокуплю еще, что на одномъ островѣ Нила, близъ перваго порога, называвшагося Діонисьевымъ островомъ, открыта надпись царствованія Птоломея Эвергета II, заключающая посвященіе разнымъ мѣстнымъ божествамъ, и между прочимъ: «Петемпаментесу», (одно изъ прозваній Озирида) «онъ же Діонисій». См. Jablonski, *Opusc.* ч. I, стр. 25),

женіе посредствомъ веревочекъ. Впереди шелъ флейтщикъ. Подобныя куклы встрѣчаются впослѣдствіи и въ Сиріи, въ Гіерапольскомъ языческомъ храмѣ, какъ видно изъ трактата псевдо-Лукіяна *De Sirya dea* (§ 16).

Прорицательная статуя Юпитера Аммонскаго, по свидѣтельству древнихъ писателей, давала свои отвѣты только послѣ торжественной процессіи, въ которой двадцать четыре жреца несли ее на плечахъ; причемъ она сама, *движеніемъ головы*, указывала имъ путь. Діодоръ Сицилійскій передаетъ это обстоятельство выраженіемъ, не допускающимъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ [4].

Такого-же рода явленіе происходило въ Геліопольскомъ храмѣ [5]. Когда богъ, котораго псевдо-Лукіянъ называетъ Аполлономъ, хотя онъ не былъ ни молодъ, ни безбородъ, хотѣлъ возвѣщать свои оракулы, золотая статуя его сама собою приходила въ движеніе; если жрецы медлили посадить ее себѣ на плеча, она билась еще сильнѣе. Какъ скоро ее снимали съ мѣста и ставили на носилки, она водила жрецовъ и заставляла ихъ сдѣлать нѣсколько обходовъ. Затѣмъ являлся главный жрецъ и предлагалъ ей вопросы, на которые требовалось разрѣшенія. Если Аполлонъ не одобрялъ предпріятія, то онъ отступалъ назадъ; если же соглашался, то влекъ носильщиковъ впередъ, водя ихъ будто на поводьяхъ.

Въ Аѳенеевомъ *Пиршествѣ*, Каликсенъ разсказываетъ очень любопытное торжество, которое Птоломей Филадельфъ праздновалъ въ честь Вакха и Александра. Послѣ разныхъ любопытныхъ зрѣлищъ, явилась колесница на четырехъ колесахъ, на которой сидѣла статуя города Ниссы, въ которомъ Вакхъ былъ въ особенномъ почетѣ. Эта статуя, имѣвшая восемь локтей вышины, была одѣта въ желтую, протканную золотомъ тунику и въ македонскую мантію; она вставала на ноги, выливала молоко изъ чаши и опять садилась, и все сама собою, безъ всякаго посторонняго прикосновенія [6].

Въ Малой Азіи и въ собственной Греціи, искусство дѣлать статуи съ механизмомъ современно рожденію искусствъ и теряется во мракѣ миѳологическихъ вѣковъ. Всѣ помнятъ, вѣроятно, что Гомеръ разсказываетъ о Вулкановыхъ живыхъ треножникахъ, на золотыхъ колесахъ, которыя сами собою прикатали на

[4] Νεῦμα, nutus. Діод. *Opera* lib. XVII.

[5] Псевдо-Лукіянъ (*ibid.* § 36) говоритъ въ Гіерополѣ; Макровій (*Saturnal.* lib I, cap. 23) говоритъ правильнѣе, въ Геліополѣ.

[6] Athen. lib. V, p. 197.

собраніе боговъ и возвращались назадъ [7]. Это баснословное произведеніе механики наводитъ Аристотеля на очень странное размышленіе. «Между плотомъ, живымъ орудіемъ труда, говоритъ онъ, и другими, неодушевленными орудіями, не было-бы никакого различія, еслибъ неодушевленные снаряды могли, по данному имъ приказанію, работать и двигаться сами собою, какъ Дедаловы статуи и Вулкановы треножники» [8]. Что касается до Дедаловыхъ статуй, антикваріи еще не рѣшили вопроса, дѣйствительно-ли онѣ двигались, или на выраженія о нихъ древнихъ писателей должно смотрѣть, какъ на простыя метафоры, внушенныя удивленіемъ современниковъ. Достовѣрно извѣстно, что Дедалъ, или школа, которую Греція олицетворила подъ его именемъ, первый отдѣлилъ въ статуяхъ руки и ноги, которыя прежде были сплочены съ туловищемъ [9]; что онъ придалъ имъ взглядъ, ясно высѣкши форму глазъ, которая до тѣхъ поръ была только обрисовываема легкою чертою [10]; пораженные этими нововведеніями современники дѣйствительно могли восклицать, что онъ далъ своимъ статуямъ движеніе и жизнь [11]; но съ другой стороны достовѣрныя свидѣтельства показываютъ, что, недовольствуясь усовершенствованіями, почерпнутыми въ природѣ и въ развитіи искусства, Дедаловская школа, чтобы сильнѣе дѣйствовать на воображеніе людей, дала своимъ произведеніямъ дѣйствительное движеніе посредствомъ механики. Каллистратъ [12] свидѣтельствуетъ это словами, въ которыхъ, по моему мнѣнію, критики слишкомъ легкомысленно предположили намекъ на Гноскую группу танцоровъ [13], а Аристотель положительно говоритъ (соглашаясь въ этомъ съ комическимъ поэтомъ Филиппомъ), что знаменитая деревянная Венера, приписываемая Дедалу, двигалась посредствомъ нѣкотораго количества ртути, влитаго во внутренность ея [14]. Къ сожалѣнію, Аристотель не показываетъ, какое

[7] Илл. т. XVIII ст. 376. Ср. Philostr. opera, ч. I, стр. 117. Также Olear.

[8] Arist. Politic. lib I, cap. 2.

[9] Diodor. lib. I, § 98. Ср. Gedicke, *in Plat. Menon.*, стр. 72, изд. Бутмана.

[10] Suid. voc. *Δαιδάλου ποιήματα.* — Schol. in Plast. стр. 367, изд. Беккера.

[11] См. Quatremère de Quincy, *Iupiter olympien*, стр. 170—1.

[12] Callistr., *Ecphrasis seu statuæ*, apud Philostr. *Oper.* ч. I, стр. 899. — Ср. *Илліаду*, n. XVIII. ст. 739—756.

[13] *Stor. dell'arte*, примѣч. Карла Феа, ч. II, стр. 99 и 165.

[14] Arist., *De anima*, lib. I, cap. 3.

средство художникъ употреблялъ для того, чтобы возбуждать упругость металлической жидкости. Довольно вѣроятно, что ее согрѣвали посредствомъ лампы или жаровни; ибо, еслибъ довольствоваться одними слабыми измѣненіями, происходящими отъ дѣйствія атмосферы, то статуя подвергалась-бы только едва ощутительнымъ движеніямъ термометра [15].

Нѣкоторые изъ древнихъ ваятелей и кузнецовъ-механиковъ, особенно изъ жившихъ на островахъ, какъ напримѣръ, критскіе и родосскіе Тельхины, стяжали себѣ очень недобрую славу своими подозрительными произведеніями, одаренными поддѣльною жизнью, которая называлась Дедалическою жизнью [16]. Пиндаръ намекаетъ, впрочемъ довольно неясно, на эти заблужденія потомковъ Вулкановъ и Прометея [17]. Замѣчательно, что у древнихъ, какъ и въ средніе вѣки, всѣ искусники, строившіе механическіе снаряды, воспроизводившіе нѣкоторыя проявленія жизни, возбуждали въ народѣ мысль о чародѣйствѣ, о какомъ то нечистомъ могуществѣ.

Въ Этруріи и въ Лаціурнѣ, гдѣ жричество съ древнѣйшихъ временъ имѣло чрезвычайно сильное вліяніе, гіератическое искусство, разумѣется, не упустило употребить, для сильнѣйшаго дѣйствія на воображеніе народа, тайны механической скульптуры. Древніе идолы Италіи были, какъ и въ Греціи, деревянные, окрашенные, богато одѣтые, и нерѣдко подвижные. Прорицательная статуя *Двойничныхъ Фортунъ*, въ Анціумѣ, шевелилась сама собою, подобно Геліопольскому оракулу, передъ тѣмъ, какъ давать свои приговоры, и указывала жрецамъ въ какомъ направленіи она желала идти [18]. Знаменитая статуя Юпитера и Юноны младенцевъ, сидящихъ на колѣнахъ своей кормилицы, Фортуны, въ

[15] Автоматы, движимые посредствомъ ртути, стали очень рано извѣстны новѣйшимъ народамъ. Кирхеръ предлагаетъ способъ заставить телѣжку катиться, посредствомъ небольшаго количества ртути, подогрѣваемой на свѣчѣ. (*Phisiologia Kircheriana*, lib. II, *exper.* 52, стр. 69). Китайцы дѣлаютъ маленькія куклы, которыя кувыркаются сами собою, отъ содержащейся въ нихъ ртути, которая, своею текучестію и вѣсомъ, измѣняетъ въ нихъ центръ тяжести. Мушенбрёкъ очень ясно описываетъ этотъ механизмъ въ своемъ сочиненіи: *Introductio adphilosophiem naturalem*, ч. I, стр. 143, таб. XI.

[16] Otfr. Müller, *Handbuch der Archäologie der Kunst*, § 70; ч. I, стр. 49, 2 изд.

[17] Pindar., *Olymp.* ода VII.

[18] Macrob., *Saturnal.*, lib. I, cap. XXIII.

Пренестѣ, была, кажется, также подвижна. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ древнихъ писателей должно, кажется, понимать, что Юпитеръ означалъ движеніемъ руки благопріятную минуту для вопрошенія судьбы [19]. Много высокой поэзіи въ движеніи, приписанномъ статуѣ Сервія Туллія, которая, по разсказу лѣтописей, закрыла глаза рукою, по смерти Тарквинія, чтобы не видѣть его дочери, возвращавшейся въ свой дворецъ [20]. Въ Римѣ давались въ честь статуямъ боговъ пиры, на которыхъ онѣ играли не такую пассивную роль, какъ-бы можно полагать. Ловкость жрецовъ заставляли ихъ принимать въ этихъ пиршествахъ дѣятельное участіе. Титъ-Ливій, описывая лектистеріумъ, празднованный въ Римѣ въ 573 году, упоминаетъ, какой ужасъ объялъ народъ и сенатъ, когда имъ донесли, что статуи боговъ отвратили голову отъ предложенныхъ имъ яствъ [21]. Припоминая эти древнія сказки о статуяхъ, которымъ подносятся яства, и которыя изъявляютъ свое благоволеніе или свой гнѣвъ движеніями головъ, становится понятно, изъ какого сочетанія воспоминаній древности и мѣстныхъ легендъ родилась въ средневѣковой Испаніи столь поразительная и драматическая народная сказка о *Каменномъ гостѣ*, el Convidado de piedra.

Замѣтимъ еще, что при религіозномъ языческомъ торжествѣ, предшествовавшемъ въ Римѣ играмъ цирка, а иногда и при тріумфахъ, впереди шествія или за нимъ носили всегда нѣкоторыя уродливыя механическія изображенія, потѣшавшія толпу или наводившія на нее страхъ. Такъ, между прочими смѣшными и страшными маріонетками [22], являлись тутъ *lamiae*, фантастическія африканскія чудовища, которыхъ Луцилій называетъ oxyodontes [23], то-есть *острозубыми*, въ родѣ страшилищъ, употреблявшихся въ народныхъ праздникахъ въ средніе вѣки. Далѣе шелъ *manducus*, пожирало, чудовище съ человѣческою головою, которымъ стращали дѣтей, колоссальный типъ ліонскаго *machecroute* и парижскаго *croquemitaine*. Плавтъ [24], Варронъ [25], и Фестъ, превосходно объясненные ученымъ Скалигеромъ и Раблѐ, описываютъ

[19] Cicer., *De divinatione*, cap. XLI.

[20] Ovid. *Fast*, VI ст. 613 и слѣд.

[21] Tit Livos., lib. XL, cap. LIX.

[22] *Inter coeteras ridiculas formidolosasque personas*, говоритъ Помп. Фестъ, *voc.* Manduci, ap. Paul. Diac., Excerpt.; изд. Линдмана, стр. 96.

[23] Lucil. *Satir.*, lib. XXX.

[24] Plaut. *Rud.*, act. II, dc. VI.

[25] Varro, *De lingua latina*, lib. VII, § 95.

его «съ огромными, широкими, страшными челюстями, снабженными, сверху и снизу, крѣпкими зубами, которые они, посредствомъ скрытой въ чучелѣ веревочки, заставляли ужасно щелкать другъ о друга [26].» Magnis malis lateque dehiscens et clare crepitons dentibus.

—

III. МАРІОНЕТКИ АРИСТОКРАТИЧЕСКІЯ И НАРОДНЫЯ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Египтѣ, въ Греціи и въ Италіи существовало механическое статуйное искусство и что были гіератическія маріонетки; но прилагалось-ли это искусство къ какимъ либо другимъ цѣлямъ, кромѣ изображенія боговъ и религіозныхъ языческихъ торжествъ? пользовались-ли имъ для домашнихъ или общественныхъ увеселеній? Прежде всего посмотримъ въ Египтѣ.

Геродотъ говоритъ объ обычаѣ Египтянъ передавать изъ рукъ въ руки на пирахъ деревянную, окрашенную куклу, изображавшую мертвеца, лежащаго въ гробѣ [27]. Плутархъ называетъ эту куклу скелетомъ [28], сохраняя, разумѣется, слову *σκελετόν* его древнее значеніе: высохшее тѣло, мумія. Эти статуйки, говоритъ Геродотъ, имѣли отъ одного до двухъ локтей въ вышину. Но ни онъ, ни другіе писатели не упоминаютъ, были-ли онѣ съ подвижными членами. Уилькинсонъ, въ своемъ сочиненіи о нравахъ и обычаяхъ древняго и новаго Египта, срисовалъ три такія статуйки, не представляющія никакихъ признаковъ сочлененія и подвижности; много такихъ находится также во всѣхъ собраніяхъ египетскихъ древностей [29]. Однакожъ есть и другіе памятники, которые не позволяютъ рѣшить этотъ вопросъ отрицательно. Тотъ-же ученый напечаталъ два рисунка *куколъ*, какъ онъ ихъ называетъ, снятые имъ въ собраніи египетскихъ древностей Британскаго музея [30]. Эти два женскія изображенія,

[26] Rabelais: *Pantagruel*, liv. IV, chap. 59.

[27] Herod.. lib. II, cap. LXXVIII.

[28] Plutarch., *Sympos. septem. sapient*, op. t. I, p. 248.—Id. *De Isid.* § 15. Dr Young, *Hierat litter.*, p. 104.

[29] См. I. G. Wilkinsons *Manners and customs of the ancient Egyptions.* London. 1837, ч. II, стр. 410.

[30] Тамъ-же, стр. 426.

раскрашенныя и будто обвитыя тесьмами, очень могли быть назначены для пиршествъ. Однако же въ этихъ двухъ статуйкахъ и въ двухъ другихъ, совершенно подобныхъ, изъ которыхъ одна срисована въ кабинетѣ рѣдкостей доктора Аббота [31], въ Каирѣ, другая-же находится въ Луврскомъ музеѣ; верхняя часть рукъ отдѣлена отъ туловища; нижняя-же часть ихъ, кажется, могла быть подвижная, сочленяясь съ верхнею въ локтяхъ. Замѣчательно еще то, что одна изъ статуекъ, срисованныхъ Уилькинсономъ, и та, которая принадлежитъ Луврскому музею, безъ головъ, и вмѣсто шеи имѣютъ родъ небольшаго стержня, на который кажется, должна была насаживаться подвижная голова.

Нѣтъ сомнѣнія, что Египтяне, подобно намъ, забавляли дѣтей паяцами, звѣрями и другими игрушками, двигавшимися на пружинахъ. Въ Луврскомъ музеѣ есть небольшая египетская ладья, съ восемью матросами; двое стоятъ на кормѣ и на носу; а остальные шестеро сидятъ по обѣ стороны ладьи, и каждый держитъ обѣими руками весло; у гребцовъ руки подвижныя [32]. Въ томъже собраніи есть нѣсколько другихъ деревянныхъ игрушекъ, найденныхъ въ ѳивскихъ и мемфисскихъ гробницахъ; всѣ онѣ очень грубой работы. Двѣ изображаютъ, или скорѣе должны бы изображать нагихъ женщинъ. Голова, столь-же безобразная какъ туловище и оконечности, представляютъ самый рѣзкій египетскій типъ. Руки сочленены въ плечахъ и прикрѣплены на колкахъ. Другія двѣ игрушки изображаютъ людей, занятыхъ какою-то работою. Одинъ сидитъ на корточкахъ; лѣвая рука сплочена съ туловищемъ, правая-же сочленена въ плечѣ, и держитъ родъ рѣзака, который, вѣроятно, приводился въ движеніе посредствомъ ниточки. У другаго обѣ руки движутся, и ужасно длинны; онъ опираетъ ихъ на какой-то предметъ, имѣющій видъ полушара, и который можно было заставлять его повышать и опускать, дергая ниточку. Въ Лейденскомъ музеѣ есть деревянная игрушка въ такомъ-же родѣ и такой-же грубой работы; это также нагнувшійся работникъ, и руки и ноги его сочленены въ плечахъ и въ пахахъ. Посредствомъ ниточки можно придать ему движеніе человѣка, стирающаго бѣлье или мѣсящаго тѣсто. Тамъже хранится миніатюрное изображеніе крокидила [33], котораго ни-

[31] Этотъ рисунокъ былъ первоначально печатанъ г. Присомъ, а потомъ *Revue archéologique*, de Leleu, ч. II, стр. 742.

[32] Эта ладья имѣетъ 80 сантиметровъ въ длину, а двѣ фигуры, стоящія на обоихъ концахъ, двадцать пять сантиметровъ.

[33] Рисунки этихъ двухъ игрушекъ находятся въ приведенномъ выше сочиненіи Уилькинсона, стр. 426.

жняя челюсть открывалась и закрывалась, какъ у римскаго Manducus. Эти простыя игрушки, имѣющія съ точки зрѣнія искусства также мало цѣны, какъ нѣмецкія, такъ называемыя нюренбергскія игрушки, должны однако-же вести къ предположенію, что въ Египтѣ дѣлались подобныя вещицы лучшей работы, назначенныя для потѣхи взрослыхъ. Это предположеніе, кажется мнѣ, тѣмъ основательнѣе, что сохранились, и я самъ видѣлъ, египетскія маріонетки несравненно лучшей работы, чѣмъ игрушки, о которыхъ я говорилъ доселѣ. Между прочими приведу деревянную куклу, которой рисунокъ напечатанъ въ сочиненіи Уилькинсона, и которая, кажется, очень тщательной отдѣлки; она изображаетъ женщину; ноги у нея обломаны по колѣна, гдѣ онѣ очевидно сочленялись; если рисунокъ вѣренъ, то кажется, однѣ ноги были у нея подвижны. Но самая хорошенькая изъ всѣхъ египетскихъ маріонетокъ, какія случалось мнѣ видѣть, это статуйка изъ слоновой кости, изображающая женщину Она привезена изъ Ѳивъ господиномъ Шарлемъ Ленорманомъ, который купилъ ее у жены одного феллаха, въ 1829 году; она найдена въ дѣтской гробницѣ, въ Гурнѣ, вмѣстѣ съ другими вещами, принадлежащими къ глубокой древности [34]. Уцѣлѣвшія рука и нога очень искусно сочленены въ плечѣ, въ паху и въ колѣнѣ. Эта прелестная маріонетка была вполнѣ достойна являться на пирахъ ѳивскихъ вельможъ, и даже на болѣе обширной сценѣ французскаго театра. Однако-же должно сознаться, что ни въ древнихъ писателяхъ, ни въ живописи надгробныхъ памятниковъ, открывшей намъ столько любопытныхъ подробностей о бытѣ и нравахъ древнихъ Египтянъ, не найдено доселѣ ничего, что могло-бы подать поводъ къ предположенію, будто у нихъ бывали представленія маріонетокъ, въ частныхъ праздникахъ или въ общественныхъ увеселеніяхъ. Съ достовѣрностью извѣстно намъ существованіе въ Египтѣ механическаго статуйнаго дѣла только въ приложеніи къ религіознымъ обрядамъ и къ дѣтскимъ забавамъ.

Не такъ было въ Греціи. Здѣсь, въ истинномъ отечествѣ искусствъ, механическое статуйное искусство, скоро утративъ свое таинственное вліяніе на умы народа, и тотчасъ-же смѣнившись въ храмахъ полными жизни и выраженія статуями эгинскихъ и аѳинскихъ художниковъ, рано должно было избрать себѣ другую цѣль: служить забавою богатымъ и потѣхою народу. Конечно, механическіе идолы Дедала и его школы сохранялись

[34] Г-нъ Ленорманъ привезъ еще другую египетскую куклу, сшитую изъ тряпокъ, и найденную также въ Гурнѣ, въ гробницѣ ребенка.

въ древнихъ храмахъ; но новыхъ идоловъ по этому образцу уже не дѣлали. Статуйки, которыя продолжали называть *Дедаловскими*, были уже совсѣмъ другое. Эти миніатюрныя статуэтки говорятъ, нужно было привязывать, чтобы онѣ не пускались сами собою въ ходъ и не убѣгали. Сократъ, въ *Евтифронѣ*, уподобляетъ ихъ увертливымъ отступленіямъ и безпорядочнымъ блужданіямъ философіи, не имѣющей прочныхъ, опредѣленныхъ началъ [35] Эти статуэтки, нѣчто въ родѣ народныхъ *ларовъ*, скоро такъ расплодились, что въ Платоново время не было почти дома, въ которомъ не имѣлось-бы ихъ [36].

Когда геометрія и механика, освободившись изъ подъ жрической власти, заняли принадлежащее имъ мѣсто на ряду съ другими науками, онѣ незамедлили заплатить дань страсти грековъ къ играмъ и увеселеніямъ. Два знаменитые математика, Архитъ Тарентскій и Евдохій старались, по выраженію Плутарха, увеселить и украсить геометрію, приложивъ ее къ нѣкоторымъ житейскимъ нуждамъ и даже забавамъ [37]. Философъ Фаворинъ Арльскій, современникъ Адріана, умный цѣнитель трудовъ древности, сохранилъ намъ любопытныя подробности объ одномъ изобрѣтеніи Архита, которое немогло не удивлять и не забавлять народа. Это былъ летающій деревянный голубь. Искусственный полетъ его, говоритъ Фаворинъ, производился нѣкоторымъ количествомъ воздуха, наполнявшимъ его пустую внутренность; но разъ упавши онъ не могъ уже взлетѣть, потому что могъ держаться въ воздухѣ только опредѣленное время и пролетать только извѣстное пространство [38]. Не трудно угадать дѣйствовавшую здѣсь силу. Весьма вѣроятно, что этотъ голубь былъ наполненъ, если не газомъ, то по крайней мѣрѣ воздухомъ, разрѣженнымъ посредствомъ теплоты, какъ Монгольфіеровы аэростаты; этотъ разрѣженный воздухъ и заставлялъ его вылетать. По свойствамъ и характеру своего ума, греки должны были придать этому первому опыту аэростатовъ видъ живаго существа, и какой-то таинственный, драматическій интересъ.

Что касается до маріонетокъ въ строгомъ смыслѣ, то-есть статуекъ, приводимыхъ въ движеніе посредствомъ веревочекъ, νευροσπαστα, разрытыя могилы всѣхъ гелленическихъ странъ представляютъ ихъ огромное число; большая часть глиняныя. Почти всѣ коллекціи въ Европѣ имѣютъ по нѣскольку экземпляровъ;

[35] Plah. *Euthyphr.* стр. 8 и 11, франкфуртскаго изд.
[36] Jd. *Men.* стр. 426.
[37] Plutarch. *Marcell.*, cap. 14.
[38] Aulus Gall. *Noctes Attic*, lib. X, cap. XII.

одна, впрочемъ безъ рукъ и безъ ногъ, находится въ собраніи медалей и древностей при Парижской Національной-Библіотекѣ. Множество ихъ находится въ Катанѣ, въ музеѣ князя Бискари, который нашелъ цѣлую кладовую ихъ подъ развалинами древней Камарины. Этотъ почтенный археологъ срисовалъ одну, превосходно сохранившуюся, въ своей ученой монографіи о дѣтскихъ игрушкахъ у древнихъ [39]. Она, какъ и всѣ произведенія греческаго искусства въ этомъ родѣ, женскаго пола и одѣта въ окрашенную, очень узкую тунику, опускающуюся до икръ. Руки сочленены въ плечахъ, ноги въ пахахъ, голова довольно хорошей работы, прочія части гораздо грубѣе. Князь Бискари срисовалъ на той-же таблицѣ ногу другой механической куклы, гораздо больше той, и лучшей отдѣлки. Г. Ашикъ, директоръ Керченскаго музея, нашелъ маріонетку, сохранившуюся въ цѣлости, въ дѣтской могилѣ, открытой въ Крыму, близъ Керчи, въ развалинахъ древней Пантикапеи. Г. Рауль-Рошетъ напечаталъ въ XIII томѣ Записокъ Парижской Академіи Надписей и Литературы, съ рисунка доставленнаго ему г. Ашикомъ. Она одѣта въ свѣтлокрасную тунику, оканчивающуюся у пояса. Голова отдѣлана довольно тщательно; прочія-же части, какъ обыкновенно бываетъ, сдѣланы на скорую руку. Я видѣлъ также нѣсколько другихъ рисунковъ, снятыхъ съ древнихъ куколъ, которые сообщилъ мнѣ г. Море, служащій въ Національной Библіотекѣ по отдѣленію медалей. Одна изъ нихъ, принадлежавшая къ коллекціи г. Дюбуа, помощника директора Луврскаго Музея, совершенно нагая. Двѣ совершенно цѣлы, что большая рѣдкость; одна найдена въ Мило и подобна Камаринскимъ. У всѣхъ этихъ статуекъ на головѣ *стефанэ*, низкій уборъ въ видѣ вѣнца, который антикваріи, кажется, называютъ обыкновенно *полосъ*. Собраніе г. Мюре недавно обогатилось еще однимъ рисункомъ куклы, найденной въ Пантикапеѣ; она совершенно нага, и плеча ея сдѣланы такимъ образомъ, чтобы къ нимъ присаживались подвижныя руки. Голени представляютъ замѣчательную систему сочлененія; онѣ соединяются съ лядвіями посредствомъ шпильки, которая въ нихъ входитъ, и приводились въ движеніе ниткою, проходившею черезъ продольное отверстіе въ лядвеяхъ. Наконецъ г. Ватье-де-Бурвиль, недавно возвратившись изъ своего ученаго путешествія въ Киренаику, привезъ нѣсколько глиняныхъ куколъ, которыя значительно пополнятъ коллекцію музея. Одна, рисунокъ которой я видѣлъ, представляетъ рѣдкую

[39] См. Ignazio Paterno Castello, principe di Biscari, *Ragionamento sopra gli antichi trastulli*, стр. 20, таб. V фиг. 1, 2.

особенность; она сидитъ и ноги ея не имѣютъ сочлененій ни въ пахахъ, ни въ колѣнахъ; только въ плечахъ есть гнѣзда, очевидно приготовленныя для того, чтобы всадить въ нихъ подвижныя руки. Впрочемъ, не должно забывать, что всѣ статуйки, о которыхъ здѣсь говорено, хотя въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ отличаются тщательностію и изяществомъ отдѣлки, были просто игрушки, дѣтскія куклы, *παίγνια* или *κροκόδειλα*. Ничто не даетъ поводу полагать, чтобы онѣ когда либо были употребляемы для представленія какой-нибудь драматической сцены.

Но если не дошло до насъ самихъ актеровъ, то тѣмъ не менѣе писатели положительно свидѣтельствуютъ, что въ цвѣтущія времена греческаго искусства, маріонетки имѣли доступъ въ домъ богатыхъ людей и служили обыкновенно увеселеніемъ по окончаніи пиршествъ, въ Аѳинахъ. Ксенофонтъ, въ описаніи знаменитаго пиршества, Калліаса, упоминаетъ, между прочими увеселеніями, приготовленными щедрымъ хозяиномъ для потѣхи гостей, о сиракузцѣ, показывавшемъ театръ маріонетокъ. Правда, что по желанію Сократа, онъ оставилъ своихъ деревянныхъ актеровъ въ покоѣ, а вмѣсто нихъ живые актеръ и актриса представили роскошный балетъ *Діонисія и Аріадны* [40]; однако-же одно присутствіе маріонетокъ на пиру богатаго и гостепріимнаго вельможи доказываетъ, что въ обыкновенныхъ случаяхъ, передъ не столь прихотливыми гостями, этотъ родъ зрѣлища употреблялся съ успѣхомъ и къ общему удовольствію.

Нѣкоторыя важныя лица, даже цари, доводили страсть къ маріонеткамъ до маніи. Такъ, напримѣръ, Антіохъ Кизикскій, едва вступа на престолъ, какъ не только окружилъ себя шутами, мимами и скоморохами, но даже самъ принялся изучать ихъ искусство съ непристойною для его званія ревностью. Сверхъ того онъ пристрастился къ маріапеткамъ до безумія; величайшимъ удовольствіемъ для него было приводить въ движеніе, посредствомъ бичевокъ, огромныя изображенія звѣрей, осыпанныя золотомъ и серебромъ; «а между-тѣмъ какъ онъ предавался этой забавѣ», прибавляетъ лѣтописецъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣденія, «царство его нуждалось въ военныхъ орудіяхъ, составляющихъ славу и безопасность государствъ [41].»

Народъ въ Греціи также принималъ живое участіе въ представленіяхъ маріонетокъ. Сиракузецъ, котораго мы видѣли выше, на пиру Калліаса, разсказываетъ, что люди его сословія (невроспа-

[40] Xenoph., *Sympos.*, cap. IV, § 55.

[41] Diodor., *Excerpt. de virtut.* ч. II, стр. 606 и слѣд.

сты, какъ ихъ называли), кромѣ представленій, которыя они давали въ богатыхъ домахъ, имѣли также свои театры, частью постоянные, частью кочевые, отъ которыхъ они получали хорошіе барыши. На вопросъ одного изъ гостей, чему онъ болѣе всего радовался въ жизни, комедіантъ отвѣчалъ: «Тому, что есть на свѣтѣ глупцы, ибо они то даютъ мнѣ хлѣбъ, толпясь на представленія моихъ куколъ [42]».

И мало того, что въ Аѳинахъ были, во время Софокла, кукольные театры, въ которыхъ толпился народъ, какъ были они въ Парижѣ при Корнелѣ и Мольерѣ и въ Лондонѣ при Шекспирѣ и Бенъ-Джонсонѣ; но аѳиняне даже такъ пристрастились къ этому роду зрѣлищъ, особенно по паденіи театральнаго искусства и стѣсненіи театра лакедемонскою партіею, что архонты дозволили одному искусному невроспасту вывести своихъ деревянныхъ актеровъ на Діонисіевомъ театрѣ. Аѳеней, въ своемъ «*Пиръ софистовъ*», упрекаетъ Аѳинянъ въ томъ, что они дозволили кукламъ нѣкоего Потейна осквернить сцену, на которой незадолго еще передъ тѣмъ Эврипидовы актеры являли свое трагическое вдохновеніе [43].

У римлянъ, народа положительнаго, требовавшаго во всемъ болѣе реальности, мы не встрѣчаемъ такой склонности къ этому замысловатому, фантастическому зрѣлищу. Конечно въ латинскихъ писателяхъ можно найти довольно много ссылокъ на маріонетки, но эти ссылки не такъ подробны, не такъ опредѣлительны; въ нихъ нѣтъ столько сочувствія, какъ въ ссылкахъ, такъ часто встрѣчающихся у греческихъ писателей. Латинскій языкъ не имѣетъ даже опредѣлительнаго слова для означенія маріонетокъ; чтобы говорить объ этомъ миніатюрномъ народцѣ, писатель долженъ прибѣгать къ перифразамъ: ligneolae hominum figurae, nervis alienis mobile lignum, и прочія; если-же хочетъ назвать ихъ однимъ словомъ, то колеблется между многими словами, которыя всѣ имѣютъ другое, первоначальное и общепринятое значеніе, какъ pupae, sigilla sigillaria, sigilliola, imagunculae, homunculi [44]. Однако-же нельзя сомнѣваться въ томъ, что и римляне, особенно послѣ того, какъ они пришли въ соприкосновеніе съ этрурскою и съ греческою цивилизаціею, также прилагали механическое статуйное дѣ-

[42] Xenoph., *Sympos.* cap. IV, § 55.

[43] Athen. cap. XVI, стр. 19.

[44] Маркъ-Аврелій очень часто упоминаетъ о маріонеткахъ, и называетъ ихъ обыкновенно sigillaria; но пишетъ это слово греческими буквами. Lib. VII, § 3.

ло къ частнымъ и общественнымъ увеселеніямъ. Во всѣхъ частяхъ Италіи, гдѣ были раскапываемы дѣтскія могилы, находились между прочими игрушками, механическія куклы, деревянныя, глиняныя, изъ простой или изъ слоновой кости. Въ Корнето (древней Тарквиніи) въ одной могилѣ найдено шесть дѣтскихъ саркофаговъ и во всѣхъ были глиняныя маріонетки [45]. Но особенно замѣчательно то, что этотъ чисто языческій обычай, какъ можно видѣть изъ Плавта [46], Витрувія [47], и Персея [48], погребать съ дѣтьми игрушки и куклы, которыя они должны-бы посвятить богамъ, еслибъ дожили до совершеннаго возраста, сохранился еще долго по паденіи язычества: большая часть игрушекъ этого рода, находящихся нынѣ во всѣхъ европейскихъ музеяхъ и собраніяхъ древностей, происходятъ изъ христіанскихъ могилъ; много найдено ихъ, напримѣръ, въ гробницѣ Маріи, дочери Стиликона и супруги императора Гонорія, открытой въ 1544 году, на Ватиканскомъ кладбищѣ, въ совершенной цѣлости [49].

Буонаротти говоритъ, что видѣлъ въ Карпеньскомъ музеѣ куклы изъ простой и изъ слоновой кости, найденныя при раскопахъ на кладбищахъ св. Каликста и св. Присциллы, и которыхъ туловища, ноги и руки разбирались и скрѣплялись проволокою [50]. Болдетти срисовалъ четыре изъ этихъ механическихъ куколъ, или скорѣе, изъ этихъ обломковъ. Одна изъ нихъ цѣла и отличается тонкостью работы [51]. Въ Парижѣ, въ кабинетѣ медалей и антиковъ, при Національной Библіотекѣ, есть четыре римскія маріонетки, изъ кости и очень грубой работы; двѣ изъ нихъ принадлежали графу де-Кейлюсу, и срисованы имъ въ его *Собраніи древностей* [52]. Одна изъ нихъ цѣла, и имѣетъ подвижныя руки и ноги. Де-Кейлюсъ упоминаетъ также, какъ о маріонеткѣ, объ од-

[45] См. Melch. Fossati, *Annal. dell' Instit. archeolog.*, ч. I, стр. 122. — Raoul Rochette, *3-me mémoire sur les antiq. chrét. des catacombes*, въ XIII т. *Mém. de l'Ac. des Inscr. et Bel.-Lettres*, ч. 2, стр. 625.

[46] Plaut., *Rud.*, act. IV, sc. IV, стихи 37 и слѣд. и 110 и слѣд.

[47] Vitruv., lib. IV, cap. 1.

[48] Pers., *Sat.*, II, стихъ 70.

[49] Эти предметы нынѣ разсѣяны. См. Paul. Aringhi, *Roma subterranea*, lib. II, cap. IX, № 11, стр. 270. — Cancellieri, *De secretar. Basilic. Vatic.* ч. II, стр. 995—1000.

[50] Buonarruotti, *Vetri antichi*, предисл. стр. IX.

[51] Boldetti *Osservazioni sopra i cimitari di santi martiri de antichi cristiani di Roma.* lib. II, XIV, стр. 496, таб. 1. № 1—4.

[52] Cayus, *Recueil d'antiquités*, ч. IV, стр. 261, таб. 80, № 1; ч. VI, таб. 90, № 3.

ной бронзовой куколкѣ, бывшей въ его коллекціи[53]; но это мнѣніе кажется мнѣ неосновательнымъ; во всякомъ случаѣ, это былъ бы единственный примѣръ. Наконецъ, въ Руанскомъ музеѣ есть двѣ хорошенькія римскія маріонетки, глиняныя, онѣ наги до пояса; жолобчатая драпировка покрываетъ лядвеи; у одной въ волосахъ плющевый вѣнокъ. Рукъ и голеней нѣтъ; но по гнѣздамъ, сдѣланнымъ въ плечахъ и въ колѣнахъ, видно, что въ нихъ должны были всаживаться руки и ноги.

По множеству сравненій, которыя писатели древняго Рима почерпаютъ изъ игры маріонетокъ, невозможно сомнѣваться въ томъ, что этотъ родъ зрѣлища былъ въ большомъ употребленіи въ Римѣ, по крайней-мѣрѣ, во время имперіи. Персей говоритъ, со свойственною ему краткостію:

..... Servitium acre
Te nihil impellit, nec quidquam extrin secus intrat,
Quod nervos agitet; sed si intus et in jecore ægro
Nascuntur domini, qui tu impunitior exis?[54]

«Тяжелое рабство не неволитъ тебя; ничто, извнѣ, не можетъ *двигать нитей*, по которымъ ты дѣйствуешь; но если внутри тебя, если въ твоей больной печени возникаютъ властелины, лучше-ли твое положеніе?»

Особенно для императора Марка-Аврелія, маріонетки были неисчерпаемымъ источникомъ глубокихъ размышленій. Въ шести или восьми изреченіяхъ, онъ увѣщаетъ человѣка противупоставить силу своей воли страстямъ, которыя дергаютъ его и заставляютъ его дѣйствовать, *будто нитями*[55]. Особенно поразительно одно мѣсто, въ которомъ онъ, размышляя о смерти, высказываетъ слѣдующую мысль: «Смерть прекращаетъ волненіе, которое чувства наши сообщаютъ душѣ бурю страстей и то жалкое состояніе маріонетки, въ которое обрекаютъ насъ заблужденія мысли и самовластіе плоти[56].»

Петроній, въ своей одушевленной картинѣ знаменитаго Тримальціонова пира, выводитъ, къ концу его, раба, который приноситъ и ставитъ на столъ серебряную куклу, такъ искусно сдѣланную, съ такими гибкими составами и съ такою цѣпью сочлененій (cate-

[53] Тамъ-же, ч. VII, стр. 164.

[54] Pers., *Sat.* V, стихи 128—131.

[55] Marc. Anton., *De se ipso*, lib II, § 2; lib. III, § 16; lib. VI, § 16; lib. VII, § 29; lib. X, § 38; lib. XII, § 19.

[56] Ld. *ibid* lib. VII, § 28.

natio mobilis), что ее можно было заставлять принимать, оставлять и опять принимать всѣ аттитюды пантомимнаго актера [57]. Нельзя не признать въ присутствіи этой пиршественной куклы двойственный слѣдъ мумій, приносившихся на пиры въ Египтѣ, и участія невроспастіи въ пирахъ и увеселеніяхъ Аѳинъ. Но Петроній представляетъ-ли въ этомъ эпизодѣ только особенный случай, прихоть Тримальціона, или мы должны видѣть тутъ обычай, заведенный въ аристократическихъ кругахъ Рима? Не смѣю рѣшить. Но безъ всякаго колебанія признаю существованіе въ Римѣ и въ провинціяхъ народныхъ маріонетокъ. Въ свидѣтельствахъ о нихъ нѣтъ недостатка. Въ уста человѣка низшаго сословія, собственнаго своего раба, Горацій влагаетъ слѣдующіе два стиха, въ которыхъ, что ни говорятъ слишкомъ хитрые коментаторы, рѣчь идетъ очевидно о маріонеткахъ:

Tu mihi qui imperitas, allis servis miser, atque
Duceris, ut nervis alienis mobile lignum [58].

«Ты повелѣвающій мнѣ такъ строго, ты самъ несчастный рабъ другихъ, и тобою водятъ, какъ подвижными деревяшками, которыя повинуются чуждымъ нитямъ».

Позднѣе, Фаворинъ, возставая противъ заблужденій судебной астрологіи, говоритъ въ одномъ мѣстѣ, сохраненномъ Авломъ Геллiемъ: «Еслибъ люди ничего не дѣлали по собственной свободной волѣ, еслибъ они дѣйствовали только подъ роковымъ, непреложнымъ вліяніемъ небесныхъ тѣлъ, то они были-бы не люди, не разумныя существа (ζῶα λογικά), какъ мы ихъ называемъ, а глупыя маріонетки, ludiera et ridicula quaedam nevrospasta [59]». Наконецъ, Маркъ-Аврелій ставитъ невроспастію на послѣднюю ступень суетныхъ изобрѣтеній. Вотъ собственныя его слова: «Проводить время на игрищахъ цирка и сценическихъ представленіяхъ, значитъ безъ пользы убивать время. Эти представленія, въ которыхъ показываютъ народу длинный рядъ животныхъ, большихъ и малыхъ, или бои гладіаторовъ, занимательнѣе развѣ стаи собакъ, дерущихся изъ заброшенной имъ кости, или рыбъ,

[57] Petron., *Sat.* cap, XXXIV.

[58] Horat., lib. II, *sat.* VII, стихъ 82. Отецъ Лупи (*Sopra i burattini degli antichi*, во второмъ томѣ его *Dissertazioni*, *lettere ed altre operette*, изд. Заккаріи, стр. 17 — 21), очень хорошо опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ этихъ стихахъ намекъ на *кубарь*, который кружится подъ ударами веревки.

[59] Aul. Gell. *Noctes attic.* lib. XIV, cap. 1.

всплывающихъ на поверхность воды, чтобы щипать накрошенный имъ хлѣбъ? Чѣмъ они любопытнѣе зрѣлища муравьевъ, перевозящихъ свои запасы, или вспуганныхъ мышей, разбѣгающихся во всѣ стороны, или даже маріонетокъ [60]?» Однако-же, если всѣ эти свидѣтельства положительно удостовѣряютъ, что въ Римѣ существовали народныя маріонетки [61], то все-таки я нигдѣ не встрѣчалъ памятника или письменнаго свидѣтельства, которыя представляли бы въ древней Италіи хоть слѣдъ публичныхъ представленій въ родѣ тѣхъ, которыя аѳинскіе архонты разрѣшили невроспасту Потейну давать на Діонисіевомъ театрѣ.

Теперь, удостовѣрившись въ существованіи у древнихъ частныхъ, народныхъ и даже сценическихъ маріонетокъ, постараемся изложить тѣ скудныя свѣденія, какія мы успѣли собрать о матеріяльномъ расположеніи ихъ представленій, о степени совершенства ихъ игры, и наконецъ нѣкоторыя догадки о составѣ ихъ репертуара.

—

IV. ВЕЛИЧИНА И УСТРОЙСТВО ДРЕВНИХЪ МАРІОНЕТОКЪ.

Нельзя не сожалѣть о томъ, что древніе писатели не сохранили намъ болѣе подробныхъ свѣденій объ игрѣ маріонетокъ, особенно-же о представленіяхъ, данныхъ въ Аѳинахъ на Діонисіевомъ театрѣ. По недостатку свидѣтельствъ, мы должны, для того чтобы мысленно воспроизвести эти зрѣлища, прибѣгать къ выводамъ и догадкамъ, изъ которыхъ самые прочные, какъ извѣстно, не имѣютъ половины цѣны, самаго незначительнаго памятника или одной строчки текста. Однако-же попытаемся.

Когда мы вспомнимъ, что Эсхиловы и Софокловы актеры сами были вполовину деревянные, что они стояли на ходуляхъ, имѣли переднюю часть руки поддѣльную, и удлинняли себѣ кисть деревянными надставками; когда сообразимъ, что послѣ Херонейской битвы, общественные финансы и состояніе частныхъ лю-

[60] Marc. Anton. *ibid.*, lib. VII, § 3.

[61] Не могу не упомянуть о вырѣзанномъ сердоликѣ, изображающемъ куклу, пляшущую передъ пастухомъ, сидящемъ и играющемъ на флейтѣ; точно тѣ маріонетки, которыя савояры носятъ по улицамъ городовъ и по деревнямъ, и заставляютъ плясать ногою. Снимокъ съ этого сердолика находится у Гергарда и Панофки: *Monum. antiq. de Naples*, ч. I, стр. 195, № 1.

дей пришли въ такое разстройство, что по словамъ, одного ученаго археолога [62], правительство принуждено было дозволить хорегамъ, то-есть театральнымъ директорамъ, поставить въ хоры нѣсколько чучелъ, для того, чтобы пополнить положенное число съ меньшими издержками, тогда не такъ странно покажется, что деревянные комедіянты были допущены на театръ, на которомъ передъ тѣмъ публика аплодировала такимъ дивнымъ произведеніямъ поэзіи. Притомъ маріонетки давали свои представленія, конечно не на самой сценѣ, какъ говоритъ Аѳеней, а въ оркестрѣ, на *тимелэ*, подобно гилародамъ, этологамъ и другимъ греческимъ мимамъ. И даже въ такомъ случаѣ, для того, чтобы съ *конистры*, части оркестра, самой близкой къ мѣстамъ зрителей, игра куколъ была ясно видна тѣмъ, которые сидѣли на скамьяхъ *коилона*, этимъ кукламъ слѣдовало быть почти въ человѣческій ростъ. Геродотъ свидѣтельствуетъ, что *скелеты*, являвшіеся на пирахъ въ Египтѣ, имѣли отъ одного до двухъ локтей въ вышину; но ни одинъ писатель, сколько мнѣ извѣстно, не упоминаетъ о ростѣ куколъ, являвшихся на театрѣ. Самая большая изъ сохранившихся греческихъ и римскихъ куколъ, есть одна изъ куколъ, принадлежавшихъ графу Кейлюсу, а нынѣ находящихся въ кабинетѣ медалей, при Національной Библіотекѣ; она имѣетъ восемнадцать сантиметровъ. Есть еще въ рисункахъ г. Мюре снимки съ двухъ ногъ, изъ слоновой кости, хорошей работы, найденныхъ на одномъ кладбищѣ въ Римѣ, по размѣрамъ которыхъ должно полагать, что кукла была нѣсколькими дюймами побольше той, которая принадлежала графу Кейлюсу; но изъ величины этихъ дѣтскихъ куколъ нельзя сдѣлать никакого вывода относительно размѣровъ театральныхъ маріонетокъ, которыя, притомъ, могли значительно измѣняться въ разныя времена.

Что касается до ихъ устройства, я сдѣлаю только одно общее замѣчаніе относительно всѣхъ куколъ съ подвижными составами, найденныхъ въ дѣтскихъ могилахъ. Больдетти, тщательно описавъ четыре такія куклы, съ которыхъ онъ напечаталъ рисунки, присовокупляетъ, что ихъ приводили въ движеніе посредствомъ шнурочковъ, точно также, какъ приводятъ въ движеніе театральныя маріонетки. «Con queste imaginette giucando i fanciulli, soleano divertirsi moviendole con fili, a guisa (dicamo cosi) di burattini teatrali [63].» Сколько я могу судить по тѣмъ памятникамъ, ка-

[62] Boettig., *Furien-maske*, № X.

[63] Boldetti, *Osserv sopra i Cimiteri de santi mart ed ant. crist. di Roma.* lib. I, cap. XIV, стр. 497.

кіе видѣлъ, это предположеніе не совсѣмъ основательно. Во всѣхъ куклахъ, сохраняющихся въ разныхъ коллекціяхъ, на рукахъ, голеняхъ, лядвеяхъ, находится только по одной дырочкѣ для проволочной связи, образующей составъ; но нѣтъ на нихъ, какъ въ нынѣшнихъ маріонеткахъ, другой дырочки для нитки, приводящей ихъ въ движеніе [64]. Не могла она также привязываться около кисти или около подъема, потому что эти части сдѣланы обыкновенно такъ грубо, что ее не за что было-бы зацѣпить. Однако-же въ одной куклѣ изъ простой кости, довольно грубой работы, найденной на одномъ кладбищѣ въ Римѣ, и съ которой рисунокъ находится въ собраніи г. Мюре, надъ подъемомъ есть довольно глубокая зарубка, къ которой могъ прикрѣпляться шнурокъ; такимъ образомъ она ближе подходитъ къ условіямъ маріонетки.

—

V. СОВЕРШЕНСТВО МЕХАНИЗМА ВЪ ДРЕВНИХЪ МАРІОНЕТКАХЪ.

Изъ одного достовѣрнаго и полновѣснаго свидѣтельства извѣстно, что механизмъ въ греческихъ маріонеткахъ, вѣроятно въ маріонеткахъ Потейна, былъ доведенъ до высокой степени совершенства. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Аристотель говоритъ объ этихъ чудесныхъ созданіяхъ: «Управляющему маріонетками стоитъ дернуть шнурокъ, чтобы привести въ движеніе голову или руку этихъ крошечныхъ существъ, ихъ плеча, глаза, а иногда всѣ части тѣла вмѣстѣ, которыя немедленно повинуются, мѣрно и изящно», Апулей придаетъ еще болѣе силы этимъ похваламъ: «Управляющимъ движеніями маленькихъ деревянныхъ человѣчковъ стоитъ только дернуть нитку, долженствующую привести въ движеніе тотъ или другой членъ, и тотчасъ шея сгибается, головка наклоняется, глаза смотрятъ, руки готовы исполнить всякую службу; все тѣло кажется живымъ и полно изящества [65].» Конечно мы не придумали-бы болѣе сильныхъ похвалъ, говоря о совершенствѣ римскихъ *бураттини*, ми-

[64] Должно исключить только маріонетку, найденную въ Пантикапеѣ, о которой говорено выше, и которой я видѣлъ рисунокъ у г. Мюре.

[65] «Illi qui ligneolis hominum figuris gestus movent, quando filum membri, quod agitari solet, traterint, torquebitur cervix, nutabit caput, oculi vibrabunt, manus ad omne ministerium praesto erunt, nec invenuste totus videbitur vivere.» Apul., *De mundo*, t. II, p. 351, ed. Oudend.

ланскихъ *фанточини*, о чудесахъ естественности и гибкости, какія представляютъ маленькіе актеры, вышедшіе изъ рукъ Роберта Поуеля, Лагрилье, Бьенфе и Серафена.

Эти похвалы Аристотеля и Апулея подтверждаются свидѣтельствомъ не менѣе восторженнымъ, человѣка, бывшаго, можетъ быть, еще лучшимъ судьею въ этомъ дѣлѣ. Галенъ, въ своемъ сочиненіи объ анатоміи, *De usu partium*, желая объяснить, какимъ замысловатымъ механизмомъ природа прикрѣпила мускулы къ костямъ членовъ, особенно въ ногѣ, сравниваетъ его съ тѣмъ механизмомъ, который употребляли въ его время строители маріонетокъ, для того, чтобы куклы ихъ дѣйствовали живо и вѣрно [66].» Ни въ чемъ, говоритъ онъ, вся дальновидность природы не видна такъ, какъ въ расположеніи мускуловъ ноги, которые заходятъ всѣ за составъ, до головки голенной кости. Какъ люди, приводящіе въ движеніе куклы посредствомъ шнурочковъ, привязываютъ эти шнурочки къ концу той части, которая должна дѣйствовать, за тою точкою, гдѣ части сходятся и смыкаются, такъ и природа, гораздо прежде, чѣмъ люди дошли до этой хитрости, построила на тѣхъ же началахъ сочлененія нашего тѣла.»

Рѣдкое совершенство, до какого достигъ механизмъ маріонетокъ въ древности, объясняетъ какимъ образомъ люди, подобные Платону, Аристотелю, Марку Аврелію, такъ часто намекали на это зрѣлище и заимствовали столько мудрыхъ размышленій и краснорѣчивыхъ сравненій отъ этой эмблемы человѣка, игралища страстей.

—

VI. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ТЕАТРА МАРІОНЕТОКЪ ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Мы говорили, что маленькіе актеры Потейна, допущенные на Діонисіевъ театръ, должны были, подобно мимамъ, гилародамъ и всѣмъ актерамъ втораго разряда, давать свои представленія не на сценѣ, а на *тимелэ* или оркестрѣ. Намъ остается пояснить одинъ болѣе трудный вопросъ: въ какой части этого обширнаго театра, устроеннаго безъ кровли, подъ открытымъ небомъ, помѣщалась невидимая рука, управлявшая нитями. Потейнъ, въ противность обы-

[66] Galen., *De usu partium*, lib. II, cap. XVI; *Op.*, ed. Kühn, p. 262.

чаю новѣйшихъ большихъ кукольныхъ комедій, скрывался-ли подъ поломъ оркестра, и оттуда приводилъ въ движеніе своихъ актеровъ, какъ водится на щегольскихъ кукольныхъ театрахъ въ Китаѣ, гдѣ нити, приводящіе въ движеніе актеровъ, проведены на руку не черезъ голову, а черезъ пятки [67]? Не думаю; а скорѣе полагаю, и имѣю на то основаніе, что на оркестрѣ ставилась деревянная будка, *πῆγμα τετράγωνον* [68], которая обвѣшивалась драпировками, и которой задняя стѣна была довольно высока, чтобы хозяину можно было, стоя за этимъ импровизованнымъ эписценіумомъ, управлять своими актерами сверху и невидимо для зрителей. Это, кажется было единственное средство устранить неудобства, которыя представляло такому роду зрѣлищъ устройство древнихъ театровъ, не имѣвшихъ кровли, кромѣ одеоновъ.

Такого-же рода будка, поменьше, для удобства переноски, могла служить, въ Греціи и въ Италіи, и для странствующаго кукольнаго театра. Притомъ такое устройство кукольныхъ театровъ, съ небольшими измѣненіями, сохранилось донынѣ, и его не трудно узнать въ полуантичныхъ будкахъ, въ которыхъ являются нынѣшнія маріонетки на открытомъ воздухѣ. Невроспастъ, кукла всего представленія, долженъ былъ какъ и нынѣ, занимать центръ этого узкаго *постсценіума*, этой твердыни, которую донынѣ итальянцы называютъ castello [69], испанцы castillo [70], французы castellet, вѣроятно отъ древняго латинскаго названія [71]. Ученый езуитъ Квадріо, увлекшись одною темною фразою Гезихія, въ которой лексикографъ говоритъ о какомъ-то увеселеніи, существовашемъ нѣкогда въ Италіи [72], вообразилъ, что слово *κορυθαλλία* должно соотвѣтствовать крѣпости (castellet) нынѣшнихъ маріонетокъ, а *κύριθία*, названіе особеннаго рода деревянныхъ маскъ, приняли за настоящее имя италійскихъ маріонетокъ. Это цѣлый филологическій романъ, въ которомъ нѣтъ ни полслова правды [73]. Сельская игра, о которой тутъ идетъ рѣчь, посвященная, можетъ быть, Діанѣ, заключалась въ томъ, что на голову надѣвали родъ деревянныхъ маскъ и бодались, какъ бараны. Тутъ нѣтъ и

[67] Iohn Barrow, *Travels in China*, London, 1804, p. 210. Berton, *La Chine en miniature*, t. II, p. 173.

[68] Suid., *voc Τηλία*.

[69] Quadrio, *Della storia d'ogni poesia*, т. III, ч. 2, стр. 245—246.

[70] Seb. de Covarrubias, *Tesoro de la lengua castellana*; слово *Titeres*.

[71] У Нѣмцевъ эта буква называется *Pappenkasten*.

[72] Hesych., *voc Κυρυττοί*.

[73] Мысль его принадлежитъ первоначально езуиту Бишіолѣ. См. Biscioli, *Horae subsecivae*, lib. V, cap. 12, стр. 360.

помину о маріонеткахъ. Причины, побуждающія меня полагать, что нынѣшній кукольный театръ, castellet, заимствованъ прямо отъ древнихъ, заключаются въ томъ, что самый этотъ снарядъ и его имя употребляется во всѣхъ странахъ, гдѣ сохранился слѣдъ греческой или римской цивилизаціи; онъ встрѣчается даже на Востокѣ, въ Персіи [74], въ Константинополѣ [75], въ Каирѣ [76]. Только въ странствующихъ кукольныхъ будкахъ, тамъ, гдѣ ихъ нужно переносить на рукахъ, въ новѣйшее время уничтожили полъ, называющійся у испанцевъ retabro [77]; вслѣдствіе чего произошла еще другая перемѣна; именно, что на этихъ маленькихъ театрахъ, куклы являются только въ полроста. Дирижеръ, стоя ниже отверстія, образующаго сцену, просовываетъ перстъ и указательный палецъ въ рукава, представляющія руки актера, и движетъ ими очень удобно. Только такимъ образомъ можетъ полишинель такъ щедро и съ такою силою раздавать вправо и влѣво удары палки, чего не могли-бы дѣлать такъ ловко куклы, приводимыя въ движеніе посредствомъ шнурковъ, какъ ни искусно онѣ устроены. Въ Китаѣ будка маріонетокъ еще проще. Кочующій кукольный комендіянтъ стоитъ на возвышеніи, скрытый до плечъ мѣшкомъ изъ синей нанки, который завязывается вокругъ ногъ надъ подъемомъ, и кверху расширяется, въ видѣ самовара. Ящикъ, стоящій на его плечахъ и возвышающійся надъ головою, служитъ театромъ. Рука, скрытая подъ платьемъ куклы, выводитъ ее передъ публику, и заставляетъ дѣйствовать. Когда представленіе кончено, онъ складываетъ и куколъ и мѣшокъ въ ящикъ, и уноситъ весь театръ подъ мышкою. Въ Испаніи, при Сервантесѣ, до уничтоженія пола retablo, *титереро*, то-есть кукольный комедіянтъ, долженъ былъ имѣть телѣжку или мула, чтобы перевозить изъ деревни въ деревню свой театръ со всѣми принадлежностями [78].

—

[74] Chardin, *Voyage en Perse*, Amsterd. 1734, t. III, ch, XII, p. 59, 60. — Sir H. Jones Brydges *Mission tot he court of Persia*, t. I, p. 407. Въ Персіи кукольныя комедіи показываютъ обыкновенно цыгане.

[75] Pietro della Valle, *Voyages en Turquie*, t. I, p. 151.

[76] Niebuhr, *Voyage en Arabie*, t. I, p. 141, pl. XXVI, fig. T.

[77] Frencisco de Ubeda, *Libra de entretenimiento de la picara Justina*, lib. I cap. 2, № 1; стр. 90, 61.

[78] См. вторую часть *Донъ-Кихота*, гл. 25 и 26, и приведенное выше сочиненіе Франсиско-де-Убеды.

VII. НАРУЖНЫЙ ВИДЪ, ОДЕЖДА И ХАРАКТЕРЫ ДРЕВНИХЪ МАРІОНЕТОКЪ.

Любопытно было-бы, конечно, имѣть нѣкоторыя подробныя свѣдѣнія о наружномъ видѣ и одеждѣ древнихъ маріонетокъ. Особенно любопытно было бы знать присвоивали-ли имъ древніе, какъ въ наше время, уродливыя формы тѣла и причудливые наряды. Этотъ вопросъ такъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о томъ, какого рода пьесы составляли репертуаръ греческихъ и римскихъ маріонетокъ, что мы думаемъ слить здѣсь оба вопроса, которые въ сущности составляютъ одинъ.

Маріонетки, по существу своему, суть пародіи живыхъ существъ. Поэтому пародія должна была во всѣхъ странахъ служить главною основою и давать пищу ихъ репертуару. Мы увѣрены, что въ Аѳинахъ онѣ были еще насмѣшливѣе и злѣе самаго Аристофана; что онѣ еще болѣе преувеличенными каррикатурами преслѣдовали и осмѣивали софистовъ, демагоговъ, трагическихъ поэтовъ; словомъ, бичевали все напыщенное, всякое шарлатанство, въ какихъ-бы формахъ оно ни являлось, философскихъ или политическихъ. Любимою задачею маріонетокъ во всѣ времена было осмѣяніе преобладающихъ занятій, пороковъ, предразсудковъ и обыкновеній; если-же имъ случается бросить на одинъ разъ сатиру, то онѣ непремѣнно выбираютъ самыя громкія событія, самые свѣжіе анекдоты, любимыя легенды народа. Но, скажутъ мнѣ, репертуаръ нынѣшнихъ маріонетокъ такой-же, а между тѣмъ разнообразіе предметовъ не помѣшало имъ принять почти неизмѣнные костюмы, которые, подъ условленною, вымышленною формою, опредѣляютъ различныя положенія, характеры и лѣта дѣйствующихъ лицъ. Было-ли то же самое у грековъ и римлянъ? На этотъ счетъ памятники и писатели опять молчатъ. Очень вѣроятно, что, по выходѣ изъ гіератическаго періода, первыя маріонетки сохраняли нѣкоторое время свои древніе костюмы, которые, какъ извѣстно, сдѣлались и сценическими костюмами; тѣ самые, которые, говорили, Эсхилъ похитилъ изъ капищъ и съ обрядовъ мистерій [79] и которые, можетъ быть, онъ бо́льшею частью заимство-

[79] См. Aelian., *Var. hist.*, lib. V, cap. XIX—Clement. Alexandr., *Stromat*, lib. II, p. 461.

валъ просто отъ маріонетокъ: то-есть, отъ статуэтокъ, которыя, какъ мы видѣли, сначала были идолами, а потомъ сдѣлась куклами на потѣху народа. Но стремясь, по самой своей природѣ, къ пародіи человѣческой жизни, маріонетки должны были скоро бросить трагическую *сирму* и надѣть фантастическіе наряды комедіи, или вѣрные, уродливые костюмы сатирической драмы и фаллическихъ хороводовъ. Клонясь инстинктивно къ самымъ причудливымъ и самымъ народнымъ типамъ, онѣ должны были избрать преимущественно формы пановъ и эгипановъ на козьихъ ногахъ, сатировъ съ козлиными головами и бородами, уродливыхъ вакхантовъ, и особенно вождя этой ватаги, лысаго силена, съ выдавшимся лопатками и огромнымъ брюхомъ округляющимся въ видѣ горба.

Въ Римѣ, вслѣдствіе тогоже стремленія къ пародіи и къ народности, маріонетки приняли вѣроятно костюмы и характеры, созданные причудливою фантазіею ателланъ. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ скоро эти смѣшные типы пошли въ ходъ въ Италіи, и маріонетки стали являться почти исключительно въ видахъ Паппа, Каснара, Буккона, Макка, этихъ созданій итальянской фантазіи, которые живутъ и донынѣ, только подъ другими именами. Актеры ателланъ, съ своей стороны, заимствовали кое-что у старыхъ маріонетокъ. Они приняли на свою сцену двухъ забавныхъ тараторокъ, Цитерію и Петреію [80]; приняли и пожирало, Manducus, это страшное зубастое чудовище, которое щелкало передъ зрителями своею огромною пастью, наводя страхъ на деревенскихъ дѣтей, а отчасти и на ихъ матерей.

In gremio matris formidat rosticus infons [81].

Такимъ образомъ завелся въ Римѣ родъ взаимнаго обмѣна между лицами ателланъ и кукольнаго театра, какъ и въ новой исторіи мѣнялись и взаимно пополнялись маски итальянской комедіи и актеры полишинелевой труппы; такъ что трудно рѣшить, маріонетки-ли въ нѣкоторыхъ роляхъ предупредили живыхъ актеровъ, или на оборотъ. А если трудно разобрать это въ новѣйшіе вѣка, то тѣмъ труднѣе, разумѣется, въ древности. Изъ всѣхъ каррикатурныхъ типовъ, которые сохранились въ греческой и римской живописи въ статуэткахъ, кто возьмется рѣшить, которые принадлежатъ живымъ актерамъ и которые деревяннымъ? Я укажу однако же на два памятника, съ которыхъ рисунки я видѣлъ въ коллекціи г. Мюре, и въ которыхъ, кажется, можно видѣть два лица *невроспастиче-*

[80] Festus, *voc. Cileria* et *Petreia.*
[81] Juven., *Sat.* III, v. 176.

скаго театра. Одинъ изъ нихъ глиняная статуэтка, принадлежащая г. Комармону, въ Ліонѣ, и изображающая уродца, сидящаго на корточкахъ, съ горбомъ на спинѣ и съ огромнымъ животомъ; другой представляетъ обыкновенный типъ; но съ горбомъ сзади и спереди, несравненно больше горба настоящаго оскскаго Макка, найденнаго въ Римѣ въ 1727 году [82]; это если не единственный, то по крайней-мѣрѣ, весьма рѣдкій примѣръ, въ которомъ это фантастическое безобразіе было бы такъ ярко обозначено. Г. Мюре срисовалъ эту фигуру между другими антиками, принадлежащими г. Ролленю. Этотъ Маккъ представляетъ ли Макка ателланъ или Макка-маріонетку? Трудно рѣшить. Однако-же если принять въ соображеніе, что у оскскаго Макка горбы очень незначительны, а у неаполитанскаго *Пульчинелли* (родъ Пьеррò въ широкой бѣлой рубахѣ и въ черной полумаскѣ), горба вовсе нѣтъ, то я готовъ признать это изображеніе за типъ, отличный отъ живаго Макка, являвшагося въ ателланахъ, и пожалуй за Макка-маріонетку.

—

VIII. МАРІОНЕТКИ ГОВОРЯЩІЯ и МИМИЧЕСКІЯ.

Вотъ послѣдній и самый важный вопросъ, представляющійся при изслѣдованіи древнихъ маріонетокъ. Кто говорилъ за этихъ деревянныхъ актеровъ, и какъ говорилъ за нихъ? Наконецъ, всегда-ли игра греческихъ и римскихъ маріонетокъ сопровождалась разговоромъ?

Если правда, что кукольный театръ, какъ мы говорили, всегда и во всѣхъ странахъ, старался представлять то, что наиболѣе занимало народъ, что было ему ближе, сроднѣе, то мы можемъ присовокупить, что у такаго рѣчистаго народа, какъ древніе греки, едва-ли можно предполагать, чтобы маріонетки были когда либо нѣмы. Какой удобный и прекрасный случай былъ умному греку показывавшему кукольную комедію, говорить одному за цѣлую труппу! Я полагаю, что въ Греціи такъ и было. Мы не имѣемъ никакого повода думать, чтобы на каждую куклу былъ

[82] Эта бронзовая статуэтка срисована въ *Histoire du théatre italien* Л. Риккобони, табл. 16; плеча и спина слегка сгорблены; туника подвязана въ поясу. Господинъ Мюре срисовалъ у господина Комармона другую бронзовую статуэтку совершенно подобную этой; тотъ-же типъ, тѣже формы, таже одежда.

человѣкъ, говорившій за нее, какъ въ нѣкоторыхъ итальянскихъ обществахъ, именно въ Римѣ, гдѣ не такъ давно еще, охотно забавлялись представленіями кукольныхъ театровъ. Мы видѣли, что въ Аѳинахъ, на пиру Калліоса, сиракузскій комедіянтъ готовился дать представленіе безъ всякой посторонней помощи. Но въ такомъ случаѣ, спросятъ читатели, какъ измѣнялъ онъ свой голосъ, какъ приноровлялъ его къ лѣтамъ, полу, званію разныхъ дѣйствующихъ лицъ? Можетъ быть, онъ употреблялъ средство, которое употребляется въ наше время; извѣстно, что съ незапамятныхъ временъ кукольники употребляютъ маленькой костяной или металлическій инструментъ, иногда даже нѣсколько такихъ инструментовъ, съ помощью которыхъ они измѣняютъ голосъ, въ особенности-же придаютъ неестественную звонкость и рѣзкость голосу главнаго лица. Не лишнимъ считаю я замѣтить, что этотъ инструментъ, по своей формѣ, по матеріялу и по дѣйствію, представляетъ нѣкоторое родство съ мѣдными губами, которыми Эсхилъ и его преемники снабдили трагическія и комическія маски, и не имѣетъ ничего общаго ни съ какимъ обычаемъ новаго міра; такъ что не безъ нѣкотораго вѣроподобія можно полагать, что это изобрѣтеніе древнихъ невроспастовъ, придуманное ими для того, чтобы измѣнять голосъ и чтобы придавать мнимымъ голосамъ своихъ актеровъ нѣсколько того особеннаго звука, той металлической звонкости, которую получали голоса живыхъ актеровъ, проходя черезъ мѣдныя губы маскъ, и къ которой привыкъ слухъ грековъ.

Но если Греція, по своей многорѣчивости, долженствовала быть отечествомъ говорящихъ маріонетокъ, такъ-ли было въ Италіи? Я полагаю, что по склонности своей перенимать все, что въ модѣ, маріонетки, копируя и преувеличивая шутки ателланъ, должны были потомъ обратиться почти исключительно къ серьезному или къ каррикатурному копированію пантомимъ. Единственныя достовѣрныя свѣденія, дошедшія до насъ, объ игрѣ механическихъ статуэтокъ въ Римѣ, это то, что мы привели выше о серебряной статуэткѣ на пиру Тримальклона. Эта-же статуэтка перенимаетъ пантомимную пляску живыхъ актеровъ. Впрочемъ, если римскіе актеры отказались отъ разговора, отъ diverbia, то пантомимное представленіе все-таки не совсѣмъ обходилось безъ рѣчи. Оставались такъ называвшіеся cantica, полуэпическое, полулирическое изложеніе содержанія пьесы и чувствъ, которыя авторъ желалъ представить глазамъ на сценѣ. Эти cantica были пѣты корифеемъ на *тимелэ*. Такъ, не выходя изъ репертуара маріонетокъ, мы видимъ въ той-же сатирѣ Петронія,

что между, тѣмъ какъ рабъ заставляетъ статуэтку исполнять лемурическую (пиршественную) пляску, Тримальціонъ поетъ своимъ гостямъ canticum, сладострастную и вмѣстѣ грустную элегію, которая прекрасно объясняетъ мысль этого страннаго зрѣлища.

Heu, heu! nos miseros quam totus homuncio nil est!
Quam fragilis tenero flamine vita cadit;
Sic erimus cuneti, postquam nos aufferet Orcus.
Ergo vivamus, dum licet esse bene!

«Увы, увы! мы несчастные! какъ ничтоженъ человѣкъ! какое легкое дуновеніе пресѣкаетъ его жизнь! всѣ мы будемъ подобны этой куклѣ, когда похититъ насъ адъ. Будемъ-же жить въ весельи, пока дозволена намъ радость!»

Впослѣдствіи, когда любовь къ поэзіи и музыкѣ совершенно изчезла, пѣніе кантиковъ было оставлено, особенно въ провинціяхъ, и стали довольствоваться, какъ напримѣръ, въ Карѳагенѣ, въ четвертомъ вѣкѣ, однимъ сценическимъ толкователемъ или глашатаемъ (enunciator илиргаесо), который уже не пѣлъ, а просто разсказывалъ зрителямъ содержаніе пьесы и все происходившее на сценѣ. Маріонетки вѣка паденія должны были также перенять эту форму сокращенной драмы. Тогда живыхъ лицъ при этомъ представленіи потребовалось двое; одинъ, скрытый отъ глазъ зрителей, управлялъ куклами; другой, долженъ былъ стоять подлѣ театра и объяснять представляемыя сцены. Въ средніе вѣка и даже позднѣе мы находимъ поочередное, а иногда и одновременное употребленіе обоихъ способовъ, то-есть, маріонетки говорящія и пантомимныя. Послѣднее старѣе; новое искуство должно было начать тѣмъ, чѣмъ кончилось древнее.

Въ заключеніе этого обзора присовокуплю еще одно замѣчаніе въ честь механическимъ актерамъ. Хотя трудно предполагать, чтобы репертуаръ ихъ, въ первые пять вѣковъ христіанства, былъ многимъ чище репертуара современныхъ мимовъ и пантомимовъ, однако-же онъ, кажется, никогда не доходилъ до такихъ вольностей, какъ живые актеры.

=

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ ІОГАННА-ХРИСТІАНА БРАНДЕСА,

НѢМЕЦКАГО АКТЕРА И ДРАМАТУРГА

XVIII ВѢКА.

.... Vita est nobis aliena magistra.
Жизнь для насъ суровая наставница.
Катонъ.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

Какъ скоро нашъ новый директоръ кончилъ свои распоряженія, мы отправились въ Берлинъ и дебютировали съ успѣхомъ на тетрѣ Берге. Этотъ хорошенькій театръ построенъ знаменитымъ канатнымъ плясуномъ и эквилибристомъ Берге, который, конечно, не могъ прекраснѣе употребить огромнаго состоянія, которое онъ успѣлъ скопить своимъ искусствомъ и трудомъ.

Шухъ къ тому времени возвысилъ мое жалованіе до десяти талеровъ въ недѣлю. Сверхъ того, поручивъ мнѣ написать, не помню къ какому торжественному случаю, прологъ: «*Храмъ литературы*», онъ назначилъ мнѣ въ вознагражденіе бенефисъ; но сборъ былъ незавиденъ, потому-что давали мою комедію «*Скептикъ*», пьесу очень слабую и давно уже напечатанную.

Ни одинъ, можетъ-быть, директоръ не вступалъ въ управленіе

театромъ при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ молодой Шухъ; къ сожалѣнію, онъ не умѣлъ пользоваться своимъ счастіемъ. Онъ никогда не отличался бережливостью; получивъ-же хорошее состояніе, онъ сталъ мотать больше, чѣмъ когда-либо. Любя шумныя удовольствія, онъ завелъ дурныя знакомства, которыя помогали ему спускать все свое имѣніе; особенно пагубно было для него знакомство одного капитана Шалька, исключеннаго изъ службы за дурное поведеніе и съ-тѣхъ-поръ жившаго однимъ шулерствомъ. Этотъ капитанъ Шалькъ долго жилъ въ Бреславлѣ, гдѣ познакомился съ сыновьями покойнаго Шуха и частенько обыгрывалъ ихъ. Съ нѣкотораго времени онъ поселился въ Берлинѣ и продолжалъ заниматься своимъ ремесломъ по кофейнямъ. Видя въ наслѣдствѣ молодаго директора и въ обильныхъ сборахъ его театра богатый источникъ, въ которомъ онъ могъ черпать вволю, онъ не замедлилъ возобновить старое знакомство. Шухъ принялъ его съ распростертыми объятіями, и они зажили еще пышнѣе прежняго, все на счетъ бѣднаго Шуха; онъ почти не проводилъ одного вечера безъ картъ и проигрывалъ всегда огромныя суммы. Къ довершенію несчастія, капитанъ не одинъ обиралъ его. Такимъ образомъ Шухъ промоталъ значительную часть своего состоянія, и вѣроятно разорился-бы совершенно, еслибы необходимость ѣхать съ труппою въ Данцигъ не спасла его на нѣкоторое время.

Въ Данцигѣ счастіе продолжало благопріятствовать ему. Театръ былъ полонъ каждый вечеръ, и въ двѣ недѣли мы собрали 15,000 талеровъ. Противъ нашего ожиданія, на этотъ разъ онъ былъ побережливѣе; однако-же желаніе пускать пыль въ глаза великолѣпіемъ своихъ праздниковъ и тутъ заставляло его дѣлать многія дурачества; такъ, напримѣръ, когда онъ завтракалъ съ братьями и съ другими обыкновенными участниками его пирушекъ, что случалось почти каждый день, всѣ окна его квартиры были отворены и каждый стаканъ шампанскаго или малаги сопровождался звуками трубъ. Иногда онъ давалъ себѣ серенады.

Большая часть актеровъ не принимали никакого участія въ этихъ безразсудствахъ. Они старались только исполнять свои обязанности, изучать свое искусство, и пользовались въ городѣ гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ ихъ директоръ; ихъ охотно принимали въ лучшихъ домахъ, а бѣднѣйшіе изъ нихъ получали часто отъ зажиточныхъ купцовъ подарки, которые давали имъ возможность прилично одѣваться. Благодаря покровительству англійскихъ купцовъ, бывшихъ въ городѣ, и особенно семейства Габсонъ, мы исходатайствовали отъ городскаго начальства позво-

леніе дать нѣсколько представленій въ пользу актеровъ въ дни, въ которые не полагалось спектаклей.

Нѣсколько недѣль спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Данцигъ, получили мы горестное извѣстіе о пожарѣ въ Кёнигсбергѣ; у бѣднаго моего свояка Варніена сгорѣло не только два дома, но и кладовая съ товарами, хлѣбный амбаръ, и все имущество, не исключая платья. Намъ съ Шарлоттою это несчастіе было тѣмъ прискорбнѣе, что состояніе наше не позволяло намъ оказать значительную помощь своимъ добрымъ родственникамъ. Братъ моей жены, Кохъ, былъ побогаче насъ, и послалъ своей несчастной сестрѣ всѣ деньги, какими могъ располагать.

—

ГЛАВА II.

Около того же времени посѣтило меня горе другаго рода, въ моей супружеской жизни. Еще въ Берлинѣ началъ я замѣчать, что Шарлотта была не такъ весела, какъ прежде; часто она просиживала по цѣлымъ часамъ въ глубокомъ размышленіи. Не разъ, когда я приходилъ къ ней въ такое время, когда она меня не ожидала, случалось мнѣ видѣть на глазахъ ея слѣды слезъ, которыя она тщательно старалась скрывать отъ меня. Я распрашивалъ ее о причинѣ, но вмѣсто отвѣта, она только вздыхала, опускала глаза и спѣшила удалиться, подъ предлогомъ хозяйственныхъ занятій. Я очень хорошо понималъ, что это недовѣріе происходило не отъ уменьшенія ея любви ко мнѣ, но въ тоже время видѣлъ, что ничего не добьюсь настояніемъ, и потому рѣшился ждать, чтобы время и случай доставили мнѣ желаемое объясненіе. Дѣйствительно, скоро по пріѣздѣ нашемъ въ Данцигъ тайна объяснилась.

Въ числѣ нашихъ лучшихъ знакомыхъ была одна актриса, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ вышедшая замужъ за нашего капельмейстера Шульца. Я зналъ ее уже давно, часто видался съ нею у ея опекуна Шуха и, не знаю, чѣмъ снискалъ особенное ея расположеніе. Когда Шухъ сталъ требовать, чтобы она вышла за Шульца, та прибѣжала ко мнѣ, вся въ слезахъ, жаловаться на свою горькую судьбу; она говорила, что должна покориться волѣ своего опекуна, но что она терпѣть не можетъ жениха, и будетъ съ нимъ несчастна всю жизнь. Я сталъ утѣшать ее, какъ умѣлъ, и изъявлять свое искреннее участіе въ ея горести. При этихъ словахъ, глаза ея заблистали, и она сказала мнѣ умильнымъ голосомъ: «Любезный Брандесъ, вамъ дав-

но уже извѣстны мои чувства, и я, кажется, не ошибаюсь на счетъ вашихъ; что-же мѣшаетъ вамъ объясниться со мною откровенно и рѣшительно? Я еще не дала слова, слѣдовательно еще можно все перемѣнить. Если вы дѣйствительно любите меня, то поспѣшите къ моему опекуну; онъ особенно уважаетъ васъ; просите у него немедленно моей руки, пока она не отдана другому, и исполните тѣмъ самое пламенное желаніе моего сердца.» Можно себѣ представить, какъ поразило меня это наивное признаніе; правда, я очень уважалъ эту дѣвушку за ея прекрасную душу и умъ, и, можетъ быть, былъ съ нею любезнѣе, чѣмъ вообще съ другими женщинами; но о болѣе нѣжномъ чувствѣ къ ней я никогда не думалъ, тѣмъ болѣе, что сердце мое въ то время было отдано другой. Когда я объяснилъ ей это: — «Боже мой, вскричала она съ глубокою горестью, такъ я ошиблась!» и слезы ручьями потекли по ея щекамъ. Я потупилъ глаза и отвернулся къ окну, чтобы скрыть свое смущеніе. Она замѣтила это, и вмѣсто упрековъ, продолжала, послѣ нѣкотораго молчанія, твердымъ, хотя печальнымъ голосомъ: — «Если такъ, нечего дѣлать; надо покориться судьбѣ! извините мою безразсудность и забудьте все, что было между нами.» За тѣмъ она удалилась и нѣсколько недѣль спустя вышла за капельмейстера Шульца, который ее страстно любилъ и былъ вполнѣ ея достоинъ. Впослѣдствіи, мы опять сошлись, какъ искренніе друзья; мужъ ея зналъ это происшествіе, но былъ слишкомъ уменъ, и слишкомъ хорошо зналъ благородство души своей жены, чтобы ревновать ее; она также умѣла оцѣнить Шульца и была съ нимъ счастлива; когда я женился, она искренно поздравляла меня и всѣми средствами старалась снискать дружбу Шарлотты. Какъ она была очень умна, добра и любезна, и жила въ одномъ домѣ съ нами, то очень естественно, что она скоро сдѣлалась нашею ежедневною собесѣдницею.

Однажды, въ пріятельской бесѣдѣ, кто то имѣлъ неосторожность, при Шарлоттѣ, между прочимъ разсказать исторію госпожи Шульцъ. Это было сдѣлано безъ всякаго дурнаго умысла; ни я, ни разсказчикъ никакъ не предполагали, что эта неумѣстная откровенность будетъ имѣть такія непріятныя послѣдствія и возмутитъ на время мое супружеское счастіе.

Однажды утромъ, когда Шарлотта была въ театрѣ, на репетиціи, госпожа Шульцъ пришла ко мнѣ повторить нѣкоторыя трудныя мѣста изъ комедіи Муаси «Новая школа женъ», въ которой она исполняла роль Мелиты, а я Сенефара. Мы повторили роли, придумали нѣсколько новыхъ сценическихъ эфектовъ, и

дошли до послѣдней сцены, въ которой вѣтренный мужъ бросается къ ногамъ жены, кается въ своихъ проступкахъ и проситъ прощенія. Жена поднимаетъ его съ нѣжностью и сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ. Въ эту патетическую минуту вошла моя жена, и въ гнѣвѣ своемъ, не обращая вниманія на роли, которыя были у насъ въ рукахъ, бросилась на мнимую свою соперницу и оттолкнула ее отъ меня съ такою силою, что та упала. Госпожа Шульцъ была изумлена и оскорблена такимъ поступкомъ и обидными словами жены моей. Долго не могъ я успокоить ихъ разгоряченныхъ головъ. Прежде всего старался я представленіями и просьбами удалить невинную госпожу Шульцъ. Выпроводивъ ее, я сталъ усовѣщивать и уговаривать жену; не тутъ-то было; она не хотѣла меня слушать, осыпала упреками и заперлась въ свою комнату. На сценѣ она должна была сходиться со мною по неволѣ; но каждый разъ, какъ я пытался оправдываться, гнѣвъ ея еще усиливался. Такъ-же неуспѣшно было мое письменное объясненіе, въ которомъ я приводилъ ей неопровержимыя доказательства нашей невинности и ея ошибки. Эта попытка только породила новую бурю; чтобы уличить меня въ мнимой невѣрности, она подняла несчастное мое объясненіе съ госпожею Шульцъ передъ ея свадьбою; за тѣмъ посыпались упреки, полились слезы, такъ, что я не зналъ уже, съ какой стороны подступиться. Оставалось одно средство: прибѣгнуть къ посредничеству Коха; онъ хорошо зналъ меня и госпожу Шульцъ, и пользовался довѣріемъ своей сестры. Я разсказалъ ему въ чемъ дѣло, и онъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ приступовъ, наконецъ успѣлъ образумить Шарлотту и примирить насъ. Однако-же—о женское упрямство! — она собственно только простила мнѣ мнимый проступокъ, а никакъ не хотѣла понять, что подняла всю эту кутерьму изъ ничего и сама была кругомъ виновата. Шарлотта со многими прекрасными качествами соединяла одинъ несчастный недостатокъ: злопамятность. Если она на кого была сердита, то почти невозможно было примирить ее съ несчастнымъ, подвергшимся ея гнѣву, хотя бы даже она убѣдилась, что гнѣвъ ея былъ несправедливъ. Чтобы избѣжать новыхъ подозрѣній и непріятностей, я долженъ былъ отказаться отъ знакомства доброй госпожи Шульцъ, и держать себя очень осторожно. Только нѣсколько лѣтъ спустя жена моя помирилась съ мнимою соперницею, благодаря стараніямъ нашего общаго друга, Лессинга. Шарлотта отдавала полную справедливость моей супружеской вѣрности, но все-таки никогда не могла совершенно простить бѣдной госпожѣ Шульцъ ея невин-

ную, почти дѣтскую любовь ко мнѣ, и всегда ревновала меня къ ней.

—

ГЛАВА III.

Передъ самымъ отъѣздомъ нашимъ изъ Берлина, курфирстъ Станиславъ-Августъ былъ избранъ на польскій престолъ. Это было счастливымъ событіемъ для меня, потому что мнѣ поручили написать по этому случая новую пьесу: «*Осиротѣвшій Данцигъ*,» и другую по случаю его коронованія «*Парнасъ* или *Торжество музъ*». Обѣ эти пьесы очень незамѣчательны сами по себѣ, но какъ онѣ писаны на торжественные случаи, то имѣли большой успѣхъ и въ Берлинѣ и въ Данцигѣ, и я выручилъ хорошія деньги отъ ихъ изданія.

Пробывъ въ Данцигѣ около четырехъ мѣсяцевъ, мы опять перекочевали, къ великому огорченію жителей, которые не хотѣли отпускать насъ отъ себя. Въ Кенигсбергѣ, послѣ бывшаго тамъ пожара, нельзя было ожидать сборовъ, и потому Шухъ отправился, черезъ Польшу, въ Бреславль. Тутъ мы провели всю зиму, и потомъ, осыпанные рукоплесканіями и деньгами, поднялись опять въ путь, въ Берлинъ. Дѣла наши шли такъ успѣшно, что во время пребыванія нашего въ Бреславлѣ, Шухъ могъ купить домъ въ Берлинѣ и построить за нимъ довольно большой театръ, который былъ уже готовъ къ нашему пріѣзду. Это благоразумное употребленіе собранныхъ нами денегъ чрезвычайно удивило насъ въ нашемъ директорѣ, котораго мы считали способнымъ только мотать.

Хорошо было для Шарлотты, что Шухъ поспѣшилъ выѣхать изъ Бреславля; ибо едва мы пріѣхали въ Берлинъ, какъ она подарила меня дочерью, которую мы назвали Вильгельминою, но которая въ послѣдствіи называлась Минною, въ честь своего крестнаго отца, Лессинга.

Въ числѣ замѣчательныхъ лицъ, съ которыми я имѣлъ случай познакомиться въ это время, были министры Цедлицъ и Фонъ-Дершау; они милостиво дозволили мнѣ навѣщать ихъ въ свободные часы и осыпали меня изъявленіями своего уваженія. Почти каждый день видѣлся я также съ незабвеннымъ моимъ другомъ Лессингомъ, пріѣхавшимъ въ Берлинъ на довольно продолжительное время, и съ Моисеемъ Мендельсономъ.

Въ теченіе этого лѣта совершилось бракосочетаніе прусскаго

кронпринца съ принцессою Елисаветою-Ульрикою Брауншвейгскою. Мнѣ поручили по этому случаю написать новую пьесу, которую я назвалъ «*Берлинъ, или средоточіе вкуса*». Какъ эта пьеса имѣла большой успѣхъ въ Берлинѣ, потому что льстила самолюбію жителей, то Шухъ давалъ ее, съ нѣкоторыми измѣненіями, во всѣхъ другихъ городахъ, перенося средоточіе вкуса то въ Данцигъ, то въ Кенигсбергъ, то въ Бреславль, чѣмъ каждый изъ этихъ городовъ былъ чрезвычайно доволенъ; я не противился этимъ превращеніямъ, потому что пьеса имѣла успѣхъ и доставляла мнѣ вездѣ почетъ, а нашей кассѣ обильные сборы. При первомъ ея представленіи случилось довольно забавное происшествіе. Для бо́льшаго великолѣпія представленія, декораторъ вздумалъ, безъ нашего вѣдома, снять боковыя двери, служащія обыкновенно въ фарсахъ, и замѣнить ихъ двумя бумажными транспаратами, изображавшими, одинъ *Отечество*, другой *Благоразуміе*. Прежде, чѣмъ начали освѣщать театръ, пришло нѣсколько музыкантовъ, которые имѣли привычку, для удобства, ходить въ оркестръ черезъ сцену. Не зная о перемѣнѣ, придуманной декораторомъ, и ничего не видя въ темнотѣ, вмѣсто того, чтобы идти въ новую дверь, они прошли сквозь отечество, прорвавъ въ немъ огромное отверзтіе. Въ это время пришелъ я съ Шухомъ, и не могъ не сердиться на ихъ неосмотрительность. — «Ворчаніемъ не поможемъ, сказалъ мнѣ Шухъ, съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Онъ послалъ за декораторомъ, пожурилъ его порядкомъ, и велѣлъ поставить вмѣсто транспарантовъ прежнія двери.

Если я могъ похвалиться своими удачами въ сочиненіи пьесъ, не смотря на ихъ очень слабое достоинство, то не такъ везло мнѣ въ исполненіи ролей; нерѣдко я долженъ былъ являться въ такихъ роляхъ, которыя были мнѣ рѣшительно не по силамъ. Въ числѣ ихъ была, напримѣръ, роль Сентъ-Альбена въ Дидеротовомъ «*Отцѣ семейства*;» правда, я взялся за нее только по необходимости, потому что не кому было дать ее. Однажды обѣдалъ я у одного пріятеля, рѣчь зашла о театрѣ; одинъ изъ гостей, какой-то графъ Подевильсъ, который не зналъ меня въ лицо, очень хвалилъ исполненіе «*Отца семейства*», особенно ролей д'Орбенсона, командора и Софіи.» — Жаль только, прибавилъ онъ, что прочія роли розданы неудачно; напримѣръ, прекрасный характеръ Сентъ-Альбена совершенно изуродованъ.» Это рѣзкое сужденіе ужасно смутило хозяина; онъ всячески старался смягчить его, но графъ упорствовалъ въ своемъ мнѣніи. Тогда хозяинъ вышелъ, подъ предлогомъ хозяйственныхъ распоряженій, и когда онъ возвратился, вслѣдъ за нимъ вошелъ слуга и подалъ графу

записку. Графъ, прочитавъ записку, очевидно смутился и положилъ ее въ карманъ. Прерванный разговоръ возобновился, и послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній на другія пьесы, графъ возвратился къ *«Отцу семейства»*, повторилъ свое сужденіе объ исполненіи его вообще, прибавивъ, что актеръ, игравшій роль Сентъ Альбена явилъ въ ней много ума и знанія сцены, но былъ нѣсколько холоденъ. — «Но за то, продолжалъ онъ съ жаромъ, роль Жермеля ни на что не похожа.» — Кто-то замѣтилъ ему, что онъ противорѣчилъ первому своему отзыву, въ которомъ онъ такъ строго осуждалъ исполненіе роли Сентъ-Альбена. — «Не можетъ быть, отвѣчалъ графъ; я вѣрно ошибся въ названіи ролей. Напротивъ, за исключеніемъ двухъ, трехъ неважныхъ погрѣшностей, я очень доволенъ этимъ актеромъ. Я осуждаю только того несчастнаго, который взялся за роль Жермеля; вы сами сознаетесь, что игра ниже всякой посредственности.» Это сужденіе было несправедливо; актеръ, игравшій Жермеля, былъ конечно не въ своей роли, ибо онъ былъ отличный комикъ, и взялъ эту роль только за неимѣніемъ на нее другаго; но онъ исполнилъ ее совсѣмъ не такъ дурно. Однако-же всѣ согласились съ мнѣніемъ графа, чтобы спасти мою честь и пощадить мое самолюбіе, и разговоръ перешелъ на другіе предметы.

Труппа наша опять готовилась къ отъѣзду въ Данцигъ, когда я получилъ письмо отъ директора Мюнхенскаго театра, фонъ-Курца, который извѣщалъ меня, что курфирстъ поручилъ ему устроить въ этомъ городѣ постоянный театръ, что онъ уже ангажировалъ нѣкоторыхъ изъ замѣчательнѣйшихъ актеровъ въ Германіи, и что дворъ особенно желалъ видѣть въ труппѣ меня и мою жену. Я только что передъ тѣмъ имѣлъ большія непріятности съ Шухомъ; мнѣ надоѣли безпрестанные переѣзды съ мѣста на мѣсто, которые истощали мои средства, и потому я рѣшился принять предложеніе фонъ-Курца. Постоянный театръ, двадцать талеровъ въ недѣлю, и другія выгоды, которыя были мнѣ обѣщаны, не могли не соблазнить меня. Шухъ, не понявъ въ первую минуту, сколько труппа его теряла во мнѣ и въ моей женѣ, и притомъ будучи еще сердитъ на насъ, отпустилъ насъ безъ труда. Такимъ образомъ мы разстались на нѣкоторое время.

—

ГЛАВА IV.

Я отправился на Лейпцигъ, Нюренбергъ и Аугсбургъ, нигдѣ не останавливаясь на долго. По пріѣздѣ нашемъ въ Мюнхенъ, директоръ фонъ Курцъ принялъ насъ чрезвычайно любезно. На слѣдующій-же день онъ представилъ насъ главноуправляющему, графу фонъ-Шау, а потомъ и ко двору, увѣряя насъ, что мы будемъ однимъ изъ лучшихъ украшеній Мюнхенскаго театра, потому что принадлежимъ къ знаменитѣйшимъ артистамъ Германіи Послѣ такихъ отзывовъ, мы были очень благосклонно приняты во всѣхъ знатнѣйшихъ домахъ, и всѣ любители искусства стали ласкать насъ наперерывъ.

Вначалѣ я никакъ не могъ привыкнуть къ частицѣ *фонъ*, которую всѣ приставляли къ моему имени; но какъ я ни отрекался отъ этой почести, откровенно сознаваясь, что я простой мѣщанинъ, и не имѣю никакого притязанія на дворянство, я долженъ былъ остаться фонъ-Брандесомъ. Мнѣ объяснили, что въ Мюнхенѣ былъ обычай облагороживать такимъ образомъ всѣхъ замѣчательныхъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ, чтобы имъ приличнѣе было являться въ домахъ, къ обѣдамъ и праздникамъ высшаго общества. Всѣ эти почести, этотъ прекрасный пріемъ, были конечно очень лестны; но это было единственною выгодою, какую доставило намъ наше пребываніе въ Мюнхенѣ: сладостная надежда артистовъ и публики на учрежденіе постояннаго, хорошаго театра не состоялась. Экгофъ, Стефани и другія современныя знаменитости, которымъ было предложено поступить на придворный театръ, и на которыхъ дирекція сильно расчитывала, уклонились подъ разными предлогами. Такимъ образомъ труппа, о полнотѣ и многочисленности которой столько протрубили напередъ, ограничилась пятью актерами, пользовавшимися нѣкоторою славою; остальные годны были только на вторыя и третьи роли. Эти пять столповъ новаго театра были: я съ женою, госпожа Мекуръ, и Курцъ съ женою.

Дворъ былъ очень недоволенъ этою неудачею, и отказалъ Курцу въ обѣщанномъ пособіи, предоставивъ ему вести предпріятіе на собственный счетъ. Такимъ образомъ планъ фонъ-Курца, основать классическій театръ, совсѣмъ разстроился, и онъ принужденъ былъ опять обратиться къ своимъ *бернардоніадамъ*, особаго рода фарсамъ собственнаго его изобрѣтенія. Для этого онъ долженъ былъ ангажировать множество баварскихъ провинціяльныхъ актеровъ. Какъ въ этихъ фарсахъ недостаточно одного шута, то

пришлось также пригласить другаго арлекина, для содѣйствія *Бернардону*.

Наканунѣ моего отъѣзда въ Мюнхенъ, явился ко мнѣ одинъ странствующій актеръ, по имени Дублюръ, съ просьбою, чтобы я убѣдилъ Шуха принять его въ свою труппу. Я отвѣчалъ ему, что уѣзжаю въ Мюнхенъ, совсѣмъ простился уже съ Шухомъ, и потому не могу исполнить его желанія. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ моемъ въ Мюнхенъ, вдругъ, къ великому моему удивленію, является онъ ко мнѣ опять. Онъ пришелъ пѣшкомъ изъ Берлина, сдѣлалъ въ двѣнадцать дней около девяносто миль, въ надеждѣ получить мѣсто при новоучреждавшемся театрѣ. Онъ вбѣжалъ въ мою комнату, какъ сумасшедшій, вскричавъ: — «Вотъ и я!» и безъ церемоній сѣлъ съ ногами на диванъ.

— Какими судьбами вы сюда попали? откуда? спросилъ я, изумленный и его нечаяннымъ появленіемъ и нецеремоннымъ обращеніемъ.

Дублюръ. Прямо изъ Берлина.

Я. Такъ скоро? на крыльяхъ, что-ли прилетѣли?

Дублюръ. Прибѣжалъ на ногахъ; о, у меня славная пара, не угоняетесь за нею!

Я. Что же вы здѣсь будете дѣлать?

Дублюръ. Хочу поступить на театръ.

Я. Въ такомъ случаѣ обратитесь къ господину фонъ-Курцу.

Дублюръ. Я уже былъ у него, онъ меня прогналъ.

Я. Странно; ему однако-же нужны актеры.

Дублюръ. Хорошъ вашъ Курцъ! ничего не смыслитъ; просто дуракъ.

Я. На сценѣ онъ отлично играетъ дураковъ; но когда онъ не на сценѣ, я всегда считалъ его за человѣка очень умнаго и знающаго.

Дублюръ. Видно ничего не смыслитъ, что отказалъ мнѣ.

Я. Онъ васъ не знаетъ. Но такъ-ли вы увѣрены въ своемъ талантѣ?

Дублюръ. Еще-бы! да у меня талантъ такой....

Я. Такъ обратитесь къ главноуправляющему, къ графу фонъ-Шау.

Дублюръ. Былъ и у него, но онъ меня не принялъ.

Я. Это очень прискорбно. Но что я могу для васъ сдѣлать?

Дублюръ. Сборъ въ мою пользу. Были-бы у меня только деньги, а тамъ уже всегда найду себѣ мѣсто, не здѣсь, такъ въ другомъ городѣ.

Я. Мнѣ трудно исполнить ваше желаніе, потому что я самъ

еще недавно въ городѣ и не довольно знакомъ съ актерами. Но если вы дѣйствительно имѣете такой огромный талантъ, я поговорю о васъ господину главноуправляющему, и по его ходатайству Курцъ васъ непремѣнно приметъ.

Дублюръ. Испытайте меня; вы сами ахнете отъ удивленія, когда увидите, на что я способенъ.

Я. Въ какихъ роляхъ вы отличаетесь?

Дублюръ. Во всякихъ; но особенно неподражаемъ я въ роляхъ рыцарей. (Тутъ онъ съ самодовольствіемъ потеръ руки, закинулъ голову назадъ, и началъ скакать по комнатѣ, какъ козелъ.)

Я. Это не мало значитъ.

Дублюръ. Кромѣ того, я играю героевъ, несчастныхъ любовниковъ, жидовъ, педантовъ, слугъ; словомъ, что мнѣ ни дайте, я вездѣ какъ у себя дома.

Я. Вы вѣроятно играли Мельфонта въ Лессинговой «*Сарѣ Симпсонъ*»?

Дублюръ. Сколько разъ! и всегда съ огромнымъ успѣхомъ.

Я сталъ искать эту пьесу; мнѣ попала подъ руку «*Ромео и Юлія*». — «Играли также Ромео, вѣроятно»? спросилъ я.

Дублюръ. Какъ-же! это одна изъ моихъ любимыхъ ролей. Вотъ послушайте, и судите.

Съ этими словами онъ принялъ героическую позу, сорвалъ съ шеи галстухъ, разстегнулъ жилетъ, взбилъ волоса, опрокинулъ стулъ, который долженъ былъ представлять гробъ Юліи, и окончивъ эти приготовленія, проревѣлъ мнѣ въ уши часть послѣдней сцены, бросаясь и прыгая по комнатѣ, которая была довольно обширна, какъ ракета.

— Будетъ, будетъ, закричалъ я; вы великій артистъ, это по всему видно. Но знаете-ли что? я вамъ совѣтовалъ-бы искать мѣста на какомъ нибудь другомъ театрѣ, потому что здѣсь не поймутъ васъ, не оцѣнятъ вашего дивнаго таланта. И я взялъ кошелекъ и далъ ему два гульдена.

— Я и самъ тоже думаю, отвѣчалъ онъ. Баварія все еще коснѣетъ въ невѣжествѣ, идетъ ощупью во тьмѣ! нѣтъ ни вкуса, ни образованія. Отправлюсь лучше въ имперію, тамъ много хорошихъ театровъ, и каждый директоръ возьметъ меня съ руками и ногами.

И въ этой сладостной надеждѣ артистъ мой удалился, не поблагодаривъ меня даже за два гульдена.

—

ГЛАВА V.

Театръ наконецъ открылся фарсомъ сочиненія Курца. Мнѣ досталась въ немъ роль перваго любовника, которую я исполнилъ довольно удачно, потому что былъ мастеръ импровизировать. Для втораго представленія была дана трагедія Ѳомы Корнелья «*Графъ Эссексъ*», въ которой я игралъ графа Салисбури. Тутъ не понравилась моя дикція. Для третьяго дебюта я явился къ роли Замора въ Вольтеровой «*Альзиръ*»; на этотъ разъ публика нашла, что у меня не доставало огня, энтузіазма, и лестное мнѣніе о моемъ талантѣ сильно поколебалось. Потомъ я игралъ Олиндa въ трагедіи Тронка «*Олиндо и Софронія*»; мою игру нашли слабою и холодною, и слава моя рѣшительно пала. На слѣдующій день Курцъ призвалъ меня къ себѣ, объявилъ мнѣ неудовольствіе публики и далъ мнѣ на выборъ: оставить его театръ или довольствоваться четырнадцатью гульденами въ недѣлю, вмѣсто двадцати, которые я получалъ сначала. Я чувствовалъ свою слабость; и зная, что не такъ скоро найду другое мѣсто, согласился на убавку жалованья. Съ тѣхъ поръ я игралъ преимущественно въ импровизированныхъ фарсахъ, въ которыхъ я былъ очень хорошъ, а вновь ангажированный актеръ, Бергонцомеръ, занялъ амплуа героевъ и первыхъ любовниковъ и произвелъ въ нихъ фуроръ. Жена моя также имѣла большой успѣхъ въ чувствительныхъ роляхъ, и потому, не смотря на первыя мои неудачи, публика не перестала уважать и ласкать насъ, тѣмъ болѣе, что мы отличались передъ большею частью труппы скромностью и хорошимъ поведеніемъ.

Кромѣ театра Курца, или Нѣмецкаго театра, какъ онъ назывался, былъ въ Мюнхенѣ театръ итальянскій, ничѣмъ не лучше нашего, и другой нѣмецкій театръ, называвшійся *грошевымъ*, Kreuzercomedie. Актеры этого театра получали свое жалованье ежедневно изъ сбора; жалованье это, соразмѣрно достоинству актеровъ, составляло отъ двадцати крейцеровъ до гульдена*. Представленіе начиналось съ самаго утра и продолжалось до ночи; оно состояло изъ самыхъ пошлыхъ и довольно неприличныхъ фарсовъ. За входъ платили одинъ крейцеръ, за который зритель видѣлъ фарсъ или одно дѣйствіе болѣе длинной пьесы. За тѣмъ играла музыка, впродолженіе которой арлекинъ обходитъ всю публику и взимаетъ еще по крейцеру съ тѣхъ изъ зрителей, которые пожелаютъ остаться на слѣдующій фарсъ или на второе дѣйствіе. И такъ

* Отъ 20 до 54 коп. серебромъ.

продолжается до самаго вечера. Мы съ женою полюбопытствовали однажды вглянуть на это странное зрѣлище. При входѣ я хотѣлъ заплатить за наши мѣста; но директоръ, знавшій меня въ лицо, очень вѣжливо отказался отъ денегъ, говоря, что у него свободный входъ для его собратій артистовъ, и что онъ самъ долженъ имъ быть благодаренъ за честь, когда они посѣщаютъ его театръ.

Въ Мюнхенѣ я узналъ по опыту, что и у стѣнъ бываютъ уши, и какъ должно остерегаться сказать лишнее слово, когда не знаешь сосѣдей. Объ стѣну съ моею комнатою жилъ одинъ актеръ нашего театра; онъ жилъ такъ тихо, что я долго и не подозрѣвалъ его сосѣдства. По вечерамъ, возвращаясь изъ театра, мы съ женою садились ужинать и тутъ обыкновенно разсуждали очень свободно о театрѣ, о нашемъ директорѣ и товарищахъ; нерѣдко случалось намъ критиковать исполненіе нѣкоторыхъ пьесъ, даже игру Курца и его жены въ правильныхъ пьесахъ, особенно въ трагедіяхъ. Замѣчанія наши подчасъ бывали довольно колки и злы. Когда Шарлотта бывала въ духѣ, она очень удачно перенимала языкъ г-жи Курцъ, которая была родомъ итальянка и говорила по нѣмецки очень дурно. Сосѣдъ, прижавшись ухомъ къ замочной скважинѣ, подслушивалъ всѣ наши разсужденія и передавалъ ихъ на слѣдующій день директору, съ своими толкованіями и прибавленіями. Курцъ, призвавъ меня, чтобъ объявить мнѣ свое рѣшеніе на счетъ моего жалованья, сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ за эти критики и тутъ-же открылъ мнѣ источникъ, откуда онъ зналъ о нихъ. Я не могъ отвергать истины главныхъ обвиненій, и въ оправданіе свое сказалъ только, что нельзя взыскивать съ мужа и жены за то, что они говорятъ у себя въ домѣ, наединѣ и полагая, что ихъ никто не слышитъ. Притомъ я увѣрилъ Курца, что если мы и позволили себѣ немножко посмѣяться надъ итальянскимъ произношеніемъ г-жи Курцъ, то мы тѣмъ не менѣе уважали ее, какъ артистку и какъ женщину. Курцъ былъ человѣкъ добрый и незлопамятный, и потому его не трудно было успокоить; но жена его была сильно оскорблена, и не умѣла скрывать своей досады и ненависти, не смотря на то, что мы держали себя съ нею очень осторожно и почтительно. Намъ не разъ пришлось поплатиться на наши насмѣшки.

Доносчикъ сдѣлалъ эту подлость, чтобы отомстить намъ за то, что Шарлотта однажды уличила его въ мошенничествѣ при постороннихъ. Когда мы пріѣхали въ Мюнхенъ, онъ явился къ намъ и рекомендовался товарищемъ, живущимъ въ одномъ домѣ съ нами, но не говоря, что жилъ съ нами объ стѣну. Мы приняли

его очень дружески, какъ и другихъ товарищей. Онъ сталъ приходить къ намъ очень часто, проводить у насъ вечера, и почти каждый разъ предлагалъ поиграть въ карты. Я соглашался изъ вѣжливости, по долгу хозяина, но никакъ не изъ удовольствія, потому что онъ каждый разъ меня обыгрывалъ, и хотя мы играли не по большой, однако я все-таки проигрывалъ больше той суммы, которая была у меня опредѣлена на карты. Однажды жена моя случилась при этомъ, и замѣтила, что каждый разъ, какъ я отворачивался, онъ употреблялъ какую-нибудь шулерскую хитрость. Шарлотта, у которой всегда что на сердцѣ, то было и на языкѣ, не вытерпѣла этого мошенничества и уличила его при всѣхъ гостяхъ. Шулеръ, пойманный на дѣлѣ, долженъ былъ удалиться со стыдомъ и въ гнѣвѣ; съ тѣхъ поръ онъ избавилъ насъ отъ своихъ корыстолюбивыхъ посѣщеній, но поклялся отомстить намъ при первой возможности и сдержалъ слово.

—

ГЛАВА VI.

Въ Мюнхенѣ, какъ и вездѣ, гдѣ я проводилъ нѣкоторое время, скоро составился около меня довольно большой кругъ знакомыхъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ очень замѣчательный человѣкъ: живописецъ Тиме. По своей строгой честности, по благородству души, благочестію, откровенности и веселости, онъ былъ истинный баварецъ; но съ этими прекрасными свойствами онъ соединялъ одну слабость: онъ былъ разсѣянъ до невѣроятности. За нѣсколько времени до нашего пріѣзда, онъ занималъ нашу квартиру; но какъ свѣтъ въ ней былъ неудобенъ для его занятій, то онъ перешелъ на другую квартиру въ томъ же домѣ, этажемъ выше. Это обстоятельство подало впослѣдствіи поводъ ко множеству преуморительныхъ сценъ. Онъ былъ человѣкъ одинокій и держалъ одну служанку, которая была у него и ключницею, и кухаркою. Если онъ утромъ выходилъ со двора, очень часто случалось, что онъ приходилъ къ обѣду на нашу квартиру, въ полномъ убѣжденіи, что пришелъ къ себѣ домой; если мы еще не возвращались съ репетиціи, онъ преспокойно усаживался въ кресла, звалъ служанку и приказывалъ подавать обѣдать. Не разъ случалось, что онъ не прежде замѣчалъ свою ошибку, какъ увидѣвъ насъ; въ такомъ случаѣ онъ волею, неволею, долженъ былъ оставаться у насъ, незванымъ, но тѣмъ не менѣе пріятнымъ гостемъ.

Однажды мы съ Шарлоттою были приглашены изъ театра на ужинъ, и пробыли тамъ за полночь. Когда мы воротились домой, служанка спала, и нигдѣ не было огня. Пока Шарлотта ее будила, и пока она зажигала свѣчу, я пошелъ въ потьмахъ въ спальню; едва я вошелъ, какъ услышалъ громкое храпѣніе. Въ первую минуту дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу; но потомъ я успокоился, подумавъ, что эта была, вѣроятно, собака нашего хозяина, которая имѣла обыкновеніе ходить къ намъ и не разъ уже у насъ ночевала. Я приблизился къ кровати, протянулъ руку и схватилъ не собаку, а человѣка. Это былъ нашъ разсѣянный сосѣдъ; онъ также пришелъ довольно поздно, принялъ, по старой памяти, нашу квартиру за свою, вошелъ въ спальню, и не желая тревожить спящей служанки, раздѣлся въ потьмахъ и преспокойно улегся въ нашу постель. Какъ у насъ лишней постели небыло, то мы принуждены были потревожить его, попросить его одѣться и идти къ себѣ наверхъ, насмѣявшись отъ души его разсѣянности.

И надо-же было этому чудаку подружиться съ другимъ человѣкомъ, который могъ поспорить съ нимъ въ разсѣянности; это былъ одинъ изъ помощниковъ библіотекаря Мюнхенской Академіи, Рихтеръ, человѣкъ очень почтенный, но который морилъ насъ со смѣху своими подвигами разсѣянности.

Мы недолго пробыли въ Мюнхенѣ. Вскорѣ послѣ нашей непріятности съ Курцомъ и его женою, пріѣхали два знакомые мнѣ молодые литератора, Тритъ и Іестернъ, проѣздомъ въ Парижъ. Я открылъ имъ свое положеніе; они увидѣли, что послѣ этого мнѣ нельзя было ожидать блестящей судьбы въ Мюнхенѣ, и совѣтовали мнѣ возвратиться на родину. Я написалъ къ Шуху, прося его принять меня назадъ въ свою труппу; онъ охотно согласился и далъ мнѣ двѣнадцать талеровъ въ недѣлю.

Во время пребыванія своего въ Мюнхенѣ, я написалъ трагедію «*Мисъ Фанни, или Кораблекрушеніе*», которая была представлена незадолго передъ нашимъ отъѣздомъ и имѣла огромный успѣхъ. Игра моя и моей жены въ этой пьесѣ произвели такое впечатлѣніе на публику, какого никто не ожидалъ. Курцъ, замѣчавшій съ нѣкотораго времени, что мы могли быть гораздо полезнѣе для его театра, чѣмъ онъ сначала полагалъ, изъявилъ готовность значительно возвысить наше жалованье. Графъ фонъ Шау, съ своей стороны, сказалъ намъ, что дворъ былъ нами очень доволенъ и желалъ, чтобы мы остались при Мюнхенскомъ театрѣ. Но уже

было поздно; я далъ слово Шуху и не могъ измѣнить ему. Вскорѣ за тѣмъ мы отправились въ Берлинъ, черезъ Регенсбургъ.

—

ГЛАВА VII.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, мы нашли тамъ дѣло совсѣмъ не въ томъ положеніи, какъ ожидали; роли, которыя мы прежде занимали, были переданы другимъ актерамъ. Шухъ не могъ еще простить нашего отъѣзда въ Мюнхенъ и рѣшился показать намъ, что могъ обойтись безъ насъ и принялъ насъ только изъ милости. Съ этою мыслью онъ старался колоть наше самолюбіе, давая намъ только самыя ничтожныя роли, и то изрѣдка, такъ-что мы долго оставались въ разрядѣ посредственностей. Къ счастію, пріятель мой Іестернъ возвратился изъ Парижа въ Берлинъ, съ большимъ запасомъ новостей французскаго театра, котораго онъ былъ ревностнымъ почитателемъ. Между прочими пьесами, онъ перевелъ драму Шанфора «Молодая индіянка», и отдалъ ее Шуху. Черезъ его посредство Шарлотта выхлопотала себѣ хорошенькую роль Бетти, и исполнила ее съ огромнымъ успѣхомъ. Послѣ того, Шухъ, для собственной своей выгоды, принужденъ былъ поставить молодую артистку на надлежащее мѣсто.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ нашего пріѣзда, труппа была потребована въ Потсдамъ, гдѣ намъ устроили временной театръ. Наслѣдный принцъ съ женою, его братъ, принцъ Гейнрихъ, принцы Фридрихъ и Вильгельмъ Брауншвейгскіе и почти весь дворъ были нашими ежедневными посѣтителями. Принцы осыпали всю труппу своей благосклонностію и богатыми подарками. Принцъ Гейнрихъ въ особенности принималъ сильное участіе въ нуждахъ артистовъ и помогалъ имъ; я помню, что однажды случилось мнѣ въ присутствіи его жаловаться на ужасную стужу и на дороговизну дровъ; на слѣдующее утро мнѣ привезли, по его приказанію, нѣсколько подводъ дровъ. Нѣсколько времени спустя я получилъ отъ него значительный денежный подарокъ за поднесенный ему экземпляръ моей трагедіи «*Мисъ Фанни*». Познакомился я также съ полковникомъ Квинтусомъ Ициліусомъ, который позволилъ мнѣ не только посѣщать его, когда мнѣ было угодно, но и пользоваться его богатою библіотекою.

По возвращеніи въ Берлинъ, мы нашли тамъ нѣсколько вновь ангажированныхъ актеровъ, между-прочимъ арлекина Бергера. До-

вольно странно, что онъ дебютировалъ сначала въ трагедіи, ролью Ульфа въ Шлегелевомъ «Канутѣ». Эта попытка, какъ можно себѣ представить, была очень неудачна; но на слѣдующій день онъ явился въ костюмѣ арлекина съ огромнымъ успѣхомъ и потомъ имѣлъ благоразуміе остаться въ послѣднемъ амплуа.

Такимъ образомъ Берлинскій театръ имѣлъ двухъ арлекиновъ, втораго брата Шуха и Бергера, изъ которыхъ каждый по своему восхищалъ публику. У Шуха было больше оригинальности, больше истиннаго комическаго таланта, который онъ, казалось, получилъ въ наслѣдство отъ отца; Бергеръ имѣлъ болѣе образованный вкусъ и болѣе тонкости ума.

Въ это время пѣніе не было еще въ употребленіи на театрахъ этого рода. Бергеръ обладалъ хорошимъ голосомъ, и зная музыку, вздумалъ поставить музыкальный фарсъ «*Ключница*», въ которомъ онъ исполнялъ главную роль. Эта новость возбудила пенстовый восторгъ, и Бергеръ сдѣлался такимъ образомъ опаснымъ соперникомъ другому арлекину. Но торжество было непродолжительно, потому-что вскорѣ за тѣмъ пріѣхали Доббелинъ и г-жа Нейгофъ, которые своимъ прекраснымъ талантомъ дали совершенно другое направленіе вкусу публики. Доббелинъ дебютировалъ въ роли Замора въ Вольтеровой «*Альзиръ*» и заставилъ трепетать всю залу своимъ энтузіазмомъ и дикою энергіею. Госпожа Нейгофъ, которая съ особеннымъ успѣхомъ играла мужскія роли, дебютировала въ роли Оросмана въ Вольтеровой «*Заиръ*». Увлеченная дивною игрою этихъ двухъ незабвенныхъ артистовъ, публика скоро такъ пристрастилась къ трагедіи и высокой комедіи, что уже неохотно смотрѣла фарсы и штуки арлекина. Бергеръ оставилъ нашу труппу, а Шухъ сталъ являтъся только изрѣдка, для потѣхи райка.

Нѣкоторые почтутъ это, можетъ-быть, безвкусіемъ; но я признаюсь откровенно, что съ сожалѣніемъ вижу, что импровизированныя пьесы выводятся на бо́льшей части театровъ, и желалъ-бы ихъ возстановленія. Конечно, подъ этимъ именемъ давалось, и можетъ-быть и теперь еще дается на кочующихъ театрахъ, много нелѣпостей и вещей противныхъ вкусу; но на театрѣ Шуха отца это случалось очень рѣдко; только развѣ когда онъ бывалъ боленъ, и мѣсто его заступали арлекины второй руки. Таковы были Менде, Лембке и Бреттингеръ, которые явились было въ костюмахъ арлекина и Скапина, но скоро исчезли навсегда. Бергеръ былъ послѣднимъ въ этомъ родѣ; не то, чтобы у него недоставало разборчивости вкуса, но онъ увле-

кался часто желаніемъ нравиться толпѣ, и позволялъ себѣ для того довольно непристойныя выходки.

Правда, что и въ лучшихъ фарсахъ, игранныхъ первостепенными актерами, было немного поучительнаго; однако-же они были очень занимательны и замысловаты, въ то время, когда еще старикъ Шухъ занималъ амплуа арлекина, потому что онъ былъ чрезвычайно находчивъ, остроуменъ и имѣлъ даръ подмѣчать во всемъ смѣшную сторону. Всѣ выходки его были у мѣста, и самый угрюмый человѣкъ не могъ удержаться отъ хохоту; притомъ, какъ онъ имѣлъ врожденное чувство приличія, то у него никогда не вырывалось грубой шутки. Я убѣжденъ, что никогда ни одинъ зритель, выходя изъ представленія, въ которомъ онъ участвовалъ, не жалѣлъ о заплаченныхъ деньгахъ.

Нѣкоторые изъ этихъ фарсовъ принадлежали вполнѣ Шуху; другіе онъ заимствовалъ изъ испанскаго театра, у Плавта, у Теренція, у Мольера, у Леграна и у другихъ комиковъ. Такимъ образомъ они подходили отчасти къ правильнымъ пьесамъ, особенно когда въ нихъ играли, кромѣ Шуха, Штанцель, Антушъ, Эвальдъ, или другіе образованные актеры и хорошіе импровизаторы.

Импровизація была въ особенности отличною школою для молодыхъ дебютантовъ. Предоставленные на сценѣ себѣ самимъ, они скоро пріобрѣтали развязность и смѣлость, безъ которыхъ не можетъ быть хорошаго актера; если имъ впослѣдствіи, при исполненіи писанныхъ пьесъ, измѣняла память, они всегда могли вывернуться съ помощью импровизаціи, пока суфлеръ не наводилъ ихъ на путь истинный.

Повторяю, я очень желалъ бы возстановленія импровизированныхъ фарсовъ, конечно съ соблюденіемъ при этомъ строгаго выбора, особенно теперь, когда мѣсто настоящихъ комедій заступаютъ слезливыя драмы и историческія пьесы. Впрочемъ, въ оправданіе своей любви къ этому роду представленій, я могу привести примѣръ Лессинга, который зачастую говорилъ, что охотнѣе прослушаетъ веселый, живой фарсъ, чѣмъ натянутую и напыщенную трагедію; онъ подтверждалъ это и на дѣлѣ, не пропуская почти ни одного представленія хорошаго фарса, особенно при жизни старика Шуха.

Въ числѣ писателей, поставившихъ себѣ цѣлью совершить эту перемѣну во вкусѣ публики и замѣнить импровизированный фарсъ правильными пьесами, былъ принцъ Брауншвейгскій. Мы съ большимъ успѣхомъ играли переведенную имъ французскую комедію «*Къ счастью*». Не знаю, въ какой степени содѣйствовали этому успѣху слова, напечатанныя крупнымъ шрифтомъ на афи-

мѣ: «Комедія переведенная однимъ свѣтлѣйшимъ перомъ». Трагедія «*Регулъ*», сочиненная тѣмъ же свѣтлѣйшимъ перомъ, въ подражаніе одной итальянской пьесы, увѣнчалась также большимъ успѣхомъ.

Высокій авторъ поручилъ мнѣ читать корректуры. Послѣ перваго представленія, всѣ актеры были приглашены на великолѣпный ужинъ во дворцѣ принца, и нѣкоторые изъ нихъ при этомъ случаѣ играли свои роли такъ усердно, что послѣ ужина пришлось ихъ усадить въ кареты и везти домой. При постановкѣ пьесы особенно отличился нашъ декораторъ; онъ сдѣлалъ презабавный промахъ: корабль Регула не имѣлъ ни римской, ни карѳагенской формы, а былъ просто англійскій фрегатъ, и еще изъ самыхъ новыхъ; по бортамъ надѣлано было даже съ дюжину люковъ, въ которые высовывались пушки.

Моя трагедія «*Мисъ-Фанни*», которую я напечаталъ во время своего пребыванія въ Потсдамѣ, игралась также въ Берлинѣ, и съ такимъ успѣхомъ, что Шухъ отдалъ шестое представленіе ея въ мою пользу. Снисхожденіе публики къ этому произведенію такъ ослѣпило меня, что я далъ пьесу Лессингу, прося его прочесть и сказать мнѣ свое мнѣніе. Но его сужденіе однимъ ударомъ разрушило всѣ мечты, порожденныя благосклонностью публики. Книгопродавецъ Фоссъ, человѣкъ очень умный и образованный, къ которому я также обращался за совѣтомъ, далъ мнѣ, вмѣсто отвѣта, полное собраніе драматическихъ сочиненій Лессинга.

Около этого времени были представлены на нашемъ театрѣ еще двѣ пьесы моего сочиненія: фарсъ «*Три невѣсты на одного жениха*,» и комедія «*Актеры*»; но обѣ были такъ плохи, что я не рѣшился ихъ печатать.

Представленіе «*Кодра*», трагедія Кронека, памятно мнѣ по забавной моей ошибкѣ. Я долженъ былъ играть роль Медона, для которой былъ сдѣланъ особенный костюмъ. Шухъ просилъ меня сходить къ Ренò, костюмеру опернаго театра, заказать себѣ шлемъ. Онъ жилъ близъ театра; я отправился; мнѣ указали большой домъ, котораго нижній этажъ занималъ цырюльникъ. При видѣ дома, я возымѣлъ уже высокое понятіе о богатствѣ костюмера, и сталъ сомнѣваться, чтобы онъ принялъ такой ничтожный заказъ. Мнѣ слѣдовало-бы распросить подробнѣе; но я, безъ дальняго размышленія, взошелъ на лѣстницу и позвонилъ въ первую попавшуюся дверь. Мнѣ закричали изъ нутри, чтобы я вошелъ. Я отворилъ дверь, и увидѣлъ человѣка довольно преклонныхъ лѣтъ, полнаго, въ шелковомъ халатѣ и въ ермолкѣ, стоявшаго у

окна и игравшаго съ хорошенькою болонкою. Почтенная наружность хозяина и изящное убранство комнаты чрезвычайно удивили меня; боясь, что я не туда попалъ, я съ робостью спросилъ, съ господиномъ-ли Ренò имѣю я честь говорить.

— Съ нимъ самимъ, отвѣчалъ хозяинъ; что прикажете?

При этомъ отвѣтѣ я разсудилъ, что костюмеръ берлинской оперы видно не то, что обыкновенные костюмеры, что онъ вѣроятно только приказываетъ, а самъ не работаетъ, и что мастерская у него, вѣроятно, въ другомъ этажѣ или даже въ другомъ домѣ. Въ этой увѣренности, я объявилъ ему, что я актеръ Брандесъ, изъ труппы господина Шуха, и пришелъ заказать шлемъ къ роли Медона, въ трагедіи «*Кодръ*», которая должна быть представлена въ непродолжительномъ времени.

— Ваше посѣщеніе, господинъ Брандесъ, сказалъ Ренò съ лукавою улыбкою, доставляетъ мнѣ много чести, и я счелъ-бы за удовольствіе исполнить всякое ваше желаніе. Въ настоящемъ случаѣ, однако-же, мнѣ невозможно удовлетворить васъ; я не могу принять на себя подобной работы.

Я. Извините, господинъ Ренò; я не требую, чтобы вы сами занялись ею, а только желаю, чтобы она была исполнена подъ вашимъ надзоромъ однимъ изъ вашихъ работниковъ. Будьте увѣрены, что вамъ будетъ за то хорошо заплачено.

Рено. Я въ этомъ не сомнѣваюсь; но если вы желаете, чтобы вашъ заказъ былъ исполненъ, какъ слѣдуетъ, то я совѣтую вамъ лучше обратиться къ костюмеру оперы, которому подобныя занятія сроднѣе, чѣмъ мнѣ.

Я (*съ удивленіемъ*). Къ костюмеру? да развѣ вы не господинъ Ренò, костюмеръ оперы?

Рено. Нѣтъ, я Рено, но не костюмеръ театра, а городской судья. Вамъ, вѣроятно, невѣрно указали. Мой однофамилецъ костюмеръ живетъ черезъ три дома, на углу.

Увидѣвъ свою ошибку, я смѣшался и пробормоталъ нѣсколько извиненій.

Рено. Успокойтесь; я знаю, что вы не имѣли намѣренія оскорбить меня, и ошибка ваша меня радуетъ, потому что доставила мнѣ удовольствіе съ вами познакомиться; я самъ большой любитель театра, и не пропущу перваго представленія «*Кодра*.»

За тѣмъ добрый, веселый старикъ пригласилъ меня сѣсть, и обратилъ разговоръ на театръ и драматическую литературу. Онъ очень умно разсуждалъ о новыхъ нѣмецкихъ и французскихъ

писателяхъ. Наконецъ, на прощаніи, онъ взялъ съ меня слово завѣщать его.

—

ГЛАВА VIII.

Въ Штеттинѣ давно уже не было театра; тамъ можно было ожидать обильныхъ сборовъ, и Шухъ рѣшился отправиться туда съ своею труппою. Добрая матушка, съ которою я не видался уже около шести лѣтъ, вышла мнѣ навстрѣчу, и съ радостью узнала, что положеніе мое значительно улучшилось. Шарлотта съ дочерью остались позади, ожидая, чтобъ я ихъ позвалъ. Когда матушка увидѣла ихъ, ея материнское сердце шепнуло ей, что это моя жена и моя дочь. — «Она?» спросила она взволнованнымъ голосомъ. — Она, матушка. И добрая старушка, не ожидая другихъ объясненій, вырвалась изъ моихъ объятій, побѣжала къ нимъ и обняла ихъ съ нѣжностью матери. — «Дочь, внучка, сынъ, вскричала она, привлекая меня, дайте мнѣ прижать васъ всѣхъ къ моему сердцу! вы всѣ мои дѣти!... да благословитъ васъ Богъ, какъ я васъ благословляю»!... Радость, волненіе, слезы, не позволили ей продолжать; одними воздѣтыми къ небу взорами могла она выразить всю свою благодарность къ Богу, всю свою любовь къ намъ. Моя тетка была не такъ чувствительна; не смотря на мои настоятельныя просьбы, она не хотѣла меня видѣть; позволила мнѣ однако-же присылать къ ней мою дочь, и отпускала ее почти каждый разъ съ подарками.

Пребываніе мое въ родномъ городѣ было очень пріятно, но не продолжительно; насъ опять потребовали въ Берлинъ и Потсдамъ. Жители Штетина отпустили насъ съ сожалѣніемъ, а я насилу могъ вырваться изъ объятій матушки.

Кругъ моихъ знакомствъ въ Берлинѣ очень расширился съ возвращенія моего изъ Мюнхена. Особенно много пользы извлекъ я изъ знакомства съ профессоромъ Рамлеромъ. Онъ не только далъ мнѣ много дѣльныхъ наставленій, относившихся къ моему искусству, но даже вызвался дать Шарлоттѣ нѣсколько уроковъ декламаціи. Сказать правду, его система декламаціи болѣе годилась для его одъ и кантатъ, чѣмъ для театра, ибо состояла въ какомъ то особенномъ повышеніи и пониженіи голоса и размѣрѣ слоговъ, похожемъ на напѣвъ. Гораздо полезнѣе были вечера, которые онъ завелъ въ нашемъ домѣ, и на которыхъ онъ читалъ вслухъ въ кругу нѣсколькихъ пріятелей. Тутъ обыкновенно стро-

го обсуживались лучшія драматическія сочиненія, новыя стихотворенія и другія замѣчательныя произведенія литературы. Въ это же время познакомился я съ литераторомъ Энгелемъ, стяжавшимъ впослѣдствіи такую громкую славу. Его знакомство также принесло мнѣ большую пользу; совѣтамъ и строгимъ и безпристрастнымъ сужденіямъ Энгеля, Лессинга, и Рамлера обязанъ я своими успѣхами въ драматической литературѣ; я хранилъ ихъ наставленія и руководствовался ими во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ.

Нѣкоторое время Шухъ удивлялъ всѣхъ благоразуміемъ своего управленія, бережливостью и дѣятельностью. Но увы! эта благая перемѣна въ его образѣ дѣйствій была не надолго; онъ опять началъ пренебрегать своими директорскими обязанностями. Онъ женился и вообразилъ, что ему необходимо жить еще роскошнѣе прежняго. Онъ сталъ давать чудесные праздники, держать великолѣпные экипажи, цѣлую ватагу слугъ и егерей въ богатыхъ ливреяхъ, покупать лошадей, которыхъ самъ маркграфъ Бранденбургъ Шведтскій не рѣшился купить, найдя ихъ слишкомъ дорогими. Между-тѣмъ хозяйственное управленіе театра, сборы и расходы были въ рукахъ людей, на честность которыхъ нельзя было положиться. Публика, входя въ театръ, должна была проходить мимо кухни, которой двери были почти всегда отворены и могла видѣть приготовленія къ роскошному ужину, между-тѣмъ, какъ многіе изъ нашихъ посѣтителей отказывали себѣ въ лишнемъ блюдѣ за обѣдомъ, чтобы имѣть средства заплатить за билетъ. Они покачивали головою, и сообщали другъ другу на ухо свои замѣчанія и опасенія. Простой народъ, съ своей стороны, громко роптал на расточительность директора; но Шухъ ничего не слушалъ и продолжалъ жить по-прежнему. Еще болѣе вредили ему его надменные, грубые отвѣты тѣмъ, которые, для его же пользы, позволяли себѣ дѣлать нѣкоторыя замѣчанія на счетъ выбора пьесъ и раздачи ролей. Все это мало-по малу охладило къ нему благомыслящихъ людей, и многіе любители театра, прежде столь ревностные, перестали посѣщать наши представленія. Сборы уменьшались съ каждымъ днемъ, расходы же оставались на прежней ногѣ; такимъ образомъ, когда безразсудный директоръ захотѣлъ ѣхать въ Данцигъ, онъ былъ осажденъ на своей квартирѣ заимодавцами. Не имѣя возможности удовлетворить ихъ, онъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, вышелъ изъ квартиры заднимъ ходомъ, сѣлъ въ карету и ускакалъ.

Вотъ образчикъ его безразсуднаго равнодушія къ своимъ вы-

годамъ и къ совѣтамъ доброжелательныхъ людей. Доббелинъ, видя, что такое управленіе должно привести къ неминуемому банкротству, вздумалъ воспользоваться этимъ случаемъ составить свое счастіе. Онъ сталъ хлопотать о выдачѣ ему привиллегіи на сформированіе новой труппы, которая играла-бы въ Берлинѣ и въ ближайшихъ большихъ городахъ. Зная, что и я былъ недоволенъ управленіемъ Шуха, онъ открылся мнѣ, предложилъ мнѣ поступить къ нему на очень выгодныхъ условіяхъ. Не смотря на то, что я имѣлъ много причинъ жаловаться на Шуха, я не могъ однако-же забыть своей прежней дружбы къ нему и уваженія къ его отцу. По этому я сообщилъ ему предложеніе Доббелина, совѣтуя ему принять мѣры предосторожности. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться моимъ совѣтомъ, онъ тотчасъ открылся противнику, спросилъ его, правда ли, что онъ имѣлъ намѣреніе образовать свою труппу, и сказалъ, что эта вѣсть дошла до него отъ меня.

Доббелинъ не имѣлъ еще разрѣшенія, хотя дѣло его подходило къ концу; поэтому онъ прикинулся чрезвычайно удивленнымъ и даже оскорбленнымъ такимъ вопросомъ. Онъ увѣрилъ легкомысленнаго Шуха, что шутилъ со мною, и что ему никогда въ голову не приходило пускаться въ такое трудное предпріятіе. Шухъ повѣрилъ, смѣялся надъ моею довѣрчивостью, продолжалъ жить по-прежнему, и только тогда вышелъ изъ своею бездѣйствія, когда Доббелинъ получилъ привилегію, и пришелъ объявить ему, что намѣренъ оставить его труппу.

Шухъ и его два брата были люди хорошіе, но легкомысліе и разгульная жизнь погубили ихъ. Воспитаніе ихъ было не благоразумно. Какъ скоро отецъ ихъ умеръ, они дали полную волю своимъ страстямъ. Толпа льстецовъ и негодяевъ окружала ихъ безпорядочную жизнь, въ которой они утратили и свое здоровье и состояніе. Всѣ три умерли въ цвѣтѣ лѣтъ.

—

ГЛАВА IX.

Соперничество, зависть постояннымъ успѣхамъ Шарлотты и другія причины породили сначала холодность между семействомъ Шуха и моимъ; затѣмъ послѣдовали скоро ссоры, которыя принудили меня оставить его театръ. Мои друзья и вся публика были чрезвычайно недовольны дѣйствіями директора, который не оказывалъ должнаго уваженія къ таланту всѣми любимой ар-

тистки, и съ явнымъ недоброжелательствомъ отдавалъ другимъ роли, принадлежавшія ей по всѣмъ правамъ. Нѣкоторыя лица начали дѣлать ему замѣчанія на этотъ счетъ и вслухъ выражать свое неудовольствіе. Шухъ, вообразивъ, что я былъ зачинщикомъ всѣхъ этихъ непріятностей, сталъ осыпать меня обидными упреками, не слушая ни моихъ оправданій, ни дружескихъ представленій, и тѣмъ еще болѣе испортилъ дѣло. Тогда начались интриги въ партерѣ, доходившія иногда до ссоры между противуположными партіями. Шухъ не посмотрѣлъ и на это, и отдалъ нѣкоторыя изъ лучшихъ ролей моей Шарлотты своей женѣ и ея сестрѣ. Такъ, напримѣръ, послѣдней онъ далъ роль Софіи въ «*Отцѣ семейства*», которую жена моя занимала уже давно. Дебютантка была не безъ таланта, какъ она доказала впослѣдствіи, но до того времени она была только балетною танцовщицею и не имѣла ни малѣйшаго понятія о драматическомъ искусствѣ; поэтому не удивительно, что первая попытка была неудачна, и она была освистана самымъ жестокимъ образомъ. Шухъ былъ такъ взбѣшенъ, что выбѣжалъ на сцену и сталъ грозить публикѣ. Онъ и его братья дорого поплатились-бы за это, еслибъ товарищи и представленія нѣсколькихъ благоразумныхъ людей не успокоили негодованія публики.

Это происшествіе еще усилило распри въ труппѣ. Семейство Шуха, болѣе чѣмъ когда либо, стало забывать уваженіе, должное мнѣ и моей женѣ. Друзья мои, видя, что не было никакой надежды насъ примирить, совѣтывали мнѣ разойтись съ Шухомъ. Я долго не могъ рѣшиться на эту крайнюю мѣру, однако-же, видя, что дерзость моихъ противниковъ возрастала съ каждымъ днемъ, и убѣдившись, что они не оставятъ меня въ покоѣ, пока не выведутъ изъ терпѣнія и не принудятъ удалиться, я долженъ былъ послушаться совѣта друзей. Шухъ отпустилъ меня съ радостью, и вскорѣ за тѣмъ уѣхалъ съ остальною труппою въ Данцигъ, а я остался въ Берлинѣ, въ надеждѣ, что намъ скоро представится мѣсто при какомъ нибудь другомъ театрѣ. Я писалъ ко всѣмъ извѣстнѣйшимъ дирекціямъ въ Германіи; но къ великому моему удивленію и огорченію, отвсюду получалъ отказъ. Я со страхомъ размышлялъ о томъ, чѣмъ мнѣ будетъ содержать себя и свое семейство. Друзья мои, зная, что я попалъ въ это затруднительное положеніе вслѣдствіе ихъ совѣтовъ, рѣшились помочь мнѣ по возможности. Они скупили, по торговой цѣнѣ, всѣ остававшіеся у меня экземпляры «*Мисъ Фанни*», и промѣняли ихъ на другія книги у книгопродавцевъ.

Эта выручка и оставшіяся у меня еще деньги обезпечили насъ

на нѣкоторое время; но скоро стали мы ощущать нужду. Друзья наши тотчасъ это замѣтили, и отъ времени до времени пополняли нашу казну, присылая намъ небольшія суммы денегъ подъ вымышленными именами. Только долго спустя узналъ я имена этихъ тайныхъ благодѣтелей; это были профессоръ Рамлеръ, прокуроръ Жильбертъ, почтъ-директоръ въ Галле Мадевейсъ, секретарь Торманъ, и Гроссманъ, бывшій впослѣдствіи директоромъ театра.

Въ эту горестную эпоху своей жизни написалъ я комедію «*Наружность обманчива или любезный мужъ*», которая много обязана своимъ успѣхомъ совѣтамъ Рамлера. Желая короче познакомить меня съ условіями и правилами этого рода сочиненій, онъ подарилъ мнѣ экземпляръ, только что оконченнаго имъ перевода, «Поэтики Баттё». Другой мой хорошій пріятель, гамбургскій книгопродавецъ, принимавшій также большое участіе въ моихъ литературныхъ трудахъ, подарилъ мнѣ съ тою-же цѣлью экземпляръ Мейнгардова перевода «*Началъ критики*» Тома.

Послѣ полугода невольнаго бездѣйствія, я получилъ наконецъ приглашеніе отъ Коха, директора лейпцигскаго театра. Оно было для насъ тѣмъ радостнѣе, что въ это время послѣднія наши средства подходили къ концу, а намъ не хотѣлось быть болѣе въ тягость нашимъ друзьямъ. Съ искреннею благодарностью простился я съ этими благородными людьми и отправился въ Лейпцигъ, съ женою и старшею дочерью; вторая дочь, которой не было еще году, была больна, и я принужденъ былъ оставить ее въ Берлинѣ, на попеченіе добраго друга Жильберта.

—

ГЛАВА X.

Въ Лейпцигѣ ждали насъ съ нетерпѣніемъ и надѣялись отъ насъ очень многаго. Шарлотта, съ перваго дебюта своего въ роли молодой индіанки, оправдала ожиданія публики и удостоилась громкихъ и единодушныхъ одобреній. Мои дебюты были не такъ удачны. Однакоже представленіе моей трагедіи, «*Мисъ Фанни*» расположило публику въ мою пользу; новая моя комедія, «*Наружность обманчива*», въ которой дочь моя Минна явилась въ первый разъ на сценѣ, въ роли ребенка, имѣла также огромный успѣхъ, и достоинства автора спасли посредственнаго актера, котораго иначе не пощадила-бы такая строгая и разборчивая публика, какою считалась въ то время лейпцигская.

Литературные труды доставили мнѣ также множество новыхъ друзей, которые приняли живое участіе въ моей судьбѣ. Изъ

нихъ особенно жаловали меня и мое семейство поэтъ Вейсее, профессоръ Клодіусъ, поручикъ Брункенгофъ (впослѣдствіи маіоръ прусской службы), капельмейстеръ Гиллеръ, инспекторъ Заль, поэты Бокъ, Маттеи, Брацперъ, ученые Вальке и Эбелингъ, баронъ Дисканъ, актриса Шульцъ, впослѣдствіи г-жа Куммерфельдъ, и пѣвица Шмелингъ, столь славная впослѣдствіи подъ именемъ г-жи Мары.

Съ удовольствіемъ увидѣлся я опять съ своимъ другомъ Энгелемъ; онъ былъ въ восторгѣ отъ моихъ успѣховъ въ литературѣ и продолжалъ помогать мнѣ своими совѣтами во всѣхъ моихъ послѣдующихъ трудахъ.

Изъ числа другихъ моихъ знакомствъ, не могу я умолчать о духовидцѣ Шрёпферѣ, который впослѣдствіи сдѣлался такъ извѣстенъ своимъ шарлатанствомъ. Однажды онъ привелъ ко мнѣ амстердамскаго купца Ванъ-Боре, желавшаго со мною познакомиться, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пригласить меня къ себѣ. За этимъ послѣдовало многихъ другихъ приглашеній; онъ угощалъ насъ очень пышно, осыпалъ меня любезностями, которыя ставили меня въ большое затрудненіе, потому что я никакъ не могъ понять, съ какою цѣлью онъ такъ ласкалъ меня.

Однажды онъ заговорилъ о магіи и тайныхъ наукахъ, въ которыхъ, по словамъ его, не было для него ничего сокровеннаго. Въ то время тайныя науки были въ большой модѣ, и я, раздѣляя въ нѣкоторой степени слабость своего вѣка, очень обрадовался знакомству съ столь ученымъ человѣкомъ. Но потомъ, нѣкоторые почтенные люди, которымъ я говорилъ о немъ и которые знали его лучше меня, раскрыли мнѣ глаза на его счетъ, и я скоро самъ могъ убѣдиться, что это былъ честолюбивый шарлатанъ, пользовавшійся легковѣріемъ людей, чтобы удовлетворить свою страсть къ роскоши и желаніе прослыть необыкновеннымъ человѣкомъ. Мое недовѣріе къ нему еще увеличилось, когда я замѣтилъ, что жена его очень сухо принимала гостей, давая тѣмъ замѣчать, какъ непріятенъ былъ ей образъ жизни ея мужа. Послѣ этого я рѣшился мало-по-малу прервать это знакомство.

Трагическая кончина этого человѣка была достойна его жизни. Онъ долго занимался некромантіею, въ разныхъ мѣстахъ, участвовалъ во множествѣ мошенническихъ продѣлокъ и скверныхъ приключеній, не разъ подвергался публичному позору, вошелъ въ огромные долги, и наконецъ, потерялъ надежду найти новыхъ глупцовъ, которые дались-бы въ обманъ его мнимымъ свѣдѣніямъ въ тайныхъ наукахъ, и съ которыхъ онъ могъ-бы лупить деньги. Смерть его была ужасна. Однажды онъ созвалъ пріятелей, обѣщая пока-

зать имъ, силою своею искусства, видѣніе, которое должно изумить ихъ всѣхъ. Въ назначенный день всѣ собрались рано утромъ, и онъ повелъ ихъ за городъ, въ лѣсъ, въ которомъ должно было происходить заклинаніе. Послѣ обычныхъ приготовленій къ великому видѣнію и заклинаній, онъ оставилъ ихъ и углубился въ чащу лѣса. Долго царствовала глубокая тишина; наконецъ съ той стороны, куда ушелъ Шрёпферъ, раздался выстрѣлъ. Всѣ побѣжали туда въ страхѣ, и нашли одинъ трупъ съ размозженной головой. Такъ разсказывалъ мнѣ это происшествіе одинъ изъ пріятелей Шрёпфера, бывшій очевидцемъ его.

—

ГЛАВА XI.

Также несчастенъ былъ я въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ знакомствахъ, съ людьми болѣе достойными моей дружбы. Драматическій писатель Бокъ познакомилъ меня съ однимъ премилымъ молодымъ человѣкомъ, по имени Вендтомъ, который съ перваго свиданія очень привязался ко мнѣ и очень дорожилъ моею дружбою. Онъ былъ человѣкъ честный и прямодушный, но, къ сожалѣнію, чрезвычайно легкомысленный и горячій.

Онъ сознавалъ свою слабость, и, полагаясь на мою опытность, просилъ меня предостерегать его и помочь ему исправиться. Всѣ мои совѣты онъ выслушивалъ со вниманіемъ и слѣдовалъ имъ, пока былъ на моихъ глазахъ; но какъ скоро меня не было при немъ, все было забыто; легкомысленная горячность брала верхъ и часто вовлекала его въ большія опасности.

Онъ привыкъ пить иногда черезъ мѣру, чтобы отличиться передъ товарищами и прослыть героемъ бутылки. Я дѣлалъ ему за это строгіе выговоры, на которые онъ отвѣчалъ мнѣ обыкновенно, что отецъ его слылъ между товарищами первымъ питухомъ и, не смотря на то, дожилъ до восьмидесяти лѣтъ. Однажды, гуляя за-городомъ, мы случайно зашли въ деревеньку Энтришъ, близъ Лейпцига, куда всѣ окольные жители собираются пить особаго рода пиво, госларское пиво (Gose), очень любимое посѣтителями, но чрезвычайно вредное. Я имѣлъ какое-то предчувствіе ожидавшаго насъ несчастія; безъ всякой видимой причины, я боялся его невоздержности, ссоръ и дракъ, которыя бываютъ обыкновенными ея послѣдствіями. Подходя къ мѣсту, гдѣ толпа народа пила и веселилась, я просилъ Вендта не пить слишкомъ много и не мѣшаться ни въ какія ссоры. Онъ далъ мнѣ сло-

во; но едва мы вошли въ деревню и въ трактиръ, какъ его окружила толпа знакомыхъ, радуясь неожиданной встрѣчѣ съ старымъ товарищемъ. Тотчасъ велѣли подать пива, и одинъ изъ его друзей выпилъ за его здоровіе полный стаканъ. Вендтъ, по заведенному обычаю, долженъ былъ отвѣчать на этотъ тостъ; желая показать свое глупое молодечество, онъ велѣлъ подать себѣ огромный стаканъ, вылилъ въ него цѣлую бутылку и осушилъ его залпомъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поблѣднѣлъ, сталъ жаловаться на дурноту, и его принуждены были отвезти въ городъ въ экипажѣ одного знакомаго. На слѣдующее утро я получилъ извѣстіе о его смерти. Немногихъ изъ своихъ друзей любилъ я такъ, какъ этого молодаго человѣка, за его доброе сердце и благородную душу; несчастная смерть его сильно поразила меня и долго я не могъ привыкнуть къ мысли, что молодой человѣкъ, подававшій такія прекрасныя надежды, кончилъ жизнь такимъ образомъ, жертвою безразсуднаго молодечества.

Странно, что въ тотъ-же день я лишился еще другаго друга, который былъ ко мнѣ привязанъ, можетъ быть, еще болѣе Вендта, и который, съ прекрасными свойствами и способностями, не соединялъ его взбалмошнаго нрава. Это былъ сынъ покойнаго генерала фонъ-Ностица. Онъ былъ одаренъ такою необыкновенною памятью, что ему достаточно было видѣть два раза на театрѣ нравившуюся ему пьесу, чтобы повторить слово въ слово всѣ роли. Я самъ былъ этому свидѣтелемъ на другой день послѣ перваго представленія моей комедіи «*Наружность обманчива*». Смерть его тѣмъ болѣе поразила меня, что она постигла его совершенно неожиданно. Вечеромъ мы сговорились съ нимъ ѣхать на слѣдующій день въ деревню Рашвицъ, подъ Лейпцигомъ; утромъ-же онъ писалъ мнѣ, что чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, и просилъ прислать ему книгъ, чтобы убить скуку; а на слѣдующее утро безутѣшная мать извѣстила меня о его смерти, и говорила, что онъ до послѣдней минуты повторялъ мое имя. Онъ умеръ отъ оспы.

Какъ мнѣ давали мало ролей, то у меня оставалось много свободнаго времени, которое я посвящалъ своему любимому занятію, литературѣ. Драма «*Графъ фонъ-Ольсбахъ*» была первою пьесою, которую я написалъ здѣсь; и, благодаря умнымъ совѣтамъ Энгеля, она несравненно правильнѣе, обдуманнѣе и выдержаннѣе всѣхъ моихъ предыдущихъ сочиненій. Она была играна много разъ, и всегда съ большимъ успѣхомъ. Я напечаталъ ее, такъ-же, какъ комедію «*Наружность обманчива*», на свой счетъ, и получилъ отъ этихъ двухъ пьесъ очень порядочный барышъ, не смо

тря на то, что онѣ едва успѣли поступить въ продажу, какъ уже явились перепечатанныя изданія ихъ въ Вѣнѣ, въ Прагѣ и въ Эрфуртѣ.

Въ теченіе этого лѣта, Шарлотта порадовала меня рожденіемъ сына; но эта радость очень уменьшилась, когда, нѣсколько дней спустя, я получилъ извѣстіе о смерти меньшой дочери, которую я оставилъ больную въ Берлинѣ.

Осенью того же года Лессингъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ; но лейпцигскій театръ ему не понравился. Принимая живое участіе въ нашей судьбѣ, и находя, что жена моя не занимала на немъ мѣста, какого заслуживала своимъ талантомъ, онъ посовѣтовалъ мнѣ стараться ангажироваться на гамбургскій театръ, который въ это время нуждался въ хорошей актрисѣ на роли молодыхъ любовницъ.

Вскорѣ послѣ его отъѣзда, я получилъ, по его ходатайству, приглашеніе отъ гамбургскаго директора, который предлагалъ мнѣ жалованье по сту талеровъ въ годъ. Нѣкоторые Гамбургскіе купцы, пріѣхавшіе въ Лейпцигъ на ярмарку, совѣтовали мнѣ принять это предложеніе, представляя мнѣ, въ самыхъ яркихъ краскахъ, всѣ выгоды, которыми я долженъ былъ пользоваться въ Гамбургѣ, и которыхъ я не могъ надѣяться при настоящемъ положеніи Кохова театра. Когда наступилъ срокъ моему контракту, я простился съ Кохомъ, и отправился съ своимъ небольшимъ семействомъ въ Гамбургъ.

—

ГЛАВА XII.

Въ Гамбургѣ мы нашли театръ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Во главѣ его труппы были Экгофъ и госпожа Гензель, которые могли соперничать талантомъ и славою; прочіе члены были Борхерсъ, Бёкъ съ женою, Аккерманъ съ двумя дочерьми, госпожа Мекуръ, Шредеръ и Гензель. Кромѣ Лессинга, увидѣлъ я въ Гамбургѣ и стараго своего благодѣтеля Дрейера, который встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями и потомъ познакомилъ меня съ секретаремъ правленія Телоніусомъ, съ Витембергомъ, съ каноникомъ Шибелеромъ, и съ нѣкоторыми другими гамбургскими учеными и литераторами.

Шарлотта удостоилась общаго, единодушнаго одобренія въ роли «Заиры», которою она дебютировала, и въ роли молодой индіанки. Мой дебютъ, въ роли фонъ Мельбаха въ комедіи «*Наруж-*

ность обманчива», былъ, конечно, не блистателенъ; но авторъ, въ Гамбургѣ, какъ и въ Лейпцигѣ, защитилъ слабость актера.

Содержателями гамбургскаго театра въ это время были Зейлеръ, прежде бывшій богатый купецъ, и Бубберсъ, бывшій въ молодости актеромъ, а потомъ ковровымъ фабрикантомъ; оба люди умные и образованные. Черезъ нѣсколько недѣль по пріѣздѣ нашемъ, они разсудили, что выгоднѣе будетъ сдать дирекцію Аккерману, которому принадлежало зданіе театра. Новый директоръ, принявъ труппу въ томъ видѣ, какъ она была, отправился съ нею, въ концѣ октября, въ Ганноверъ, гдѣ она предыдущую зиму играла нѣсколько мѣсяцевъ съ большимъ успѣхомъ и дѣлала хорошіе сборы, гдѣ и на этотъ разъ она встрѣтила такой же благосклонный пріемъ.

Какъ я никого не зналъ въ этомъ городѣ и не могъ тотчасъ пріискать меблированную квартиру по близости театра, то я поселился на время въ гостинницѣ. Наконецъ мнѣ указали на довольно просторную и удобную квартиру въ домѣ одной вдовы подполковника фонъ-Л**; но предупредили меня, что въ домѣ ея не чисто, что въ немъ ходитъ привидѣніе. Такъ какъ я давно уже не вѣрилъ бабьимъ сказкамъ о привидѣніяхъ, которыми меня стращали въ дѣтствѣ, то это обстоятельство не могло испугать меня и я пошелъ смотрѣть квартиру.

Никогда не забуду этого страннаго пріема. Маленькій, живой и вертлявый старичокъ, по видимому нѣчто въ родѣ управителя, вышелъ ко мнѣ мелкою рысцою и, почти не касаясь пола, отвѣсилъ мнѣ безчисленное множество поклоновъ и спросилъ, что мнѣ угодно. Когда я сказалъ ему, зачѣмъ пришелъ, онъ съ радостью отвѣчалъ, что къ счастью есть свободная квартира, и уже принялся за длинное описаніе всѣхъ ея удобствъ и пріятностей, когда по мостовой загремѣла тяжелая наемная карета и остановилась у подъѣзда. Управитель поспѣшно выбѣжалъ на улицу, отворилъ дверцу кареты, и почтительно высадилъ длинную, сухую женщину, за которою шелъ лакей. Это была сама хозяйка. Узнавъ цѣль моего посѣщенія, она очень вѣжливо пригласила меня въ гостиную и усадила подлѣ себя на диванъ. За тѣмъ между нами завязался слѣдующій разговоръ.

Г-жа фонъ-Л**. Вы изволите говорить, что желаете нанять небольшую квартиру въ моемъ домѣ?

Я. Такъ точно; но только если квартира довольно просторна и удобна,

Г-жа фонъ-Л**. О, за это я вамъ ручаюсь; у васъ будетъ

изъ окопъ чудесный видъ и отличный воздухъ въ комнатахъ, потому что эта квартира въ верхнемъ этажѣ.

Я. Тѣмъ лучше.

Г-жа фонъ-Л** Извините; но прежде всего позвольте мнѣ узнать, съ кѣмъ я имѣю честь....

Я. Я принадлежу къ драматической труппѣ Аккермана, недавно прибывшей въ здѣшній городъ.

Г-жа фонъ-Л** (*отодвигаясь отъ меня, и принимая важную и холодную осанку*). А!... гмъ! (*Кашлянувъ.*) Стало быть вы актеръ?

Я. Такъ точно.

Г-жа. фонъ Л**. А ваше имя?

Я. Брандесъ.

Г-жа фонъ Л. (*съ удивленіемъ*). Брандесъ?... гмъ!... (*Послѣ нѣкотораго молчанія.*) Гмъ!... г. Брандесъ! а позвольте спросить, откуда?

Я. Изъ Штеттина?

Г-жа фонъ Л**. А, изъ Штеттина! (*Кашлянувъ.*) А отецъ вашъ также изъ Штеттина?

Я. Нѣтъ, отецъ мой былъ изъ Магдебурга; дѣдъ мой былъ въ Магдебургѣ казначеемъ.

Г-жа фонъ Л**. А,... гмъ! такъ ваша фамилія изъ Магдебурга!..

Она сдѣлала мнѣ еще нѣсколько вопросовъ въ такомъ-же родѣ и такимъ-же тономъ; но какъ это начинало мнѣ надоѣдать, и притомъ уже становилось поздно, то я разсказалъ ей въ нѣсколькихъ словахъ все, что зналъ о своемъ родѣ, и попросилъ, чтобы она приказала показать мнѣ квартиру. Г-жа фонъ-Л** позвонила. Тотчасъ явился управитель, и спросилъ, что она прикажетъ.

Г-жа Фонъ Л**. Возьми свѣчу и посвѣти. (*Мнѣ.*) Не угодно-ли вамъ пожаловать за мною?

Она зажгла другую свѣчу, и вся разряженная повела меня на самый чердакъ, сама показала мнѣ всю квартиру, даже чуланъ для дровъ и другой чуланъ подъ лѣстницею и говорила безъ умолку, описывая всѣ удобства квартиры и службъ. Управитель подтверждалъ каждое ея слово, почтительно кланяясь, и присовокупляя свои многорѣчивыя толкованія.

Квартира была довольно удобна и чиста, и я рѣшился взять ее, не смотря на то, что она была подъ самою крышею. Мнѣ такъ совѣстно было передъ хозяйкою, которая сама взобралась такъ высоко и показывала мнѣ каждый уголъ, что я не посмѣлъ торговаться о цѣнѣ, и согласился съ перваго слова; впрочемъ, какъ

она ни была дорога, все-таки дешевле, чѣмъ обходилось житье въ гостинницѣ.

Подробные распросы г-жи фонъ-Л** о моемъ семействѣ и удивленіе ея, когда она услышала мое имя, заставили меня предположить, что она, вѣроятно, въ молодости знала моего отца. Переѣхавъ въ ея домъ, я тотчасъ сталъ наводить справки и безъ труда узналъ отъ управителя, который былъ охотникъ поболтать, что его госпожа была дочь богатаго магдебургскаго лѣсничаго Брандеса, и что покойный подполковникъ фонъ Л**, будучи еще поручикомъ, женился на ней изъ за ея богатства. Какъ предки моего отца были также изъ Магдебурга, то очень вѣроятно, что я имѣлъ честь приходиться ей сродни; однако-же она не упомянула объ этомъ, узнавъ мою фамилію, стыдясь, вѣроятно, родства съ актеромъ. Поэтому и я не счелъ за нужное разъяснять этого вопроса и удержался отъ дальнѣйшихъ справокъ.

Домъ былъ довольно большой; но кромѣ нѣсколькихъ квартиръ подъ крышею и квартиры хозяйки, совершенно пустъ; вѣроятно разсказы о привидѣніи пугали жильцовъ. Хозяйка, происходя изъ мѣщанскаго сословія, не была принимаема въ высшее общество, а гордость не позволяла ей водиться съ людьми, которыхъ она считала ниже себя; поэтому она рѣдко выѣзжала и почти никто къ ней не ѣздилъ. Вся прислуга заключалась въ управителѣ, въ одномъ слѣпомъ лакеѣ, въ одномъ чернорабочемъ и одной служанкѣ, исправлявшей должности кухарки и горничной. Сосѣдями нашими были, съ одной стороны, бѣдный полотеръ, съ другой, старушка, вдова пастора. Всѣ эти жильцы были народъ смирный, и малѣйшій шумъ, происходившій въ домѣ, гудѣлъ, какъ колоколъ, каждое слово раздавалось до самаго чердака.

Едва я вступилъ во владѣніе своею квартирою, какъ явился ко мнѣ управитель, чтобы объявить, отъ имени своей госпожи, правила, которыя должны быть соблюдаемы всѣми жильцами, какъ-то: возвращаться домой до десяти часовъ вечера, ходить по лѣстницамъ безъ шуму и какъ можно тише, не читать по ночамъ въ постели, не зажигать ночника. Хотя эти правила очень мнѣ не нравились, однако-же я имъ покорился, тѣмъ болѣе, что я самъ издавна привыкъ къ правильному образу жизни; всего труднѣе было мнѣ согласиться не зажигать ночника; я однако-же отказался и отъ ночника, разсудивъ, что въ случаѣ нужды, не трудно тотчасъ добыть огня, имѣя всегда подлѣ постели кремень и ог-

ниво. Наконецъ, я думалъ, что меня уже оставятъ въ покоѣ, когда, черезъ нѣсколько дней, слѣдующее происшествіе разстроило всѣ мои планы.

При переѣздѣ на новую квартиру, первую ночь почти никогда не спится. Такъ было и со мною. Едва я продремалъ съ часъ, какъ раздался ужасный шумъ на наружной галереѣ. Шумъ этотъ приближался къ моей спальнѣ. Скоро я услышалъ, какъ дверь тихонько отворилась и черезъ нѣсколько мгновеній опять затворилась. Я спросилъ: кто тамъ? Не получая отвѣта, я вскочилъ съ постели, высѣкъ огня, зажегъ свѣчу и отворилъ дверь; за дверью однѣ голыя стѣны. Я подумалъ, что вѣроятно ошибся, что отворялась дверь не у меня, а у сосѣда. Я заперъ дверь, и какъ на ней не было задвижки, то я оставилъ ключъ въ замкѣ, чтобы въ случаѣ покушенія нельзя было отпереть ее снаружи. Но эта мѣра была безполезна; ибо въ слѣдующую-же ночь, ровно въ двѣнадцать часовъ, таже исторія; ключъ изъ замка вытолкнутъ, дверь отворилась и черезъ минуту опять затворилась, и оклики мои опять остались безъ отвѣта.

Эти ночныя посѣщенія, повторявшіяся каждый день, какъ они ни были коротки, наконецъ вывели меня изъ терпѣнія; притомъ я боялся, что шумъ отворявшейся и затворявшейся двери могъ разбудить жену и дѣтей, спавшихъ въ смежной комнатѣ и испугать ихъ въ просонкахъ. Поэтому я рѣшился войти въ непосредственное сношеніе съ этимъ домовымъ, увидѣть и ощупать его, чтобы узнать причину его полуночныхъ прогулокъ.

На слѣдующій вечеръ я рѣшился не ложиться и не раздѣваться до-тѣхъ поръ, пока не раскрою тайны. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ часамъ бить полночь, я тихонько вышелъ изъ своей комнаты на галерею, и сталъ въ углу, у лѣстницы, такъ, чтобы меня нельзя было видѣть, если-бы домовому вздумалось гулять со свѣчею.

Домовой не заставилъ себя долго ждать. Едва я успѣлъ спрятаться, какъ послышались тихіе шаги на лѣстницѣ; потомъ я слышалъ, какъ кто-то въ потьмахъ отворялъ, одну за другую, всѣ двери, выходившія на галерею. Наконецъ привидѣніе подошло къ моей двери; въ это мгновеніе я безъ шуму налетѣлъ на него, протянулъ руки, чтобы обхватить его и схватилъ чью то руку;

затѣмъ раздался слабый стонъ, и мой домовой повалился на меня. Я поддержалъ его, отворилъ дверь своей комнаты, въ которой нарочно оставилъ зажженную свѣчу, и съ удивленіемъ узналъ въ домовомъ семидесятилѣтнюю красавицу, хозяйку дома, въ ночномъ чепцѣ и кофтѣ, въ однихъ чулкахъ, и съ связкою ключей въ рукѣ. Она упала въ обморокъ въ моихъ объятіяхъ. Я вѣжливо усадилъ ее въ кресла, и когда она оправилась, спросилъ у нея причину ея странныхъ ночныхъ прогулокъ. Послѣ нѣкотораго молчанія, она отвѣчала мнѣ съ явною досадою на мой дерзскій поступокъ: — «Разъ навсегда я поставила себѣ за правило, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, лично удостовѣряться, съ помощью крючка, въ томъ, что у жильцовъ верхняго этажа нѣтъ огня и не горятъ свѣчи; потому что въ низшихъ сословіяхъ много такихъ негодяевъ, которые, изъ небрежности или лѣности, могутъ сжечь домъ. Живя въ верхнемъ этажѣ, вы должны покориться тѣмъ-же правиламъ.

Я отвѣчалъ, что не удивляюсь, если слуги и тому подобный народъ подчиняются подобнымъ осмотрамъ; но что я къ нимъ не привыкъ; и, чтобы избавить ее впредь отъ такой заботы обо мнѣ, я ей объявляю, что дня не останусь въ домѣ, котораго владѣтельница такъ бдительно наблюдаетъ за его сохраненіемъ.

Этимъ дѣло кончилось; на слѣдующій день я расплатился за квартиру, и возвратился въ свою гостинницу до пріисканія квартиры, болѣе спокойной. Черезъ нѣсколько дней очистилось нѣсколько хорошенькихъ комнатъ у моего пріятеля, книгопродавца Рихтера, и онъ охотно отдалъ ихъ мнѣ за умѣренную цѣну.

Вообще Ганноверъ очень пріятный городъ. Жители любятъ театръ, знаютъ въ немъ толкъ, и отдаютъ полную справедливость истинно талантливымъ артистамъ. Я очень пріятно проводилъ время въ нѣкоторыхъ домахъ, съ которыми имѣлъ случай познакомиться.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нашъ директоръ былъ приглашенъ, на очень выгодныхъ условіяхъ, въ Брауншвейгъ, и отправился туда со всею труппою, кромѣ г-жи Гензель, которая осталась въ Ганноверѣ съ нѣсколькими ничтожными актерами.

—

ГЛАВА XIII.

Брауншвейгскій дворъ принялъ насъ очень благосклонно. Публика также была намъ чрезвычайно рада; она давно уже не видала порядочнаго нѣмецкаго театра, а французскій, не смотря на прекрасное исполненіе, не слишкомъ ей нравился.

Аккерманъ открылъ свои представленія на прежнемъ кукольномъ театрѣ Николини. Весь городъ сбѣгался въ нѣмецкій театръ, и успѣхъ нашъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ таковъ, что мы лучшаго не могли и желать.

Съ нѣкотораго времени мои драматическіе опыты давались съ успѣхомъ почти на всѣхъ театрахъ Германіи, и я безпрестанно получалъ изъ Вѣны и изъ другихъ мѣстъ лестныя приглашенія писать новыя пьесы. Это побудило меня заняться драматическою поэзіею съ бо́льшею дѣятельностію и бо́льшимъ постоянствомъ. Плодомъ этой дѣятельности были двѣ новыя комедіи: «*Постоялый дворъ, или узнай прежде, чѣмъ довѣришься*», и «*Дворянинъ изъ купцовъ*». Поэтъ Захарія взялся исправить первую, а для второй я пользовался совѣтами актера Шредера, съ которымъ я былъ очень друженъ. Я послалъ обѣ пьесы дирекціи Вѣнскаго театра, которая приняла ихъ съ радостью и щедро наградила меня за трудъ. «*Постоялый дворъ*» былъ въ скоромъ времени переведенъ на многіе языки, и давался съ успѣхомъ въ Гагѣ, въ Парижѣ, въ Копенгагенѣ, въ Варшавѣ и въ Неаполѣ. Извѣстный ученый Зонненфельсъ написалъ мнѣ очень любезное письмо, прося передѣлать моего «*Дворянина изъ купцовъ*», для Вѣнскаго театра, въ три дѣйствія. Это, изъ всѣхъ моихъ произведеній, то, которое имѣло наибольшій успѣхъ, и которое, послѣ «*Аріадны на островѣ Наксосѣ*»; всѣхъ далѣе держалось на сценѣ.

Въ Брауншвейгѣ пьесы мои имѣли особенный успѣхъ; публика осыпала ихъ рукоплесканіями, дворъ оказывалъ мнѣ самое благосклонное вниманіе, и герцогъ Фердинандъ Брауншвейгскій удостоилъ меня двухъ собственноручныхъ писемъ, сопровождаемыхъ богатыми подарками.

Не смотря на всѣ эти успѣхи, которые легко могли вскружить голову молодому поэту, я сохранилъ довольно скромности

чтобы судить свои произведенія съ надлежащимъ безпристрастіемъ, и приписывалъ себѣ въ ихъ успѣхѣ только ту часть, которая дѣйствительно принадлежала мнѣ.

Жена моя также заслужила общую любовь публики своимъ талантомъ на сценѣ и скромностью въ частной жизни. Но постоянные и блестящіе успѣхи ея возбудили зависть нѣкоторыхъ изъ ея сверстницъ и интриги, которыя принудили насъ наконецъ разстаться съ Аккерманомъ. Онъ былъ человѣкъ честный, умный директоръ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ пристрастенъ къ своей родвѣ, которую онъ всегда старался выдвинуть на первый планъ, въ обиду другимъ, болѣе заслуженнымъ артистамъ. Такъ было и съ его старшею дочерью и Шарлоттою. Дѣвица Аккерманъ имѣла неоспоримый драматическій талантъ и въ послѣдствіи сдѣлалась замѣчательною артисткою; но въ то время талантъ Шарлотты былъ во всемъ своемъ развитіи, и она имѣла полное право на предпочтеніе. Она сознавала свои заслуги; ей больно было, что директоръ, изъ пристрастія къ своей дочери, старался удалять ее со сцены, и она высказала свое негодованіе, можетъ быть съ бо́льшею горячностью, чѣмъ бы слѣдовало.

Въ эту минуту несогласія пріѣхалъ въ Брауншвейгъ Зейлеръ. Получивъ привиллегію на содержаніе въ Ганноверѣ придворнаго театра, съ нѣкоторыми значительными льготами, какъ-то пособіемъ отъ двора въ 1000 талеровъ, съ правомъ пользоваться безвозмездно театромъ, гардеробомъ, оркестромъ, и позволеніемъ давать представленія во всѣхъ городахъ курфиршества, кромѣ Гёттингена, онъ пріѣхалъ въ Брауншвейгъ за тѣмъ, чтобы сманить нѣкоторыхъ ихъ актеровъ Аккермана. Экгофъ и другіе замѣчательные артисты, недовольные управленіемъ нашего директора, тотчасъ заключили контракты съ Зейлеромъ. Мы съ женою послѣдовали ихъ примѣру, и Аккерманъ, лишившись главныхъ своихъ опоръ, остался въ очень затруднительномъ положеніи. Впрочемъ, онъ самъ вовлекъ себя въ эти непріятности своимъ пристрастіемъ, потачкою интригамъ и чрезвычайною скупостью, и теперь долженъ былъ выпутываться, какъ умѣлъ. Зейлеръ-же безъ труда сдѣлалъ такой хорошій наборъ, о какомъ не смѣлъ и думать, и отправился съ нами, какъ скоро кончился срокъ нашимъ контрактамъ съ Аккерманомъ.

—

ГЛАВА XIV.

Въ Ганноверѣ мы застали госпожу Гензель, Гюнтера, Гарбрехта, и нѣсколько другихъ актеровъ, которые, соединившись съ нами, составили прекрасную труппу. Черезъ нѣсколько недѣль все было готово, и мы могли открыть театръ. Когда начались представленія, я сталъ дѣлать наблюденія надъ членами труппы; результатъ ихъ былъ очень неотраденъ. Госпожа Гензель была талантливая артистка, но очень неуживчиваго нрава; она вездѣ и во всемъ хотѣла первенствовать. Не было актера или актрисы, успѣхамъ которыхъ она не завидовала-бы; успѣхи самого Экгофа бѣсили ее. Само собою разумѣется, что при такомъ характерѣ, она не могла долго ладить съ Шарлоттою, которая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе удостоивалась любви публики, и которая нашла въ этой артисткѣ соперницу еще болѣе завистливую и безпокойную, чѣмъ была дѣвица Аккерманъ. Однако-же, какъ г-жа Гензель была очень дружна съ Зейлеромъ, то изъ уваженія къ его выгодамъ, она не смѣла сначала явно высказывать свою ненависть къ Шарлоттѣ; за то глаза ея высказывали ея мысли лучше всякихъ словъ. Но скоро терпѣніе ея истощилось, и она дала волю своему запальчивому нраву. Впрочемъ, она повредила только себѣ самой, нисколько не уменьшивъ славы своей соперницы.

Давали «*Меланиду*», драму Лашоссе. Г-жа Гензель играла въ ней главную роль, и играла ее превосходно; не знаю однако-же, по какому странному случаю, ей рѣдко апплодировали, между тѣмъ, какъ для Шарлотты, исполнявшей роль Розаліи, каждая сцена была торжествомъ. Эта мнимая несправедливость ужасно бѣсила г-жу Гензель. Къ несчастію, въ пятомъ дѣйствіи, въ одной ложѣ отворили дверь, которая заскрипѣла; госпожа Гензель вообразила, что ей свистали. Нѣкоторые зрители говорили потомъ, что дѣйствительно одинъ зритель, пришедшій въ театръ послѣ слишкомъ роскошнаго обѣда, началъ было свистать, но не г-жѣ Гензель, а актеру Боку, игравшему роль Дарвіяна. Какъ-бы то ни было, но г-жа Гензель вообразила, что ей свистали, въ бѣшенствѣ подбѣжала къ рампѣ и сказала: «Если я не нравлюсь, то я лучше удалюсь». Съ этими словами она вышла, и пьесы нельзя было продолжать, за отсутствіемъ героини. Публика видно была въ хорошемъ расположеніи души, посмѣялась и обо-

шлась на этотъ разъ безъ конца пьесы. Въ заключеніе представленія обѣщана была маленькая пьеска, въ которой играла та же актриса, и Зейлеръ принудилъ ее явиться. Она вышла, дрожа отъ страху, чтобы ее не освистали за ея безразсудную выходку; этого тѣмъ болѣе можно было ожидать, что въ маленькой пьескѣ она занимала роль молоденькой рѣзвушки, а такія роли не шли ни къ ея наружности, ни къ характеру ея таланта. Однако-же зрители прослушали пьесу очень спокойно, безъ малѣйшаго изъявленія неудовольствія. Только съ тѣхъ поръ публика стала къ ней несравненно холоднѣе; если она не выразила своего гнѣва въ ту-же минуту свистками, то впослѣдствіи показала артисткѣ своимъ равнодушіемъ, что не забывала дерзкаго поступка.

Изъ моихъ ганноверскихъ знакомствъ, которыхъ число значительно увеличилось въ этотъ второй пріѣздъ, особенно важно было для меня знакомство шталмейстера фонъ-Буша и тайнаго секретаря Флугге. Послѣдній, человѣкъ очень умный и образованный, далъ мнѣ нѣсколько сюжетовъ для комедій, между прочимъ сюжетъ «*Квирлеквическихъ комедіантовъ*», которыхъ я написалъ около этого времени. Но всего лестнѣе было мнѣ позволеніе, которое дали мнѣ принцъ Карлъ, впослѣдствіи герцогъ Мекленбургъ Стрелицкій и братъ его, принцъ Эрнестъ, посѣщать ихъ; первый особенно принялъ живое участіе въ моихъ литературныхъ занятіяхъ и даже изъявилъ желаніе, чтобы я впредь представлялъ ему въ рукописи всѣ свои новыя сочиненія.

—

ГЛАВА XV.

Зейлеръ принужденъ былъ оставить на время Ганноверъ и ѣхать въ Люнебургъ, гдѣ очень желали имѣть хорошій театръ; оставаться же долго въ одномъ мѣстѣ ему было невыгодно, потому что репертуаръ его труппы былъ слишкомъ ограниченъ. Какъ въ Люнебургѣ не было театра, то намъ отвели пивоварню, которую мы приспособили къ представленіямъ, какъ могли, и, не смотря на неудобства театра и на неимѣніе сколько нибудь сносныхъ декорацій, успѣхъ нашъ былъ самый блистательный. Вообще пребываніе наше въ этомъ городѣ было очень пріятно; товарищъ нашъ

Экгофъ былъ любимъ вездѣ, а тѣмъ болѣе здѣсь, въ своемъ родномъ городѣ; черезъ него открылись намъ всѣ дома, и насъ вездѣ ласкали, какъ нельзя болѣе. Къ сожалѣнію, мы не могли долго пользоваться этимъ радушнымъ гостепріимствомъ. Черезъ мѣсяцъ мы сыграли всѣ пьесы своего репертуара, которыя возможно было играть на нашемъ импровизированномъ театрѣ, а давать ихъ по нѣскольку разъ мы не смѣли, потому что число посѣтителей было слишкомъ невелико. Поэтому мы должны были поспѣшить далѣе и перенесли свой театръ въ ближайшій городъ Целле. Тутъ насъ встрѣтили съ такою жерадостію и такимъ же гостепріимствомъ, какъ въ Люнебургѣ; дворянство и горожане наперерывъ ласкали насъ и приглашали на свои праздники. Насъ пригласили даже на домашній театръ, который вздумалось устроить нѣкоторымъ лицамъ высшаго общества по случаю пріѣзда наслѣднаго принца, нынѣ владѣтельнаго Герцога Брауншвейгскаго. На этомъ театрѣ давали между прочими пьесами, и Вольтерову «*Заиру*», и надо отдать справедливость господамъ актерамъ, что нѣкоторые изъ нихъ могли соперничать съ извѣстнѣйшими современными артистами. Принцъ Карлъ Мекленбургъ-Стрелицкій игралъ роль Замора, а братъ его, принцъ Эрнстъ, Гусмана; оба еще превзошли высокое мнѣніе, которое общество имѣло о ихъ талантѣ.

Около этого времени, случай привелъ въ Целле датскаго генерала, у котораго я служилъ въ Одензе; въ одинадцать лѣтъ, онъ такъ перемѣнился, что его почти узнать нельзя было; онъ сгорбился, и едва передвигалъ ноги, опираясь на палку. Онъ видѣлъ меня нѣсколько разъ на театрѣ, но не узналъ, или можетъ быть, не хотѣлъ узнать.

Черезъ два мѣсяца, Зейлеръ возвратился съ труппою въ Ганноверъ, и далъ нѣсколько новыхъ пьесъ, разученныхъ во время нашего похода. Потомъ мы еще разъ побывали въ Целле, гдѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ капитаномъ Дюрингомъ и ректоромъ Штеффенсомъ, преплохимъ драматическимъ писателемъ, но прекраснѣйшимъ человѣкомъ. По возвращеніи нашемъ въ Ганноверъ, мы стали замѣчать, что вниманіе публики, а съ нимъ и сборы, значительно уменьшились, и Зейлеръ рѣшился попытать счастія въ болѣе отдаленныхъ странахъ.

Мы отправились на первый разъ, черезъ Гамбургъ, въ Штаде, гдѣ были приняты, какъ нельзя лучше. У меня было много рекомендательныхъ писемъ отъ моихъ цельскихъ друзей, и черезъ

нѣсколько дней мы съ женою были знакомы со всѣми первыми домами въ городѣ.

Въ самый день нашего пріѣзда, хозяинъ дома, въ которомъ я нанялъ квартиру, пришелъ ко мнѣ рекомендоваться и пригласить меня съ собою въ одинъ публичный садъ, гдѣ говорилъ онъ, я могъ разомъ познакомиться со многими почетнѣйшими изъ городскихъ обывателей. Дѣйствительно, я нашелъ въ саду множество людей, очень хорошо одѣтыхъ и очень порядочной наружности, которымъ спутникъ мой меня представилъ, и которые приняли меня съ необыкновенною учтивостью. Мнѣ предложили играть; я согласился, и меня посадили съ двумя очень скромными молодыми людьми, которыхъ я принялъ, по ихъ зеленымъ мундирамъ, за чиновниковъ лѣснаго управленія. На слѣдующій день я былъ приглашенъ обѣдать къ совѣтнику Боденгаузену, и каково было мое удивленіе, когда я узналъ въ лакеяхъ, прислуживавшихъ за столомъ, въ зеленыхъ ливреяхъ, своихъ вчерашнихъ партнеровъ.

—

ГЛАВА XVI.

Какъ скоро публика начала менѣе исправно посѣщать нашъ театръ, мы собрали свои пожитки и отправились въ Гамбургъ. Это было, какъ нельзя болѣе вовремя; потому что дня три спустя, король и королева датскіе прибыли въ Альтону, и нѣсколько разъ удостоили нашъ театръ своего присутствія, что, разумѣется, имѣло очень благодѣтельное вліяніе на нашу кассу.

Во время представленія «*Минны фонъ-Барнгельмъ*», первой пьесы, игранной по требованію короля, и въ которой участвовали я и моя жена, одинъ актеръ воспользовался нашимъ отсутствіемъ, унесъ у насъ нѣсколько цѣнныхъ вещей и заложилъ ихъ. Только долго спустя узналъ я это отъ знакомыхъ, видѣвшихъ случайно мои вещи въ заведеніи для залога движимостей. Пріятель мой, адвокатъ Виттенбергъ, нашелъ средство добыть билетъ, и выкупилъ вещи. Какъ виновный впослѣдствіи заслужилъ, своимъ поведеніемъ, славу честнаго человѣка и нынѣ отецъ семейства и занимаетъ видное мѣсто въ одной изъ лучшихъ труппъ, то я съ

моей стороны не рѣшался никогда упомянуть ему объ этомъ случаѣ.

Точно такъ же поступилъ я, въ молодости, съ другимъ молодымъ актеромъ, который жилъ на одной квартирѣ со мною, и похитилъ у меня часть моего бѣлья, платья и шпагу съ шелковою портепеею. Черезъ нѣсколько дней я увидѣлъ свою шпагу на толкучемъ рынкѣ, и купецъ, на распросы мои, такъ подробно описалъ мнѣ продавца, что невозможно было не узнать его. Я выкупилъ шпагу и повѣсилъ ее на мѣсто, предоставивъ собственной его совести показать ему всю низость его поступка.

Въ бытность нашу въ Гамбургѣ, поэтъ Михаэлисъ поступилъ въ нашу труппу, въ качествѣ автора. Передъ тѣмъ, за неимѣніемъ другой работы, онъ занимался нѣкоторое время журналистикою. Съ перваго свиданія, мы почувствовали особенное влеченіе другъ къ другу, и не прошло недѣли, какъ мы были уже будто давнишніе друзья. Онъ свелъ меня со многими другими литераторами, съ профессоромъ Душомъ и поэтомъ Герстенбергомъ. Мнѣ очень хотѣлось познакомиться также съ профессоромъ Базедовомъ, бывшимъ въ это время въ Альтонѣ; но къ крайнему моему сожалѣнію, каждый разъ, какъ я приходилъ къ нему, его, какъ нарочно, не было дома.

Однажды, послѣ новой неудачной попытки, въ ужасный зной, мы пошли, съ Михаэлисомъ, отдохнуть въ одну изъ тѣхъ палатокъ, которыя называются здѣсь Elbhäuser. Всѣ комнаты были полны народа, и намъ указали мѣсто въ саду, гдѣ нѣсколько человѣкъ играли въ кегли. Между играющими былъ одинъ человѣкъ, обращавшій на себя общее вниманіе жаромъ, съ какимъ онъ игралъ, и странностью своего наряда. На головѣ его былъ парикъ, имѣвшій, по всѣмъ примѣтамъ, много лѣтъ службы, и другой мѣсяцъ не бывавшій въ рукахъ куафёра; изношенная шляпа, съ огромными полями, черный, триковый кафтанъ, застегнутый сверху донизу, котораго передъ былъ новый, а спинка отъ давности службы совершенно порыжѣла; прибавьте къ этому нечищенные сапоги, и вы будете имѣть понятіе о видимыхъ частяхъ его одежды, которая такъ поразила меня, что я спросилъ его имя. Мнѣ отвѣчали, что это профессоръ Базедовъ. Удивленный и вмѣстѣ обрадованный этою неожиданною встрѣчею, я отыскалъ Михаэлиса, сказалъ ему, что нашелъ наконецъ кладъ, котораго такъ долго искалъ безъ успѣха, и просилъ его представить меня немед-

ленно. Михаэлисъ исполнилъ мое желаніе; но Базедовъ пришелъ только затѣмъ, чтобы играть въ кегли; онъ почти не выслушалъ моего привѣтствія, сказалъ мнѣ въ двухъ словахъ, что очень радъ со мною познакомиться; потомъ взялъ опять шаръ и продолжалъ играть съ прежнимъ жаромъ.

Я познакомился также съ однимъ молодымъ купцомъ, Бернеромъ. Онъ былъ недавно женатъ, и мы съ женою, и нѣсколько другихъ друзей каждый вечеръ, по окончаніи дневныхъ занятій, собирались у молодыхъ супруговъ и не видали, въ ихъ пріятной бесѣдѣ, какъ проходило время. Никогда не видалъ я такой истинной картины супружескаго счастія; взаимная нѣжность молодыхъ, ихъ благотворительность, ихъ примѣрная честность, ихъ ровный и всегда веселый нравъ, снискали имъ любовь и уваженіе всѣхъ, кто только ихъ зналъ. Но наша горькая судьба, безпрестанно переносившая насъ съ мѣста на мѣсто, позволяла намъ пользоваться наслажденіями дружбы только, такъ сказать, налетами. Тоже было и здѣсь; послѣ нѣсколькихъ недѣль представленій, сборы начали упадать, и Зейлеру предстояло или закрыть театръ, или перекочевать въ Любекъ. Мы со слезами на глазахъ простились съ новыми своими друзьями; не менѣе тяжело было мнѣ разставаться съ своимъ благодѣтелемъ Дрейеромъ, который былъ опасно боленъ. Вскорѣ по выѣздѣ своемъ, я получилъ извѣстіе о его смерти и могу сказать, положа руку на сердце, что немногіе изъ его друзей оплакивали его такъ искренно, какъ я. Добраго Бернера также не привелось намъ болѣе видѣть; смерть похитила его въ цвѣтѣ лѣтъ.

Совѣтникъ гамбургскаго Аппеляціоннаго Суда, фонъ Фойгтсъ, и совѣтникъ Правленія Берленшъ дали мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ своимъ знакомымъ въ Любекѣ, между прочими, къ и датскому резиденту Лейшингу, который принялъ меня весьма дружелюбно. У него встрѣчалъ я много людей, которымъ я, можетъ-быть, прислуживалъ нѣкогда за столомъ, у совѣтника фонъ-Бухвальда. Само собою разумѣется, что я не напоминалъ имъ этого давнишняго знакомства.

У Лейшинга познакомился я съ знаменитымъ и почтеннымъ врачемъ, Вальбаумомъ, который, по моей просьбѣ, привилъ оспу моимъ дѣтямъ. Это было тогда еще совсѣмъ новое открытіе, и неосторожность родителей нерѣдко причиняла большія несчастія. Уже въ Гамбургѣ докторъ Даль прививалъ оспу моимъ дѣтямъ,

но она тогда не принялась. Какъ у Шарлотты еще не было оспы, то для предохраненія ея, я нанялъ для нея на это время особенную квартиру; но какъ скоро какое нибудь дѣло принуждало меня отлучиться отъ нихъ, она увлекалась своею материнскою любовью и приходила къ нимъ; къ счастію однако-же, она не схватила этой опасной болѣзни. На этотъ разъ я принялъ другія мѣры. Я увелъ дѣтей, подъ предлогомъ идти съ ними прогуляться, и отвезъ ихъ въ приготовленную для нихъ квартиру, съ садомъ, гдѣ они пробыли надлежащее время, подъ присмотромъ надежной няньки. Въ сосѣднемъ домѣ жило одно семейство, въ которомъ было много дѣтей. Родители, видя, что мои дѣти бѣгали по саду съ высыпавшею на лицѣ оспою, заключили изъ этого, что оспа ихъ не злокачественная, и чтобы избѣжать лишняго расхода, пустили своихъ дѣтей въ садъ, играть съ моими, въ надеждѣ, что они схватятъ болѣзнь такую-же легкую. Дѣйствительно они схватили ее, но, какъ они не были къ ней приготовлены, и врачъ не былъ приглашенъ въ надлежащее время, болѣзнь получила совсѣмъ другое развитіе, и бѣдные дѣти умерли жертвами скупости своихъ родителей. Когда мои дѣти совершенно выздоровѣли, я повелъ ихъ къ матери, которая не ожидала ихъ возвращенія такъ скоро, и обрадовалась, какъ ребенокъ.

Какъ ни желали-бы мы подолѣе остаться въ Любекѣ, мы должны были опять собраться въ путь, потому что нашъ театръ, по ограниченности репертуара, не могъ долго поддерживать любопытства публики. Зейлеръ, зная, что въ окольныхъ городахъ и мѣстечкахъ нельзя было ожидать большой прибыли, рѣшился возвратиться на нашу главную квартиру, въ Ганноверъ. Но на этотъ разъ насъ приняли здѣсь не такъ благосклонно, какъ прежде, потому что посѣщенія наши стали слишкомъ часты, публика пересмотрѣла уже всѣ наши старыя пьесы, а безпрестанные разъѣзды не позволяли намъ разучивать много новыхъ. Поэтому, пробывъ въ Ганноверѣ нѣсколько недѣль, мы должны были опять пуститься въ путь. Сначала мы отправились въ Гильдесгеймъ, близъ Ганновера; но какъ и здѣсь намъ не повезло, мы переселились на зиму въ Оснабрикъ, гдѣ давно уже не было театра, и гдѣ насъ, слѣдовательно, приняли съ восторгомъ.

—

ГЛАВА XVII.

Въ Оснабрикѣ съ удивленіемъ встрѣтили мы своего давнишняго штадскаго знакомаго и покровителя, капитана Ледебура, но уже не капитаномъ, а канонникомъ.

Не въ первый разъ приводилось намъ играть на слишкомъ тѣсныхъ театрахъ; но Оснабрикскій театръ былъ такъ малъ, что на немъ едва-ли было-бы достаточно мѣста для кукольной комедіи. Не было никакой возможности, такъ же, какъ въ Штаде и въ Люнебургѣ, давать пьесы, требовавшія перемѣнъ декорацій. Машины соотвѣтствовали театру; особенно-же смѣшны и жалки были декораціи. На-примѣръ, на кулисѣ, изображавшей лѣсъ, живописецъ намалевалъ барана, который будто-бы щипалъ траву, подлѣ ярко расписаннаго розоваго куста. На фонѣ были изображены гуляющіе, которое во все продолженіе представленія стояли на одномъ мѣстѣ, вытаращивъ на насъ глаза.

Хотя дворянство помогало намъ по возможности, однако-же этого было недостаточно, чтобы окупить самые необходимые расходы; купечество не посѣщало нашего театра, потому что не было арлекина, который прежде потѣшалъ его, а простой народъ вообразилъ, что мы пріѣхали обобрать всѣ деньги въ городѣ, и смотрѣлъ на насъ, какъ на враговъ.

Всѣ эти обстоятельства принудили насъ возвратиться опять въ Ганноверъ, гдѣ сборы были не обильнѣе; касса истощалась съ каждымъ днемъ. Къ счастію, Зейлеръ получилъ приглашеніе пріѣхать на нѣсколько недѣль въ Гильдесгеймъ, гдѣ дѣла наши пошли немножко успѣшнѣе. Эта неожиданная помощь очень обрадовала насъ; но, чтобы наслаждаться этимъ мимолетнымъ счастіемъ, должно было и не думать о будущемъ.

Въ зимній нашъ пріѣздъ въ Гильдесгеймъ, сарай, который намъ отвели, былъ въ такомъ дурномъ состояніи, что мы часто играли въ снѣгу выше подъема. На этотъ разъ солнце пекло насъ невыносимымъ образомъ; но какъ на исправленіе сарая потребовалось значительныхъ издержекъ, мы должны были безропотно покориться всѣмъ его неудобствамъ.

Почти все свое свободное время я проводилъ въ саду одного богатаго купца, Бранда, пользуясь позволеніемъ, которое хозяинъ далъ всѣмъ актерамъ.

—

ГЛАВА XVIII.

У Зейлера было множество враговъ, не смотря на то, что онъ не щадилъ ни труда, ни издержекъ, чтобы угодить публикѣ. Такъ, напримѣръ, онъ давалъ небольшія итальянскія оперы и ангажировалъ для того извѣстнаго капельмейстера Швейцера и нѣсколько хорошихъ пѣвцовъ; пригласилъ даже на нѣкоторое время, для бо́льшаго разнообразія, цѣлую труппу итальянскихъ пѣвцовъ. Не смотря на всѣ его усилія, ему уже не везло въ Ганноверѣ, частью вслѣдствіе предубѣжденія публики противъ него и госпожи Гензель. По бо́льшей части, мы играли передъ пустыми скамьями. Касса наша была давно истощена частыми разъѣздами; нечѣмъ было платить, не только накопившіеся долги, но даже проценты; кредитъ дирекціи совершенно упалъ и мы были къ самомъ горестномъ положеніи.

Наконецъ, тесть Зейлера, придворный аптекарь Андре, человѣкъ богатый и щедрый, нѣсколько разъ уже выручавшій насъ изъ бѣды, согласился еще разъ спасти труппу, съ тѣмъ, чтобы Зейлеръ передалъ управленіе на нѣкоторое время Экгофу. Не видя другаго спасенія, Зейлеръ принужденъ былъ согласиться на эту мѣру, и отправился въ Вецларъ, хлопотать о разрѣшеніи намъ давать тамъ представленія. Одна госпожа Гензель, лишившаяся при такомъ распоряженіи главной своей опоры, не захотѣла поступить къ другому директору, вышла изъ труппы и вскорѣ за тѣмъ ангажировалась въ Вѣну.

Многіе, не зная въ точности дѣлъ Зейлера, обвиняли его въ мотовствѣ; но это несправедливо. Причиною его разоренія были безпрестанные разъѣзды, стоившіе много денегъ, несбывавшіеся часто надежды на большіе сборы въ нѣкоторыхъ городахъ, но вовсе независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, а главное, безчестность нѣкоторыхъ лицъ, служившихъ въ управленіи его театра и обогащавшихся на его счетъ.

Какъ скоро было получено разрѣшеніе, Экгофъ повезъ свою труппу въ Вецларъ.

Въ Гиссенѣ я сдѣлалъ визитъ профессору Христіану-Гейнриху Шмидту, который познакомилъ меня съ профессоромъ Шульцомъ и показалъ намъ прекрасную Гиссенскую Академію и всѣ достопримѣчательности города.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Вецларъ, профессоръ Шмидтъ написалъ поэму «Привидѣніе», въ которой онъ расточалъ самыя лестныя похвалы главнымъ членамъ нашей труппы. Ректору Гиссенской Академіи показалось очень неприличнымъ, что профес-

соръ этого учрежденія осмѣлился посвятить свое перо похваламъ въ честь кочующей труппѣ актеровъ, и онъ подалъ даже на него жалобу въ Дармштадтскій Судъ. Шмидтъ однако-же не испугался этой жалобы и ѣздилъ безпрестанно въ Вецларъ смотрѣть одну изъ лучшихъ трупъ въ Германіи. И въ самомъ дѣлѣ, Дармштадтскій Судъ не принялъ жалобы ректора, и Шмидтъ могъ писать для театра, сколько ему было угодно.

Насъ встрѣтили въ Вецларѣ съ самымъ лестнымъ для насъ восторгомъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ городѣ давно уже не было хорошаго театра. Усердныя посѣщенія публики въ короткое время такъ пополнили кассу, что актеры не только получили недоплаченное имъ за прежнее время жалованье, на которое они уже почти не надѣялись, но, благодаря разумной бережливости Экгофа, можно было даже отложить небольшой запасный капиталъ на непредвидимыя потребности. Мы пробыли здѣсь три мѣсяца, въ которые не могли нахвалиться гостепріимствомъ жителей, ихъ участіемъ къ театру, и живописнымъ положеніемъ города.

Послѣ этихъ трехъ мѣсяцевъ, дѣла наши еще улучшились, самымъ неожиданнымъ образомъ. Кохъ, съ своею труппою, уже нѣсколько лѣтъ игралъ въ Веймарѣ. Когда онъ былъ отозванъ въ Берлинъ, герцогиня Саксенъ-Веймарская обратила свое вниманіе на насъ, и предложила Зейлеру, на выгодныхъ условіяхъ, пріѣхать въ ея столицу на постоянное пребываніе. Это предложеніе было, какъ нельзя болѣе, кстати. Оно было принято съ радостью; мы закрыли свой театръ, и поблагодаривъ вецларскую публику, поспѣшили ѣхать въ городъ, гдѣ намъ предстояло болѣе прочное положеніе и гдѣ мы могли наконецъ отдохнуть отъ долгой кочевой жизни.

=

ЮМОРИСТИКА.

БАРХАТНЫЙ БАШМАЧЕКЪ.

(повѣсть.)

Ночь тиха, дорога гладка,
Православный спитъ народъ,
Сухопарая лошадка
Ваньку соннаго везетъ....

не то, чтобы совсѣмъ соннаго, а Ваня таки дремалъ порядкомъ, сгибаясь такъ круто, какъ-бы желалъ достать носомъ пятачекъ, еще утромъ оброненный сѣдокомъ въ его сани. — Изможенная его лошаденка, крытая сѣдымъ иніемъ морозной, святочной ночи, мотая головой и потряхивая косматою гривой, бѣжала мѣрною рысцею. Сѣдокъ, Петръ Петровичъ, утонувшій по самую маковку въ енотовомъ воротникѣ своей шубы и везомый по безлюднымъ и незнакомымъ ему улицамъ Петербургской Стороны, казалось, не обращалъ никакого вниманіи ни на прекрасную лунную ночь, ни на сонный окликъ будочника ни даже на то, что сонный Ванька вмѣсто Коломны прямо привезетъ его къ проруби. Погруженный въ созерцательную думу, юный Петръ Петровичъ, занесенный изъ Саратова къ гранитнымъ берегамъ Мойки, не судьбою, но тяжбами по наслѣдству, утопая въ эти минуты въ своемъ енотовомъ воротникѣ, тонулъ безсознательно въ воспоминаніяхъ.... И это столица!.... И это святки? думалъ Петръ Петровичъ, изрѣдко бросая досадные взгляды по сто-

ронамъ безмолвныхъ переулковъ.... Ни одной свѣчи въ домѣ, ни одной маски на улицѣ.... Скучно, грустно здѣсь!.... Толи дѣло у насъ-то.... охъ, у насъ-то!.... И вдругъ за воротами ближняго дома раздался чей то громкій и веселый смѣхъ, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежалъ хорошенькому ротику; вслѣдъ за нимъ что-то черное перелетѣло черезъ заборъ, ударилось въ шапку извощика, и быстро скользнувъ съ нея, прыгнуло прямо за енотъ Петра Петровича, даже какъ будто-бы впилось ему за галстухъ.... Все это было дѣломъ одного мгновенія, въ которое вздрогнувшему Ванькѣ показалось, что ему дали толчка и онъ, вообще чувствительный къ физическимъ убѣжденіямъ, ударивъ по лошадкѣ, повернулъ направо, потомъ налѣво, потомъ еще направо и спустился на Неву, такъ быстро, такъ скоро, что юноша не успѣлъ еще опомниться и придти въ себя отъ неожиданности.... Что-бы это такое.... странное? прошепталъ суевѣрный молодой человѣкъ, боясь осязать предметъ, торчавшій у него за галстухомъ и щекотавшій горло, но щекотавшій такъ нѣжно, такъ пріятно, что его можно было принять за мягкую и пухленькую ручку.... Гм.... что бы это было? продолжалъ Петръ Петровичъ, вытягивая такъ страшно шею, какъ будто хотѣлъ отдѣлить ее отъ туловища.... Теперь вѣдь святки, теперь вѣдь того.... можетъ быть, это ворожба?.... Бръ.... колдовство!.... Извощикъ!.... Ты не знаешь, что это? спросилъ, дрожа Петръ Петровичъ, почти не зная, что спрашиваетъ. — Эвто?... да эвто Александровская колонна; отвѣчалъ Иванъ, указывая на монументъ и въѣзжая подъ арку Главнаго Штаба. — Простодушный отвѣтъ извощика разсмѣшилъ Петра Петровича и даже ободрилъ его. Онъ сдѣлался смѣлѣе и, освободивъ изъ перчатки руку, осторожно дотронулся ею до загадочнаго предмета, такъ осторожно, какъ бы брался въ потьмахъ за раскрытую бритву.... Мягко! Гладко.... точно бархатъ.... да, что-же это? прошепталъ юноша и съ этими словами онъ рискнулъ выдернуть изъ за галстуха подарокъ судьбы. Боже мой.... это башмачекъ! бархатный башмачекъ! вскричалъ Петръ Петровичъ.... вѣрно гадали?.... Ахъ, — вотъ случай, вотъ оказія.... Стало быть, я суженый.... Извощикъ! гдѣ это ты везъ меня — то-есть, гдѣ это ты, голубчикъ, проснулся и погналъ свою лошадку? — «Да на Петербургской сударь, отъ Невы не далече....» — Такъ, такъ.... помню: направо, потомъ налѣво, потомъ опять направо.... Эхъ, канальство!.... обидно — не замѣтилъ я домъ-то.... Обидно, ей ей обидно! Извощикъ — гони!

— Ишь ты, подумалъ нескромный Ваня.... На Петербургской, небось, сидѣлъ словно въ мѣшокъ спрятанный, а вотъ тутъ уви-

далъ народъ, такъ и ожилъ.... Охъ, ужъ эти молодые господа; гдѣ только завидятъ шляпку, сейчасъ гони, а для ча?.... Ну-у, вѣстимо глазкомъ мигнуть надоть.... Э.... эхъ ты, краденая!

Съ этими словами парень постучалъ древкомъ кнута о звонкій передокъ саней, и сѣдая лошадка, привычная къ подобному поощренію, задергала возжами, забренчала колечками дуги и помчала Петра Петровича, снова утонувшаго въ созерцательной думѣ, но въ думѣ сладкой, радужной, — такой радужной, что въ глазахъ его все теперь превратилось въ рой мурашекъ, даже и Ванька, и сѣдая лошадка, исключая, разумѣется, одного башмачка, который казался ему въ эти минуты стройною черноокою брюнеткой, все еще ласкавшею бархатною ручкою его шею.

Но, вотъ наконецъ и Коломна, — вотъ и желтый домикъ въ три окна на улицу, на которомъ изъ-за трубы выглядываетъ зеленая кадка, а изъ подъ воротъ морда огромной цѣпной собаки. Стой! вскричалъ Петръ Петровичъ. Онъ узналъ знакомый лай и, по какому то инстинкту, взоръ его, оторвавшись отъ башмачка, остановился на желтомъ домѣ и зеленой кадкѣ. Разсчитавшись съ извощикомъ и переполошивъ стукомъ въ калитку всѣхъ мирныхъ обитателей своего околотка, Петръ Петровичъ въ забытьи, въ безпамятствѣ, нашептывая только: «направо, потомъ налѣво, потомъ опять направо», кое-какъ добрался до своей комнаты, зажегъ крошечный стеаринъ и бережно вмѣстѣ съ башмачкомъ опустилъ ихъ на столъ.

— Душка ты мой! прошепталъ Петръ Петровичъ, устремивъ жадный взоръ на сѣдую опушку башмачка... Диво ты дивное, чудо ты чудное! думалъ Петръ Петровичъ; все въ тебѣ очарованіе — отъ каблучка до завязокъ и бантика.... даже эта нескромная дырочка на подъемѣ, выѣденная или молью или дерзкомъ мышенкомъ, имѣетъ свою особенную прелесть.... Она тутъ, по совѣсти, такъ кстатѣ, — какъ крошечное родимое пятнышко на атласномъ плечѣ красавицы.... Сокровище ты мое — нѣмое, безъотвѣтное!.... Чью ножку обувалъ ты?.... Чьи пять ноготочковъ, пять гибкихъ пальчиковъ упирались въ твой носокъ? На этихъ вопросахъ увлеченный и восторженный остановился и задумался, устремивъ на сокровище взоръ полный мечты и восторга. Петръ Петровичъ не спалъ, но ему грезился чудный, прекрасный сонъ, — онъ читалъ поэму и нѣсколько самыхъ отрадныхъ страницъ изъ своего собственнаго романа, который кончался свадьбой.... Ему казалось, что онъ нашелъ обладательницу башмачка. Вотъ онъ — такъ точно какъ быть должно: отъ Невы направо, потомъ налѣво, потомъ опять направо — домикъ съ высокимъ заборомъ,

на дворѣ флигель, въ немъ изъ крайняго окна выглядываетъ прекрасная, дивная головка, какую всегда рисовало воображеніе Петра Петровича еще въ Саратовѣ.... Головка улыбается ему.... Она говоритъ: — Здравствуйте, Петръ Петровичъ.... Здоровы-ли?.... Мы старые знакомые: вы вѣдь мой суженый — я вашъ идеалъ.... Милости просимъ.... вашу руку!.... Вотъ такъ!.... Папа!.... Папа!... Вотъ мой женихъ, Петръ Петровичъ Скоковъ....—«А!.. Петръ Петровичъ, зять мой вселюбезнѣйшій» отвѣчаетъ папа, давно ждемъ васъ, говоритъ онъ.... Вотъ вамъ дочь моя, а съ нею мое благословеніе и пятьдесятъ тысячъ чистаганомъ!....» Сладкій трепетъ бѣжалъ по жиламъ Петра Петровича, онъ въ упоеніи щурилъ глаза, на которыхъ уже навернулись слезы счастія и въ забытьи гладилъ высокій подьемъ башмака. Ночь была одною свѣтлою, упоительною минутою для мечтателя; онъ незамѣтилъ ея исхода и наступленія утра, съ которымъ вмѣстѣ въ его укромную комнатку явилась аккуратная хозяйка, Марья Сергѣевна — съ неизмѣннымъ подносомъ, тремя сухарями — и стаканомъ кофе....

Не застать своего жильца въ постелѣ, для Марьи Сергѣевны было загадкою чрезвычайно важною и дѣломъ едва-ли сбыточнымъ.... Старушку поразило еще и то, что Петръ Петровичъ сидитъ въ шинели: слѣдовательно, возвратясь откуда-то, онъ какъ видно, ничего не скидавалъ съ себя кромѣ фуражки.... — Творецъ мой! подумала Марья Сергѣевна.... Что это съ нимъ за оказія?.... И она медленно и нерѣшительно опустила на столъ свой подносъ.

— Здоровы-ли вы, Петръ Петровичъ? съ участіемъ спросила старушка....

Мечтая долго и неистово, Петръ Петровичъ до того домечтался, что весь обманъ, всю выдумку своего горячаго и распаленнаго воображенія принялъ за дѣйствительность, а потому пробужденіе его не было горькимъ и тяжелымъ разочарованіемъ; напротивъ: онъ гордо и весело взглянулъ на Марью Сергѣевну, которая, мотая, по обыкновенію, своею дряхлою головою и огромными фалборками старомоднаго чепца, не сводила съ него удивленныхъ глазъ.

Скоковъ бодро приподнялся, сбросилъ шинель, потеръ лобъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, и весело отвѣчалъ:

— Здоровъ-ли я, Марья Сергѣевна?.... Совершенно съ.... Здоровъ.... какъ самый здоровый человѣкъ!....

— Но, вы, мнѣ кажется, батюшка, и не ложились даже?....

— Ни на секунду....

— Господи, воля твоя!.... Да, что-же это съ вами?

— Все — и ничего!.... Все и ничего, Марья Сергѣевна! самодовольно повторилъ Петръ Петровичъ.

— Какъ это — все и ничего?.... Развѣ такъ бываетъ?

— Бываетъ, часто бываетъ, Марья Сергѣевна; но раскажу вамъ все послѣ.... Теперь-же, сдѣлайте одолженіе, поищите моихъ галошъ.... Гдѣ-то я ихъ тутъ сбросилъ вчера въ потьмахъ, да вотъ, хотъ ты что хочешь, не найду....

— Такъ, стало быть вы ужъ идете?....

— Иду, сію-минуту.... Судьба зоветъ.... Сегодня день рѣшительный въ моей жизни!

— А! вотъ оно что, подумала старушка, вытаскивая изъ подъ дивана галоши Скокова.... Понятно отчего онъ одурѣлъ: сегодня, вишь ты, тяжба его рѣшится.... Ну, давай Господи!....

— Да, хоть-бы кофейку-то напились, — продолжала она вслухъ и необыкновенно ласково.

— Кофе?... Не могу.... Ни ни!.... Въ душу не пойдетъ кофе.... Упоенъ.... такъ упоенъ я.... что вотъ точно кадку нектару выпилъ.... Ну, словомъ, упоенъ!... Да и некогда....

— Экая оказія, сказала Марья Сергѣевна, а вѣдь вотъ я думала, что сегодня день-то у васъ свободный, такъ вы и переговорите съ Анной Алексѣвной. — Она хотѣла побывать.... Напрасно-то ей съ Петербургской тащиться не близко мѣсто....

— Что это — съ Анной Алексѣвной, о невѣстахъ?... Пхе!... Гдѣ жъ ей сыскать такую, какую я самъ нашелъ?

— Какъ?... Невѣсту нашли?

— Красавицу.... Марья Сергѣевна.... пятьдесять тысячъ чистаганомъ.... домъ свой.... одѣвается, какъ графиня — вся въ бархатѣ: и шляпки, и салопы, и башмаки.... Башмаки бархатные!... Прощайте!

Вотъ тебѣ и все, и ничего, подумала старушка.... Никакъ онъ рѣхнулся?... Съ панталыку онъ сбился, — съ ума онъ спятилъ— сердечный! — И Марья Сергѣевна въ раздумьѣ опустилась на стулъ, тяжело вздохнула и въ раздумьи выпила кофе.

Между тѣмъ Петръ Петровичъ былъ уже на улицѣ. Въ первое мгновеніе рѣзкій и холодный вѣтеръ морознаго утра обдалъ его прохладою и освѣжилъ голову его такъ, что мечтатель готовъ былъ уже возвратиться къ дѣйствительности; но подоспѣвшій извощикъ съ неизбѣжнымъ вопросомъ: прикажете подавать-съ? снова заставилъ Петра Петровича впасть въ его счастливую апатію.... На.... Петербургскую, сказалъ нерѣшительно Скоковъ. — «Которое мѣсто»? слѣдовалъ другой и обычный вопросъ. — Мѣсто?... мѣсто, — повторилъ Петръ Петровичъ въ

какомъ-то раздумьѣ.... Кажется, направо, потомъ налѣво, потомъ опять направо, шепталъ онъ, въ то время, какъ возничій откинулъ уже полость саней своихъ и повторилъ вопросъ.... Но, тутъ шопотъ замеръ на устахъ Петра Петровича, глаза его вспыхнули огнемъ восторга, онъ подобралъ полы шинели и съ крикомъ, какъ безумный, бросился на противоположную сторону улицы. Храбро и отчаянно мелькалъ Петръ Петровичъ подъ дышломъ парныхъ саней, прыгая, какъ серна, чрезъ ухабы изрытой дороги, толкая встрѣчныхъ, и наконецъ сбилъ съ ногъ пряничника, толковавшаго съ какимъ-то человѣкомъ у панели тротуара.... Все кружилось и вертѣлось въ глазахъ его и снова превратилось для него все въ рой мурашекъ и комаровъ.... Онъ только видѣлъ пару ногъ, обутыхъ въ бархатные башмаки, которыя принадлежали какой то хорошенькой дамѣ, одѣтой довольно изысканно. — Это она!... Непремѣнно она! шепталъ Скоковъ, едва переводя духъ и преслѣдуя незнакомку.... Сѣдая опушка!... Таже округлость ноги.... Тотъ-же крутой, граціозный подъемъ.... Словомъ.... это нога сильфиды.... моей сильфиды! сказалъ Петръ Петровичъ, вздохнувъ изъ глубины взволнованной души, и равняясь съ незнакомкою. — Одышка, усталость и волненіе крови мѣшали теперь говорить Петру Петровичу, готовому за нѣсколько мгновеній кинуться безъ церемоніи на шею незнакомкѣ,— а между тѣмъ остылъ и восторгъ его, съ которымъ вмѣстѣ исчезла и смѣлость.... Отдохнувъ, но не рѣшаясь оскорбить даму какимъ бы-то ни было вопросомъ, Петръ Петровичъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, — началъ только около нея маневрировать.... Онъ то забѣгалъ впередъ своей осуществленной красавицы и, становясь на край тратуара долго и страстно вглядывался въ ея правильныя черты, въ ее черные глаза; то отставая на нѣсколько шаговъ, снова находилъ блаженство остановить воспламененный взоръ на парѣ мелькавшихъ ногъ. Скоро вниманіе и страстный взглядъ его были замѣчены. Дама, принимая Петра Петровича за бульвариаго Донъ-Жуана и избѣгая его преслѣдованій, прибавила шагу. Мнимый Донъ-Жуанъ — тоже, не измѣняя однако-же наступательной тактики своихъ маневровъ. — Дама робко потупила глазки, перешла на противуположную сторону улицы и подозвала къ себѣ извощика. Какъ вкопаный, какъ пораженный чемъ-то остался Петръ Петровичъ на мѣстѣ.... Дрожа и затаивъ дыханіе, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ отвѣта незнакомки на вопросъ: куда прикажете? — «На Петербургскую», отвѣчала дама нерѣшительно, взглянувъ на ту сторону, гдѣ остался Скоковъ. — На Пе.... тер.... бургскую!... почти съ воп-

лемъ повторилъ онъ, въ ту минуту, какъ его очарованіе было уже на концѣ улицы....—Извощикъ!... Извощикъ! крикнулъ, задыхаясь Скоковъ.... Это она!.. Слышишь, она!... Давай!... На Петербургскую.... цѣлковый.... четвертакъ на водку.... два!... Гони.... вонъ — видишь — за тѣми санями. — «Экого сѣдока послалъ Господь» — подумалъ Ванька и усадилъ Петра Петровича въ сани, застягнулъ полость и не жалѣя ни кнута, ни лошади, погналъ послѣднюю, быстро настигая указанный предметъ. Пара саней, слѣдуя одни за другими, быстро промчались по Исакіевской площади, спустились на Неву, и, миновавъ Мытнинскую пристань, повернули направо, потомъ налѣво.... «Такъ и есть, такъ точно!...» шепталъ Петръ Петровичъ; но здѣсь возничій его остановился.

— Что ты?... могъ только проговорить пораженный Петръ Петровичъ.

— Ничего-съ, ваше благородіе, извольте сидѣть спокойно, отвѣчалъ извощикъ, спрыгнувъ съ облучка; сію минуту справлюсь.... канальскій черезсѣдельникъ сползъ...

— Сѣдельникъ!... А!... Пропадай ты со своимъ сѣдельникомъ! вскричалъ озадаченный Скоковъ.... На тебѣ! Съ этими словами онъ бросилъ извощику обѣщанную монету и, не спуская внимательнаго глаза съ передовыхъ саней, повернувшихъ налѣво, бѣгомъ пустился за ними.

Сани остановились у воротъ довольно опрятнаго домика. Дама разсчиталась съ извощикомъ, насмѣшливо улыбнулась, взглянувъ на Петра Петровича — и исчезла въ калиткѣ. Чрезъ пять минутъ Скоковъ уже стоялъ за порогомъ этой-же калитки, атакованный громкимъ лаемъ четырехъ дворняшекъ, которыя совершенно загородили ему дорогу, не давая шагнуть ни взадъ, ни впередъ.... Въ эту-же минуту, къ довѣршенію зла, на крыльцѣ показался рослый и усатый мужчина, вооруженный предлиннымъ чубукомъ.

— Кого вамъ угодно, милостивый государь? спросилъ онъ довольно грубо.

Петръ Петровичъ смѣшался; онъ рѣшительно незналъ, кого ему угодно.

— Кого-же вамъ нужно? тѣмъ же нерасполагающимъ тономъ повторилъ усачъ, спускаясь по лѣстницѣ одною ступенькою ниже.

Скоковъ потерялся совершенно.... Но сильно дернутый зубастою дворняшкою за полу, онъ нѣсколько ободрился, ткнулъ ее ногою въ оскаленную челюсть и, запинаясь, отвѣчалъ: Даму-съ.... Мнѣ даму.... одну.... тутъ....

— Даму? съ язвительнымъ смѣхомъ повторилъ усачъ.... А вотъ я тебѣ дамъ даму!.. Я тебѣ покажу, какъ бить моихъ сабакъ и волочиться за моей женою.... Сабаки неистово кинулись на Петра Петровича, потерявшаго въ эту минуту нѣсколько клочковъ сукна изъ своей шинели, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсудокъ и память.... Безъ движенія оставался онъ на мѣстѣ, ища мутными, отуманенными глазами калитки и каждый разъ, встрѣчая вмѣсто ея насмѣшливые взгляды, то усача, то незнакомки, — высунушейся въ форточку. — Гвалтъ, поднятый на дворѣ сабаками, вызвалъ всѣхъ любопытныхъ обитателей опрятнаго домика и въ числѣ ихъ, къ своему неожиданному благополучію, Петръ Петровичъ въ углубленіи двора, рядомъ съ сараями, увидѣлъ улыбающееся лицо свахи, о которой утромъ напоминала ему Марья Сергѣевна.

— Анна Алексѣвна!.. матушка! вскричалъ бѣдняжка такимъ голосомъ, какъ будто-бы въ самомъ дѣлѣ встрѣтилъ родную мать.... Насилу нашелъ васъ! продолжалъ онъ, защищаясь отъ сабакъ руками и ногами.

— Ахъ!... Петръ Петровичъ!... Милости просимъ.... милости просимъ, пожалуйте, родимой мой.... Сюда.... вотъ сюда.... отвѣчала сваха, указывая на свои двери.

— Гм! такъ вотъ оно что! проворчалъ усатый домовладѣлецъ и принялся разгонять собакъ, очищая дорогу ободренному Скокову, который бросился со всѣхъ ногъ на радушное приглашеніе свахи.

Переступивъ порогъ ея жалкой комнатки, Петръ Петровичъ вздохнулъ свободно полною и измученною грудью. Онъ отеръ крупныя капли пота со лба и въ изнеможеніи опустился на изувѣченное кресло; между тѣмъ, какъ оторопѣвшая хозяйка наскоро старалась привести въ порядокъ свою комнатку; кидая, то за печку, то подъ печку, разбросанныя тряпки.

— Ужъ извините, батюшка Петръ Петровичъ, говорила она, — пожалуйста извините; у меня такой безпорядокъ.... Да что дѣлать то.... Житье то мое одинокое.... Пособить некому — все одна.... Вотъ, видитъ Богъ, одна....

— Ничего.... ничего, Анна Алексѣвна!... Простите меня.... не во-время васъ обезпокоилъ.... отвѣчалъ посѣтитель, придумывая въ тоже время причину, которая-бы оправдала его приходъ въ глазахъ свахи.

— Ну, чѣмъ-то вы, родной мой, меня порадуете? спросила Анна Алексѣвна, повидимому успокоившись и, согнавъ дре-

мавшаго кота съ дивана, сама заняла его мѣсто, усаживаясь напротивъ гостя.

— Напротивъ, сказалъ Скоковъ, — напротивъ, добрая Анна Алексѣвна: я самъ пришелъ къ вамъ искать радостей, счастія — и благополучія....

Сваха самодовольно улыбнулась, какъ-то странно замотала головою, вытягивая шею и уставила на гостя глаза, полные ожиданія. Онъ продолжалъ:

— Вы когда то говорили моей доброй старушкѣ — о невѣстахъ, Анна Алексѣвна, о тѣхъ невѣстахъ, которыхъ имѣете въ виду для вашего покорнѣйшаго слуги....

— Какъ-же-съ!... Какъ же — говорила, родной мой, не одинъ разъ говорила — и ужъ могу сказать, невѣсты мои красный товаръ, безъ обману....

— Гм!... Да-съ.... отъ души вамъ вѣрю.... И, знаете, признаться: до сихъ поръ, если я не рѣшался на ваши предложенія, то это, право, не потому, чтобы я не чувствовалъ себя способнымъ къ семейной жизни и не понималъ всего счастія семьянина, но потому, что до настоящаго времени мнѣ было не до свадьбы.... Дѣла мои запутанныя.... Знаете.... тяжба, хлопоты, безпокойства.... Но теперь, благодаря Бога, мнѣ обѣщаютъ скоро привести дѣла мои къ благополучному концу, и я бы, право, не прочь.... я бы не остался у васъ въ долгу...

— Помилуйте!... помилуйте, Петръ Петровичъ.... Душою рада.... Персонально говорю вамъ, что я не такая сваха, какъ есть ихъ довольно.... Вѣдь всяко, батюшка, случается.... А у меня — ужъ безъ обману.... ни полслова облыжнаго.... Ни-ни!... И невѣсты.... сокровище, я вамъ скажу.... Да, вотъ далекій-ли примѣръ.... Вотъ сосѣдку выдала замужъ.... Ну, Харитонова женила.... и не нарадуюсь на ихъ счастіе, не наплачусь отъ радости.... Сами они — не наплачутся....

— Такъ, какъ-бы это намъ уладить? перебилъ Петръ Петровичъ, теряя терпѣніе при безтолковой словоохотливости хозяйки.

— Просто, оченно просто, батюшка Петръ Петровичъ.... Кому другому, а вамъ стоитъ только кличь кликнуть.... Вамъ можно подобрать такой марьяжъ, что не надо марьяжнѣе.... Да вотъ далеко ходить нечего: черезъ домъ отсюда.... Безволосовы.... Прекраснѣйшее семейство.... Прелесть, что такое!... Отецъ въ чинахъ, денегъ куры не клюютъ у него, дочь красавица писанная, образована на всѣ возможныя діалехты; я вамъ скажу: тиха, скромна.... къ окну не подойдетъ безъ отцовскаго спросу....

а ужъ жеманства за нею.... ни-ни!... Никакого.... Помилуй Богъ! Ну вотъ, чемъ-бы вамъ она не невѣста и не жена?... Хотите?... Дѣло тотчасъ уладимъ, батюшка....

Слушая послѣднія слова Анны Алексѣевны, Петръ Петровичъ снова упалъ въ бездонную пропасть своихъ несбыточныхъ мечтаній.... Въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ, это та, которой башмачкомъ я владѣю, которой долженъ принадлежать я.... думалъ онъ. Вѣдь домъ-то въ этой-же улицѣ.... Ну, не судьба-ли меня ведетъ, въ видѣ Анны Алексѣвны, къ преддверію моего рая....

— О!... вы судьба моя! добрая Анна Алексѣвна.... ведите, ведите меня! вскричалъ онъ.

— Какъ, батюшка!... сейчасъ и вести васъ къ нимъ?... спросила изумленная старуха.

— Ну.... нѣтъ, не сейчасъ, а хоть завтра.... Сдѣлайте милость завтра, Анна Алексѣвна....

— Завтра?... Завтра можно.... Сегодня я пойду къ нимъ переговорить, да предварить — дѣло необходимое, сами вы знаете.... а завтра подъ вечеръ за вами и пріѣду....

— Такъ!... Такъ.... благодарю васъ, отъ души благодарю....

Упоенный Петръ Петровичъ сунулъ въ руку своей благодѣтельницѣ нѣсколько ассигнацій, простился съ нею — и веселый, какъ нельзя болѣе, отправился въ Коломну, къ своей старушкѣ и къ своему башмачку.

—

II.

Лошадочекъ парочка,
Винцо за столомъ,
Дессертъ и сигарочка,
А тамъ — и свой домъ....

— Ну.... не истинное-ли это блаженство нашей бренной, скоротечной жизни?... Не эта ли сокровищница всѣхъ благъ?... Не то-ли это, что мы зовемъ счастіемъ... Рьяныя лошади, хорошенькая жена, ароматическая сигара... и свой домъ, собственно свой, благопріобрѣтенный!... Ухъ!... душа и сердце зарываются въ волнахъ шипящей крови.... Такъ думалъ вслухъ Петръ Петровичъ, лежа на кушеткѣ и раскуривая давно погасшую трубку.... Цѣлую ночь и слѣдующіе за тѣмъ полдня онъ провелъ въ сладкихъ мечтахъ, ожидая торжественной минуты прихода Анны Алексѣвны

и вступленія за порогъ дома Безволосовыхъ.... Надо было видѣть и знать, чего не передѣлалъ Петръ Петровичъ отъ минувшаго вечера до настоящаго, желая сократить часы и время....онъ — то вставалъ, то ложился, то давалъ разгулъ своему воображенію, цѣлуя милашку башмакъ, то, положивъ его подлѣ себя на кушетку, начиналъ высказывать ему весь пылъ своей страсти, то пѣлъ романсы, или курилъ трубку и нѣсколько разъ переводилъ часы, желая хоть обмануть самого себя.... Мы застали его въ минуту разгула воображенія — и за этимъ бы непремѣнно послѣдовала сцена изліянія чувствъ предъ бездушной обувью, еслибы громкій лай маленькой Фидельки не заставилъ вдрогнуть нашего героя и спрыгнуть съ кушетки. Петръ Петровичъ приподнялся на цыпочки, вытягивая впередъ голову, поднялъ указательный палецъ правой руки до виска и нерѣшительно и таинственно прошепталъ: Идетъ! За этимъ слѣдовалъ какой-то крючекъ, описанный въ воздухѣ тѣмъ-же пальцемъ, а за крючкомъ сваха.

Петръ Петровичъ съ перваго взгляда на улыбающееся лицо свахи, и послѣ повтореннаго ею нѣсколько разъ: «Ну, батюшка.... Ну, дорогой мой!—догадался, что Анна Алексѣвна привезла хорошія вѣсти. Восторженный и обрадованный, онъ, забывая приличія, сбросилъ съ плечъ халатъ и принялся одѣваться.

Въ теченіе получаса, которые были употреблены Скоковымъ на уборку головы, чищенье фрака и позязываніе галстуха, Анна Алексѣвна успѣла объяснить ему, что въ домѣ невѣсты очень ради принять такого суженаго, и что ихъ обоихъ ждутъ непремѣнно сегодня.

Наконецъ Петръ Петровичъ одѣлся, и попросивъ Марью Сергѣевну удержалъ Фидельку, чтобы она, по обыкновенію и изъ привязанности, не побѣжала за нимъ, отправился съ своимъ патрономъ къ Безволосовымъ.

—

Съ какою то острою, неразгаданною болью въ сердцѣ, съ какимъ-то трепетомъ и лихорадочною дрожью, Петръ Петровичъ переступилъ незнакомый порогъ. Войдя въ прекрасно меблированную и освѣщенную залу, онъ былъ встрѣченъ старичкомъ, очень почтенной наружности, протянувшимъ ему руку, съ такимъ ласковымъ и милымъ радушіемъ, что Петръ Петровичъ въ минуту отогрѣлся на солнцѣ этой ласки и ожилъ. Онъ даже довольно развязно отвѣчалъ на привѣтствіе хозяина!.... Мало по

малу между новыми знакомыми завязался откровенный разговоръ и наконецъ дѣло коснулось родины Петра Петровича.

— Вы, какъ я слышалъ, сказалъ хозяинъ, только заѣзжіе въ Петербугъ и, кажется, вашъ родной городъ, если не ошибаюсь — Саратовъ?

— Такъ точно.... и скажу вамъ откровенно, что какъ не увлекательна столица съ ея роскошью, удовольствіями, вѣчнымъ движеніемъ, съ ея наслажденіями на каждомъ шагу; но душа все рвется въ свой мирный, тихій уголокъ — потому что онъ свой, — онъ родина....

— Да.... вы справедливы.... Я съ вами согласенъ.... Не потому только, что я вашъ землякъ....

— Какъ!.... вы?....

— Да.... Не потому, - но потому, что я человѣкъ и чувствую также, какъ вы.... вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ я рвусъ въ свое помѣстье.... Сначала покойница жена не хотѣла слышать о немъ, — а теперь дочь.... Ужъ и нельзя.... Ну, скажите, какъ запрешь дѣвушку въ глушь-то, въ Саратовъ, когда она хочетъ жить наслажденіями свѣта?....

— Нельзя.... невозможно, отвѣчалъ Петръ Петровичъ, съ легкою улыбкою, поглаживая дно своей шляпы.

Въ эту минуту разговоръ былъ прерванъ вошедшею Надеждою Осиповною, дочерью Безволосова и невѣстою Петра Петровича.

Послѣдній обомлѣлъ при взглядѣ на дивную красоту дѣвушки, на ея легкій, граціозный станъ, съ которымъ гармонировала пріятная, свободная и непринужденная походка.... Какъ будто что впилось въ сердце Петра Петровича, когда глаза его совпали съ глазами дѣвушки, какъ будто вся кровь хлынула къ его мозгу и потомъ горячимъ оловомъ окатила его сердце.... Онъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ и сдѣлалъ самый неловкій поклонъ.

Въ самомъ дѣлѣ дѣвушка была невыразимо хороша. Ея непринужденные пріемы, чудный овалъ блѣднаго личика, вспрыснутаго легкимъ, дѣтскимъ румянцемъ, голубые глаза, полные ума и нѣги, розовый, полуоткрытый ротикъ, едва-ли не равный величиною чашечкѣ распускающейся розы.... все это вмѣстѣ могло сильно дѣйствовать на чувства даже и не Петра Петровича, горячее сердце котораго вы знаете. Но что всего больше поразило Петра Петровича и расположило его въ пользу Надежды, это скромный, милый и простой нарядъ ея, рѣшительный контрасъ тѣмъ нарядамъ, въ которыхъ обыкновенно являются невѣсты на смотри-

ны, окутанныя, закутанныя и запутанныя въ шелкъ, блонды, ленты, словомъ.... въ цѣлый базаръ тряпья.

Надя вездѣ и всегда свободная, рѣзвая и вмѣстѣ съ тѣмъ обходительная, — не давая одуматься ни отцу, устремившему на нее глаза, полные любви и восторга, ни трепетавшему отъ счастія Скокову, рѣшилась продолжать начатый ими до ея прихода разговоръ и подслушанный ею за дверью, — разсчитывая, что такая бесѣда вѣрно конекъ гостя.

— Чрезвычайно радуюсь, сказала она, обращаясь къ нему, что нахожу въ васъ такого добраго человѣка, который однихъ мнѣній съ моимъ батюшкой; тѣмъ болѣе, добавила она съ пріятною улыбкою, что эти мнѣнія мои собственныя и въ мою-же пользу.... Неправда-ли, папа, вѣдь я должна быть имъ очень благодарна?...

— Такъ, матушка, такъ!... Да меня-то ты забываешь — пожалѣть не хочешь.... или лучше сказать, не можешь.... грустно отвѣчалъ старикъ.

— Ахъ, папаша! да неужели еще мы не насмотримся на свою усадьбу.... будетъ время.... вотъ состаримся.... ну, и запремся въ ней....

— Состаримся? Нѣтъ, душечка, чтобы состариться мнѣ, такъ надо родиться снова — я ужъ такъ старъ, что сѣдины нѣтъ.... желтѣть начинаю, какъ канарейка, душечка.... какъ канарейка! повторилъ старикъ.

— Ахъ.... Боже мой, папаша!... сказала дѣвушка съ примѣтнымъ облачкомъ грусти, прорѣзавшимъ ея чело.... Вѣчно вы о своей старости.... Какой-же вы старикъ? Вы душка, молодецъ.... Вы не старикъ.... Хотите — ѣдемте завтра въ Саратовъ.... ну, нѣтъ.... чрезъ годъ.... Да?... Непремѣнно чрезъ годъ!...

— Хорошо, хорошо, мое сокровище.... чрезъ годъ, такъ черезъ годъ.... Однако изволь-ко идти хозяйничать — я думаю самоваръ насъ заждалъ.... Петръ Петровичъ.... пожалуйте, безъ церемоній.... И старикъ, подавая руку Скокову, увлекъ его въ гостиную....

Никогда Петръ Петровичъ небылъ такъ полно счастливъ, какъ въ этотъ вечеръ Выйдя отъ Безволосовыхъ, онъ былъ въ какомъ то чаду, въ горькомъ, тяжеломъ просоньи.... Все минувшее ему казалось сномъ, самымъ невѣроятнымъ и несбыточнымъ; но по которомъ онъ готовъ былъ теперь плакать горячими слезами. Онъ слышалъ, какъ сильно, какъ неистово стучало сердце въ груди его, какъ болѣла душа какою-то чудною, сладкою болью.... Это она, непремѣнно она, — шепталъ юноша.... сердце мнѣ подсказало, что это она! И съ каждою мыслью о ней сердце Петра

Петровича стучило громче, пульсъ бился сильнѣе и кровь быстро бѣжала по жиламъ его, казалось, сжигая ихъ. Измученный душевнымъ волненіемъ, Скоковъ провелъ ночь въ бреду, почти въ горячкѣ.... онъ даже нѣсколько разъ оставлялъ постель для того только, чтобы посидѣть и помечтать о *ней*, надъ ея башмачкомъ.

Утромъ явилась Анна Алексѣвна и привесла Петру Петровичу утѣшительную вѣсть. Она передала ему, что въ домѣ Безволосовыхъ его посѣщеніямъ всегда и во всякое время будутъ рады — и что надо полагать — онъ, какъ видно, *понравился*....

Съ этого счастливаго дня жизнь обновилась для Петра Петровича. Онъ началъ жить тѣми блаженными, счастливыми днями молодости, когда молодое сердце впервые забьется истинною, могучею страстью, разцвѣчающею бытіе наше.

Въ домѣ Безволосовыхъ его принимали съ рѣдкимъ радушіемъ, истинно радуясь его посѣщеніямъ. Казалось не только дочь, но и самый старикъ отецъ влюблены въ своего частаго гостя.... Бывали дни, въ которые обстоятельства и дѣла приковывали Петра Петровича къ его порогу.... и какіе тяжелые, грустные, неисходные дни это были для него!... Онъ изнывалъ тогда больною душою.... А между тѣмъ тамъ, въ новомъ, родномъ его семействѣ, также замѣтно водворялась грусть и скука.... Въ эти дни старикъ дѣлался угрюмъ, жаловался даже на ревматизмъ, какъ будто-бы съ появленіемъ Петра Петровича для него воздухъ дышалъ отраднымъ лѣтомъ, такъ хорошо врачующимъ всякое плохое здоровье. Въ свою очередь и въ лицѣ Нади изчезала ея врожденная веселость, даже ея постоянная ласка, которая молодила всегда дряхлую старость отца.... Дѣвушка, въ эти дни, не открывала своего рояля и даже забывала накормить свою канарейку. Но являлся онъ.... выслушивалъ нѣсколько дружескихъ упрековъ, разумѣется оправдывался — и всѣ были счастливы. Такъ прошло два мѣсяца, въ которые Петръ Петровичъ не жилъ, а блаженствовалъ. Такъ прошло два мѣсяца, въ которые добрый старикъ Безволосовъ уже почти привыкъ смотрѣть на будущее счастіе дочери. Часто любуясь молодыми людьми, соединенными такимъ чистымъ и святымъ чувствомъ, онъ думалъ: «Голубки вы мои.... въ васъ Богъ посылаетъ отраду моей старости.... Благодарю Тебя, Господи!... спокойно умру я, ввѣривъ мое сокровище честному, доброму сердцу.» Нужно-ли говорить о томъ, что думали и чувствовали въ это время молодые люди? Одно только иногда наводило добраго отца на грустную и тяжелую думу, именно медленность въ объясненіи и предложеніи Скокова, иногда смущала

его счастіе, его дряхлыя, но дорогія мечты. А между тѣмъ Петръ Петровичъ, какъ-то странно помѣшанный на своемъ башмачкѣ, съ которымъ, казалось ему, связано его будущее, часто готовый рѣшится на объясненіе съ почтеннымъ Безволосовымъ, откладывалъ дѣло до другаго раза, и откладывалъ потому только, что ему непремѣнно хотѣлось знать: точно-ли ей принадлежитъ башмакъ.... Да и носитъ-ли она бархатные башмаки? часто думалъ онъ....

Однажды Петръ Петровичъ навѣстилъ своихъ друзей въ то именно время, какъ старика не было дома, а Надя, возвратясь откуда-то, переодѣвалась въ сосѣдней комнатѣ.... Расположась въ залѣ, Петръ Петровичъ крѣпко задумался о бархатныхъ башмакахъ, слѣдя въ тоже время за занятіемъ горничной, поливавшей цвѣты....

— Чего лучше этого прекраснаго случая? подумалъ Скоковъ.... Здѣсь никого нѣтъ, кромѣ Аксиньи — и я могу, мнѣ кажется, отъ нея узнать обстоятельно все, что касается гардероба и обуви моей невѣсты.... Только, канашка, она такъ не скажетъ.... надо непремѣнно прикинуться.... больше, чѣмъ ласковымъ. Съ этою мыслью Петръ Петровичъ поднялся съ дивана и подошелъ къ пухленькой горничной....

— Аксюша!... сказалъ онъ крадчивымъ и нерѣшительнымъ тономъ....

— Что вамъ угодно-съ? — отвѣчала горничная, заморгавъ маленькими и маслеными глазками.

— Душечка.... продолжалъ Петръ Петровичъ, совершенно теряя хладнокровіе, и не помня, что онъ говоритъ и дѣлаетъ. Душечка, у меня до тебя есть просьба.

— Что вамъ угодно-съ? повторила Аксинья.

— Амурчикъ ты мой, продолжалъ Петръ Петровичъ, сдѣлай одолженіе....

— Ахъ, полноте, баринъ....

— Нѣтъ, постой душа моя.... Ей-ей, пустяки!... На счетъ башмака.... знаешь.... башмачекъ.... бархатный онъ.... еще дырочка.... Аксюша!... Душка!... куда-же ты?... одно слово.... Аксюша!... и Петръ Петровичъ ухватилъ за руку горничную, готовую убѣжать.... Душа, прелесть моя.... ну, скажи, ради Бога скажи!...

— Пустите, пустите баринъ!...

Въ это мгновеніе дверь отворилась въ залу и на порогѣ ея показалась Надежда Петровна.... Синеватая блѣдность покрывала лицо ея, глаза горѣли огнемъ оскорбленнаго самолюбія....

— И это вы, Петръ Петровичъ? сказала она кроткимъ голосомъ, едва удерживая дрожь и волненіе....

— Надежда Петровна.... выслушайте!... прошепталъ пораженный молодой человѣкъ, въ то время, какъ горничная, отступивъ на нѣсколько шаговъ отъ мнимаго обольстителя и зардѣвшись заревомъ кирпичнаго румянца, въ замѣшательствѣ пощипывала конецъ своего передника.

— Будетъ!... Довольно.... Не оправдывайтесь, Петръ Петровичъ.... Я все слышала, сказала Надя дрожащимъ голосомъ, въ которомъ проглядывалъ укоръ уязвленной души....

— Но, Надинька! послушайте.... вы не знаете....

— Все знаю, и Богъ вамъ судья. Вы жестоко, больно и сильно оскорбили ту, которая довѣрилась вамъ полнымъ сердцемъ, вы убили и оскорбили старика отца моего; Богъ вамъ судья. Не прошу у него тѣхъ страданій для васъ, которыми измучится, изболитъ мое бѣдное сердце.... Но, если вы сколько-нибудь уважали наше семейство, нашъ домъ, то прошу у васъ, какъ милости, выйти отсюда, не преступайте болѣе его порога. Прощайте, и не ищите словъ къ оправданію. Надя не могла говорить болѣе, слезы брызнули изъ прекрасныхъ глазъ ея и, скрывая свое отчаяніе, она медленно повернулась и оставила въ залѣ одного Петра Петровича, съ его жестокою судьбою.

— Надя.... башмачекъ!... Зло мое — безъотвѣтна!... шепталъ Петръ Петровичъ, выходя на улицу. Измозженное, избитое сердце его болѣло въ эту минуту какою-то острою, нестерпимою болью, мозгъ его пылалъ, голова кружилась. Все погибло!... Все!... Куда я пойду теперь, сгубивъ мою радость, мое счастіе, мое будущее!

И бѣднякъ шелъ, самъ не зная куда, дрожа какъ въ лихорадкѣ, въ безумномъ бреду. Безъ цѣли и мысли Петръ Петровичъ пробродилъ по улицамъ всю ненастную январскую ночь и возвратился домой только утромъ.

Войдя въ свою комнату, онъ нашелъ на столѣ два письма.

Распечатавъ одно изъ нихъ, Петръ Петровичъ прочелъ:

«Милостивый Государь!

«Не хочу и не буду напоминать вамъ вашего проступка. Тяжело его высказать, тяжело о немъ вспомнить.... Богъ вамъ «проститъ то оскорбленіе, ту обиду и то горе, которое вы причинили намъ; но думаю, что въ васъ еще есть столько благо-

«родства, что вы не рѣшитесь на новое оскорбленіе: то-есть, оста-«вите насъ своими посѣщеніями и даже письмами.

«*О. Безволосовъ*».

Слезы брызнули изъ глазъ несчастнаго; онъ судорожно сжалъ свою пылающею голову, простонавъ: Боже! заслужилъ-ли я это? И.... еще письмо! продолжалъ юноша. Ужъ не отъ нея ли? Съ замирающимъ сердцемъ Петръ Петровичъ сорвалъ печать съ посылки и прочелъ:

«Милостивый государь
«Петръ Петровичъ!

«Съ душевною радостію и восторгомъ неизъяснимымъ, честь «имѣю увѣдомить васъ, что дѣло ваше порѣшено окончательно. «Сегодняшняго числа пожалуйте за полученіемъ слѣдующихъ вамъ «по взысканію шестидесяти тысячъ рублей серебромъ, а завтра вы «имѣете быть введены во владѣніе вашею саратовскою вотчи-«ною, селомъ Ухрымскимъ и деревнею Крапивинкою.

«Съ истиннымъ усердіемъ и почтеніемъ имѣю честь
«быть вашимъ всеуниженнѣйшимъ слугою
«*Ѳеоклистъ Волдыркинъ*».

— Что мнѣ въ этомъ богатствѣ! сказалъ Петръ Петровичъ, дочитавъ велемудрое посланіе Ѳеоклиста. Что мнѣ въ немъ? повторилъ онъ, устремивъ пылающій и слезливый взоръ на ужасный башмачекъ. Что мнѣ, когда нѣтъ со мною истиннаго сокровища.... Когда оно потеряно навсегда!

Въ полдень, блѣдный, почти больной, Скоковъ бережно увязалъ въ фуляръ своего предателя и сокровище, бархатный башмакъ, простился съ Марьею Сергѣевной, сказавъ, что онъ оставляетъ ей на память все свое добро, и что они уже болѣе не увидятся.

Съ тѣхъ поръ никто болѣе не видалъ Петра Петровича ни въ желтомъ домикѣ, въ Коломнѣ, ни въ цѣломъ Петербургѣ.

—

III.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя;—
То какъ звѣрь она завоетъ —
То заплачетъ, какъ дитя.

А вѣтеръ, заливаясь то рѣзкимъ, пронзительнымъ свистомъ, то дикимъ протяжнымъ воемъ, крутилъ страшною вьюгою, и насыпая цѣлые сугробы снѣгу въ поляхъ, раскинувшихся далекою пеленою около одной изъ саратовскихъ усадьбъ. Дѣло было къ ночи. Окружные поселяне, предвидя бурную непогоду, спѣшили по домамъ, оставляя свои работы въ ближнемъ лѣсу при порубкѣ лѣса; и часу въ десятомъ уже ни одного живаго существа не было видно ни на улицѣ, ни въ полѣ. Только одинъ протяжный вой сабакъ, встревоженныхъ взвизгами вѣтра, могъ указать заблудившемуся страннику усадьбу или село Ухрымское, погребенное въ облакахъ морозной вьюги, да далеко, неясно мелькавшій огонекъ въ окнѣ боярскаго дома. Около этого огонька, или зажженнаго огарка, поставленнаго на длинный ларь,— сидѣли два усатые лакея, коротая время и непогодливый вечеръ въ пріятной бѣсѣдѣ и румяня другъ другу носы замасленными картами, жирными, какъ ихъ собственные казакины.

— Баста, братъ, Левка! сказалъ одинъ изъ нихъ, бросивъ на окно карты. Больше нехочу....

— Что такъ, Ѳаддей Лукичъ?... Аль носъ-то словно опара сталъ подыматься да пузырится?... Ха, ха.... возразилъ другой съ громкимъ смѣхомъ....

— Ну, ладно, голова; ухмыляйся сивый, и твоему носу-то порядкомъ попало. Мой носъ что!... ко всему, братъ, привюхался, щелчки-то ему пріѣлись.... вонъ онъ, кость-костью; хоть хрѣпъ копай имъ, а твой вѣдь нѣженка....

— Ну, такъ что-же, Ѳаддей Лукичъ?... въ три листика, въ нашу подкаретную, перекинемся что-ли?

— Перекинемся!... Да-говорятъ тебѣ, сивый, — не хочу.

— Экой медвѣдь касимовскій, заладилъ не хочу, да не хочу.

— Ну, вѣстимо не хочу; — да и не время: домой пора.

— Домой? Съ ума ты спятилъ: развѣ на мнѣ креста нѣтъ, что я отпущу тебя въ такую погоду плутать по полю, да отмораживать ноги или положить ихъ на зубы голодному волку? Ни,

ни, Ѳаддей Лукичъ, и не думай. Ужъ ночуй, братъ, лучше.... Вотъ обожди маленичко — сбѣгаю на кухню за кипяткомъ, да и займемся....

— Эхъ! что тутъ, Левка, чай да кипятокъ; вотъ кабы балалаичку сюда.... ну не што, а то, право, у васъ тутъ тоска тоской....

— Пропади ты съ балалайкою, какъ пустая бандура. Баринъ услышитъ, такъ можетъ быть осерчаетъ. У него въ избѣ хоть на темѣ трепака выплясывай, а въ его хоромахъ ни гугу....

— Ишь ты!...

— Да ты не смотря, что онъ нахмурившись. Я тебѣ скажу, такого что ни на есть добрѣющаго человѣка свѣтъ исходи не сыщешь.... Ей-же ей, такъ.

— Сказывай.... видна, братъ, птица по полету....

— Самъ ты птица синица, красноносый индюкъ.... право!... обидно даже. Коли не знаешь чего, такъ про то не моги и думать.... Мало-ли, что про нашего барина говорятъ въ околоткѣ, да всякому слуху не вѣрь.... Вѣдь правды то, почитай, никто тутъ не знаетъ.... Я только самъ, такъ.... смѣкаю, да догадки строю. Вотъ послушай-ка, что я тебѣ раскажу....

— А ну-ка, ну!...

— Вишь ты, дѣло то какое, продолжалъ Левка.... Баринъ-то нашъ послѣ покойнаго отца своего остался оченно моложавъ.... Ну, вотъ и нашлись завидущіе обиралы, да давай наслѣдіе то у него оттягивать... Что дѣлать было сердечному? Думалъ, думалъ, да и махнулъ въ Питеръ. Прошло, этакъ, года три — и заслышали наши, что дескать исторія-то порѣшена и барину все законное возвратили.... Глядь, по веснѣ является и онъ самъ.... Ну, братъ, скажу тебѣ, Ѳаддей Лукичъ, парень я, тово, не то, чтобы ужъ больно чувствительный, у меня иной разъ слезу полѣномъ не выколотишь, а тутъ молвить правду матку, какъ я взглянулъ на него сердечнаго, такъ вотъ, словно невѣста въ передбанникѣ, такъ и залился крупнѣйшими....

— Ой-ли?

— Ей-ей, право.... Взглянуть на него было, просто, душа вымираетъ. Уѣхалъ онъ такой полный, свѣжій, знаешь — этакій — кровь съ молокомъ, огурчикъ валиванный, а воротился чахотка-чахоткой, больной, сердитый, глаза ввалились, а ужъ худоба то и не накажи Господи! Прошло, этакъ мѣсяцевъ пять. Смотрю — баринъ мой маленько поотъѣлся, а веселья прежняго нѣтъ, какъ нѣтъ. Къ себѣ никого — и самъ никуда. Только что сидитъ въ кабинетѣ да все пишетъ или читаетъ, а иной разъ, такъ ужъ и ума не приложу, войдешь, этакъ, знаешь, налетомъ въ кабинетъ....

глядь, а онъ, бѣдняга, стоитъ на колѣнахъ передъ материнскимъ благословеніемъ да такъ вотъ горючими и заливается, или облокотится у мраморнаго столика, на которомъ подъ стекломъ лежитъ какой-то бархатный башмакъ, смотритъ на него, а самъ какъ мертвый, ни рукой, ни ногой, ни глазомъ....

— Вотъ оказія!...

— Право слово!... и такой, Богъ съ нимъ, мудреный, а предобрѣющей души баринъ.... Разъ, знаешь, какъ то поѣхали мы кататься. Я сидѣлъ на козлахъ да оборачиваюсь къ нему и говорю: куда прикажете — направо или налѣво?... Что-жъ бы ты думалъ? какъ взглянетъ онъ на меня звѣремъ, да и говоритъ: «Левка, ты никогда не смѣй у меня спрашивать, дуракъ, направо или налѣво; говори: въ ту или эту сторону....»

— Э!... вотъ еще штука, ни направо, ни налѣво не любитъ?

— Да, а въ ту, или въ эвту сторону; вотъ и поди!...

— Мудрено, братъ Левка, больно мудрено....

— Гм! Мудрено!... Ну, я кое-что смекаю.

— Ой-ли, голова?

— Право слово....

— Чтожъ-бы это?

— Да, такъ.... оно казусъ-то, мнѣ кажется, тутъ такого резону.... что стало быть барину какая ни на есть въ Питерѣ заморская фифюлька — сердце прогрызла....

— А что ты думаешь?

— Вѣстимо.... долго-ли до грѣха.... У братъ! бабій глазъ — вотъ какая игла, добавилъ Левка со вздохомъ, душу всю вымучитъ. Знаю, братъ, самъ испыталъ. Не накажи Богъ!... Такъ вотъ тебѣ всю нутренность сболтаетъ, что словно зелья какого хлебнулъ....

— И то правда. Тс!... Стой.... слышишь?

— Что такое?

— Да неужели оглохъ, тетеревъ?... Слышь стучатъ въ ворота!...

Въ это время за противуположными дверями раздался сухой кашель, вслѣдъ за нимъ чей-то слабый голосъ сказалъ:

— Левка!... Поди, посмотри, кто тамъ стучится въ ворота?

Расторопный Левка тотчасъ же оставилъ лакейскую и, возвращаясь чрезъ нѣсколько минутъ, — прямо прошелъ въ ту комнату, откуда получилъ приказаніе.

Здѣсь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пылающаго камина, съ книгою въ рукѣ, сидѣлъ въ креслахъ владѣлецъ села Ухрымскаго, въ которомъ изъ разсказа Левки читатель вѣрно уже угадалъ —

несчастнаго Петра Петровича, унесшаго съ собою изъ Петербурга несбывшіяся мечты, разоблаченное счастіе, тоску по милой и чей-то башмачекъ.

— Ну, что Левка? спросилъ онъ тѣмъ-же слабымъ голосомъ, которымъ отдавалъ приказаніе.

— Какіе-то проѣзжіе, сударь, заплутались и просятъ ночлега, отвѣчалъ слуга. Кажется, одна-то дама, добавилъ онъ....

— Эхъ, братецъ! такъ что-же ты ихъ тамъ морозишь? Что-жъ тутъ докладывать — разумѣется, проси.... и проведи въ мой кабинетъ; онъ лучше другихъ комнатъ натопленъ сегодня, а я, дѣлать нечего, покамѣсть переодѣнусь.

Левка отправился за проѣзжими; Петръ Петровичъ въ свою спальню.

По приглашенію Левки на дворъ въѣхала кибитка, запряженная тройкою почтовыхъ коней. Изъ нея усердный слуга высадилъ почти на рукахъ какую ту мумію, закутанную въ шубу и шали, которая, опираясь на руки Левки и молоденькой дѣвушки, слѣдовавшей за нимъ, вошла въ теплый, прекрасно, даже изысканно меблированный кабинетъ хозяина, гдѣ, впрочемъ, замѣтенъ былъ необыкновенный безпорядокъ, однако-же безпорядокъ солидный, — который весь, къ чести Петра Петровича, заключался въ разбросанныхъ по столамъ и по полу книгахъ, журналахъ и эстампахъ....

— Фу!... тепло, свѣтло, пріятно и отрадно, сказала раскутанная особа, опускаясь въ волтеровскія кресла.

— Заѣзжій былъ старикъ лѣтъ семидесяти, наружности чрезвычайно почтенной и доброй. Спутница его — блѣдная дѣвушка, съ лицомъ исхудавшимъ, какъ замѣтно было, не отъ физическихъ, но отъ душевныхъ страданій. Она была такъ хороша и очаровательна, что могла бы служить прекраснымъ оригиналомъ для Мурильо.

— Ну, папаша, сказала она, какъ мы должны быть обязаны этимъ добрымъ людямъ, которые даютъ намъ сегодня ночлегъ и теплый уголъ.

— Много и очень, душа моя, отвѣчалъ старикъ; впрочемъ, на святой Руси — странникамъ нигдѣ не откажутъ; а тѣмъ болѣе, моя милая, въ моемъ родномъ Саратовѣ...

— Ахъ, папа.... Какое пристрастіе къ Саратову!...

— Нѣтъ, мой другъ, это....

— Но, я вѣрю, вѣрю вамъ, батюшка, и наконецъ такъ рада, такъ рада, что сбылись ваши желанія и вы скоро увидите родной городъ и родную усадьбу.... Однако-жъ у кого-же это мы?...

— У добрыхъ людей, моя милая; за чѣмъ намъ знать, у кого именно?... И старичекъ, кашляя, — тихонько отправился къ камину отогрѣвать озябшія руки, въ то время, какъ дѣвушка принялась разсматривать эстампы. Отъ нихъ она, держа въ рукахъ шандалъ, перешла къ картинамъ, висѣвшимъ по стѣнамъ, и наконецъ остановилась передъ мраморною тумбою, на которой лежалъ знакомый намъ башмачекъ, покрытый хрустальнымъ колпакомъ.

— Боже мой!... Что это?... вскричала дѣвушка, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ.

— Что тамъ такое, душа моя? отозвался старикъ....

— Батюшка! Это мой башмакъ!... Клянусь вамъ, мой!...

Въ эту минуту къ дверямъ кабинета подошелъ Петръ Петровичъ, и, пораженный звуками знакомаго женскаго голоса, который проникъ до глубины выстрадавшей души его, остановился въ какомъ-то остолбѣненіи на порогѣ, за широкой драпировкой двери.

— Мой! мой!... продолжала дѣвушка, я узнаю его по этимъ тремъ бантикамъ, которые сама завязала, по этой дырочкѣ, которую прогрызла на немъ Розка....

— Что ты лжешь, душа моя!... Да какъ же это такъ?... Какъ твой башмакъ очутился въ Саратовѣ?...

— А!... знаю какъ!... догадка моя оправдалась.... Такъ!... такъ.... это онъ!... Батюшка! помните-ли то утро, начала дѣвушка съ лицомъ, сіяющимъ необыкновеннымъ восторгомъ, когда я призналась вамъ въ своей шалости, что гадала наканунѣ, кинувъ за вороты башмакъ, который попалъ въ сани проѣзжаго мужчины, какъ замѣтила Аксинья, стоявшая за калиткой...

— Ну, ну, помню.... кажется, помню.

— Знаете-ли.... кто былъ этотъ мужчина?... почти задыхаясь продолжала дѣвушка, въ то время, какъ стоявшій за дверью горѣлъ на медленномъ огнѣ ожиданія, вслушиваясь, кого назоветъ она.

— Ну, кто? спросилъ старикъ.

— Петръ Петровичъ! отвѣчала нерѣшительно дѣвушка.

— Петръ Петровичъ!... Скоковъ?... Онъ?... Кого мы такъ жестоко обидѣли.... И теперь въ его домѣ, подъ его кровлею....

— Но что дѣлать, батюшка? это была жестокая ошибка; дѣло объяснилась, но поздно. Когда мы узнали отъ Аксиньи, чего просилъ бѣдняжка, чего добивался онъ, когда мы готовы были

просить у него прощенья.... его уже не было.... О, батюшка! посмотрите, какой онъ душка, милашка!... Какъ онъ меня люб....

— Тс! ты обезумѣла, душа моя! вскричалъ старикъ; не забывай, что ты его обидѣла, жестоко обидѣла....

— Батюшка! батюшка!... Развѣ мало я страдала за это?... О, нѣтъ! — онъ простить насъ, онъ примирится съ нами....

Петръ Петровичъ не выдержалъ.... онъ узналъ Надю и отца ея, которыхъ сама судьба привела къ нему, и съ судорожнымъ замираніемъ сердца, съ пылающимъ лицомъ, бросился въ кабинетъ, почти рыдая....

— Онъ давно, давно примирился съ вами, Надинька! вскричалъ онъ... Батюшка! продолжалъ Скоковъ, кидаясь на шею старика, я все, все слышалъ; — Надинька!... Мы попрежнему друзья съ вами? спросилъ онъ.

Надя, молча, съ глазами полными любви и нѣги, протянула свою бѣленькую ручку Петру Петровичу, въ то время, какъ старикъ готовъ былъ что-то сказать....

— Дѣти мои, дѣти мои! наконецъ прошепталъ онъ. О!... хотябы умереть въ эту минуту.... Подойдите сюда.... Петръ Петровичъ, продолжалъ онъ, — такъ-ли ты еще любишь Надю, какъ любилъ ее прежде?...

— О!... больше, больше!... отвѣчалъ Скоковъ.

— А ты, Надя?

— Петръ Петровичъ самъ *все* слышалъ, отвѣчала она, потупивъ прекрасные глазки; а вы, батюшка, знаете....

— Ну, такъ да благословитъ васъ Богъ, какъ я благословляю, прошепталъ старикъ, изнемогая въ избыткѣ счастія. По..цѣ..луйтесь; добавилъ онъ....

И молодые люди, выстрадавшіе такъ много въ годичной разлукѣ, кинулись другъ другу въ объятія.

— Боже, благодарю Тебя!... шепталъ старикъ. Ну, Петръ Петровичъ! продолжалъ онъ веселымъ тономъ: будетъ-же, братецъ, довольно!... Э.... эхъ!... Радъ, что дорвался.... Не забывай, братецъ, что ты хозяинъ, и что голодныхъ гостей не кормятъ поцѣлуями....

— Сейчасъ, сейчасъ, батюшка! отвѣчалъ почти обезумѣвшій Петръ Петровичъ, цѣлуя въ заключеніе бархатныя ручки своей суженой....

— Ну — то-то же, душа моя, продолжалъ тѣмъ-же веселымъ тономъ старикъ. Всему, братецъ, свое время, — а теперь — вотъ дайко своей нареченной чашку горячаго чаю, — тестю хоть пуштику стаканъ.... а самъ пей, что знаешь — и изъ чего пожелаешь; хоть изъ башмачка. Мнѣ-то только дай въ стаканѣ.

В. С — — овъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

(*Мѣсяцъ Іюнь.*)

Кончились усиленныя развлеченія Москвы! Прекратились представленія итальянской оперы! Знаменитая Фанни Эльслеръ спорхнула съ подмостокъ Московскаго Театра и о томъ, воротится-ли снова въ первопрестольную и бѣлокаменную, многіе записные театралы тщетно ломаютъ себѣ головы. Въ самомъ-дѣлѣ, десять представленій, данныхъ ею (не считая двухъ бенефисовъ, въ которыхъ участвовала знаменитая гостья), были слишкомъ недостаточны и для того, чтобы наглядѣться на нее, не только что до-сыта насладиться ея обворожительнымъ талантомъ. Конечно, находились нѣкоторые москвичи, которые утверждали, «что Фанни Эльслеръ *не хуже* Санковской!» Какъ-бы то ни было, но не смотря на то, что двѣнадцать представленій, въ которыхъ участвовала Фанни Эльслеръ, были даны въ весеннее время, когда, какъ нарочно, въ Москвѣ стояла до того прекрасная погода, что такъ и манила всѣхъ въ Паркъ или въ Сокольники, но все-таки эти представленія были совершенно полны, а энтузіазмъ былъ такъ великъ, что если-бы Фанни заѣхала въ Москву на зиму, то дай она хоть сто-двѣнадцать представленій, можно ручаться, что и они будутъ полны.

Мы, конечно, не станемъ разбирать игры знаменитой гостьи, и что̀ наши хвалы противъ кошельковъ, которые ей бросали въ Америкѣ, что наши замѣчанія противъ имени, гремящаго славою въ двухъ полушаріяхъ? Скажемъ только, что она танцовала два раза въ «Мечтѣ художника», три раза въ «Тщетной Предосторожности», два раза въ «Жизели» и пять разъ въ «Катаринѣ». Болѣе всего она нравилась въ *Жизели* и въ ролѣ *Ли-*

зы («Тщетная Предосторожность»). Въ бенефисъ свой, выбрала она Катарину, съ участіемъ г. Перро. Хотя роль Катарины слишкомъ слаба и безцвѣтна для такого таланта, какова Фанни Эльслеръ, но два или три мѣста въ этой ролѣ выкупаютъ недостатки цѣлаго, и балетъ привлекалъ многочисленную публику.

Изъ десяти представленій, данныхъ заѣзжею итальянскою труппою, можно упомянуть только про «Любовный Напитокъ», «Донъ Паскуале» и «Монтеки и Капулетти», выполненные изрядно, то-есть, поудачнѣе прочихъ оперъ. Составъ и средства труппы были очень незначительны. Амалія Корбари, главное лицо оперной труппы, хорошая пѣвица, но при недостаткѣ времени и скорости постановки оперъ, онѣ не могли идти ни твердо, ни ладно, и она одна не могла придать имъ полнаго эфекта. Въ этихъ представленіяхъ, русская молодая пѣвица, г жа Савицкая, имѣла случай выказать свой пріятный и довольно обработанный голосъ. Г. Артемовскій не отставалъ отъ итальянцевъ и во многихъ случаяхъ не только помогалъ имъ, но даже одинъ вывозилъ цѣлую оперу. Г. Поццолини, теноръ, съ которымъ не знакомъ еще Петербургъ, былъ выписанъ сюда, какъ говорятъ, изъ Копенгагена, гдѣ, впрочемъ, онъ очень хорошо могъ-бы и остаться, и Москва отъ этого ни мало-бы не потеряла. Онъ имѣетъ нѣсколько пріятныхъ нотъ, но зато высокія ужъ черезъ-чуръ рѣзки и, вообще, игрой и музыкальнымъ выполненіемъ, онъ скорѣе портилъ свои партіи, чѣмъ придавалъ имъ силу и значеніе.

Но оставимъ безъ разсмотрѣнія чужое и иностранное, до котораго мы коснулись только мимоходомъ, и обратимся опять къ своему родному, московскому.

Но прежде всего надо сказать, что какъ мы отъ лѣтнихъ спектаклей, такъ и публика отъ нашихъ разборовъ этихъ лѣтнихъ спектаклей, не должны ожидать многаго, потому-что въ Москвѣ лѣтомъ и публика мало ѣздитъ въ театръ, и на театрѣ здѣшнемъ даются пьесы неважныя, безъ особенной обстановки, какіе-нибудь водевили, и играются эти водевили на скорую руку; это не то, что въ Петербургѣ, гдѣ въ лѣтній сезонъ встрѣчаются бенефисы гораздо лучше составленные, чѣмъ зимніе. Но за то, какъ пріятно бываетъ встрѣтить здѣсь, между спектаклями-скороспѣлками, такое пріятное явленіе, напр. какъ г. *Шумскій*, пріѣхавшій изъ Одессы, и 13 іюня въ первый разъ дебютировавшій въ роли Кочкарева, въ комедіи «Женитьба»....

До сихъ поръ мы видали въ этой роли только М. С. Щепкина, и были увѣрены, что лучше его играть этой роли нельзя. Всѣ вполнѣ сжились съ типомъ, созданнымъ этимъ артистомъ.

Но увидя г. Шумскаго въ роли Кочкарева, многіе совершенно перемѣнили мнѣніе и нашли что Кочкаревъ — не пятриганъ, не проныра, какимъ игралъ его Щепкинъ, а только пустѣйшій человѣкъ, вѣтеръ, суета и пустомеля, какимъ создалъ этотъ характеръ Шумскій. Онъ не обдумываетъ планъ, какъ-бы женить Подколесина, не затѣваетъ какой-нибудь хитросплетенной штуки, не покушается на свадьбу своего пріятеля, а просто, такъ, рѣшительно, ни съ того, ни съ другаго, ввязывается въ это дѣло. Узнавъ, что Подколесину нужно ѣхать смотрѣть Агаѳью Тихоновну, онъ ѣдитъ вмѣстѣ съ нимъ. Говорятъ-ли ему про какую-нибудь особу, онъ говоритъ, что знакомъ съ нею, увѣряетъ, что она ему дальняя родня и хорошая хозяйка, не изъ какихъ-нибудь видовъ, а просто *такъ*, потому-что это ему ничего не стоитъ; однимъ-словомъ, это вѣтренникъ, взбалмошная голова, скорый на всѣ руки, совершенная противоположность съ тихимъ, мнительнымъ и до крайности нерѣшительнымъ Подколесинымъ. Такимъ я думаю, создалъ его Гоголь, такимъ вывелъ его на сцену и г. Шумскій.

15 іюня, на Театрѣ Петровскаго Парка была въ первый разъ дана: «Игра Счастія», комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго *С. Соловьева.*

Молодой человѣкъ, Карлъ Дегремонъ, имѣетъ огромное состояніе, но при этомъ страстишку къ картамъ. Онъ играетъ съ утра до вечера, только небольшой остатокъ своего времени онъ удѣляетъ искреннему своему другу Сенъ-Реми и прелестной Анжелинѣ. Онъ даже не имѣетъ минутки свободной, чтобы навѣстить дальнюю свою родственницу, Марію, достойную дѣвушку и любящую его безкорыстно. Въ день нашего разсказа Дегремонъ въ выигрышѣ; онъ посылаетъ Жозефа къ ювелиру за бриллiантовымъ аграфомъ для Анжелины и даетъ ему на уплату за него 10,000 франковъ, а самъ, между-тѣмъ, отправляется въ игорный домъ, пригласивъ друзей своихъ на завтракъ. Но Жозефъ не такой простакъ, какимъ казался съ виду. Слышавъ отъ Карла безпрестанно о прелестяхъ и наслажденіи игры, особенно, когда тотъ бывалъ въ выигрышѣ, онъ самъ соблазнился искушеніемъ, и вмѣсто того, чтобы отнесть порученныя ему деньги къ ювелиру, несетъ ихъ въ игорный домъ. Послѣ первыхъ неудачныхъ попытокъ, счастье повезло ему, и вотъ онъ возвращается домой, выигравъ двѣсти-шестьдесятъ тысячъ франковъ. Жозефъ сдѣлался богачемъ; Жозефъ заважничалъ. Онъ ужъ придумываетъ себѣ положеніе въ обществѣ, хлопочетъ о квартирѣ, экипажѣ, прислугѣ.... Случай и тутъ ему помогаетъ. Возвращается Дегремонъ, разстроенный, блѣд-

ный, измозжденный. Онъ проигрался, да такъ удачно, что спустилъ все, рѣшительно все, что имѣлъ, и еще задолжалъ порядочную сумму на честное слово. Они мѣняются ролями, Жозефъ покупаетъ у Карла домъ, мебель, экипажъ, всѣ вещи, и обѣщается за него заплатить долги съ тѣмъ, чтобы онъ самъ пошелъ къ нему жить. Убѣдившись въ ложной дружбѣ Сенъ-Реми и притворной нѣжности Анжелины, Дегремонъ соглашается на предложеніе Жозефа, лишь-бы не нарушить своего честнаго слова, и уплатить свои долги въ назначенное время. Жозефъ приглашаетъ къ себѣ на завтракъ Сенъ-Реми и Анжелину, которые теперь и глядѣть не хотятъ на Дегремона. Самъ-же Жозефъ, между-тѣмъ, идетъ заплатить долгъ Карла. Но искусившись разъ такъ удачно въ карточной игрѣ, Жозефъ не можетъ пройти равнодушно мимо игорнаго дома; онъ заходитъ и спускаетъ рѣшительно все, что прежде выигралъ. Дегремонъ вспомнилъ про свою Марію, женится на ней, и по милости какого-то дядюшки даже поправляетъ свое положеніе.

Пьеса эта, какъ видно изъ предыдущаго разсказа, довольно занимательна, хотя порядочно натянута и неправдоподобна. Но въ ней есть много забавныхъ сценъ и комическихъ положеній, которыя выкупили нелѣпость созданія и пьеса имѣла успѣхъ. Переводъ довольно гладокъ, что не всегда бываетъ у почтеннаго г. Соловьева, и тѣмъ болѣе онъ имѣетъ въ нашихъ глазахъ цѣны. Обычные переводы г. Соловьева отличаются странною смѣсью выспреннихъ книжныхъ выраженій съ терминами, иногда ужъ черезъ-чуръ тривіальными. Здѣсь это меньше замѣтно.

Разыграна была комедія очень не дурно. Г. Васильевъ, въ роли Жозефа, былъ очень хорошъ. Г. Чернесовъ (Сенъ-Реми) и Колосовъ (Дегремонъ) были удовлетворительны, и вообще вся пьеса, не смотря на то, что дана лѣтомъ и разыграна лѣтними средствами театра, то есть, безъ участія первыхъ сюжетовъ, произвела впечатлѣніе довольно выгодное.

18 го іюня на театрѣ Петровскаго Парка, въ возобновленной пьесѣ «Балъ у Банкира», роль Бишоно игралъ г. Шумскій. Благородная, простая, но изученая и художнически-вѣрная натурѣ игра этого артиста, сдѣлаютъ то, что онъ станетъ въ самомъ скоромъ времени на ряду съ первыми любимцами московской публики. Г. Ленскій, игравшій роль Блаво, былъ также очень хорошъ. Рѣдко стоитъ онъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, но это замѣчательный актеръ на московской сценѣ и въ настоящее время даже незамѣнимый.

Въ слѣдующіе спектакли протекшаго іюня мѣсяца, мы видѣли

много еще пьесъ, въ которыхъ участвовалъ г. Шумскій, и вездѣ публика принимала его съ восхищеніемъ. Роли *Охова* въ «Хочу быть актрисой», *Александра Васильевича* въ комедіи гр. Сологуба «Бѣда отъ нѣжнаго Сердца», *Жучка*, въ «Дѣловый человѣкъ или Дѣло въ шляпѣ» Ѳ. А. Копи, *Тимолеона*, въ «Любовныхъ проказахъ или Ночь послѣбала», были имъ выполнены съ изумительнымъ совершенствомъ. Вездѣ онъ былъ хорошъ, разнообразенъ, веселъ, живъ, и увлекателенъ своимъ натуральнымъ комизмомъ. Въ послѣдней пьесѣ г-жа Бороздина 2 очень мило сыграла роль *Жульетты Шушу*, и обѣщаетъ собой замѣчательную со временемъ водевильную актрису, если только будетъ совершенствоваться и заниматься своимъ дѣломъ. Г-жа Касицкая, съ успѣхомъ играла роль *Олиньки* въ водевилѣ «Цыганка», который поэтому въ Москвѣ часто дается; болѣе ролей не выпало на ея долю въ теченіе этого мѣсяца. Г-жа Лаврова была хороша въ роли баронессы (Балъ у банкира), но очень неудачно сыграла *Вариньку* въ «Двое за Шестерыхъ»; вообще не знала роли и скорѣе мѣшала г. Шумскому, чѣмъ помогала иллюзіи, производимой его одушевленною артистическою игрою на зрителей.

Этимъ почти и ограничивается обзоръ сценическихъ явленій и новостей за іюнь мѣсяцъ, кромѣ развѣ того, что съ 25 іюня на Маломъ Театрѣ, въ роли *Христіана*, въ драмѣ Полеваго «Иголкинъ» дебютировалъ въ первый разъ г. Чиликинъ, но по совершенной невозможности быть въ театрѣ въ этотъ вечеръ, мы его не видали, и потому разборъ его игры и таланта оставляемъ до будущаго болѣе благопріятнаго случая.

—

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Гуляка, или нынѣшніе друзья. Комедія водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго.

Опытъ электрическаго освѣщенія, или мнимый слѣпецъ. Современный фарсъ-водевиль, въ одномъ дѣйствіи, соч. Г***.

Онъ остепенился, или весь домъ вверхъ дномъ! Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи.

Имянины городничаго или Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

(*Бенефисъ г. Краюшкина.*)

Вотъ бенефисъ, который удивительнымъ образомъ разочаровываетъ на счетъ дружбы! Онъ, какъ-будто нарочно составленъ, чтобы доказать истину, постоянно подтверждаемую отъ древнѣйшихъ временъ до нынѣ всѣми философами, поэтами, юмористами и драматургами, что слово *дружба* означаетъ одно изъ очень милыхъ заблужденій человѣческой фантазіи, и что *друзей* собственно на свѣтѣ не существуетъ, какъ допотопныхъ бегемотовъ и морскихъ драконовъ. Древніе были большіе мечтатели: они вѣрили въ золотой вѣкъ, въ идиллическое упоеніе, въ блаженство жизни среди полей, подъ проливнымъ дождемъ, въ обществѣ козъ и барашковъ, въ возможность питаться корешками и травками и согрѣваться одною платоническою любовью. Они и не подозрѣвали диковинокъ настоящей эпохи, безъ которыхъ жизнь для современнаго человѣка становится такой пустынной и безотрадной: ни страсбургскихъ пироговъ, ни вестфальскихъ окороковъ, ни остендскихъ устрицъ, ни шампанскаго вина, ни трелей Гризи, ни пируэтовъ Эльслеръ, ни Минеральныхъ водъ, на которыхъ жгутъ иллюминаціи, ни публичныхъ банкетовъ, на которыхъ пьютъ минеральныя воды, ни каретъ на лежачихъ рессорахъ, которыя можно пріобрѣсти посредствомъ лотереи, ни любви и уваженія, которыя пріобрѣтаются посредствомъ каретъ на лежачихъ рессорахъ; ни дыма фейерверковъ, обращающагося въ золото, ни гаванскихъ сигаръ, обращающихъ золото въ дымъ; ни Гамбсовыхъ мебелей, въ которыхъ человѣкъ тонетъ въ пуху и нѣгѣ, ни модныхъ фраковъ и перчатокъ. Словомъ, они, въ простотѣ души, не подозрѣвали ничего, что дѣлаетъ человѣка такъ жаднымъ къ жизни и раздуваетъ въ немъ такъ сильно эгоизмъ, чувство любви къ самому себѣ. Въ этомъ невѣдѣніи современнаго *прогресса* и *цивилизаціи*, они создавали въ воображеніи своемъ самыя обольстительныя сказки о дружбѣ. Орестъ и Пиладъ, Дамонъ и Пиѳій — были у нихъ истинными героями, и воспѣвались въ народныхъ пѣсняхъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, нѣтъ геройства выше самопожертвованія за ближняго, еслибъ оно было только не миѳологическое. Но уже одинъ изъ философовъ древности, человѣкъ очень положительный и правдолюбивый, объявилъ торжественно, что вымыслъ о неизмѣнной дружбѣ ничто иное, какъ сказка, сказавъ:

«Друзья мои! — друзей нѣтъ!»

Современные мыслители, и даже немыслящіе, дошли до этого вывода еще положительнѣе. Не говоря уже обо всемъ, что писали о химерѣ дружбы иностранные писатели, мы напомнимъ только о Пушкинѣ, который говоритъ:

....Друзья! друзья!
Объ нихъ не даромъ вспомнилъ я!

о Нелединскомъ Мелецкомъ, который написалъ:

Всѣ други, всѣ пріятели
До чернаго лишь дня!

о Князѣ Шаховскомъ, возгласившемъ:

Друзья — это первые злодѣи!

и наконецъ объ одномъ изъ новѣйшихъ литераторовъ, который еще недавно написалъ:

«Друзья — это пьявки, которыя не прежде отпадаютъ, пока не высосутъ всей — начинки кармана».

Пьесы бенефиса г. Краюшкина стараются доказать почти тоже самое. Гуляка или нынѣшніе друзья, водевиль, заимствованный изъ самаго вседневнаго явленія современной парижской жизни. Альфонсъ де-Сюрьвиль, молодой человѣкъ съ очень порядочными наклонностями и съ прекраснымъ сердцемъ, но у него два несчастія: первое, что онъ попадаетъ въ общество гулякъ и людей развратныхъ, которые, подъ предлогомъ *дружбы*, обираютъ, объѣдаютъ и обыгрываютъ его; а второе — что у него очень глупый менторъ-наставникъ, Фишонъ, который своимъ умничаньемъ еще больше разжигаетъ его страсти. Между друзьями Сюрьвиля, въ особенности, есть одинъ, Шарлемань, настоящій сорвиголова, гуляка самой высшей пробы, человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, весь насквозь пропитанный современною *дружбою*. Онъ не только обыгрываетъ своего друга на вѣрняка, но онъ занимаетъ у него даже каждый день, по нѣсколько разъ, огромныя суммы денегъ. Дѣйствіе начинается въ ту минуту, когда у молодаго амфитріона въ карманѣ послѣдній небольшой остатокъ его наличности, а ввиду только одна выручка съ продажи загороднаго дома, завѣщаннаго ему матерью. Онъ собираетъ всѣхъ друзей своихъ въ загородный трактиръ, находящійся противъ его дома, чтобы тамъ убить остатокъ деньжонокъ и придумать новое средство ихъ пріобрѣсти. Друзья тотчасъ находятъ это средство: оно самое обыкновенное, самое простое, самое употребительное между промотавшимися негодяями, средство это — жениться. Стоитъ только пріискать хорошее приданое. Сюрьвилю, впрочемъ было бы очень пріятно, еслибъ при хорошемъ приданомъ нашлась и дѣвушка хорошенькая, напримѣръ, такая, какъ Сесилія Буажелонъ, которую онъ встрѣчалъ на балахъ Мабиля и которая зажгла его сердечко. Счастливецъ этотъ Сюрьвиль! не успѣлъ онъ изъявить

своего желанія, какъ ужъ семейство Буажелонъ какъ тутъ — по щучьему велѣнью: оно явилось торговать его загородный домъ. Значитъ, дѣло можетъ устроиться какъ нельзя лучше. Между-тѣмъ, пока влюбленный хозяинъ-кутило показываетъ покупщикамъ свой домъ, двое изъ друзей его, Дидье и Шарлемань, сговариваются, какъ у него выманить деньги, вырученныя съ продажи дома и какъ выиграть приданое и потомъ опять отпустить его на легкѣ. Во-второмъ дѣйствіи — дѣло уже слажено. Семейство Буажелонъ готовится къ встрѣчѣ жениха и къ подписанію свадебнаго контракта. Хлопоты о свадебныхъ мелочахъ принялъ на себя Шарлемань, какъ ближайшій обирало, виноватъ, другъ — хотѣлъ я сказать, Сюрьвиля. Приносятъ свадебную корзину. Мадамъ Буажелонъ съ жадностію на нее кидается — и что-жъ? Представьте, въ ней старое ситцевое платье, мѣдная цѣпочка и какая то тряпка, вмѣсто покрывала, которую она неизвѣстно почему называетъ *затрапезомъ*. Гнѣвъ всего семейства невыразимъ. Въ эту-то критическую минуту является самъ женихъ. На него сыплются упреки, выговоры и наконецъ готовъ разразиться рѣшительный отказъ. Сюрьвиль, однако-жъ, кое-какъ смягчаетъ разгнѣванныхъ и сваливаетъ всю вину на ошибку своего пріятеля. Сбираются гости и родные, приходитъ и нотаріусъ — все готово. Вдругъ врывается Шарлемань и начинаетъ хозяйничать; тестя бьетъ по брюху, тещу называетъ старухой, невѣстѣ говоритъ, что они лихо прокутятъ ея приданое, гостей честитъ *рожами* и *уродами*, словомъ, поднимаетъ такой кавардакъ, что всѣ разбѣгаются, а жениха съ позоромъ выгоняютъ.

Въ третьемъ актѣ, несмотря на позоръ и неудачу, которую Сюрьвиль испыталъ въ своемъ сватовствѣ, вслѣдствіе невѣжества Шарлеманя, онъ опять примирился съ своими друзьями и совершенно утѣшился. Жизнь его опять катится шаромъ по билліарду. Какой то полковникъ Сен-Ламберъ даетъ роскошный праздникъ и всѣхъ ихъ приглашаетъ на балъ. Тутъ составляется друзьями фальшивая игра, чтобы окончательно очистить пріятеля; но ему нечего проигрывать, кромѣ денегъ за домъ, если онъ продастся. Его заставляютъ написать вексель, а Шарлемань, который поджигаетъ страсти горячимъ пуншемъ, берется даже очень скоро пріискать выгоднаго покупщика. Между-тѣмъ, гости, которые такъ хозяйничаютъ и наслаждаются въ домѣ незнакомаго имъ полковника Ламбера, вовсе не удивлены, что до сихъ-поръ не видятъ хозяина, да, какъ кажется, и очень мало заботятся объ немъ. Является и семейство Буажелоновъ, которое очень удивлено, видя себя опять въ обществѣ разгульныхъ рыцарей. Мадамъ

Буажелонъ хочетъ уже уѣхать домой, какъ вдругъ является слуга и проситъ ее въ кабинетъ хозяина. Она изумлена этимъ приглашеніемъ, потому-что также, какъ и всѣ гости, рѣшительно не знаетъ полковника; однако-же она идетъ въ его кабинетъ. Между тѣмъ, Сюрвиль проигралъ все до полушки и остается нищимъ; съ отчаяніемъ въ душѣ хочетъ онъ отдать предателямъ-друзьямъ послѣднее свое достояніе, состоящее въ векселѣ, но Шарлемань его разорвалъ и разжегъ имъ пуншевую чашу. Подымается гвалтъ, шумъ, ссора, которую однако жъ прекращаетъ крикъ: «Господа! весь домъ окруженъ полицейскими, ищутъ фальшивыхъ игроковъ». Всѣ бѣгутъ вонъ, а Шарлемань останавливаетъ Сюрвиля. Молодой человѣкъ осыпаетъ его упреками, угрозами, говоря, что онъ его хочетъ погубить и опозорить окончательно. Тогда Шарлемань становится въ патетическую позу и объясняетъ молодому повѣсѣ — длинную исторію, изъ которой явствуетъ, что осьмнадцать лѣтъ назадъ онъ былъ ловкій гусарскій офицеръ, попалъ въ замокъ къ молоденькой вдовушкѣ, влюбился въ нее по уши и тайно съ ней обвѣнчался, потому что срокъ траура ея еще не миновалъ. Вдругъ война отозвала его въ далекія страны, плѣнъ продержалъ его на чужбинѣ слишкомъ десятокъ лѣтъ. Возвратясь на родину, онъ тотчасъ началъ отыскивать жену и узналъ, что она умерла, подаривъ его сыномъ, котораго отдала на воспитаніе старому гувернеру. Онъ бросился искать сына, нашелъ его въ Парижѣ, на дорогѣ порока, въ сообществѣ гнусныхъ негодяевъ и пьяницъ, и, чтобы вырвать его изъ этаго омута разврата, самъ прикинулся отчаяннымъ гулякой и негодяемъ, обыгрывалъ его съ другими, обиралъ больше всѣхъ, дрался вмѣсто его на дуэли, разрушилъ бракъ, въ который его хотѣли завлечь обманомъ, наконецъ купилъ домъ, послѣднее его достояніе.... «Но кто-же вы?» восклицаетъ, наконецъ, Сюрвиль. — Твой отецъ! несчастный! полковникъ де-Ламбертъ.— «Батюшка!» Сынъ мой!— Объятія, слезы, раскаяніе и соединеніе любящихъ сердецъ. Пьеса кончается умилительной семейной картиной.

Нельзя не сознаться, что мысль — выставить отца, готоваго на всякую жертву и униженіе, чтобы спасти сына отъ порока, очень оригинальна, нова и прекрасна, но въ тоже время надо отдать полную справедливость автору: нелѣпѣе и неправдоподобнѣе развить эту мысль ужъ никакъ нельзя. Лицо Сюрьвиля до того слабо и безхарактерно, пристрастіе его къ разгулу жизни такъ мало выражено отцу, кажется, рѣшительно не нужно было принимать на себя такую трудную роль отчаяннаго гуляки, чтобы обратить его на путь истинный. Ему стоя-

ло только начать комедію съ послѣдней сцены и дѣло уладилось-бы также просто, безъ всѣхъ неправдоподобностей и странностей, которыя зритель долженъ выносить въ продолженіе трехъ актовъ. Гдѣ видано, чтобы незнакомый и незваный гость могъ врываться въ день свадьбы въ домъ честныхъ, порядочныхъ и притомъ еще чопорныхъ людей, какъ это дѣлаетъ Шарлемань съ Буажалонами. Гдѣ хозяинъ дома перенесъ-бы глупыя насмѣшки, наглое обращеніе съ женой и дочерью и самое грубое оскорбленіе своихъ родныхъ и гостей, не выгнавъ грубіяна съ перваго-же невѣжливаго его слова? А между тѣмъ, господинъ Шарлемань дѣлаетъ и говоритъ въ домѣ Буажелена то, чего не позволи-бы ему безнаказанно сдѣлать и сказать въ послѣдней харчевнѣ. Впрочемъ, въ этомъ страшномъ и оскорбительномъ для вкуса промахѣ, виновато больше неискусство переводчика, чѣмъ авторъ. По французски — всѣ выходки Шарлеманя составляютъ забавную игру словъ, въ русскомъ переводѣ — это просто ругательства. Гдѣ наконецъ, можно встрѣтить балъ — безъ хозяина? Кто отправится на вечеръ къ человѣку, котораго никто не знаетъ и никогда не видалъ? Въ какомъ незнакомомъ домѣ могутъ гости такъ хозяйничать и пускаться въ азардную игру, какъ это дѣлаютъ наши герои въ домѣ незнакомаго имъ полковника де-Ламбера? Какая порядочная дама рѣшится идти въ кабинетъ къ неизвѣстному, холостому человѣку для какихъ-то тайныхъ совѣщаній, какъ это дѣлаетъ мадамъ Буажелонъ? Всякая другая на ея мѣстѣ оскорбилась-бы однимъ неделикатнымъ приглашеніемъ. Наконецъ, гдѣ можно найти управителя домомъ и имѣніями, который-бы незналъ, у кого онъ управляетъ, и никогда не видалъ своего хозяина и владѣльца? Между тѣмъ, глупый гувернеръ Фишонъ, является въ третьемъ актѣ такимъ управителемъ въ домѣ полковника Сен-Ламбера. Наконецъ, для конца концевъ, къ чему весь этотъ нелѣпый балъ у незнакомаго, таинственнаго лица, нескладный и смѣшной въ высшей степени? Неужли нельзя было привести пьесу къ тому-же благополучному окончанію путемъ болѣе естественнымъ и простымъ?

Авторъ видимо разсчитывалъ на одни эфекты и составилъ свою пьесу безъ оглядокъ. Но эфекты, какъ-бы поразительны они ни были, безъ естественности и правдоподобія теряютъ всю свою силу. Будь таже мысль облечена въ формы болѣе простыя и подходящія къ натурѣ, она производила-бы сильное впечатлѣніе на зрителей, теперь-же на нее смотрятъ только, какъ на занимательную сказку и самое лучшее, самое патетическое мѣсто коме-

діи, именно, когда Шарлемань открываетъ Сюрьвилю, что онъ его отецъ, не дѣйствуетъ на чувство.

Ко всѣмъ этимъ важнымъ недостаткамъ комедіи, надо еще присовокупить, что и переводъ пьесы чрезвычайно плохъ. Не говоря уже о неловкихъ фразахъ, о неразговорномъ языкѣ, переводчикъ украсилъ пьесу самыми странными выраженіями. Такъ, на примѣръ, старое истасканное покрывало — онъ называетъ *затрапезомъ*. Въ подлинникѣ оно названо un torchon — *тряпка*. Quelles drôles de physiognomies — онъ переводитъ *рожами* и *уродами* и такъ далѣе.

Разыграна была пьеса, за исключеніемъ г. Григорьева 1 — въ роли *Шарлеманя*, и Марковецкаго — въ роли *Фишона*, очень слабо и небрежно. Г. Максимовъ 1, въ ролѣ *де-Сюрвиля*, совершенно не похожъ былъ на лицо, имъ представляемое. Въ игрѣ его очень замѣтны были безжизненность движеній, отсутствіе энергіи, монотонность выраженія. И безъ того слабо очертанный характеръ Сюрвиля отъ такой игры вышелъ совсѣмъ безцвѣтнымъ и рѣшительно противорѣчилъ главной темѣ всей пьесы. Роли друзей Сюрвиля, конечно, второстепенныя, но онѣ требуютъ тщательнаго исполненія, какъ необходимыя и эфектныя тѣни въ картинѣ: у насъ эти тѣни совершенно слились съ главнымъ лицомъ — и были болѣе, чѣмъ ничтожны. Остальныя лица аксессуары: ихъ и судить нечего. Г. Григорьевъ одинъ на богатырскихъ плечахъ вынесъ пьесу и доставилъ ей успѣхъ. Онъ былъ прекрасенъ во всѣхъ фазахъ своего характера и выдержалъ его съ одинаковымъ одушевленіемъ и обдуманностію до самаго конца. Г. Марковецкій — въ созданіи тихаго, простодушнаго характера гувернера *Фишона*, показалъ много таланта. Роль эта, по себѣ весьма не важная, при его обдуманно-вѣрной и естественной игрѣ — выступила на первый планъ и послѣ главнаго характера Шарлеманя, произвела больше всѣхъ впечатлѣнія на зрителей.

—

Опытъ электрическаго освѣщенія. Въ этой пьесѣ дружба тоже сыграла славную штуку съ бѣднымъ Иваномъ Егорычемъ Бурачковымъ. Бурачковъ, знаете, этакой мыслитель, самородный физикъ и философъ, во всемъ добирается до начала концевъ и до конца началъ, такой, знаете, любопытствующій.... Крѣпко озадачило его прошлой зимой объявленіе объ электрическомъ освѣщеніи. — Что за окказія! фонарь, газъ, масло, сало, стеаринъ — ну, понятная вещь — Зажгутъ, горятъ..., а электричество, субстанція, то-есть, деликатная; воздухъ, метеоръ,

пуфъ — такъ сказать; и безъ огня и безъ поджоги, такъ таки само собой, фу - фу! — и солнце надъ всѣмъ городомъ, отъ Грязной до Мытнаго и отъ Песковъ до немощеныхъ переулковъ Петербургской; отъ Подъяческой до Офицерской, и съ Аптекарскаго до Докторской слободки.... Чудеса! просто феноменъ! — Разсужденіе это не даетъ покою Бурачкову, ждетъ не дождется онъ вечера, и сговаривается съ другомъ своимъ Бурневымъ непремѣнно идти обозрѣть новое освѣщеніе. Одно обстоятельство смущаетъ нѣсколько нашего философа: ему сказали, что опасно глядѣть прямо на электрическое солнце, а то, молъ, можно ослѣпнуть. Вотъ казусъ! думаетъ Бурачковъ, я сколько разъ смотрѣлъ на настоящее солнце— и ничего, а тутъ и оглянуться не успѣешь, какъ ослѣпнешь. Нечего сказать, мастера эти французы, то - есть, на всѣ руки, и природу - то даже перещеголяли!

На этомъ - то опасеніи Бурачкова, другъ его и основалъ свой коварный замыселъ. Надо вамъ сказать, что взрослую дочку Бурачкова, Любеньку, вылечилъ отъ какого - то недуга молодой докторъ Полонскій, да въ то - же время развилъ въ ней смертельную любовь къ своей особѣ, которою и самъ заразился въ равной мѣрѣ. Но Бурачковъ, не почитая званія лекаря достойнымъ своей единородной дщери, и притомъ полагая, что любовь вовсе не такая болѣзнь, которая требовала - бы аптечныхъ препараторовъ, отказалъ Полонскому на отрѣзъ отъ дому. Въ горѣ своемъ молодые люди прибѣгли къ Бурневу: Любинька объявила, что она умретъ отъ своей любви къ доктору, а докторъ признался, что его больные не переживутъ его любви къ Любинькѣ. Человѣколюбивый повѣренный рѣшается всѣхъ спасти отъ смерти. И вотъ способъ, который онъ придумываетъ по этому случаю. — «Какъ только вы заслышите, что мы съ Бурачковымъ возвращаемся съ электрическаго освѣщенія, говоритъ онъ доктору и Любинькѣ, вы тотчасъ-же свѣчки затушите, а сами притаитесь въ уголку и ни гу - гу». — Ладно! Возвращаются друзья съ освѣщенія. Философъ очень имъ недоволенъ, солнце это, говоритъ, и въ мѣсяцы не годится.... Ослѣпнешь!... да отчего-же тутъ слѣпнуть?... Вотъ я во всѣ глаза глядѣлъ.... и ничего! А что-же здѣсь нѣтъ огня? Любушка, подай свѣчки! — «Свѣчки на столѣ, что ты, любезный? говоритъ ему другъ. — На столѣ? Что? Зажжены? А какъ же я ихъ не вижу? Батюшки свѣты! вѣдь я ослѣпъ! — и бѣдный старикъ приходитъ въ совершенное отчаяніе, что ослѣпъ, не увидитъ настоящаго солнца, не можетъ ходить въ присутствіе, перебѣлять бумаги, читать Пчелку и смотрѣть на изверженіе Везувія на петергофской дорогѣ. Другъ начинаетъ его утѣшать и

совѣтуетъ прибѣгнуть къ доктору. Полонскій тутъ, какъ тутъ, онъ даетъ ему примочку, а Любинька зажигаетъ между тѣмъ свѣчи. Бурачковъ прозрѣлъ и влюбленные увидѣли свѣтъ, потому-что конецъ водевилей этого рода всегда одинъ и тотъ же — свадьба.

Водевиль этотъ имѣетъ въ себѣ очень мало комическаго; характеры не развиты и положенія не забавны. Единственная сцена, которая могла-бы быть интересна — именно та, гдѣ Бурачковъ узнаетъ, что онъ ослѣпъ; но она создана такъ слабо, что даже Мартыновъ ничего не могъ изъ нея сдѣлать. Пьеса успѣха не имѣла, не смотря на заманчивое свое заглавіе.

—

Въ третьей пьесѣ «Онъ остепенился», одинъ закадычный другъ еще лучше удружилъ пріятелю, онъ поставилъ ему «весь домъ вверхъ дномъ.» Иванъ Петровичъ Низкой, который является передъ вами самымъ ограниченнымъ человѣкомъ, самымъ жалкимъ семьяниномъ, отцомъ безъ воли, мужемъ безъ власти, хозяиномъ безъ слова, словомъ настоящей *мокрой курицей*, какъ говорится, но который, не смотря на все это, живетъ тихо, мирно, доволенъ собой и людьми, потому что и не подозрѣваетъ, чтобы все это могло и должно быть иначе; этотъ самый Иванъ Петровичъ былъ встарину лихой гусаръ, душа офицерскаго общества, танцоръ, такъ что любо-съ-два. Жена Ивана Петровича содержитъ свою нѣжную половину въ надлежащемъ решпектѣ и распоряжается въ домѣ, хотя самовластно, но довольно разумно. Викторъ, сынокъ ихъ, шестнадцатилѣтній львенокъ, обѣщающій отличнѣйшаго вертопраха въ будущемъ, однако-же, не смотря на свои наклонности къ жуирству и фанфаронству, за недостаткомъ дурныхъ образцовъ и направленія, все еще пока ребенокъ. Вѣрочка Алинская, бѣдная сиротка, живущая въ домѣ Низкихъ, самая невинная и непретендательная дѣвочка. Наконецъ Иванъ, слуга ихъ, типъ усерднаго, и исполнительнаго стараго лакея. Вотъ вамъ и все семейство на лицо. Живутъ они мирно, тихо, должаютъ въ лавочку, абонируютъ ложу у итальянцевъ, не платятъ портному и швейкѣ, пьютъ шампанское, ѣздятъ въ Соединенное Общество и получаютъ доходу ровно треть своего годоваго бюджета. Вдругъ пріѣзжаетъ къ нимъ изъ Москвы Семенъ Семенычъ Итакъ, старый сослуживецъ и закадычный другъ Ивана Петровича. Гусарскій ротмистръ уже въ отставкѣ и въ лѣтахъ. — «Ну, что, спрашиваетъ Низкой, ты все такой-же вихрь съ бурей и градомъ, какъ встарину, помнишь?» — И не напоминай, братецъ: *перемѣнился*, совсѣмъ *остепенился*! Куда! Жениться хо-

чу! — «Ну, и славно! значитъ нашего поля ягода! Такъ оставайся у меня въ домѣ. Не жить-же старому другу въ какомъ нибудь десятирублевомъ нумерѣ съ тараканами. — Итакъ остается. Но въ первый часъ времени онъ сообщаетъ свои правила и воззрѣніе на жизнь всему семейству. Мужа научаетъ, чтобъ онъ не слушался жены и ѣхалъ въ клубъ играть въ лото до двухъ часовъ ночи; сына поитъ шампанскимъ и учитъ, какъ объясняться въ любви Вѣрочкѣ; словомъ, перессорилъ, перемутилъ, перепуталъ все семейство и весь домъ поставилъ вверхъ дномъ, но самъ до того запутывается, что не знаетъ, какъ и выбраться отъ пріятеля, которому такъ славно удружилъ.

Мысль пьесы очень хороша, но исполненіе этой мысли попалось, повидимому, въ очень слабыя и неопытныя руки. Хорошій авторъ сдѣлалъ-бы изъ такого сюжета прекрасную комедію, въ теперешнемъ-же видѣ она довольно слаба, однако, не смотря на то, возбуждаетъ интересъ, а нерѣдко и смѣхъ. Жаль, что лучшія сцены не развиты, и что все скомкано на скорую руку, такъ, что цѣлое теряетъ правдоподобіе и главное достоинство сценическаго произведенія — колоритъ характеровъ.

Пьеска, по возможности, была разыграна довольно хорошо. Господинъ Марковецкій — въ главной роли *Ивана Петровича*, былъ чрезвычайно вѣренъ натурѣ и смѣшенъ. Особенно прекрасно ведена имъ сцена, когда онъ возвращается домой изъ клуба и хочетъ вызвать своего пріятеля на дуэль за то, что онъ его давича назвалъ *бабой*, не то — *мокрой курицей*. Господинъ Каратыгинъ 2, несмотря на всѣ старанія, ничего не могъ сдѣлать изъ роли *Итака*, потому что характеръ этого лица вовсе не обрисованъ авторомъ и сцены его расположены чрезвычайно неловко. Г-жа Жулева играла мужскую роль *Виктора*, она очень мила въ мужскомъ платьѣ, но мы, признаться, лучше желали бы видѣть эту роль исполненною молодымъ мужчиною.

—

Четвертая исторія о *друзьяхъ*, называемая Имянины городничаго или Старый другъ лучше новыхъ двухъ, такъ стара, что объ ней говорить уже не слѣдуетъ. Что пьеса эта не глупая и не дурно составлена, доказывается тѣмъ, что она, если не ошибаемся, уже во второй разъ возобновляется и всегда разыгрывается съ одинакою совокупностію.... Здѣсь всѣ артисты на своемъ мѣстѣ и въ своей тарелкѣ и потому публика всегда одинаково пріятно проводитъ время свое на имянинахъ городничаго.

—

Левъ и львица. Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. *Н. Я. Яковлевскаго.*

Порывъ и Страсть или Два женскія сердца. Драма въ въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго *И. С. Юрьевой.*

Всякой шутъ Иванъ Иванычъ! Шутка-поговорка въ двухъ картинахъ *Ѳ. А. Кони.*

Покойникъ мужъ и его вдова. Комедія водевиль въ одномъ дѣйствіи *Ѳ. А. Кони.* (Сюжетъ заимствованъ изъ французской комедіи.)

(*Бенефисъ госпожи Сандуновой.*)

Начнемъ съ нескромности, впрочемъ очень извинительной, открывъ, что имя г-жи Юрьевой, извѣстное въ русской литературѣ по нѣсколькимъ повѣстямъ, разбросаннымъ въ журналахъ, и въ особенности сдѣлавшееся интереснымъ по послѣднимъ двумъ ея произведеніямъ «*Воля и доля*» и «*Сапожный снарядъ*», помѣщеннымъ въ «Пантеонѣ» и имѣвшимъ большой успѣхъ въ читающей публикѣ, что это имя есть ничто иное, какъ псевдонимъ г-жи Сандуновой. Открытіе это сдѣлали не мы, но сама публика, которая послѣ драмы «Порывъ и Страсть» потребовала переводчицу, и увидѣла г-жу Юрьеву на сценѣ—въ лицѣ самой бенефисіантки. Но это открытіе псевдонима повело къ разрѣшенію другой загадки: отчего бенефисы этой артистки всегда составляются такъ добросовѣстно, изъ пьесъ дѣльныхъ, возбуждающихъ всеобщій интересъ? Г-жа Сандунова, какъ писательница, и какъ артистка, принадлежащая къ литературному кругу, въ выборѣ своемъ всегда руководствуется болѣе эстетическимъ чувствомъ, чѣмъ меркантильными видами, и притомъ имѣетъ болѣе средствъ сдѣлать хорошій выборъ. Поэтому нисколько не удивительно, что бенефисъ ея въ нынѣшнемъ году былъ лучшій по составу и содержанію и что публика довѣрчиво наполнила залу театра, зная напередъ, что не обманется въ своихъ ожиданіяхъ. За то всѣ пьесы этого бенефиса имѣли большой успѣхъ, были прекрасно исполнены и авторы и артисты по нѣсколько разъ вызваны.

Но бенефисъ этотъ въ особенности замѣчателенъ тѣмъ, что двумъ прекраснымъ молодымъ артистамъ, г-жѣ Жулевой и г-ну Марковецкому далъ возможность выказать талантъ ихъ въ полномъ блескѣ и поставилъ ихъ во мнѣніи публики въ рядъ первостепенныхъ дарованій русской сцены.

Значительнѣйшая пьеса бенефиса была драма «*Порывъ и Страсть*», передѣланная изъ довольно натянутой и эксцентрической драмы Сувестра, самой бенефиціанткою. Надо отдать пол-

ную справедливвсть г-жѣ Сандуновой, она очень искусно и съ большимъ знаніемъ сцены умѣла выбрать изъ подлинника все хорошее, отбросить натянутое и неестественное и риторическую напыщенность замѣнить глубокимъ чувствомъ, выраженнымъ языкомъ простымъ, легкимъ и правильнымъ. Такую передѣлку можно почти назвать пересозданіемъ. Познакомимъ читателя съ содержаніемъ. Каролина выросла и расцвѣла подъ нѣжнымъ попеченіемъ отца, богатаго негоціянта и честнаго человѣка. Товарищемъ ея дѣтскихъ игръ былъ дальній ея родственникъ, троюродный братъ Андре. Въ юношескія лѣта ребяческая привязанность бывшихъ дѣтей обратилась въ болѣе серьезное чувство: Андре полюбилъ Каролину всемъ пыломъ двадцатилѣтняго сердца, но для дѣвушки пора сильныхъ страстей еще не наступила. Чтобы сдѣлаться достойнымъ руки и сердца Каролины, молодой человѣкъ рѣшается отыскать себѣ независимое положеніе въ свѣтѣ и, побуждаемый нетерпѣніемъ страсти, бросается, разумѣется на дорогу, ближе ведущую къ цѣли. Онъ поступаетъ на купеческій корабль, отплывающій въ новый свѣтъ. Разныя обстоятельства и несчастія продержали его въ отсутствіи семь лѣтъ. Но что-же совершилось въ Парижѣ во время этого отсутствія? Значительныя потери разорили отца Каролины, онъ впалъ въ бѣдность и умеръ съ горя и отчаянія, оставя своей сиротѣ одно честное имя и нѣсколько долговыхъ актовъ, по которымъ можно было получить удовлетвореніе только посредствомъ процесса. Каролина должна прибѣгнуть къ этому жалкому наслѣдію, какъ къ единственному средству къ существованію. Она кидается ко всѣмъ извѣстнымъ адвокатамъ, но вездѣ встрѣчаетъ равнодушіе и отказъ, потому-что не имѣетъ возможности заплатить имъ за трудъ. Между тѣмъ, является бѣдность, со всѣми ея ужасными послѣдствіями. Въ это время славился, какъ адвокатъ, Арманъ Феваль, молодой человѣкъ съ душой пылкой и благородной, горящій желаніемъ добра и желающій посвятить всѣ свои знанія на помощь страждущимъ и угнетеннымъ. Судьба сталкиваетъ его съ Каролиною. Арманъ тотчасъ берется за ея дѣло, съ рѣдкимъ великодушіемъ и безкорыстіемъ. Правота на ея сторонѣ и онъ обѣщаетъ выиграть дѣло непремѣнно, не подозрѣвая, въ чистотѣ души, что сила и богатство могутъ иногда восторжествовать и надъ правотою. Первою помощницею въ нуждахъ Каролины была бѣдная ея сосѣдка, молодая танцовщица оперы, дѣвушка очень ограниченная, съ испорченнымъ взглядомъ на жизнь, но съ сердцемъ превосходнымъ. Арманъ, видя, что процессъ можетъ продлиться еще долго, доставляетъ Каролинѣ сред-

ства къ жизни въ счетъ будущихъ ея денегъ, заботится о ея удобствахъ, спокойствіи, удовольствіяхъ. Молодая, неопытная дѣвушка, одинокая, оставленная всѣми среди водоворота шумной столицы, безъ добраго совѣта и подпоры, видитъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ добраго генія, ниспосланнаго ей самимъ Промысломъ. Его пылкая душа, кроткій нравъ и прелестная наружность довершаютъ остальное. Между ними завязывается самая тѣсная, родственная дружба, и въ сердцѣ дѣвушки, уже спѣломъ для любви, это чувство скоро — изъ преданности и благодарности превращается въ самую пламенную страсть. Молодой человѣкъ, съ своей стороны, впервые въ жизни встрѣчаетъ это нѣжное участіе, эту теплоту чувства въ женщинѣ молодой и прекрасной, онъ не противится ея любви, лестной для его самолюбія, и мало по малу самъ увлекается порывомъ страсти. На нихъ смотрятъ какъ на жениха и невѣсту. Такъ проходятъ два года. Каролина сосредоточила весь свой міръ въ любви Армана: ея страсть вкореняется, развивается и ростетъ съ каждымъ днемъ, между тѣмъ, какъ Арманъ, отъ прикосновенія его съ внѣшнею жизнію, съ каждой минутой все болѣе и болѣе разсѣевается и сознаетъ, что сердце его мало принимаетъ участія въ Каролинѣ, что слава, будущность требуютъ отъ него другихъ, болѣе значительныхъ условій. Между тѣмъ начинается говоръ кумушекъ на счетъ долгаго отсутствія свадьбы и обвиненія ихъ падаютъ на бѣдную Кароливу. Говоръ осужденія еще болѣе охлаждаетъ къ ней Армана. Ея дядя, богатый лангедокскій комерціантъ, прибывшій поселиться въ Парижъ, былъ жестоко оскорбленъ въ лицѣ своей дочери, которую на балѣ приняли за Каролину и потому обошлись съ нею непочтительно. Въ порывѣ гнѣва и для избѣжанія подобныхъ сценъ въ будущемъ, онъ даже перемѣняетъ свою фамилію. Такимъ образомъ, клеймо позора ложится на самое имя бѣдной Каролины: ее осуждаютъ, и Арманъ, первый виновникъ этихъ осужденій, самъ начинаетъ стыдиться бѣдной дѣвушки. Кромѣ того, онъ узналъ прелестную дочь богатаго банкира Клери и сердце его впервые заговорило истинной страстью. Искательство его успѣшно, Клери готовъ выдать за него свою Адель. Въ эту-то критическую минуту начинается самая драма, о которой мы говоримъ. Каролина уже замѣтила охлажденіе Армана, она страдаетъ и не смѣетъ высказать своихъ страданій, боясь его гнѣва, его упрековъ. Вся жизнь ея постоянная пытка на медленномъ огнѣ. Вдругъ, нежданно, является другъ ея дѣтства, двоюродный братъ, Андре Бернье, и она рада ему, какъ рыбакъ гавани, гдѣ можетъ хоть на время успокоиться отъ бури. Андре слышалъ, что она заму-

жемъ и благородно отказался отъ своей любви, отъ сладкихъ мечтаній и надеждъ, которыя одни поддерживали его среди треволненій жизни; онъ проситъ только, чтобъ Каролина познакомила его съ мужемъ, которому онъ хочетъ пожать отъ души руку за ея счастіе. Но тутъ онъ узнаетъ, что счастія для Каролины не существуетъ и что человѣкъ, вызвавшійся быть защитникомъ и покровителемъ ея сиротства и чести, теперь ее оставляетъ. Бернье, полный благороднаго негодованія, какъ единственный родственникъ жертвы, хочетъ потребовать у Армана отчета въ его поведеніи. Они сходятся. Но объясненіе ихъ принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ, чѣмъ можно было ожидать. Арманъ честно, прямодушно открываетъ противнику положеніе своей души: любовь его къ Каролинѣ — былъ одинъ *порывъ* юности, ею-же самой вызванный въ пламенномъ двадцатипялѣтнемъ темпераментѣ, любовь-же его къ Адели — *страсть*, поглотившая все его бытіе; Каролина не можетъ быть съ нимъ счастлива, потому что онъ не перестанетъ любить другую; самъ онъ, не можетъ быть счастливъ безъ Адели — и долженъ будетъ, погубивъ всю свою жизнь, возненавидѣть Каролину, какъ препятствіе къ своему счастію. Вмѣсто одного существа, пострадаютъ трое и виновница этого страданія ничего чрезъ-то не выиграетъ. Остается односредство—забыть другъ друга и все прошедшее. Благородный Андре хладнокровно обсудилъ дѣло, ставитъ себя мысленно на мѣсто противника, и при ходѣ обстоятельствъ и настоящемъ положеніи дѣлъ, не находитъ повода къ жестокимъ обвиненіямъ. Онъ рѣшается поправить какъ нибудь положеніе Каролины иными средствами, безъ кровопролитія и пагубныхъ для нея послѣдствій. Между тѣмъ, Каролина подслушала ихъ разговоръ: она ничего не видитъ, кромѣ оскорбленной своей любви и попраннаго счастія. Открытіе соперницы раздуваетъ въ ней страсть до бѣшенства и въ порывѣ своей ревности, не могши преклонить Армана ни просьбами, ни слезами, она бросается къ своей соперницѣ, въ домъ банкира Клери.

Второе дѣйствіе переноситъ насъ въ тихое, прекрасное семейство Клери. Старикъ на верху блаженства: онъ пріискалъ для своей дочери, для Адели, жениха завиднаго, молодаго человѣка съ честью, съ дарованіемъ, не запятнаннаго въ прошедшемъ дурнымъ направленіемъ испорченной молодежи. И онъ и глухая старушка, сестра его, мадамъ Моро, заняты приготовленіями къ свадьбѣ. Сама Адель, очаровательный образецъ женственности и наивности, восхитительна въ мечтахъ о своей будущности, которой счастіе еще очень смутно нашептываетъ ей невинное сердце. Является и счастливый женихъ — Арманъ. Однако, не смотря на

явный восторгъ, улыбка его иногда омрачается тайнымъ голосомъ совѣсти. Но картина блаженства, которую онъ видитъ передъ собою, скоро заглушаетъ эти минутныя впечатлѣнія. Всѣ спѣшатъ къ дѣлу: отецъ и зять къ нотаріусу, невѣста къ вѣнчальному тоалету, старуха къ домашнимъ заботамъ. Въ эту минуту является Каролина, которую ревность превратила въ Эвмениду. Встрѣча страждущей Каролины, которой всѣ надежды разрушены, съ веселой невѣстой, для которой восходитъ радуга счастія, и вся сцена ихъ— созданы мастерски. Каролина требуетъ у соперницы назадъ сердце своего Армана: «Онъ мой, говоритъ она, я купила его цѣной моей любви, цѣной всей моей жизни! А вы, что вы для него сдѣлали? Вы умѣли только ему понравиться, можетъ быть, немножко полюбили, и отдаете ему свою руку, потому что надо-же за кого-нибудь выдти.... но безъ него — жизнь для васъ остается жизнью, а для меня она, отчаяніе, проклятіе, смерть!» Простодушная Адель не понимаетъ сначала страстныхъ словъ Каролины, но сердце ея начинаетъ ихъ тревожно разгадывать.... Это первый порывъ жизненнаго урагана, который гнетъ прекрасный цвѣтокъ къ землѣ.... и бѣдная дѣвушка плачетъ, ломаетъ руки, у нея хотятъ отнять первый восторгъ сердца, первую мечту счастія и она борется, но безсильно, безсознательно.... Входитъ Арманъ, онъ смущенъ, блѣднѣетъ при видѣ Каролины.... улика на лицо и въ благородномъ сердцѣ Адели пробуждается омерзеніе къ обманщику, такъ осквернившему ея первое довѣріе, такъ оскорбившему ея дѣвичью гордость. Она срываетъ покрывало и брачный вѣнокъ съ головы и бросаетъ ихъ къ ногамъ Каролины: «Возьмите, говоритъ она, вотъ мое блаженство — у ногъ вашихъ, я буду плакать всю жизнь, но чужаго счастія не нарушу!» — Арманъ въ полномъ отчаяніи. «Женщина! говоритъ онъ Каролинѣ, ты виновница всѣхъ моихъ бѣдствій, ты внесла отчаяніе въ прекрасное, мирное семейство; разорвавъ этотъ бракъ, ты разрушила всю мою жизнь: знай-же, прежде я тебя только не любилъ, теперь я тебя ненавижу! Торжествуй, ты достигла своей цѣли!» — Но не того искала Каролина; слова Армана для нея смертный приговоръ.... Она очнулась, но поздно, она отказывается отъ всѣхъ притязаній, но сердце Адели не можетъ уже полюбить снова, и она сама подавлена развалинами чужаго счастія. Но страданія ея еще не кончены. Является Клери, узнаетъ все, что случилось, а въ Каролинѣ — ненавистную племянницу, которая, бывъ разъ причиною оскорбленія его дочери, теперь снова явилась, чтобы разрушить ея счастіе! Клери кидается на нее съ бѣшенствомъ.... Несчастная безмольна, она подавлена своимъ страданіемъ и готова принять на себя это послѣднее

посрамленіе, чтобы только спасти все еще любимаго Армана. Но въ эту минуту у нея является защитникъ: благородный Андре прикрываетъ ее собою: «Остановитесь, говоритъ онъ разъяренному дядѣ, она теперь носитъ мое имя: это моя жена! Полная чести, она довершитъ жертву своего самоотверженія, и вдали отсюда, постарается забыть, до чего могутъ довести человѣка безразсудные порывы молодости и какъ черствѣетъ всякое человѣческое чувство въ душѣ самой благородной, если она избрала себѣ цѣлью одинъ эгоизмъ и обманчивую славу свѣта.» При видѣ страданій Каролины, благородства Андре, и самоотверженія этихъ двухъ слабыхъ женщинъ, совѣсть пробуждается въ Арманѣ, онъ самъ обвиняетъ себя въ низости, слабости, хочетъ заплатить за нея честью, жизнью, всѣмъ, если только Каролина рѣшится простить его вину, которую онъ выплачетъ у ногъ ея кровавыми слезами.... и Каролина, безпамятная, согбенная, какъ поломанное бурею деревцо, при этихъ словахъ оживаетъ, медленно поднимается, протягиваетъ робко руку, и когда Арманъ ее схватываетъ, съ крикомъ восторга кидается въ его объятія. — Андре, свершивъ свой долгъ, проситъ Клери отправить его поскорѣе на его кораблѣ въ колонію, въ Америку. — «Погодите, молодой человѣкъ, отвѣчаетъ Клери, мы, съ дочерью, отправимся вмѣстѣ съ вами; потерявъ родное въ Каролинѣ, вы найдете семью въ домѣ Клери!»

Такъ оканчивается эта драма, которой каждая сцена представляетъ новый и неожиданный интересъ и, то растрогиваетъ зрителя до слезъ, то развлекаетъ его самымъ благороднымъ комизмомъ. Характеры дѣйствующихъ лицъ обрисованы довольно полно и рельефно, и хотя они просты и жизненны, однако носятъ печать нѣкоторой оригинальности по своему развитію. Главное достоинство этой драмы ея естественность: здѣсь нѣтъ ни героевъ на ходуляхъ, ни злокачественныхъ, напередъ задуманныхъ, злодѣевъ: это все люди очень обыкновенныя, поставленные въ драматическое положеніе, вслѣдствіе своихъ слабостей и страстей, почерпнутыхъ изъ свойствъ человѣческаго сердца и изъ условій общественной жизни. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ довольно живо напоминаютъ типы, прежде извѣстные, какъ напр. Старикъ Клери — *купца Бота*, Арманъ — героя Скрибовой комедіи «Цѣпь», старуха Маро — подобную же старуху въ комедіи «Бабушка», танцовщица Фанни — многое множество подобныхъ характеровъ; но они по положеніямъ своимъ обнаруживаютъ совершенно новыя стороны драматизма. Много натуры придаетъ дѣйствію также простой, не изысканный языкъ, который

даже въ минуты патетическія не выходитъ изъ колеи общепринятыхъ разговорныхъ формъ.

При такихъ условіяхъ драмы, довольно рѣдкихъ на нашей сценѣ, разумѣется, и выполненіе ея значительно облегчилось для артистовъ. Тамъ, гдѣ сама роль говоритъ за себя, немного нужно таланта, чтобы поддержать ее. Но въ этомъ случаѣ надо отдать полную справедливость артистамъ, они сдѣлали болѣе, чѣмъ отъ нихъ могли ожидать. Пьеса шла съ замѣчательною и рѣдкою совокупностію, и еслибъ не нѣкоторыя роли, для которыхъ не нашлось приличныхъ представителей, за отсутствіемъ многихъ главныхъ лицъ нашей труппы, то представленіе этой драмы можно-бы назвать совершеннымъ. Г. Брянскій со всей своей прежней славой явился въ полу-комической, полу-патетической роли банкира *Клери*. Сцены его съ дочерью, съ зятемъ, передъ подписаніемъ контракта, и послѣдняя съ Каролиной были выражены энергически и съ обдуманностію, всегда характеризовавшею игру этого заслуженнаго артиста. Г-жа Сосницкая въ глухой мадамъ *Моро* возбуждала самыя заслуженныя рукоплесканія своей естественной, умной и непринужденной игрою. Г-жа Читау прелестно передала характеръ *Адели*: сколько наивнаго чувства, дѣтскости, добродушія и вмѣстѣ съ тѣмъ благородства умѣла она влить въ эту роль, очень трудную для исполненія, даже для опытной актрисы. Это именно то, чего хотѣлъ авторъ отъ характера Адели, написаннаго имъ въ противоположность къ бурнымъ порывамъ Каролины. Эта роль только и можетъ выиграть простотою выраженія, г-жа Читау поняла это и драматизмъ ея положенія чрезъ то очень много выигралъ. Но выше всѣхъ въ этой драмѣ г-жа Жулева — въ главной роли *Каролины*. По амплуа на нашей сценѣ роль эта принадлежала г-жѣ Самойловой 2-й, такъ какъ и роль *Фанни* — госпожѣ Самойловой 1-й, но за отсутствіемъ ихъ роль Каролины, по необходимости, была поручена робкой и несамонадѣянной г-жѣ Жулевой. Мы еще недавно имѣли случай говорить о ярко выразившемся драматическомъ дарованіи этой молодой артистки въ роли *Офеліи* Шекспира. Теперь мы рады, что можемъ подтвердить, что превосходное исполненіе Офеліи было не дѣломъ простаго случая, а явнымъ проблескомъ рѣдкаго таланта, попавшаго, наконецъ, на настоящую свою колею и обѣщающаго огромную подпору и украшеніе русскому театру. Роль Каролины принадлежитъ къ сильнѣйшимъ ролямъ драматическаго репертуара и требуетъ отъ артистки не только энергія и обдуманности, но еще и глубокаго, искренняго чувства и скромнаго приличія. Во всѣхъ отношеніяхъ г-жа Жулева по-

казала себя талантомъ сознательнымъ и самобытнымъ, а многія сцены напоминали въ ней восторженное увлеченіе и возвышенную натуру чувства покойнаго Мочалова, представителя внутреннихъ движеній сердца по преимуществу. Сцена упрековъ и потомъ просьбъ о прощеніи съ Арманомъ были выражены артисткою съ мастерствомъ неподражаемымъ. Это чистѣйшая натура: въ ея словахъ, въ звукахъ голоса выливалась вся ея душа, полная слезъ, любви и опасеній. Потомъ, сцена, когда она узнаетъ о намѣреніи Армана жениться и выбѣгаетъ къ нему почти съ безгласнымъ упрекомъ, гдѣ крикъ ея выражаетъ, что всѣ струны души вдругъ лопнули, — достойна таланта г-жи Дорваль и Розы Шери. Конецъ перваго акта — это помѣшательство, это страданіе отъ измѣнившей памяти — вѣрнѣе и естественнѣе выразить невозможно, чѣмъ его выражаетъ г-жа Жулева. Весь вторый актъ веденъ ею съ энергіею и задушевностію, рѣдкими на нашей сценѣ. Видно, что все обдумано артисткою, но ничто не заучено и прямо рвется изъ сердца. Можетъ быть, другая артистка сыграла-бы эти трудныя сцены граціознѣе, эфектнѣе, то-есть, театральнѣе, но естественнѣе, проще — едва-ли. А въ дѣлѣ искусства, въ особенности сценическаго, естественность и простота самыя главныя условія и притомъ составляютъ высшую степень творческаго совершенства. Сцена Каролины съ Аделью — истинно пробный камень для хорошей актрисы: эта сцена, гдѣ Каролина, унижаясь передъ соперницею до мольбы о возвратѣ ей Армана, обнажаетъ язвы своего сердца, должна быть прикрыта благородствомъ, которое-бы спасало ее въ глазахъ Адели и ставило ее на одну доску съ нею. Между тѣмъ, сила и увлеченіе, съ которыми эта сцена должна быть ведена, очень легко могутъ заставить актрису забыть это необходимое достоинство и низвести патетизмъ до тривіальности. Г-жа Жулева и здѣсь вышла побѣдительницею. Публика глубоко сочувствовала артисткѣ во все продолженіе драмы, и удостоила ее единогласными вызовами послѣ перваго и втораго актовъ. Поздравляемъ молодую артистку! Она нашла настоящее свое амплуа, и если она съ такою-же любовью къ своему дѣлу, съ тѣмъ-же рвеніемъ и съ такимъ-же отсутствіемъ опаснаго самолюбія и еще опаснѣйшей самонадѣянности, погубившихъ такъ много дарованій въ самомъ ихъ развитіи, будетъ продолжать трудиться въ этомъ амплуа, то мы предсказываемъ, что ранѣе, чѣмъ въ два года, она будетъ первой драматической актрисой русской сцены. Г-жа Жулева имѣетъ то, чего не имѣютъ другія артистки: чувство и органъ, способный находить звуки для каждаго его оттѣнка. Кромѣ того въ ней неза-

мѣтно смѣшнаго обезъянства манеръ французскихъ актрисъ, вовсе нейдущаго къ русской натурѣ и складу нашей рѣчи и нашихъ понятій: она самобытна и потому оригинальна. Господинъ Григорьевъ, за отсутствіемъ г. Максимова, принялъ на себя роль молодаго любовника, *Армана*, и хотя лѣта и амплуа его сильно противорѣчили характеру, однако-же, какъ умный актеръ, онъ поддержалъ достоинство роли. Г. Смирновъ 2 — *Андре*, занимавшій роль отсутствующаго Самойлова, съ истинно-похвальною старательностію сдѣлалъ все, что могъ изъ этой роли.

Мы помнимъ, лѣтъ тому пятнадцать, у насъ давались драмы съ двойной обстановкою ролей. Такъ, напримѣръ, игрались драмы «Венеціянская актриса» и «Матильда или Ревность». Публика съ жадностію ходила смотрѣть и тѣхъ, и другихъ артистовъ, и это состязаніе, порождая въ нихъ соперничество, очень благодѣтельно дѣйствовало на развитіе талантовъ. Что, еслибъ, по возвращеніи всѣхъ артистовъ, и съ этой драмой поступить также? Это было бы пріятно и для публики, которая сравненіемъ могла-бы оцѣнить вѣрнѣе таланты, и небезполезно для самихъ артистовъ, которые наперерывъ постарались бы стяжать пальму первенства.

Вторая пьеса бенефиса «Левъ и Львица» принадлежитъ перу автора водевиля «Дядюшкинъ фракъ и тетушкинъ капотъ» и, по нашему мнѣнію, стоитъ много выше первой. Здѣсь уже не простая шутка, а язвительная насмѣшка надъ дамами средняго круга, которыя лезутъ въ аристократки, не взирая ни на образъ своего воспитанія, ни на денежныя средства, и, начитавшись романовъ Жоржа Занда, которыхъ настоящаго смысла не поняли, начинаютъ свою эманципацію съ куренія сигаръ и папиросъ, верховой ѣзды, странныхъ ухватокъ и разныхъ разностей, менѣе всего дѣлающихъ женщину очаровательною. Одна изъ такихъ заѣзжихъ героинь, которую съ послѣдняго ума свихнула глупая семья Снѣжковыхъ, причисляющая себя къ аристократамъ на томъ основаніи, что состоитъ въ знакомствѣ съ какою-то княгиней Чингисхановой, дѣлая разныя эксцентрическія глупости, попадается въ страшный лабетъ. Она влюбляется въ нелѣпаго франта, объясняется ему въ туманной любви и готова выдти за него за-мужъ, принявъ его за графа, а на повѣрку выходитъ, что этотъ левъ только графскій каммердинеръ. Онъ имѣетъ виды на ея горничную, а львица приняла эти виды на свой счетъ. Наконецъ женщина-звѣрь выходитъ за своего управителя, которой увозитъ ее изъ города, чтобы образумить надъ вареньемъ грибовъ и соленьемъ огурцовъ. Несмотря на незатѣйливое содер-

жаніе, въ пьесѣ много сценъ уморительныхъ и самыхъ мѣткихъ сарказмовъ. Публика приняла ее съ особеннымъ одобреніемъ и вызвала всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Между ними отличался г. Марковецкій въ роли лакея-льва Василькова, которую исполнилъ съ благороднымъ комизмомъ и большою ловкостію. Роль львицы была написана авторомъ для г-жи Линской, оставившей сцену; г-жа Громова не придала этому характеру требуемаго комизма, но, по средствамъ, выполнила роль довольно хорошо.

Объ остальныхъ двухъ пьесахъ «Всякой шутъ Иванъ Иванычъ» и «Покойникъ мужъ и его вдова» мнѣ говорить не приходится. Въ своемъ дѣлѣ быть судьею, по моему понятію, нельзя. Конечно, есть примѣры, что иногда издатели въ своихъ-же изданіяхъ превозносятъ свои творенія и жалуютъ себя въ геніи первой масти, не подписывая, впрочемъ, статей своимъ именемъ или взваливая ихъ на какую-нибудь провинціальную безъизвѣстность. Такого рода похвала какъ-то не представляетъ для меня ничего лестнаго, да и могла-бы въ читателяхъ поселить обо мнѣ не совсѣмъ выгодное для моего самолюбія мнѣніе. А потому, какъ ни соблазнительны примѣры новѣйшей литературной промышленности, я отъ нихъ воздержусь, и представлю въ слѣдующей книжкѣ пьесу «Всякой шутъ Иванъ Иванычъ» на усмотрѣніе самой публики, для которой она написана. Разумѣется, никто лучше самаго автора не могъ-бы указать на всѣ недостатки и несовершенства этой пьески, написанной въ нѣсколько часовъ, для нѣсколькихъ представленій, съ цѣлью доставить веселый часъ посѣтителямъ театра; но стоитъ-ли этотъ обыденный трудъ долгихъ толкованій о немъ? Притомъ, у меня есть пріятельскій журналъ, который съ истинно-благородною ревностію, подрядился охуждать каждую книжку Пантеона, вѣроятно, чтобы доставить ей успѣхъ равный своему, и критически, широковѣщательно разбирать каждую строчку, написанною мною. Желающихъ видѣть въ моей пьесѣ *дурное*, отсылаю къ этому *почтенному* изданію. О представленіи-же пьесы скажу только, что она была разыграна такъ удачно, что заслужила огромный успѣхъ, вызовъ всѣмъ артистамъ и двоекратный вызовъ автору. За исполненіе обѣихъ пьесъ надо отдать полную справедливость артистамъ. Въ первой чрезвычайно смѣшны были гг. Мартыновъ, Каратыгинъ 2 и Марковецкій, въ роли московскаго купчика Бородавкина. Во второй г. Григорьевъ, прекрасно играющій роль *Отрадина*, по старинѣ стяжалъ рукоплесканія; а г. Марковецкій, замѣнивъ г. Максимова въ ролѣ *Бурскаго*, нисколько не заставилъ жалѣть объ немъ, и въ первый разъ показалъ, что и въ амплуа молодыхъ любовниковъ, въ комедіи, можетъ быть актеромъ очень пріятнымъ и, главное, непринужденно-натуральнымъ. Этотъ артистъ, сыгравъ въ этотъ бенефисъ три совершенно разнородныя роли, показалъ всю гибкость своего таланта, которая можетъ быть чрезвычайно полезна для нашей сцены.

Ѳ. КОНИ.

=

ПАНОРАМА ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

(Письмо изъ Парижа отъ 1/13 Августа.)

Театръ-Комической Оперы безспорно самый дѣятельный изъ парижскихъ театровъ. Даже въ настоящее время, когда всѣ прочіе театры, ссылаясь на лѣтніе жары и на отсутствіе публики, не ставятъ ничего новаго, кромѣ такихъ пьесъ, которыя имъ хочется сбыть съ рукъ, Комическая Опера даетъ отъ времени до времени новое произведеніе, которому можно предсказывать продолжительный успѣхъ. Не прошло еще двухъ мѣсяцевъ, послѣ появленія «Сна въ лѣтнюю ночь», какъ афишки Комической Оперы приглашали уже публику смотрѣть новую оперу композитора, пользующагося общимъ уваженіемъ, хотя въ первый разъ выступающаго на драматическое поприще. Г. Жоссъ принадлежитъ къ небольшому числу ревностныхъ почитателей и послѣдователей Берліоза; нѣсколько лѣтъ тому онъ явился передъ публикою съ фантастическою ораторіею въ четырехъ частяхъ, подъ названіемъ: «Отшельникъ или Искушеніе», въ которой ясно видѣнъ былъ если не совсѣмъ самобытный, то все-таки замѣчательный талантъ; тоже самое должно сказать и объ его оперѣ. Жаль только, что онъ, подобно многимъ своимъ собратіямъ музыкантамъ, не совсѣмъ удачно выбралъ сюжетъ для оперы; либретто гг. Варена и Шокара слишкомъ тоще и незанимательно для оперы, его хватило-бы развѣ только на шутку-водевиль. Представьте себѣ отставнаго солдата, трубача, который возвращается на родину съ трубкою, выигранною въ орлянку у капрала. Чтожъ тутъ такаго удивительнаго, скажете вы, въ солдатской трубкѣ? Оно такъ; трубка себѣ какъ всякая трубка, на видъ ее и не отличите отъ другой, однако-же эта трубка играетъ важную

роль въ оперѣ. Жерико съ своею трубкою является на одну ферму, принадлежащую двумъ сестрамъ, и желаетъ поступить къ нимъ въ работники. При этомъ удобномъ случаѣ онъ приволакивается за старшею сестрою, хорошенькой вдовушкой Женевьевой; но Женевьева принимаетъ его любезности такъ сурово, что Жерико, не зная куда дѣваться, хватается за трубку, — но хвать, табакъ весь вышелъ! Жерико оставляетъ трубку на столѣ и бѣжитъ за табакомъ. Тутъ-то открывается, какой кладъ эта трубка. Франсина, сестра Женевьевы, найдя трубку на столѣ, приходитъ въ несказанный восторгъ, потому что она считаетъ хозяиномъ трубки солдата Реймонда, который пришелъ на ферму для излеченія ранъ, да вмѣсто того получилъ новую рану отъ лукавыхъ глазокъ Франсины. Впрочемъ, онъ отплатилъ ей тѣмъ же. Когда Жерико возвращается за трубкою, онъ ума не приложитъ, откуда ему такая милость! Обѣ сестры на перерывъ ласкаютъ и лелѣютъ его, кормятъ, поятъ, не знаютъ, какъ угодить дорогому гостю. Просто чудеса, и все благодаря трубкѣ; въ ней, видно, есть какая нибудь тайна, это талисманъ, — только талисманъ этотъ не дѣйствуетъ на мужчинъ, потому что, чѣмъ болѣе сестры его ласкаютъ, тѣмъ болѣе хмурится на него Реймонъ. Наконецъ, за стаканомъ вина все объясняется, Жерико разсказываетъ какимъ-образомъ онъ выигралъ трубку въ орлянку у капрала Питу, а надо вамъ сказать, что Питу не кто иной, какъ женихъ Женевьевы, и получилъ трубку въ подарокъ отъ нея. Выслушавъ разсказъ, вдовушка вырываетъ трубку изъ рукъ Жерико, даритъ ее Реймонду, а трубачу взамѣнъ ея предлагаетъ свою руку. Реймонду-же ничто уже не мѣшаетъ жениться на Франсинѣ; потому что трубка дѣйствительно талисманъ, — оттого и опера называется «*Талисманомъ*»; она принадлежала отцу ея и Женевьевы, который, передъ смертью, завѣщалъ, чтобы Франсина была женою того, кому будетъ принадлежать трубка. Завѣщаніе достойное отчаяннаго табачника!

На это жалкое либретто, г. Жоссъ написалъ нѣсколько очень миленькихъ нумеровъ, въ которыхъ однако-же постоянно слышно, какъ трудно было опытному и серьозному музыканту, привыкшему къ полнотѣ стиля и къ широкой кисти симфоніи, справляться съ этою черезъ чуръ хрупкою канвою. Всего замѣчательнѣе увертюра, въ которой онъ могъ дать большую свободы характеру своего таланта и комическіе куплеты Жерико къ трубкѣ.

На Французскомъ Театрѣ старая знакомка Петербурга, г-жа Алланъ, дѣлаетъ чудеса своимъ прекраснымъ талантомъ въ пьескѣ Альфреда де-Мюссе, «Подсвѣчникъ». Это единственная по-

вость на этомъ театрѣ, и новость только тѣмъ, что въ ней играетъ г-жа Алланъ; ибо самая пьеса давно извѣстна публикѣ, и года два уже какъ поставлена на Историческомъ Театрѣ.

Театръ Драматической Гимназіи возобновилъ двѣ очень старинныя пьесы, которыя успѣли уже обойти не только всю Францію, но и всѣ города Европы и Америки, имѣющіе французскій театръ; это: «*Знатная барыня*» (Une grande dame), драма-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, г. Баяра, одно изъ его первыхъ и лучшихъ произведеній, явившееся въ 1831 году; и «Les trois péchés du diable», водевиль въ одномъ дѣйствіи гг. Варена и Любиза.

За этимъ слѣдуетъ полдюжины водевилей, болѣе или менѣе забавныхъ, которыхъ назначеніе соблазнить взоры прохожихъ новымъ названіемъ на афишкѣ, продержаться на сценѣ нѣсколько недѣль и потомъ непримѣтно сойти въ могилу. Однако же кромѣ ихъ, намъ рѣшительно нечего внести въ свою лѣтопись.

La vie du café, «*Жизнь въ кофейнѣ*», водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, гг. Дюпети и Вандербурха, данный на театрѣ Водевиля, пьеса предлинная имѣетъ цѣлью доказать давно извѣстную истину, что мужъ долженъ сидѣть дома съ женою, заниматься своими дѣлами или управленіемъ имѣнія, а не таскаться по кофейнямъ; что въ противномъ случаѣ ложный другъ разоритъ, ограбитъ его, однимъ словомъ, что онъ лишится и состоянія, и семейнаго счастья, и ни вѣсть какихъ бѣдъ навлечетъ на себя. Все это пришлось-бы испытать мосьё Дидье, благодаря другу его, Дюкло, скрывающему свое настоящее имя, чтобы избѣжать заслуженнаго наказанія за воровство и подлогъ, еслибъ не пріѣхалъ во время умный дядя, который уличаетъ мерзавца, возвращаетъ племянника на путь истины.

Les trois dondons (dondon, слово, изобрѣтенное авторомъ пьесы), водевиль въ одномъ дѣйствіи, пошлый фарсъ, основанный на переодѣваніяхъ и на двусмысленностяхъ. Нѣкто, мосьё Кофиньеръ, отказалъ своей кухаркѣ и ищетъ другую. Вмѣсто одной являются двѣ, но эти двѣ ни кто иныя, какъ переодѣтые претендатели на руку мамаозель Розетты Кофиньеръ. Соперники узнаютъ другъ друга; Розетта, какъ умная дѣвочка, также смѣкаетъ въ чемъ дѣло; одинъ мосьё Кофиньеръ дается въ обманъ. Наконецъ является и третья кухарка, уже настоящая кухарка, но Кофиньеръ вбилъ себѣ въ голову, что это переодѣтый мосьё Гландюро, котораго онъ прочитъ въ женихи Розетты. Отсюда предлинная и преглупая кутерьма, кончающаяся тѣмъ, что мадмоазель Розетта выходитъ за того изъ жениховъ, котораго избрало ея сердце.

Также незамысловатъ водевиль гг. Дюмануара, Сиродена и

Моро, *Ромео и Маріелла*, данный на театрѣ Монтансье. Маклерскій конторщикъ Ромео и хорошенькая гризетка Маріелла дурачатъ другъ друга безъ всякой разумной цѣли, кромѣ потѣхи зрителей. Ромео влюбленъ въ Маріеллу, и радъ-бы на ней жениться, еслибъ у нея не было тетки, мадамъ Боко, старухи, въ чепцѣ, въ очкахъ, такой злой и сварливой наружности, что хоть-бы бѣжать отъ нея за тридевять земель. Но Ромео въ этомъ случаѣ ошибается, у Маріеллы вовсе нѣтъ тетки, а старуха, которая сидитъ у ея окна и выходитъ изъ ея квартиры — она сама; она наряжается старухою и распустила слухъ о теткѣ, которая будто-бы стережетъ ее, какъ Аргусъ, затѣмъ только, чтобы избавиться отъ неотвязчивыхъ любезниковъ. Однакоже Ромео рѣшается умилостивить старуху, и для того самъ въ свою очередь прикидывается старикомъ, щеголемъ Наполеоновскихъ временъ. Мнимые старикъ и старуха наперерывъ стараются другъ друга перехитрить, перелгать, одурачить. Наконецъ, подурачивъ своего жениха досыта, Маріелла открываетъ ему свою хитрость, и водевиль кончается свадьбою.

Entre l'enclume et le marteau *(Между двухъ огней)* водевиль въ одномъ дѣйствіи, гг. Антони Беро и Альбера, представляетъ молодаго жениха, который изъ добраго сердца и угодливости принимаетъ на себя отвѣтственность за всѣ проказы двухъ довольно вѣтренныхъ супруговъ, и чрезъ то едва не прогуливаетъ собственной невѣсты. Къ концу однако-же все объясняется, супруги даютъ слово остепениться, а мосьё Маріелепъ женится на прекраеной Анаисѣ.

Послѣдніе три водевиля, если не отличаются замысловатостью содержанія, то по-крайней-мѣрѣ выкупаютъ этотъ недостатокъ живостью и веселостью; нѣтъ возможности не хохотать до упаду во все представленіе.

Вотъ всѣ новости, какія представляютъ здѣшніе театры; Большая Опера закрыта, по случаю передѣлокъ въ театрѣ; театръ Сенъ Мартенскихъ Воротъ также закрытъ, по случаѣ банкротства директора; новая-же дирекція еще не составилась; и едвали не таже участь ожидаетъ въ скоромъ времени Историческій Театръ, не смотря на слухъ, будто Александръ Дюма хлопочетъ о передачѣ ему привиллегіи на этотъ театръ. Для того, чтобъ быть директоромъ, нужны деньги, а всѣ знаютъ, по-крайней-мѣрѣ здѣсь, что у г. Дюма деньги не въ карманѣ, а только въ его романахъ.

АН. БОНАВЕНТУРА.

II. АНГЛІЯ.

(Письмо изъ Лондона отъ $^{2}/_{14}$ августа).

Въ послѣднемъ письмѣ, я говорилъ, чтобъ Лумлей, директоръ Итальянской Оперы на Королевскомъ театрѣ далъ генеральное сраженіе, поставивъ «*Бурю*» Галевп. Ковентгарденская опера должна была отвѣчать, и надо отдать ей справедливость, что отвѣтъ былъ самый блистательный, благодаря пріѣзду г-жи Віардо. Появленіе ея въ Мейерберовой оперѣ «*Пророкъ*,» мигомъ подняла на ноги этотъ театръ, который передъ тѣмъ сильно было поколебался, такъ, что артисты-антрепренеры принуждены были не только отказаться на время отъ своего жалованья, но еще приплачивать изъ своего кармана, для поддержанія предпріятія. Этого и слѣдовало ожидать послѣ того фурора, который геніяльная артистка производила въ этой оперѣ въ Парижѣ и въ Берлинѣ. Маріо также очень хорошъ въ роли Іоганна Лейденскаго, хотя нѣтъ въ немъ той глубины чувствъ, которымъ отличается Роже. Но что сказать о г-жѣ Кастелланъ, въ роли Берты? только то развѣ, что слыша этотъ чудный голосъ, столь чистый, звучный, мягкій, нельзя не пожалѣть, что природа отказала ей въ бо́льшей вѣрности слуха, а главное въ томъ внутреннемъ огнѣ, безъ котораго можно быть очень хорошею пѣвицею, но невозможно быть истинной артисткой!

«Пророкъ» и «Гугеноты», суть два столпа, на которыхъ держится теперь Ковентгарденская опера. Но за то третья опера Мейербера, «Робертъ», идетъ чрезвычайно плохо. Г-жа Гризи вовсе не умѣла понять роли Алисы; да и вообще роли наивныхъ, простодушныхъ дѣвушекъ не въ характерѣ ея таланта; а тотъ энтугіазмъ, то чувство высшее и сильнѣйшее, чѣмъ всѣ человѣческія страсти, которое вдругъ даетъ Алисѣ столько энергіи, сколько мы доселѣ успѣли замѣтить, очень рѣдко дается итальянскимъ артистамъ. Послѣднее замѣчаніе, если судить строго, распространяется также на «Гугенотовъ», въ которыхъ Гризи и Маріо прекрасны, но въ которыхъ характеры они передаютъ не совсѣмъ такъ, какъ-бы слѣдовало по внутреннему смыслу партитуры. По этой-же самой причинѣ мы предпочитаемъ Роже господину Маріо въ «Пророкѣ», потому что Роже гораздо ближе подходитъ къ идеалу, который долженъ былъ имѣть въ виду композиторъ.

Между тѣмъ, какъ Ковенгатрденскій Театръ собираетъ рукопле-

сканія и гипеи этими двумя пьесами, Лумлей не дремлетъ на лаврахъ. Вслѣдъ за »*Бурею*», которой успѣхъ растетъ съ каждым представленіемъ, онъ далъ «*Капулетти и Монтекки*», — Беллини. Роль Юліи всегда считалась въ Италіи одною ихъ лучшихъ ролей г-жи Фреццолини; и дѣйствительно, у нея столько чувства, столько неподдѣльной теплоты, столько задушевности, что, по нашему убѣжденію, эту роль должно поставить рядомъ съ двумя другими ролями, въ которыхъ эта артистка истинно неподражаема: съ ролью Беатриче ди-Тенда и съ ролью Эльвиры въ «*Пуританахъ*», Г-жа Пароди исполняла роль Ромео; у нея есть чувство, голосъ ея въ нѣкоторыхъ регистрахъ силенъ и прекрасенъ; въ ней видна понятливая ученица Пасты; но ученица, еще не усвоившая себѣ наставленій учительницы, еще не дошедшая до самостоятельнаго развитія; притомъ нижнія ноты у нея немножко слабы и не совсѣмъ чисты. Въ этой же оперѣ явился снова и Гардони, послѣ продолжительной и опасной болѣзни. Можно себѣ представить, съ какимъ восторгомъ онъ былъ принятъ, послѣ разнесшагося было слуха о его смерти! Прежде, какъ мы уже имѣли однажды случай говорить, англичане судили его довольно строго; впрочемъ роль его въ «*Монтекки и Капулетти*» такъ ничтожна, что въ ней и нельзя многаго требовать отъ артиста. «*Пуритане*», которые должны идти въ скоромъ времени, покажутъ намъ вѣроятно, подвинулся-ли онъ впередъ съ послѣдняго сезона.

За «*Монтекки и Капулетти*» слѣдовалъ этотъ перлъ старинной итальянской комической оперы, «*Тайный бракъ*»,—Чимарозы. Тутъ явились рядомъ три свѣтила Лумлеевской труппы, г-жи Зонтагъ Фреццолини и Пароди. Знаменитое тріо сестеръ и тетки былъ чудомъ совершенства; намъ никогда не случалось слышать это произведеніе въ такомъ прекрасномъ исполненіи. Роль Джеронимо игралъ, разумѣется Лаблашъ, которому до-сихъ-поръ не нашлось еще соперника въ роляхъ буффо.

Но самымъ любопытнымъ, если не самымъ пріятнымъ представленіемъ на этомъ театрѣ, было то, въ которомъ участвовала знаменитая нѣкогда Паста. Въ самомъ дѣлѣ грустно, тяжело становится, когда заслуженный артистъ заставляетъ васъ, если не сказать, то подумать про себя: «Мы слушали тебя, дивились тебѣ, когда ты былъ въ цвѣтѣ силъ и таланта; теперь-же твоя пора прошла; наслаждайся воспоминаніемъ своихъ прежнихъ успѣховъ и уволь насъ отъ прискорбнаго зрѣлища развалинъ великаго дарованія!» Къ несчастію, многіе артисты не хотятъ понять, что все на землѣ преходяще, и что для каждаго пробьетъ

часъ, когда онъ долженъ отказаться отъ успѣховъ, потому что, если въ душѣ его еще не погасъ огонь вдохновенія, то лѣта отняли у него матерьяльныя средства, въ которыхъ этотъ огонь проявлялся. Г-жа Паста избрала ту самую роль, въ которой она нѣкогда приводила въ восторгъ всю Европу, роль *Анны Болены*. Мы, можетъ быть и забыли-бы, что чрезмѣрная полнота артистки и слишкомъ примѣтные слѣды лѣтъ на ея лицѣ, даютъ плохое понятіе о красавицѣ двора Генриха VIII, еслибъ въ головѣ ея сохранилось что нибудь, что напоминало-бы намъ о той Пастѣ, которую мы слышали лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Но увы! она силится держаться въ тонѣ (ей и въ молодости случалось иногда сбиваться), старается выдерживать ноты или выдѣлывать пассажи; но всѣ эти усилія тщетны. Впрочемъ ей аплодировали, вызывали ее, изъ благодарности и уваженія къ прежнимъ ея заслугамъ. Одна сострадательная душа бросила ей даже букетъ.

Состязающіяся оперы переносятъ свое соперничество и на другое поприще, въ концерты, которыхъ здѣсь дается теперь такое несмѣтное количество, что при всей доброй волѣ посѣтителю ихъ ex officio, нѣтъ возможности перебывать на половинѣ, тѣмъ болѣе, что въ Лондонѣ концертъ не то, что въ другомъ городѣ; онъ состоитъ по-крайней мѣрѣ изъ двадцати пяти нумеровъ и продолжается нѣсколько часовъ.

Всѣхъ длиннѣе были концерты обѣихъ итальянскихъ труппъ; они-же привлекаютъ всего болѣе посѣтителей. Кромѣ любителей музыки, которые не могутъ, по дороговизнѣ билетовъ или по другимъ причинамъ, бывать въ театрѣ, а между тѣмъ желаютъ также послушать знаменитыхъ артистовъ, тутъ сходятся безчисленное множество маменекъ съ дочками и содержательницъ пансіоновъ съ своими ученицами. Эти концерты даются днемъ, а въ Англіи много еще такихъ умныхъ маменекъ и содержательницъ пансіоновъ, которыя долгомъ считаютъ держать дѣвицъ, до шестнадцати лѣтъ, какъ дѣтей, и исправно укладывать ихъ спать въ восемь часовъ; а нельзя-же имъ не послушать извѣстныхъ пѣвцовъ, потому-что сами онѣ учатся пѣть, и концертъ для нихъ не просто удовольствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и урокъ.

Въ этихъ концертахъ, кромѣ пьесъ, обыкновенно составляющихъ концертныя программы, то есть, сорокъ разъ слышанныхъ и переслышанныхъ арій, каватинъ и прочая изъ итальянскихъ оперъ, замѣтили мы нѣсколько нумеровъ не столь извѣстныхъ и потому болѣе занимательныхъ; арія изъ «*Артаксеркса*» старриннаго

композитора Арна, превосходное тріо для теноровъ, Эккарда (композитора XVIII вѣка) и Salatoris hostia, изъ мессы Керубини.

На Сентъ-Джемскомъ театрѣ, гдѣ издавна поселился Митчель съ французскаго труппою, безпрестанно смѣняются гости изъ Парижа: Лафонъ, мадмоазель Натали, мадмоазель Брассинъ, г-жи Констансъ и Октавъ, и множество другихъ. Но самою важною гостьею была г-жа Рашель. Она являлась въ *Роксанѣ*, въ *Федрѣ*, въ *Баязетѣ*, и въ *Адріеннѣ Лекувреръ*, и не смотря на то, что она очевидно истощена отъ своихъ безпрестанныхъ разъѣздовъ и частой игры (не въ Парижѣ, а въ другихъ городахъ), она произвела во всѣхъ своихъ роляхъ огромный эфектъ; даже незнающіе французскаго языка дивятся благородству ея дикціи, величію ея движеній и осанки, и игрѣ ея физіономіи. Но зато откуда подобрала она, или скорѣе ея почтенный братецъ, мосье Рафаэль, эту толпу посредственностей, которая окружаетъ ее. Кто слыхалъ когда-либо объ этихъ господахъ Дангладъ, Шери, Тировъ, передъ которыми самъ мосье Рафаэль — второй Тальма, или о г-жахъ Авенель, Дюррей и Кронье? Еслибъ г-жа Рашель хотѣла доказать, что при всемъ ея талантѣ, классическая трагедія вещь скучная, она не могла-бы набрать труппы, которая лучше соотвѣтствовала-бы ея цѣли.

Мы однако-же судимъ классическую трагедію нѣсколько снисходительнѣе; но не можемъ простить г-жѣ Рашель и ея брату ихъ наслѣдственную жадность, которая побуждаетъ ихъ, изъ корыстолюбихъ разсчетовъ, окружать себя такою сволочью, убивающею всякую пьесу.

Въ заключеніе письма скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ явленіи, касающемся собственно англійскаго театра. Это бенефисъ знаменитой артистки, г-жи Гловеръ, пользовавшейся здѣсь нѣкогда такою жеславою, какъ въ Парижѣ г-жа Марсъ. Всѣ лучшіе артисты разныхъ театровъ, гг. Фарренъ, Вебстеръ, Матьюзъ, Килей, Уиганъ, г-жи Элленъ Фоситъ, Вестрисъ, Низбетъ, Килей, участвовали въ этомъ представленіи, въ которомъ г-жа Гловеръ напомнила лучшіе дни своей молодости. Пріемъ, сдѣланный ей публикою, былъ самый лестный, и такъ растрогалъ ее, что она не въ состояніи была произнести коротенькую рѣчь, которою, по обычаю, должна была проститься съ публикою, рукоплескавшею ей въ продолженіе пятидесяти лѣтъ ея артистической дѣятельности. Она благодарила ее однѣми слезами.

=

СМѢСЬ.

ДОСТОВѢРНЫЕ РАЗСКАЗЫ ОБЪ АБАЗІИ.

(*Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абазеховъ.*)

—

VII.

Праздникъ Мизитхи: Клады. — Дорогой цвѣтокъ. — Выигранная красавица. — *Праздникъ Шибли*: Ингушъ Сатай. — Отъѣздъ на праздникъ. — Одахорское Ущелье. — Опасность. — Кража. — Картина праздника. — Скала грома. — Судъ старшины. — Вызыватель грома. — Пиръ. — *Праздникъ Тлепсу*. — Строгій обрядъ. — *Разсказъ*: Князь Келимъ. — Красавица Ассана. — Праздничная ночь. — Факелъ жрицы. — Избранный счастливецъ. — Жрица Тлепса.

Манычь-чеканъ * есть первый весенній праздникъ въ горахъ Абхазіи, посвященный *Мизитхѣ*, богу лѣсовъ. Въ этотъ день всѣ наѣздники и красавицы горъ съѣзжаются къ своимъ кунакамъ въ аулы: *Тамъ-агу*, *Агдера* и *Рыдца*, предпочитаемые всѣмъ другимъ нагорнымъ ауламъ, потому только, что они окружены лучшими заповѣдными рощами. Въ полночь, предшествующую празднику, дѣвушки, подъ предводительствомъ своихъ вѣтхихъ бабушекъ, отправляются на поискъ счастія въ окружныя поля, сбирая тамъ пятилиственникъ. Веселыя пѣсни ихъ, въ которыхъ воспѣваются добрые дѣла Мизитхи, далеко разносятся въ поляхъ нагорнымъ вѣтромъ, сливаясь съ выстрѣлами и ауканьемъ наѣздниковъ, которые въ свою очередь небольшими партіями разсыпа-

* Праздникъ перваго цвѣтка.

ются по окружнымъ курганамъ — отыскивать клады. Кладъ въ нашихъ повѣрьяхъ заключается въ найденной кубышкѣ, разумѣется, полной сокровищъ; находка горца ограничивается ржавымъ клинкомъ кинжала, или винтовки, — что весьма часто ему удается, ибо курганы эти служатъ могильною насыпью тѣламъ когда то храбрыхъ витязей Абхазіи, схороненнымъ, по древнимъ обычаямъ, въ полныхъ доспѣхахъ и вооруженіи. Съ первыми лучами солнца, при дребезжаніи зурнъ и съ громкими пѣснями, горцы возвращаются въ аулъ, сакли котораго украшены зеленью и цвѣтами. Въ эту минуту шествіе открываетъ старый джигитъ, повитый дубовымъ вѣнкомъ и важно возсѣдающій на рогатомъ оленѣ, обреченномъ въ жертву богу лѣсовъ. За нимъ слѣдуютъ всѣ мужчины, окруженные роемъ легкихъ красавицъ, изъ которыхъ каждая обязана принести на площадь аула цвѣтокъ или вѣтвь какого нибудь дерева и положить ихъ у подножія камня, на которомъ свершится жертва Мизитхи. Когда этотъ обрядъ кончится, дѣвушки становятся по лѣвую сторону камня, мужчины отходятъ къ саклямъ, и тогда старый джигитъ, временный жрецъ бога лѣсовъ, дѣлая воззваніе къ Мизитхѣ и прося его объ обиліи плодовъ и лѣсу, — ловкимъ ударомъ кинжала отдѣляетъ голову животнаго. Если операція жертвоприношенія удачна, то въ то-же мгновеніе раздаются выстрѣлы и клики радости, что значитъ — жертва пріятна Мизитхѣ, въ противномъ случаѣ горцы говорятъ: Мизитха нырнулъ въ болото, что значитъ: жертва ему непріятна. Но послѣднее рѣдко случается.

Едва только смолкнутъ выстрѣлы и винтовки изчезнутъ за плечами наѣздниковъ, какъ площадь наполняется конными джигитами и въ ту-же минуту нукеры раставляютъ шесты съ надѣтыми на нихъ шапками. За выстрѣломъ жреца начинаются игры. Каждый удачный выстрѣлъ или ударъ брошенной палки даетъ право юному наѣзднику на полученіе цвѣтка — положеннаго у подножія камня. Вмѣстѣ съ цвѣткомъ горецъ пріобрѣтаетъ и подругу, обязанную плясать съ нимъ весь вечеръ танецъ Мизитхи. Неотличившіеся и неловкіе наѣздники лишаются этого удовольствія и запиваютъ свое горе на коврѣ пиршества.

Праздникъ Манычь чеканъ рѣдко проходитъ безъ рѣзни. И часто, очень часто, на утро, матери и отцы не доискиваются своихъ хорошенькихъ дочерей, братья сестеръ, а мужья женъ; потому что въ аулъ на праздникъ съѣзжаются даже и горскіе хищники, которые, выигравъ цвѣтокъ, а съ нимъ красавицу и, пользуясь темнотою ночи, воруютъ своихъ праздничныхъ подругъ....

Вотъ разсказъ покойнаго Новоселова * о праздникѣ богу Шибли, въ торжествѣ котораго онъ даже самъ былъ участникомъ.

« Проданный въ третьи руки, говоритъ Новоселовъ, я уже потерялъ всякую надежду воротиться когда нибудь на родину и обнять друзей; родныхъ у меня не было.... Сердце во мнѣ кипѣло съ каждымъ новымъ днемъ моего плѣна, и къ мукамъ его я начиналъ даже привыкать. Я старался забыть счастливые годы моей юности. Но, казалось, судьба сжалилась наконецъ надо мною. Послѣдній мой хозяинъ, какой то бѣглый ингушъ, былъ человѣкъ не злой и, что крайне важно въ обычаѣ всѣхъ вообще горцевъ Кавказа, — довѣрчивъ къ своему ясырю. Сначала, правда, онъ обходился со мной сурово, говоря: «дорого я заплатилъ за тебя!» А сказать кстати, я ему стоилъ двухъ холщевыхъ рубашекъ ** и дрянной клячи. Однако моя покорность и терпѣливость скоро смягчили грубое обращеніе Сатая (имя ингуша), онъ сталъ ко мнѣ снисходительнѣе, ласковѣе, наконецъ даже полюбилъ меня и сдѣлался до того довѣрчивымъ, что позволилъ спать съ нимъ въ одномъ шалашѣ, и даже бралъ иногда меня, какъ онъ выражался, на маленькіе поиски, что въ переводномъ смыслѣ значило — украсть у сосѣда теленочка или овцу.

«Однажды, дня за два до праздника Шибли ***, въ ненастную полночь разбудилъ меня Сатай.

« — Сѣдлай коней Тергеми ****, сказалъ онъ, да надѣнь мою старую черкеску.... ночь холодна и ненастна, а путь намъ далекъ, ты хоть и гяуръ, а все-таки не собака и вѣрно продрогнешь въ своей шкурѣ безъ моей черкески, добавилъ онъ самодовольно.

« Я поблагодарилъ его, какъ умѣлъ, за такое великодушіе и

* Весьма любопытныя записки покойнаго штабсъ-капитана Новоселова о трехъ-годичномъ плѣнѣ его въ горахъ Кавказа, будутъ въ непродолжительномъ времени напечатаны въ «*Пантеонѣ*.»

** Незнаю, какъ другіе горцы Кавказа, а абазехи, и въ особенности приморскіе абазины, бѣлое бѣлье любятъ, какъ летучія мыши. Случалось очень часто видѣть на сатовкахъ, что горецъ отказывался отъ новой ситцевой рубахи и бралъ охотнѣе за ту-же самую цѣну лохмотья бѣлой сорочки, только что чисто вымытой.

*** Я уже говорилъ въ третьей главѣ моихъ расказовъ, что праздникъ этотъ совершается въ горахъ почти одновременно съ днемъ Ильи Пророка.

**** Тергеми — Веселый. Такъ Сатай назвалъ своего плѣнника потому, что онъ частенько распѣвалъ пѣсни.

одѣтый въ лоскутья его черкески, давно лишенной рукавовъ и воротника, мигомъ осѣдлалъ коней и вынесъ изъ сакли оружіе. Запасшись горстями пятью проса, мы крупною рысью пустились чрезъ степь, къ Одахорскому ущелью. Яркая ослѣпительная зарница и крупный дождь встрѣтили насъ въ мракѣ Одахора.

« Кони наши, ослѣпляемые огнемъ зарницы, начали фыркать и метатся въ стороны, а дорога была чрезвычайно опасна. Одахорское ущелье тянется по хребтамъ скалъ, усѣяннымъ страшными пропастями, черезъ которыя перекинуты такіе эѳирные мостики, что довольно одного неосторожнаго удара копытомъ коня и мостъ вмѣстѣ съ путникомъ спрыгнетъ въ пропасть.

« — Держись, Тергеми! вскричалъ Сатай, когда конь его, пробѣжавъ послѣдній мостикъ у самой закраины бездны, прянулъ на дыбы и закрутился на мѣстѣ.... Мостъ дрожалъ и грохотомъ своимъ пугалъ моего коня, слѣдовавшаго за Сатаемъ.... Одно мгновеніе и я бы полетѣлъ въ пропасть, но Сатай успѣлъ справиться съ своимъ упрямымъ скакуномъ и выскакать на площадку.... Храпя и фыркая, дрожавшій конь вынесъ вслѣдъ за нимъ и меня изъ опасности.

« — Ну, Тергеми, сказалъ Ситай, отирая крупныя капли пота, выступившія у него на лбу. Вижу, что Шибли на меня сердитъ.

« — Почему ты это знаешь? спросилъ я.

« — Пхе.... Какъ-же! Чуть чуть не столкнулъ въ пропасть, а все оттого, что забылъ взять ему жертву.... Хорошо-же, продолжалъ онъ; вотъ только переправимся чрезъ Эга-Апету, и за жертвой дѣло не станетъ.

« Въ самомъ дѣлѣ, едва только мы успѣли переправиться черезъ рѣчку и выѣхать въ какой-то джигетскій * аулъ, какъ Сатай, сдержавъ своего коня и отдавъ мнѣ его, сказалъ:

« — Тише и осторожнѣе, Тергеми; проѣзжай ауломъ и жди меня у послѣдней сакли.... Если-же услышишь выстрѣлъ, то будь готовъ ко мнѣ на выручку.... Иди.

« И горецъ исчезъ; я понялъ, что онъ отправился добывать жертву и, осмотрѣвъ свою винтовку, осторожно, мелкою рысью проскакалъ горскую деревню. Громкій и неистовый лай сабакъ, доносимый до меня вѣтромъ, доказывалъ, что Сатай не теряетъ напрасно времени. Дѣйствительно, не прошло и четверти часа, какъ отчаянный ингушъ съ громкимъ и веселымъ смѣхомъ подъѣхалъ ко мнѣ верхомъ на коровѣ.

* Джигеты — абхазское племя, сосѣднее цебельдинцамъ.

« — Смотри-ка, Тергеми! вскричалъ онъ, какого звѣря-карабахца осѣдлалъ я. Оркань его, продолжалъ онъ съ прежнею веселостію.... Поведемъ его къ Шибли.... штука-то жирная, всякій справедливый и безкорыстный мулла былъ-бы доволенъ такимъ подаркомъ.... Ну, къ дѣлу, закидывай на рога петлю и потащимъ наше сокровище.

« Остальную половину ночи мы проѣхали безъ всякой усталости, не обращая вниманія ни на крупный дождь, ни на холодный вѣтеръ. Сатай не переставалъ смѣяться, разсказывая мнѣ, какъ онъ удачно увелъ корову, заставивъ ее перешагнуть чрезъ сонпаго хозяина.

« Утромъ мы на степи раскинули шалашъ изъ бурокъ и расположились на отдыхъ. Всегда безмолвная и безлюдная степь, на этотъ разъ была оживлена цѣлыми тысячами странниковъ, ѣхавшихъ на праздникъ Шибли. Заунывный скрипъ арбъ, выстрѣлы, гики, — крикъ женщинъ и пискъ ребятишекъ, смѣшанный съ мычаньемъ коровъ, не давали намъ возможности уснуть цѣлый день. Полусонные, съ наступленіемъ ночи мы снова отправились въ свой путь.

« Сдѣлавъ еще одинъ привалъ на Агурѣ, мы пустились лѣвымъ его берегомъ, вверхъ по теченію, и остановились почти у самаго ея истока.

« Ясный и знойный день освѣтилъ долину праздника; но несмотря на зной и жаръ, всѣ поклонники Шибли были въ движеніи и ни одного шалаша не было раскинуто на площади передъ Скалою Грома. Тамъ и сямъ торчали оглобли арбъ, съ привязанными къ нимъ конями и волами. Ребятишки съ визгомъ кувыркались на землѣ, сбивая съ ногъ старухъ. Дѣвушки, спрятавшись за этими арбами, надѣвали лучшія свои наряды, а старые джигиты, покуривая неизмѣнную трубку и, заложивъ за поясъ руку, громко спорили о достоинствѣ своихъ коней или таскали за волосы свое неспокойное потомство. Молодежъ выправляла оружіе, чистила коней и перемигивалась съ красавицами.

« Но вотъ, у скалы зарокоталъ выстрѣлъ и все встрепенулось и смолкло. Выстрѣлъ повторился, и съ громкою пѣснію, подъ звуки бубенъ и зурнъ, стройные ряды статныхъ горянокъ, неся на головѣ кувшины, двинулись къ устью Агуры. Въ то-же время горцы повели своихъ телятъ и коровъ къ возвышенію, у котораго пестро разодѣтый старшина, при помощи своего нукера, долженъ былъ приступить къ закланію. Усердствующій Сатай не отсталъ отъ другихъ и также потянулъ свою добычу подъ

кинжалъ старшины. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ воротился ко мнѣ.

« — Ну-ка, посмотримъ теперь, сказалъ онъ, чья жертва окажется лучше всѣхъ.... Не забыть бы.... Помни, Тергемя, что моя корова десятая слѣва.

« — Помню, буду помнить! Но, что же изъ того, если чья жертва окажется лучше всѣхъ? спросилъ я.

« — Что? Тотъ дѣлается вызывателемъ грома, а это, товарищъ, не шутка.... Онъ больше и громче всѣхъ имѣетъ право кричать: Шибли! дай дождя...

« — Только-то? Стоитъ горло драть напрасно....

« Потомъ онъ имѣетъ право поцѣловать любую изъ красавицъ.... Дѣлается падишахомъпраздника и распоряжается имъ, какъ ему угодно.... а это не шутка!... Пить лучшее вино, ѣсть вкуснѣйшаго изъ вкусныхъ барановъ, распоряжаться играми, и наконецъ можетъ сѣсть на какого ему угодно карабахца, хотя-бы онъ принадлежалъ первому изъ потомковъ Келима.... * Ага! Не шутка все это...

« Между тѣмъ, какъ мы разговаривали съ Сатаемъ, смотръ четвероногимъ уже начался. И вотъ послышался споръ и шумъ, а вслѣдъ за тѣмъ и вопросъ: «Чья десятая корова слѣва?

« — Моя! крикнулъ Сатай и бросился къ своей коровѣ. Я за нимъ.

« — Твоя? спросилъ старшина, въ то время, какъ толпа любопытныхъ обступила Сатая. А кто ты такой?...

« — Хозяинъ этой коровы, отвѣчалъ равнодушно и серьезно Сатай.

« — Да не въ томъ дѣло, перебилъ старшина.

« — Знаю, что не въ томъ, продолжалъ горецъ; дѣло не во мнѣ, а въ коровѣ.... знаю, ну, что....

« — Самую лучшую укралъ, разбойникъ! вскричалъ нукеръ....

« — Ага! прошепталъ Сатай....

« Толпа начинала шумѣть и волноваться.

« — Тс.... ни слова! сказалъ старшина, махнувъ своею кабардинкой. Приближся, и скажи твое имя, продолжалъ онъ, обращаясь къ моему хозяину.

« — Сатай мое имя, почтенный старшина.

« — И такъ, великодушный Сатай, ты укралъ корову у моего нукера?...

« — Самую лучшую корову! подхватилъ нукеръ.

* Родъ князей, когда-то знаменитыхъ и управлявшихъ Абазіею.

«— Молчи, безпутный! вскричалъ раздосадованный пигушъ, гордо приподнявъ голову; ты глупѣе этихъ телятъ.... Твою бы голову слѣдовало надѣть на шестъ вмѣсто той, что торчитъ при въѣздѣ въ вашъ аулъ, и которая уже побѣлѣла отъ солнца.... *. Развѣ я укралъ ее? Развѣ ты меня поймалъ? Я увелъ ее—какъ ловкій джигитъ.... увелъ, заставивши перемагнуть черезъ самого тебя, ссылаюсь на моего ясыря — и опираюсь на честное слово горца.... **

«— Славно! славно! ловко! заревѣла толпа....

«— А!... важно и глубокомысленно промычалъ старшина.... Это дѣло справедливое.... корова дѣйствительно Сатая....

«— Да! да, его! снова повторила толпа.

«И усердный джигитъ привелъ ее Шибли, продолжалъ старшина.... Это хорошо.... Стало-быть, лишнихъ десять странниковъ будутъ сыты сегодня....

«— Такъ, такъ! великодушно! кричали джигиты.... Да хорошѣетъ жена, и да выкормится конь Сатая! ревѣла толпа.

«— Ну, снова началъ мудрый судья; а какъ корова, принадлежащая Сатаю, лучше всѣхъ животныхъ, приведенныхъ сегодня на жертву Шибли! то.... онъ и да будетъ вызывателемъ грома!

«— Шибли! дай дождя! крикнулъ Сатай и повелъ свою корову на жертву, въ то-время, какъ толпа повторяла: Шибли, дай дождя!

«При звукахъ бубенъ и выстрѣловъ, возвышеніе обагрялось кровью животныхъ. Горцы кричали: Шибли, дай дождя! и раскладывали костры огня, подвѣшивая на немъ свои котелки, въ которыхъ должно было вариться мясо животныхъ, принесенныхъ на жертву, и въ которые дѣвушки, повторяя возгласъ, лили воду изъ своихъ кувшиновъ.

«Наконецъ, Сатай раздѣлилъ мясо всѣмъ поровну и приступилъ къ раздѣлу вина, выливая его изъ бурдюковъ въ кувшины красавицъ, обязанныхъ на этотъ разъ прислуживать наѣздникамъ, причемъ пигушъ не упустилъ прекраснаго случая поцѣловать каждую изъ красавицъ и, разумѣется, нажилъ себѣ сотню ссоръ съ ревнивыми женихами и братьями горянокъ.

* Во всѣхъ селеніяхъ Кавказа, при въѣздѣ въ нихъ, горцы имѣютъ обыкновеніе выставлять на шестѣ голову осла.

** Воровство позволительно въ горахъ, — только тогда, когда оно исполнено съ искусствомъ и ловкостію. Вещь или предметъ, пріобрѣтаемые такимъ образомъ, считаются собственностію джигита.

«Праздникъ, по обыкновенію, кончился пляской, джигитовкой и перестрѣлкой изъ-за камней.»

Переходимъ къ интересному празднику, совершаемому въ половинѣ сентября, въ честь Тлепса, бога огня.

Грусть и тоска являются всегда въ саклю горца вмѣстѣ съ днемъ, предшествующимъ дню праздника Тлепсу. Всякій обязанъ не имѣть въ этотъ день даже искры огня въ домѣ. Онъ обязанъ залить неизмѣнные угольки на своемъ очагѣ, даже снять кремень съ ружья или пистолета, и, что всего несноснѣе, повѣсить свою трубку на поясъ. Потомъ своими руками, не смѣя поручить работы женѣ или ясырю, — долженъ выбѣлить очагъ и наносить дровъ. Самый день, посвященный Тлепсу, до поздняго вечера проходитъ въ той-же нестерпимой грусти. Наконецъ, около полуночи, въ саклѣ старшины раздается выстрѣлъ и весь аулъ бѣжитъ стремглавъ на улицу. Въ эту минуту, полную непроницаемаго мрака, слышится общій шопотъ: «Гдѣ Тлепсъ? Гдѣ факелъ?...» И вотъ далеко, на скалѣ, мелькнетъ огонь.... ближе.... ближе.... и толпа съ громкимъ крикомъ привѣтств уетъ зажженный факелъ, который несетъ дѣвушка, закрытая съ головы до ногъ чадрою. Эта дѣвушка — избранная жрица; она тайна для всѣхъ, кромѣ старшины и ея родныхъ.... Она ходила въ рощу одна, молиться Тлепсу и принесла аулу огня на цѣлый годъ. За этотъ подвигъ ей позволяется выбрать изъ толпы молодежи жениха, кого пожелаетъ и кто-бы онъ ни былъ.... Красавица стыдливо и нерѣшительно останавливается предъ лицомъ безтрепетной молодежи и, дрожа отъ волненія, медленно протягиваетъ свою маленькую ручку, раскрашенную хиной, избранному счастливцу. Послѣдній зажигаетъ свой факелъ и въ то же мгновеніе окружныя горы и скалы освѣщаются огнями. Горцы расходятся по домамъ, ожидая огня и новобрачныхъ, которые входятъ въ каждую саклю, зажигаютъ въ ней дрова на очагѣ — и получаютъ калымъ отъ каждаго хозяина. — Выходя изъ послѣдней сакли къ собравшейся толпѣ любопытныхъ, жрица поднимаетъ свою чадру и такимъ образомъ разрѣшаетъ только здѣсь загадку, которая до этой минуты была загадкою даже и для ея избраннаго. Послѣ этого обряда, горцы пируютъ цѣлую ночь.

По поводу этого праздника любопытный анекдотъ расказываютъ абазехи, относя его ко временамъ славнаго князя Келпма— неусыпнаго блюстителя счастія и славы своего народа — горца по рожденію, европейца по уму, который, первый желая бла-

га горячо любимой имъ Абазіи, понялъ благодѣтельную мысль подчинить свой народъ Россіи и мудрымъ попеченіямъ Царей ея *.

—

I.

Будетъ!... довольно попачкался во славу Тлепса, сказалъ Бармышъ, старшина одного изъ Бзыбскихъ ауловъ, оканчивая бѣлѣніе очага. Насыпавъ углей на чистый малганъ, Бармышъ грустно взглянулъ на свою трубку, еще печальнѣе снялъ кремень съ курка своей винтовки и почти со стономъ растянулся на буркѣ.

— Лаза! Жена! крикнулъ онъ. Красивая и статная абазинка вошла въ саклю.

— Сядь подлѣ меня, сказалъ онъ ей ласково, и посовѣтуемся. Видишь-ли, дѣло въ чемъ, продолжалъ онъ, ущипнувъ ее за щеку. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я узналъ мою Лазу, я не смотрѣлъ ни на одну красавицу въ нашемъ аулѣ, и потому, разумѣется, не могу назвать ни одной красивой рожицы. Такъ научи меня, кого послать завтра за огнемъ къ Тлепсу.... а?

— Кого-же больше.... какъ не Хассану? она красавица, да и любитъ какъ, бѣдненькая, Зумрая, а у того, бѣдняка, не чѣмъ калымъ заплатить за нее.... Вотъ-бы славно.... Пошли ее, мысль души моей....

— Хассану?... Это та, что, говорятъ, на одинъ взглядъ нанизываетъ по полсотни сердецъ?... Та, которая своей звонкою пѣснію въ Ханжакахъ старыхъ джигитовъ разнѣжила до того, что у одного изъ нихъ чуть чуть носъ не размокъ отъ слезъ? Знаю.... Да вѣдь до нея добирается нашъ выходецъ мулла Солиманъ.... Знаю!.... Тс.... Посмотри-ка, Лазачка, кто это подъѣхалъ къ нашей саклѣ?

Но Лаза не успѣла еще подбѣжать къ рѣшетчатому окну, какъ двери сакли распахнулись и Бармышъ съ крикомъ восторга бросился цѣловать полу черкески у гостя.

— Счастіе твоему дому и добрый успѣхъ въ битвѣ съ врагомъ, сказалъ гость, ласково обнявъ хозяина.... Садись, садись, храбрый Бармышъ.... и я сяду.... Усталъ. Я къ тебѣ заѣздомъ.... давай трубку.

* Келимъ былъ обласканъ Императоромъ Павломъ I и имѣлъ отъ него подарки. Могилу его еще и теперь показываютъ на берегу Чернаго моря, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сухума.

— Трубку? Въ головѣ-бы моей не отказалъ Келиму, почти съ грустію отвѣчалъ Бармышъ — и долженъ отказать ему въ углѣ...

— Это почему?

— Завтра Тлепсъ....

— А!... Что-жъ, и я не буду курить съ тобою вмѣстѣ.... отвѣчалъ Келимъ, и на благородномъ лицѣ его выразилось какое-то неизъяснимое удовольствіе.... Ну, какъ твои дѣла, Бармышъ? продолжалъ онъ.... Спокойно-ли въ аулѣ?

— Не совсѣмъ, отвѣчалъ съ тяжелымъ вздохомъ хозяинъ.... не совсѣмъ! повторилъ онъ.

— Какъ? У Бармыша въ аулѣ неспокойно.... Ты-ли говоришь это?

— Что дѣлать, въ этомъ безславномъ случаѣ и Келимъ-бы не нашелъ средствъ помочь бѣдѣ, или лучше сказать, исправить ее....

— Говори, говори яснѣе....

— Очень просто. Ты твердишь всѣмъ и каждому изъ старшинъ: «Внушайте вашимъ наѣздникамъ любовь и уваженіемъ къ русскимъ, заискивайте всѣ средства съ ними сблизиться, — отъ этого зависитъ счастіе и благополучіе Абазіи.»

— Ну, да, да!... Я говорю это и умру съ этого мыслію.... вскричалъ Келимъ, ударивъ себя по кольчугѣ.

— А ты знаешь, кто всегда противъ этого?

— Кто? Тѣ, которые съ завистію смотрятъ на наше предпочтеніе, оказываемое русскимъ, кто всегда вредилъ и вредитъ моимъ планамъ въ этомъ дѣлѣ.... знаю.... Турки!

— Такъ таже бѣда и со мною. На дняхъ явился въ моемъ аулѣ турокъ Солиманъ, назвалъ себя муллою, и вмѣстѣ съ кораномъ внесъ къ намъ и слово о враждѣ къ нашимъ благодѣтелямъ.... Что я съ нимъ сдѣлаю? Я безсиленъ противъ этого выходца; всякую обиду, причиненную подданному султана, онъ вымѣститъ на Абазіи. Ты это знаешь....

Келимъ въ досадѣ топнулъ ногою и поднялся со скамьи....

— Постой! Что это за шумъ? спросилъ онъ.

— А.... легокъ на поминѣ.... это почтенный Солиманъ, по обыкновенію, шумитъ съ своею женою, которую онъ бросилъ въ Смирнѣ.... отъ которой, можно сказать, убѣжалъ, да она, вѣрно, баба не промахъ, нашла его и здѣсь.... Только онъ у насъ то похрабрѣе — гонитъ ее назадъ.... Говоря это, Бармышъ подвелъ Келима къ окну.

Необыкновенно толстый турокъ, остановясь среди улицы, укладывалъ какіе то узлы на смиреннаго осла — и точно отмахиваясь отъ мухъ, гналъ отъ себя старую безобразную женщину.

— Пошла прочь! Уйдешь-ли, старая шакалка? Какъ червяка растопчу.... уйди! кричалъ онъ.

— Солиманъ! сжался! Двѣнадцать лѣтъ мы жили съ тобою... Вѣдь я люблю тебя, мой драгоцѣнный, мой ненаглядный....

— Врешь.... все врешь!... Пошла! Не хочу.... не хочу.... и Солиманъ замоталъ головою такъ скоро, что, казалось, чалма завертѣлась на его плечахъ.

Келимъ улыбнулся. Какая-то мысль, блеснувъ въ головѣ его, обрисовала восторгомъ все лицо его. Взявъ за руку Бармыша, онъ что-то долго шепталъ ему и потомъ, приподнявъ рѣшетку окна— окликнулъ Солимана.

Солиманъ оглянулся и, положивъ руку на сердце, съ низкими поклонами подошелъ къ Келиму.

Женщина закрылась чадрою и съ громкимъ плачемъ оставила улицу.

— Далеко-ли сбираешься, Солиманъ? спросилъ Келимъ.

— Недалеко.... на степь.... только на завтра.... Не бойтесь, я вѣдь не уйду отъ васъ! отвѣчалъ скороговоркою турокъ.

— Для чего-же?

— А то какъ-же.... Бѣдь завтра праздникъ Тлепсу.... Ну, праздникъ языческій, и на немъ мнѣ ужъ пировать не приходится....

— Вотъ вздоръ! замѣтилъ Келимъ.

— Напрасно, Солиманъ, напрасно, подхватилъ Бармышъ. Этотъ бы праздникъ могъ помочь тебѣ кое въ чемъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Ты-бы легко могъ отдѣлаться отъ твоей неотвязной жены....

— Научите.... научите.... тысячу пистолей дамъ!

— Зачѣмъ? Не надо, мы-бы тебѣ и даромъ услужили....

— А ну-ка, ну!

— Да просто: приказали-бы избранной дѣвушкѣ, которая пойдетъ за огнемъ, выбрать тебя въ мужья и дѣло кончено.... Вѣдь ужъ по нашимъ обычаямъ, кто имѣетъ жену отъ Тлепса, другой имѣть не можетъ; такъ ужъ и мужъ отъ нея ни подъ какимъ предлогомъ отказаться не можетъ.... Да и сказать-ли тебѣ по секрету, кто назначенъ изъ дѣвушекъ?...

— Скажи!... скажи.... можетъ-быть я и подумаю.

— Хассана! таинственно прошепталъ Бармышъ....

— Ихъ!... почти захлебываясь вскрикнулъ турокъ, подпрыгнувъ на мѣстѣ, такъ, какъ будто-бы наступилъ на шило.... Хассана! повторилъ онъ,— идетъ, идетъ!.. Хорошо... очень искусно придумано! вскричалъ онъ. Согласенъ.... остаюсь.... Смотрите-же....

И забывая свою тучность, турокъ, подпрыгивая, какъ пробка,— бросился развьючивать своего осла.

—

II.

— Ага! старая шакалка.... грибъ съѣла, какъ говорятъ гяуры... Ладно.... это мягкое кушанье по твоимъ зубамъ.... говорилъ Солиманъ, кубыремъ катаясь по мягкому ковру, въ своей саклѣ.... Да, что-же это?... ужъ утро скоро, а выстрѣла все еще нѣтъ....

Но вотъ раздался и выстрѣлъ.

Какъ бѣшеный вспрыгнулъ турокъ и бросился на улицу, которая въ одно мгновеніе была полна народа.

Настала минута молчанія и общій шопотъ восторга разлился въ толпѣ при блескѣ мелькнувшаго на скалѣ факела.

Какъ стройна она!... Какъ ловко волнуетъ чадру!... Какъ умѣетъ высказать и освѣтить свою хорошенькую ножку! шептали джигиты.

Ужасъ, какъ стройна! говорилъ Солиманъ.... Этакая ножка.... Цѣлую пару въ ротъ спрятать можно.... Ужасъ, какъ хороша!

Таинственная жрица медленно подошла къ толпѣ мужчинъ.... Сердца послѣднихъ вздрогнули и толпа заволновалась.... Всѣ старались быть впереди.... Но Солиманъ едва, переводя духъ, изъ всѣхъ силъ работалъ плечами и прямо напалъ носомъ на факелъ жрицы....

— Тлепсъ даритъ мнѣ тебя! сказала жрица и протянула руку Солимана.... Послѣдній застоналъ отъ восторга....

— Чортъ возьми! замѣтилъ кто-то въ толпѣ молодежи.... вотъ вкусъ....

— Зачѣмъ она его выбрала? подхватилъ другой.

И горцы разбрелись по саклямъ, ожидая съ нетерпѣніемъ узнать таинственную жрицу.

Между-тѣмъ, дрожа отъ волненія, Солиманъ зажегъ свой факелъ, и расточая самыя отборныя ласки женѣ своей, отправился съ нею сбирать калымъ.

—

Аулъ пылалъ въ огнѣ факеловъ, джигиты сбирались пировать, ожидая только новобрачныхъ.... Но вотъ показались и они на порогѣ послѣдней сакли. Выстрѣлы и радостные крики привѣтствовали ихъ....

Жрица медленно сняла съ себя покрывало....

Солиманъ въ восторгѣ хотѣлъ броситься въ объятія прекрасной.... взглянулъ.... и окаменѣлъ на мѣстѣ.... Передъ нимъ стояла не Хассана, а жена его, отъ которой онъ ушелъ изъ Смирны....

Громкій хохотъ и гиканье заглушили въ эту минуту страшный стонъ обманутаго.

— Не хочу !... нѣтъ ! нѣтъ ! простоналъ онъ.

— Этого нельзя, Солиманъ ! сказалъ тогда грозно Келимъ, выступивъ изъ толпы горцевъ. Ты долженъ повиноваться теперь нашимъ обычаямъ. Какъ мулла, ты не могъ, ты не долженъ былъ рѣшиться на свершеніе языческаго обряда !... И если нарушилъ его, мы тебя отдадимъ суду вашего кадія....

— Душечка, Солиманчикъ ! опомнись, шептала беззубая жрица Тлепса.... Неужели ты такъ мало любишь свои пятки, что бросивъ меня, рѣшишься отдаться правосудію кадія ?

— Ни то, ни другое, старая шакалка ! вскричалъ наконецъ Солиманъ.... Прощайте, разбойники ! Иду отъ васъ и отъ тебя, жрица Тлепса.... иду въ Имеретію.

— Ну, видишь — я угадалъ, шепнулъ при этомъ Келимъ Бермышу.... Я говорилъ тебѣ, что только этимъ мы и могли его выжить отсюда....

—

Что-же касается до другихъ языческихъ боговъ горной Абхазіи, то они не пользуются такимъ уваженіемъ, какъ Мизитха, Шибли и Тлепсъ, и дней праздничныхъ имъ не посвящено.

В. САВИНОВЪ.

—

ИСТОРІЯ ИГОРНЫХЪ КАРТЪ.

Вопросъ о происхожденіи игорныхъ картъ весьма трудный для рѣшенія и не смотря, повидимому, на маловажность предмета, объ немъ были уже дѣланы глубокія изысканія и соображенія ученыхъ. Вотъ, что говорятъ о происхожденіи картъ господа Пиньо (Peignot) и Жакобъ-Библіофилъ : «Аббатъ Лежандръ говоритъ, что лидійцы изобрѣли карты во время чрезвычайнаго неурожая, о которомъ заставила забыть ихъ эта игра. Очень можетъ быть, что лидійцамъ извѣстна была игра посредствомъ разрисованныхъ

картъ; но навѣрное это были не пикетныя карты. Надо полагать, что они изобрѣтеніемъ своимъ одолжены Востоку вмѣстѣ съ шахматами, и это кажется несомнѣннымъ. Между картами и шахматами существуютъ соотношенія, которыя нельзя приписать случаю. Даже есть причины думать, что первоначально карты были точное изображеніе шахматной игры. Чтобы лучше уровнять счастіе, на первыхъ картахъ, игра въ которыя была не иное что, какъ игра въ двойные шахматы, безъ сомнѣнія, были изображенія *дурачковъ*, *рыцарей* и *башенъ*, или *людей*. Можетъ быть, въ нихъ играли въ четверомъ, такъ, что каждый изъ противниковъ имѣлъ свой цвѣтъ. Эта аналогія картъ съ шахматами, почти доказана чрезъ разсмотрѣніе старинныхъ *крапoвъ* (tarots) пятнадцатаго вѣка, въ которыхъ есть дурачекъ (fou) и ладья (tour), называвшаяся *домомъ*. Въ крапахъ (tarots) была одна карта, которая должна своимъ появленіемъ производить тоже, что шахъ и мать: это *смерть*, ѣдущая на бѣлой лошади. Сначала карты были не многочисленнѣе шахматныхъ шашекъ и раздѣлялись также на два цвѣта: красный и черный; умноженіе картъ тотчасъ потребовало новыхъ комбинацій, и обѣ эти игры уже перестали подчиняться аналогическимъ правиламъ.... Арабы-ли, эти великія игроки въ шахматы, дали эту новую форму своей любимой игрѣ? Какъ-бы то ни было, но карты употреблялись гораздо прежде 1392 г., къ которому многіе относятъ ихъ изобрѣтеніе. Одна итальянская рукопись, относящаяся къ 1299 г., говоритъ о картахъ, называемыхъ *naibi*. Наконецъ одинъ эдиктъ кастильскаго короля, восходящій къ 1387 г., полагаетъ карты въ числѣ запрещенныхъ игръ.

Долго и безъ успѣха писали диссертаціи, желая узнать: французскія, нѣмецкія, испанскія или итальянскія были первыя карты? И Жакобъ-Библіофилъ думаетъ, что онѣ были непремѣнно французскія. Масти картъ въ каждой землѣ имѣютъ особыя названія: во Франціи, какъ и на Руси: пики, трефы, бубны и черви; у испанцевъ: мечъ, палка, деньга и чаша; у нѣмцевъ: зеленое, желудь, гремушка и красное. Эти названія должны быть современны игрѣ въ пикетъ, которая началась въ царствованіе Карла VII. До того-же времени въ Европѣ были извѣстны только карты, называвшіяся крапами (tarots) и представлявшія странныя фигуры. Эти разрисованныя и раззолоченныя карты представляли пустынника, побѣдителя, оруженосца, влюбленныхъ, дурака, висѣльника, луну и астрологовъ, солнце и парку, правосудіе, счастіе, умѣренность, силу, потомъ домъ. И такъ, къ царствованію Карла VII должно отнести только изобрѣтеніе французскихъ картъ, равно

какъ и игру въ пикетъ.... Одинъ бравый солдатъ, представившій себя безименно въ видѣ трефоваго валета, преобразовалъ игру крановъ (tarots), такъ, что поставилъ ее въ рангъ военныхъ упражненій. Масть трефовая стала изображать часоваго со шпагою въ рукѣ; каро (бубны) четвероугольное желѣзо толстой стрѣлы; пики — копье бердыша; сердце (черви) острее стрѣлы; все это были знаки оружія. Тузы (les as), названіе одной древней монеты, означали жалованье солдатамъ. Четыре короля представляли великія монархіи. Четыре валета представляли французское дворянство, начиная съ его героической эпохи до рыцарства: Троянскій Гекторъ, отецъ баснословнаго Франкуса, который слылъ за перваго франкскаго короля; Ожье Датскій, одинъ изъ перовъ Карла Великаго; Лагиръ, храбрѣйшій изъ вождей Карла VII, и наконецъ трефовый валетъ, который попалъ въ столь блистательное общество въ качествѣ изобрѣтателя или реформатора карточной игры.

Такъ какъ гравировка на деревѣ еще не была открыта въ 1423 году, то карты прежде иллюминовались также точно, какъ и манускрипты, и стоили очень дорого; въ 1430 году, Висконти, Миланскій герцогъ, заплатилъ одному французскому живописцу 1,500 золотыхъ монетъ за одну колоду. Но какъ скоро гравированіе позволило производить до безконечности грубые оттиски, которые, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, создали книгопечатаніе, нѣмецкіе граверы распространили по всей Европѣ свои карточныя колоды, которыя сдѣлались народными, упавши въ цѣнѣ. Городъ Ульмъ производилъ такую торговлю картами, что ихъ посылали кипами въ Италію и Сицилію для мѣны на пряники и другіе товары.... Уже въ то время, игра эта, разнообразная по многочисленности своихъ комбинацій — сохраняла сильное преимущество предъ шахматомъ и шашками.... Пикетъ, тріумъ, прима, флюксъ, тридцать-одинъ, марьяжъ и множество другихъ игръ — попеременно начали господствовать въ тавернахъ и въ самыхъ роскошныхъ домахъ. И Губертъ Томасъ въ своемъ жизнеописаніи Фридриха II, говоритъ, что Людовикъ XII, вначалѣ гнавшій карточную игру, впослѣдствіи игралъ съ приближенными въ лагерѣ.

—

МОЛОДОСТЬ и ПЕРВАЯ СЛАВА РУБИНИ.

Неаполь отечество макаронъ, а Бергамо отечество теноровъ. Воздухъ-ли, солнце-ли, вода-ли, которую пьютъ тамошніе жители, полента-ли, такъ часто ими употребляемая, свѣжесть-ли воздуха, вѣтеръ-ли, буйно вѣющій съ горъ, располагаетъ такъ счастливо горло бергамскаго урожденца—мы не знаемъ, извѣстно только то, что $^4/_5$ теноровъ итальянскихъ рождаются въ Бергамо; и что театральные вербовщики ѣздятъ въ эту страну для добыванія теноровъ. Не ищите въ Бергамо ни басовъ, ни сопрано, ни контральтовъ, ни баритоновъ: тамъ только родина теноровъ. Три брата Біанки, Давиды, отецъ и сынъ, Виганони, котораго Рубини напоминаетъ удивительною чистотою стиля и смѣлымъ выполненіемъ; Ноццари, Довзелли, Бордонья, Маркетти, Треццини, Бонетти, Пачини; Канту, который, оставивъ драматическое поприще, посвятилъ чудесный голосъ свой служенію алтаря; Болоньези, прекрасный теноръ, очаровавшій Испанію и Сицилію своимъ голосомъ. Всѣ эти теноры родились въ Бергамо.

Джіанъ Баттиста Рубини, родился 7 апрѣля, 1795 г. въ Романо, маленькомъ городкѣ бергамской провинціи. Отецъ его назывался Джіаномъ Баттиста Рубини, а мать Катериною Бергамо. Отецъ Джіанъ Баттиста былъ профессоромъ музыки въ Романо. Онъ игралъ при театрѣ на рогѣ и доставлялъ музыкантовъ для праздниковъ. У него была труппа музыкантовъ и пѣвцовъ, которыхъ водилъ онъ съ собою всюду, гдѣ требовалось его присутствіе. При этихъ случаяхъ Рубини игралъ двойную роль, директора и музыканта. Въ послѣдствіи онъ помѣстилъ въ число музыкантовъ и сыновей своихъ. На девятомъ году своего возраста, молодой Рубини былъ осыпанъ похвалами и закормленъ конфектами на одномъ торжествѣ, гдѣ онъ пѣлъ соловъ Salve Regina, стоя на табуретѣ. Отецъ Рубини былъ уменъ, трудолюбивъ, неутомимъ; однимъ словомъ, истинный провинціальный музыкантъ. Онъ заставлялъ сначала сыновей своихъ только пѣть; но какъ голоса ихъ не всегда были нужны, то наконецъ выучилъ ихъ музыкѣ, имѣя цѣлью дать имъ мѣсто въ своемъ оркестрѣ. Такимъ образомъ, старикъ Рубини имѣлъ всегда возможность употребить въ дѣло весь квартетъ свой и сопротивляться всѣмъ перемѣнамъ своего счастія. Хорошій музыкантъ и добрый отецъ, онъ вполнѣ заслуживалъ и похвалу и благодарность.

Представьте себѣ, какъ этотъ караванъ отправлялся изъ Ро-

мано, съ оружіемъ и богажемъ, нося на перевязяхъ басы, скрипки, рога, віолончели, кларнеты. Вотъ контробасъ, привязанный къ сѣдлу осла и издающій при каждомъ шагѣ смирнаго животнаго глухой звукъ. Видите-ли директора, изъ кармановъ котораго наивно выглядываютъ замасленные Перголезе и Чимароза, Зингарелли и Майеръ? Почтенные виртоузы много терпѣли отъ дождя и непогоды, ибо труппа всегда путешествовала пѣшкомъ, проходя равнины, взбираясь на горы, осмѣливаясь даже вдаваться въ долины, окруженныя скалами, и въ опасныя ущелья. Такого рода путешествіе имѣетъ свои пріятности; стукъ или дребезжаніе экипажа не препятствуетъ странникамъ судить тогда о дѣлахъ своихъ, или разбирать критически какой нибудь вопросъ, касающійся до ихъ искусства, притомъ-же ихъ не тревожатъ опасности сломить себѣ шею, опрокинувшись по неосторожности почталіона въ оврагъ или канаву, а прибывши на мѣсто, они завтракаютъ съ большимъ аппетитомъ, имѣя полное право купить себѣ бутылку вина, на деньги, которыя надлежало-бы заплатить за проѣздъ.

Отецъ Рубини такъ любилъ дѣтей своихъ, такъ пекся о ихъ будущности, что не довѣряя собственнымъ дарованіямъ, препоручилъ Джіана Батисту Донъ-Санту, священнику органисту въ провинціи Бресчіа. Донъ-Санто зналъ нѣсколько пѣніе, онъ занимался цѣлый годъ съ ученикомъ своимъ, но, наконецъ, отослалъ его къ отцу, увѣдомляя письменно, что мальчикъ совершенно лишенъ способности пѣть и что для него надлежитъ выбрать другой родъ занятія. Отецъ Рубини принялся самъ учить Джіана-Батиста. Труды его увѣнчались успѣхомъ. И скоро онъ пригласилъ Донъ-Санто къ обѣднѣ, во время которой Джіанъ-Батиста восхитительно пропѣлъ Qui tollis.

Будучи двѣнадцати лѣтъ, Джіанъ Батистъ въ первый разъ исполнилъ на театрѣ женскую роль. Эта необыкновенная prima donna сидѣла потомъ въ театральномъ костюмѣ у дверей театра съ тарелкою, въ которую любители клали приношенія за игру; она была очень довольна и похвалами, и выручкой. Послѣ перваго успѣха Джіанъ-Батистъ подрядился въ Бергамскомъ театрѣ играть на скрипкѣ въ антрактахъ и пѣть въ хорѣ оперы. Въ это самое время разучивали какую-то новую комедію, въ которой должно было пѣть каватину. Директоръ находился въ большомъ затрудненіи, не зная, кому поручить ея исполненіе; и вотъ кто-то изъ труппы наполнилъ о Рубини. Его призываютъ, обѣщаютъ

пять франковъ награды. Онъ принялъ ихъ съ удовольствіемъ, спѣлъ каватину и произвелъ всеобщій восторгъ. Арія была сочинена Ламберти; Рубини сохранилъ ее, какъ памятникъ, для него драгоцѣнный, и часто пѣвалъ ее изъ чувства признательности. Голосъ юнаго виртуоза побѣдоносно раздавался въ Бергамской залѣ, которая гораздо болѣе залы Парижской Оперы; но не взирая на то, директоръ миланскихъ театровъ, пріѣхавъ въ Бергамо для набора хористовъ, отказалъ Рубини, подъ предлогомъ слабости его голоса. Въ тоже время набирали труппу для Палацуоло, въ которую Маркети былъ принятъ первымъ, а Рубини вторымъ теноромъ; ему было тогда только семнадцать лѣтъ, но директоръ нашелъ, что онъ заслуживалъ первенство предъ Маркети.

Такимъ образомъ Рубини вступилъ на поприще драматическое. Онъ отправился въ Фоссано съ кочующей труппой, которая содержалась общиной; потому-что ни одинъ директоръ не брался за столь сомнительное предпріятіе. Въ Фоссано представили они «I due Priggionniere»—Пучитты; «Don Papirio»—Гюльельми, «il Venditor à Aceto»—Майера; публика приняла ихъ съ удивительною благосклонностію, которая впрочемъ продолжалась не долго. Послѣ первыхъ представленій зала превратилась едва-ли не въ пустыню и кассиръ сдѣлался лицомъ вовсе безполезнымъ. Однако-жъ надлежало жить чѣмъ-нибудь, тѣмъ болѣе, что и безпокойный трактирщикъ намѣревался прекратить раздачу ежедневныхъ порцій несчастнымъ артистамъ. Здѣсь-то каждый изъ жалкихъ пѣвцовъ придумывалъ средства для отвращенія такого ужаснаго бѣдствія; и наконецъ мысль лучезарная блеснула въ головѣ неаполитанскаго буффо—Асколези. — «Нашелъ! закричалъ онъ.... Опера не имѣетъ успѣха въ Фоссано, такъ балетъ приведетъ жителей его въ восхищеніе, по-крайней-мѣрѣ на нѣсколько дней, выручка которыхъ обезпечитъ нашу будущность, или дастъ намъ возможность выѣхать изъ этого омута. Балетъ, друзья, балетъ!» Всѣ громко захохотали и разтались еще печальнѣе, чѣмъ собрались.

На другой день, Рубини, лежа въ постелѣ и чрезвычайно занятый отсутствіемъ завтрака, получилъ приглашеніе на репетицію «Молинаро», балета, импровизированнаго буффомъ Асколези. Утро вечера мудренѣе; умнѣйшіе изъ сообщества успѣли обдумать предложеніе Асколези, котораго краснорѣчіе довершило устраненіе препятствій.... Асколези прыгалъ, плясалъ отъ радости, ожидая Рубини, на котораго возложилъ роль перваго любовника и танцовщика. Рубини послѣдовалъ примѣру другихъ и покорился необходимости. Сдѣлали репетицитію, приваровили декораціи, располо-

жили группы, и въ тотъ же вечеръ дали балетъ. Является Рубини съ лѣстницею, которую, потанцовавъ на сценѣ, ставитъ къ окну дома и прекрасно поетъ каватину. Ему аплодируютъ съ восторгомъ; повидимому, все идетъ хорошо. Рубини влѣзаетъ по лѣстницѣ и входитъ въ домъ. Вбѣгаетъ Асколези, странно одѣтый, онъ представляетъ глупаго соперника; онъ танцуетъ съ теноромъ, который наряженъ хорошенькой пастушкой. Сперва публика приняла эту буффонаду, но оба дѣйствующія лица, при выходѣ со сцены были сопровождаемы небольшимъ свистомъ. Асколези притворился, что не слыхалъ зловѣщаго шума; онъ аплодировалъ самъ себѣ и такимъ образомъ вознаграждалъ себя за неудовольствія, претерпѣнныя отъ партера. Рубини снова устремился на сцену; примадонна, играющая любовницу, слѣдуетъ за нимъ, порхая, сколько и какъ умѣетъ; она хочетъ поймать бабочку, которую любовникъ показываетъ ей на палкѣ. У обоихъ начинается мимика, игра глазъ, рукъ, безпрерывная перемѣна обворожительныхъ положеній. Балетъ этотъ былъ ничто иное, какъ эскизъ балета «Искушеніе», надобно думать, что эта la farfala, этотъ мотылекъ, висящій на ниточкѣ, эти деревенскія рѣзвости, довольно неловко выполненное хорошими пѣвцами, не понравились публикѣ. Асколези, бодрости котораго не могъ поколебать свистъ и гамъ недовольной публики, торжествовалъ, считая барыш.—«Что я вамъ обѣщалъ, говорилъ онъ своимъ испуганнымъ танцовщикамъ: выручку?—вотъ она! и славная такая, какъ я представлялъ ее въ своемъ голодномъ воображеніи.» Они въ эту-же ночь, въ плѣнительнымъ нарядѣ пастушекъ и пастушковъ, отправились въ Солуццо.

Передъ разсвѣтомъ, не доходя города, танцовщики остановились, чтобы оправиться и высушить на солнцѣ свои платья, промоченныя дождемъ. Асколези, не любившій терять безполезно время, предложилъ сдѣлать репетицію оперы, которую предполагалось играть въ Солуццо при открытіи театра. Начать должно было чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. Репетиція была нужна. Она началась; сценою служило поле, а декораціи были отличныя—сама натура. Странствующіе виртуозы принялись пѣть; должность оркестра исполняла скрипка начальника труппы.... и вдругъ во ста шагахъ отъ сцены остановилась карета!

Зоркій глазъ комедіантовъ скоро замѣтилъ, что изъ кареты никто и ничто не выглядывало, слѣдственно она была пустая и только кучеръ безвозмездно наслаждался репетиціею оперы. Актеры не опустили счастливаго случая и завладѣли каретою, усѣвшись

на нее, въ нее, и за нее, и такимъ образомъ благополучно прибыли въ Салуццо.

Такъ какъ представленія въ Салуццо не представляютъ ничего занимательнаго, то мы и послѣдуемъ за Рубини и Комп. въ Верчелли, гдѣ они провѣли цѣлое лѣто, подобно стрекозѣ, и гдѣ публика была довольна ими, а они публикой. Дѣла нашихъ актеровъ начали уже было поправляться, какъ вдругъ представленія прекратились на цѣлый мѣсяцъ, по причинѣ передѣлки залы. Въ это то время находился въ Верчелли весьма искусный скрипачь. Моди, и Рубини предложилъ ему употребить въ пользу праздное время, разъѣзжая по окрестностямъ и давая концерты. Оба виртуоза сочли деньги свои, готовые положить ихъ въ общій кошелекъ, предполагая брать изъ него на путевыя издержки и класть въ него выручку. У Рубини было шесть луидоровъ, у Моди оказалось только четыре. Съ этими деньгами, они наняли кабріолетку и отправились въ Алессандрію, но меръ этого города не далъ имъ позволенія давать концерцы; ибо наканунѣ его получилъ другой скрипачъ.

Въ Нови, комедія была имъ помѣхой, они здѣсь долго пробыли, тратя безъ пользы деньги. Всѣ эти неудачи привели нашихъ героевъ въ отчаяніе. Въ кошелькѣ у нихъ осталось только три франка, и отказавшись отъ своего музыкальнаго странствованія, они направили стопы свои снова въ Верчелли.

Проѣзжая чрезъ Трино, карета ихъ была остановлена многочисленнымъ стадомъ свиней, лежавшимъ на дорогѣ. Это было въ базарный день. Въ Трино изъ всей окрестности собираются свиньи, тутъ-то ихъ раскупаютъ торговцы сосисками. Среди этого океана грязныхъ четвероногихъ, путешественники замѣтили одного любителя віолончели, котораго знали еще въ Верчелли, и разказали ему свои похожденія. Исполненный усердія диллетантъ, предлагаетъ имъ остановиться въ Трино и дать концертъ. «Вамъ не будетъ никакихъ издержекъ, сказалъ онъ, займите мою залу, играйте при свѣтѣ солнца, слѣдственно освѣщенія не нужно. Я буду играть баса и призову органиста, который съ радостію услужитъ вамъ».—Дѣйствительно, въ самый полдень, деревенскій трубачъ возвѣстилъ программу концерта. И торгующіе свиньями купцы и колбасники сбѣжались на призывъ ночнаго сторожа. Выручка дала бѣднякамъ до 35 франковъ, съ которыми они обратно пріѣхали въ Вирчелли. Арія, написанная для дѣвицы Кольбранъ, съ скрипичнымъ соло, произвела чудесное дѣйствіе: Рубини и Моди равно отличились въ этомъ концертѣ.

Въ верчельской оперѣ роли баса занималъ Феррари, котораго

жена, дочь и сынъ также принадлежали къ труппѣ. Феррари имѣлъ партитуры и нужные для актеровъ костюмы. Послѣ вычетовъ, которые этотъ басъ обыкновенно дѣлалъ изъ выручки на свою часть и часть своего семейства, за музыку и платья, другимъ актерамъ не оставалось уже ничего. Столько непріятностей при такой малой выгодѣ внушили Рубини отвращеніе къ почтенному Феррари, такъ любившему выручку, себя и свое семейство, и онъ оставилъ труппу, которую его отбытіе привело въ большое затрудненіе.

Не знали гдѣ найти тенора и дабы не закрытъ театра, госпожа Феррари принуждена была одѣться мужчиной и пѣть за Рубини.

Между тѣмъ послѣдній прибылъ въ Миланъ, гдѣ находился тогда маркизъ Балькреди, театральный кореспондентъ, котораго изобрѣтательный умъ умѣлъ въ нуждѣ соединять съ драматическими аферами агенства другаго рода: онъ предложилъ Рубини наняться въ Павію за 45 франковъ въ мѣсяцъ на piccolo autunnino, маленькій четырехъ-мѣсячный сезонъ.—Какъ-же я отправлюсь туда? спросилъ пѣвецъ.—Ступай пѣшкомъ, это недалеко. Кромѣ того, въ одно съ тобою время отправляется примадонна; правда, что съ ней ѣдетъ ея горничная, но ты можешь сѣсть съ кучеромъ.—«Гдѣ же я остановлюсь?—«Директоръ найдетъ тебѣ хотя тѣсную, но покойную комнату; въ Павіи за квартиру ничего не платятъ.»—Во что я одѣнусь?—«Твое платье почти новое; съ бережью ты его проносишь еще полгода, а въ Павіи осень продолжается только четыре мѣсяца».—Чѣмъ-же буду я питаться?—«Пѣвцы никогда не должны обременять себѣ желудокъ: это препятствуетъ дѣйствію легкихъ. Поѣшь утромъ супцу, вечеромъ салатцу и будешь очень здоровъ. Ступай, другъ мой, не всякому и это достается.»—Рубини поѣхалъ, понравился и скоро слава его имени долетѣла до Милана. Тотъ же самый Белькреди нанялъ его за 1000 франковъ въ Бресчію на карнавалъ 1815 года, весною перевелъ онъ его въ венеціанской театръ San Moise, съ жалованьемъ 2000 франковъ. Такая прибавка составляетъ по разсчету болѣе, чѣмъ вдвое, противъ выше упомянутой суммы, ибо дороже всякаго времени платятъ пѣвцамъ во время карнавала. Въ Венеціи Рубини пѣлъ съ басомъ Замбони и госпожею Марколини, для которой Россини написалъ «Итальянку въ Алжирѣ»; она пѣла контральто.

При содѣйствіи Белькреди, Рубини условился съ Барбайя, директоромъ неаполитанскихъ театровъ, на шесть мѣсяцовъ, по 84 червонца (378 франковъ) въ мѣсяцъ. Онъ пѣлъ «I Fiorentini» вмѣстѣ съ Пелегрини. Въ контрактѣ сказано было, что онъ послѣ перваго трехмѣсячья, можетъ быть возобновленъ на годъ по 110 червон-

цевъ (495 франковъ) въ мѣсяцъ. Барбайя намѣревался отказать Рубини, хотя послѣдній весьма понравился публикѣ. Но Рубини нужно было пробыть еще нѣсколько времени въ Неаполѣ, дабы болѣе сдѣлаться извѣстнымъ. Директоръ согласился оставить его съ тѣмъ, чтобы жалованье, ему назначенное, уменьшить до 70 червонцевъ въ мѣсяцъ, что составляло даже менѣе, чѣмъ сколько было опредѣлено по первому условію, въ которомъ именно упоминалось, что послѣдуетъ прибавка. Но Рубини, отказываясь въ настоящемъ отъ 1000 франковъ, помышлялъ болѣе о будущности, открывающейся для него, какъ для пѣвца. Въ этомъ отношеніи пребываніе въ Неаполѣ представляло ему большія надежды. Вмѣстѣ съ Рубини, у Барбайи находился тогда Назари, искусство котораго послужило ему прекрасною школою. Вотъ почему Рубини покорился жестокимъ условіямъ Барбайя, но зная могущество своего таланта и принимая условія директора, онъ сказалъ ему: «Вы пользуетесь выгодами, которыя положеніе мое даетъ вамъ теперь надо мною, но я послѣ вознагражу себя вашимъ-же золотомъ.»

Въ 1816 г., Фіеровантн написалъ «Адельсона и Сальвини.» Это первая опера, написанная для Рубини и въ ней особенно замѣчателенъ дуэтъ, пѣтый имъ и Пелегрини. Въ 1817 году Фіоровантн-же написалъ «Comingio Romito», главную роль въ которой занималъ Рубини. И онъ увѣнчался такимъ успѣхомъ, что Барбайя противъ воли былъ вынужденъ значительно увеличить выдаваемое Рубини ежемѣсячно жалованье. Въ 1818 году виртуозъ нашъ, вмѣстѣ съ Пеллегрини, пріѣхалъ въ Римъ.—Фіоровантн, получившій мѣсто капельмейстера въ Базиликѣ Св. Петра, сочинилъ еще оперу: «Enrico IV al passagio della Marna.» Музыкантъ продолжалъ писать, между тѣмъ, какъ актеры изучали уже оконченные нумера. Только наканунѣ перваго представленія получилъ Рубини большую кавантину своей роли Генриха IV.... онъ прочелъ ее, отдалъ суфлеру и на другой день спѣлъ.

Достопримѣчательнымъ происшествіемъ въ исторіи Оперы Римской была постановка на сцену «Сороки воровки», которую играли во время карнавала 1819 года. Въ этомъ превосходномъ произведеніи явились на сценѣ: Рубини, Амброджи, Пеллегрини, дѣвица Мобели. Амброджи представлялъ подесту, Пеллигрини исполнялъ роль Фернандо. Успѣхъ превзошелъ всякое ожиданіе. Публика была внѣ себя отъ восторга и, почти въ изступленіи, заставляла всякой разъ повторять дуэтъ въ тюрьмѣ. Во все продолженіе карнавала, дамы римскія возили съ собою по баламъ куколокъ, изображавшихъ Джіанетто и Ненетту въ костюмѣ любимыхъ актеровъ модной оперы. Берелли, котораго по-

сылали въ Италію, для составленія труппы пѣвцовъ парижскаго театра, хотѣлъ нанять Рубини, но Барбайя ни коимъ образомъ на то не соглашался. Сладостный, трогательный голосъ тенора Раффа излечилъ принцессу Бельмонте отъ грусти, которая едва не стала причиною ея смерти. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца Раффа пѣлъ для принцесы Solitario bosco ambroso, арію, которую она особенно любила.... Вслушиваясь въ чистые, серебряные звуки Раффа — Бельмонте плакала.... и тѣмъ облегчала тягость своей грусти.... Этою аріею пѣвецъ возвратить веселость Бельмонте. Прицесса Полина Боргезе прибѣгала къ тому-же средству: но увы! болѣзнь ея была неизлечима; звуки Рубиніева голоса могли только облечить ея грусть. Полина часто призывала къ себѣ пѣвца - медика и въ знакъ благодарности подарила ему прекрасный алмазъ.

Рубини возвратился въ Неаполь, откуда вскорѣ отправился въ Палермо, гдѣ пѣлъ съ Лаблашемъ и Донзелли. Здѣсь дебютировалъ онъ въ дурной оперѣ Моски, освистанной съ перваго представленія, и которая никогда - бы не появилась вновь на афишѣ, еслибы одна Россиніева кабалетта не произвела счастливаго вліянія на ея жребій. — Рубини былъ очень недоволенъ кавантиной въ mi bemol, которую Моска назначилъ для него; адажіо, правда, нравилось ему, но заключеніе было преплохое. Пѣвцу пришло въ голову вмѣсто аллегреттъ вставить арію Ореста изъ «Эрміоны».

Моска съ удовольствіемъ согласился на это соединеніе Россиніева аллегретто съ одажіо, рожденнымъ въ Сициліи.

«Оперу освистали съ самаго начала; всѣ пассажи, одинъ за другимъ, претерпѣли ту-же участь, какъ вдругъ изъ устъ перваго тенора полилась сладостная Россиніева гармонія.... и мгновенно враждебное расположеніе публики замѣнилось восторгомъ: отвсюду раздались рукоплесканія, крики браво и при всякомъ повтореніи ихъ, Моска вставалъ и кланялся, благодаря публику за такое неожиданное благоволеніе; на другой день, даже черезъ десять дней всѣ превозносили сочинителя удивительной кавитины. Она одна спасла оперу; но увы! печатный экземпляръ этого прекраснаго творенія полученъ былъ съ Палермо изъ Неаполя и разрушилъ очарованіе чудеснаго торжества.

Въ «Matrimonio Segretto» Рубини увѣнчался также совершеннымъ успѣхомъ. Онъ явился въ упомянутой оперѣ съ Лаблашемъ, который игралъ графа Робинсова. Слава Рубини пространилась и за предѣлы театра. Вездѣ старались имѣть его въ концертахъ.

Напрасно утверждаютъ, что итальянцы ревнивы! Вотъ за Миссинскимъ приливомъ, дѣло другое! Тамъ кинжалъ, ядъ, веревка,

тюрьма всегда готовы отмстить за оскорбленіе, нанесенное сицилійскимъ супругамъ. Эти господа не любятъ подобныхъ шутокъ. Горе тенору, басу, даже самому буфо, который позволяетъ себѣ слишкомъ часто устремлять взоры исключительно на одну какую нибудь ложу.

Пріѣхавъ въ Палермо, Рубини явился съ рекомендательнымъ письмомъ къ одной дамѣ. Онъ былъ принятъ ею со всею благосклонностію, какую заслуживали его дарованія и самая личность. Исполнивъ первыя обязанности, налагаемыя законами общежитія, Рубини явился на сценѣ и совершенно неимѣя никакихъ дурныхъ мыслей, изъявлялъ ей свое почтеніе, обращаясь со сцены къ ея ложѣ въ то время, когда совершалъ блистательнѣйшія рулады и изливался въ чуствительныхъ мелодіяхъ. Ея мужу, ревнивому, какъ Отелло, не понравились эти гармоническія почести и Рубини былъ уже близокъ къ погибели.... Однажды пѣвецъ возвращался изъ театра послѣ спектакля и вдругъ два человѣка, ожидавшіе его при выходѣ, схватили его за руки, накинули ему на глаза и ротъ платокъ, который крѣпко стянули назади и потащили несчастнаго къ морю, съ намѣреніемъ утопить пѣвца. Бѣдный теноръ не могъ ждать помощи. Рубини уже помышлялъ съ горестію, что никогда болѣе не будетъ пѣть, какъ вдругъ одинъ изъ убійцъ узналъ его и возвратилъ ему свободу, прося скорѣе спасаться. Этотъ добрый мошенникъ былъ диллеттантъ нижняго этажа и фанатическій любитель пѣнія и театра; лазорини, которому первый теноръ часто давалъ билеты въ спектакль. Никогда подобная щедрость не была такъ полезна; безъ нея мы не плѣнялись-бы голосомъ Рубини. Разбойникъ, не чувствительный къ прелестямъ гармоніи, безжалостно перерѣзалъ бы соловьиное горло пѣвца.

Въ 1819 году, Рубини возвратился опять въ Неаполь. Тамъ нашелъ онъ дѣвицу Шомель, пансіонерку Парижской Консерваторіи, которая сдѣлалась уже извѣстна по игрѣ своей въ оперѣ «Елизаветѣ», гдѣ занимала роль пажа. Она также много отличилась въ Морлакіевой оперѣ: «Жанъ-Парижскій» (Giovanni di Parigi) и наконецъ въ Россиніевомъ «Магометѣ». Она явилась во всемъ блескѣ и заняла мѣсто между первокласными пѣвицами. Россини написалъ для нея въ этой оперѣ арію, содержавшую переходы отъ самаго низкаго до самаго высокаго контральто, съ мелодіями смѣлыми и блистательными, требовавшими и большой силы и чрезвычайной легкости. Арія и пѣвица увѣнчались блистательнѣйшимъ успѣхомъ, не взирая на то, что французская ар-

тистка должна была выдержать на сценѣ сравненіе съ Галли, Нозари и дѣвицею Кольбранъ.

Дѣвица Шомель находилась въ Неаполѣ проѣздомъ; она ѣхала изъ Бергамо въ Палермо, куда была нанята. Россини слушалъ ея пѣніе и восхитился до такой степени голосомъ и методой пѣвицы, что присовѣтовалъ Барбайѣ оставить ее въ Неаполѣ. Здѣсь-то въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ блистала она на двухъ театрахъ. Россини поставилъ тогда «Севильскаго Цирюльника», котораго разыграли противъ итальянскаго обыкновенія безъ речитативовъ, простымъ разговоромъ. Галли, отличный фигаро, Казачіелло, превосходный буффъ, Ломбарди, Рубини и дѣвица Шомель давали нѣсколько разъ эту оперу, которую публика принимала постоянно съ удовольствіемъ. Дѣвицу Шомель всякій разъ заставляли два раза пѣть ея каватину: Una voce poco fa. Альмавива-Рубини такъ часто изъявлялъ свой любовный пламень предъ Розиной-Шомель, такъ часто женился на ней въ театрѣ, что наконецъ рѣшился повторить тоже на самомъ дѣлѣ. Дѣвица Шомель сдѣлалась госпожею Рубини.

Въ 1824 году Барбайя лишился дирекціи неапольскихъ театровъ, и отослалъ всѣхъ пѣвцовъ своихъ въ Вѣну, гдѣ была тогда превосходнѣйшая труппа; въ составъ ея входили тенора: Давидъ, Рубини, Донзелли, Мара; басы: Лаблашъ, Амброджи, Боттичели и Басси; девять прима-доннъ, изъ которыхъ многія были уже весьма извѣстны, а другія не замедлили пріобрѣсть извѣстность. Въ Вѣнѣ слышали тогда, въ одно и тоже время, или по очередно госпожъ Менвиль-Фодоръ, Рубини, Монбелли, Экерлинъ, Унгеръ, Зонтагъ, Джіудитту-Гризи, Дарданелли, Гринбаумъ. Меркандante написалъ тогда оперу «il Podesta di Burgos», которая есть подражаніе Пикардову «Алькаду-де-Молоридо.» Опера эта, въ которой Рубини, Лаблашъ и г-жа Менвиль-Фодоръ играли главныя роли, увѣнчалась совершеннымъ успѣхомъ. Рубини сохранилъ изъ нея вступительную каватину, которою плѣнилъ французовъ въ «Матильдѣ ди-Сабранъ.»

Послѣ такой славной кампаніи Рубини возвратился въ Неаполь, гдѣ слава его уже давно гремѣла. Въ первый разъ онъ явился въ Парижѣ, на театрѣ Фаваръ, черезъ нѣсколько дней по открытіи его, 6 октября 1825 года, въ ролѣ «Ромпро», въ оперѣ «Чеперентола». И вѣрно еще никто не забылъ, какое ощущеніе произвелъ Рубини, выходя на сцену съ своей Раймондіевой каватиной; чистота и прелесть голоса, его прекрасная метода очаровали все собраніе. Съ восторгомъ рукоплескали ему во все продолженіе представленія, но парижане недолго наслаждались имъ. Чрезъ шесть мѣ-

сяцевъ Барбайя опять потребовалъ его къ себѣ. Оперы, въ которыхъ онъ отличился на парижскомъ театрѣ, были: «Волшебница озера» (La Donna del Lago), въ которой онъ пѣлъ славную каватину Эрміоны, Se sorda a mesto pianto. «Сорока-Воровка», въ которой главной дуэтъ «Forse un di conoscerai» прежде никогда не пѣтый въ Парижѣ, былъ исполненъ Рубини съ дѣвицею Мombели. «Отелло» гдѣ главную роль игралъ онъ съ удивительнымъ превосходствомъ. Всѣ эти оперы возвели уваженіе и любовь къ нему публики на высочайшую степень, и онъ уѣхалъ изъ Парижа, сопровождаемый всеобщими похвалами, сожалѣніемъ всѣхъ любителей и титломъ *царя теноровъ*, которымъ журналисты почтили его.

Въ 1826 году, онъ возвратился въ Неаполь. Въ Миланѣ Беллини написалъ для него въ оперѣ Il-Pirata прекрасную роль Гальтьеро. Въ 1827 году его опять аганжировали въ Вѣну, откуда онъ возвратился въ Миланъ. Донизетти написалъ тогда «Anna Bolena», а Беллини «Somnambula.» Обѣ эти оперы были представлены на театрѣ Каркано, Рубини, Галли и госпожей Паста. Въ теченіе этихъ пяти лѣтъ голосъ его сдѣлался сильнѣе, но не потерялъ нимало своей пріятности, легкости и чистоты. Беллини и Донизетти умѣли воспользоваться такими неоцѣненными качествами; написанные ими дуэты отличаются простотой, трогательною мелодію, силою выраженія и разнообразіемъ колорита.

Въ Лондонѣ дебютировалъ онъ оперою «Il Pirata», въ которой жена его играла роль Имогены.... Публика приняла ихъ обоихъ съ восторгомъ.

Рубини находился пятнадцать лѣтъ у Барбайи, который располагалъ пѣвцами такъ, какъ ему было угодно, — и посылая Рубини во всѣ столицы Европы, онъ получалъ за него кучи залота....

Остальная жизнь Рубини есть рядъ торжествъ и отличій, который оканчивается торжественнымъ вѣнчаніемъ великаго артиста на Петербургской сценѣ, въ день, когда онъ пропѣлъ на театральныхъ помостахъ свою лебединую пѣсню.

=

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

=

Bald ist es dieß, bald ist es das;
Bald ist es nichts, bald ist es was.

=

ПИРЪ ВЪ ЧЕСТЬ СКРИБА И ГАЛЕВИ И ПОВАРЪ СОЙЕРЪ. По случаю громаднаго успѣха, который имѣла въ Лондонѣ новая опера Скриба и Галеви «*Буря*», принесшая театру Королевы страшный сборъ, импрессаріо этого театра, ловкій и оборотливый Лумлей, задалъ виновникамъ своего счастія великолѣпный праздникъ, на своей виллѣ, которая, по роскоши и богатству своему, можетъ поспорить съ дворцами богатѣйшихъ вельможъ въ Европѣ. Пиръ этотъ начался роскошнымъ обѣдомъ въ четыре часа по полудни и кончился въ четыре утра превосходно придуманнымъ и устроеннымъ фейерверкомъ. На этотъ праздникъ, истинно Луккуловскій, собрались всѣ политическія, артистическія и ученыя знаменитости Лондона. Изъ артистовъ, кромѣ Скриба и Галеви, были приглашены Бальфъ, директоръ окрестра Королевы, Лаблашъ, Тамбурини, Маріо, Шериданъ Нольсъ, Тайлоръ, Ривсъ; изъ дамъ, пѣвицы Гризи, Фреццолини, Кастелланъ, Де-Мерикъ; танцовщица Карлотта Гризи и Генріетта Зонтагъ (графиня Росси) — были царицами праздника, какъ главныя дѣйствующія лица, наиболѣе способствовавшія своими талантами успѣху новой оперы. Но замѣчательнѣйшимъ гостемъ, на котораго были обращены всѣ взоры, былъ, недавно прибывшій въ Лондонъ, негритянскій принцъ, посолъ Нипальскаго короля, удостоившій европейскій праздникъ театральнаго Сарданапала сво-

имъ присутствіемъ. Онъ явился во всей роскоши своего восточнаго наряда, съ головы до ногъ украшенный брилліантами и драгоцѣнными каменьями и окруженный великолѣпною свитою. Большая часть нипальцевъ, составляющихъ посольство, довольно хорошо говорятъ по-французски и по-англійски: они отсыпали дамамъ самые крупные перлы восточной любезности. Самъ посолъ, несмотря на темно-бронзовый цвѣтъ лица, красавецъ въ полномъ смыслѣ, а младшій братъ его одаренъ такими выразительными чертами лица, такими жгучими, полными ума и страсти, глазами, что вскружилъ головы дамамъ. Къ восточному своему наряду всѣ эти господа присоединили и кое-что европейское, именно: желтыя перчатки и лакированные сапоги.

Гастрономическою частью пира распоряжался знаменитый лондонскій поваръ Реформъ Клуба, Сойеръ, современный Ватель, первый мастеръ своего дѣла въ Европѣ. Человѣкъ этотъ смотритъ на поваренное искусство съ той-же точки зрѣнія, какъ художники смотрятъ на музыку, ваяніе, живопись. «Безъ хорошаго обѣда, говоритъ онъ, и вдохновеніе артистовъ не можетъ имѣть надлежащаго полета! — Художники, которые трудятся изъ насущнаго хлѣба, никогда не произведутъ ничего великаго»! — Хотя этотъ великій мастеръ желудочныхъ дѣлъ и получилъ отъ Лумлея за трудъ свой полтораста фунтовъ стерлинговъ (около 1000 руб. сер.), однако онъ участвовалъ въ устройствѣ этого обѣда собственно для славы, чтобы, какъ онъ говорилъ: «достойныхъ геніевъ почтить геніальнымъ угощеніемъ.» Невозможно пересчитать всѣхъ блюдъ и гастрономическихъ затѣй, составлявшихъ обѣдъ и которыя въ настольной программѣ заняли цѣлые поллиста мелкой печати, но укажемъ на главный chef-d'oeuvres Сойера, которымъ онъ повѣнчалъ всѣ свои затѣи. Вмѣсто пирожнаго былъ поданъ на столъ огромный корабль, совершенно похожій на тотъ, который въ оперѣ «Буря» поглащаютъ волны, по приказанію Аріэля. Пирожное это было названо имъ «Галеви-Скрибовскимъ тортомъ». Корабль былъ сдѣланъ изъ миндальнаго тѣста, мачты и паруса изъ конфектъ, внутренность его была наполнена персиковымъ и ананаснымъ желе; волны, съ поразительнымъ сходствомъ, были составлены изъ разныхъ мороженыхъ, а уносимая ими съ палубы кладь была представлена разными фруктами и цвѣтами. На кормѣ корабля, поднявшейся кверху, были изображены изъ сахару очень сходные бюсты Скриба и Галеви. Остальныя блюда, также очень затѣйливо приготовленныя, носили названія разныхъ сценическихъ знаменитостей, ино-

гда очень остроумно прибранныя. Такъ, напримѣръ, былъ поданъ кипучій плумпуддингъ, прозванный Лаблашевскимъ, съ жидкой подливкой à la Фреццолини. (Извѣстно что Лаблашъ чрезвычайно толстъ и что, во время пѣнія, у него трясутся жирныя щеки и подбородокъ; извѣстно также, что Фреццолини ужасно худа и слаба, хотя и умѣетъ на сценѣ прикрывать эти недостатки тоалетомъ). Сочный ростбифъ, украшенный самой разнообразной и рѣдкой зеленью, — былъ названъ à la Скрибъ, выражая его плодовитость и сочность его произведеній; замороженный пуншъ — назывался à la Кастелланъ, и прекрасно характеризовалъ эту пѣвицу, вмѣстѣ обольстительную по голосу, и холодную по игрѣ и сочувствію. Сальви былъ выраженъ пирожнымъ изъ леденцовъ.

Самъ мистеръ Сойеръ былъ въ числѣ гостей и удивлялъ всѣхъ своей ученостью и своимъ вѣрнымъ артистическимъ взглядомъ на искусства. Когда г-жа Скрибъ изъявила свое удивленіе богатству его воображенія и таланту и сказала, что мужъ ея не заслуживаетъ такихъ почестей, онъ отвѣчалъ ей: «Напротивъ, я нахожу, что г. Скрибу мы не въ состояніи выразить всего нашего уваженія: еслибъ самъ Мольеръ возсталъ изъ гроба, то и онъ подѣлился-бы съ нимъ лавровымъ вѣнкомъ»! — Видно мистеръ Сойеръ также искусенъ на лесть, какъ на пирожки изъ взбитыхъ сливокъ.

За десертомъ президентъ Гаррикъ-Клуба предложилъ тостъ: За здоровье Скриба, перваго комическаго генія послѣ Мольера! — Сэръ Чарлсъ Тайлоръ на это привѣтствіе поднялъ свой бокалъ и сказалъ: «Господа! въ настоящую минуту я похожъ на вора, который желаетъ здравія обкраденной жертвѣ. Не знаю, какъ понравится нашему знаменитому гостю тостъ человѣка, который весь вѣкъ жилъ насчетъ его славы и таланта»! Извѣстно, что Тайлоръ перевелъ на англійскій языкъ до двухсотъ пьесъ Скриба и тѣмъ составилъ себѣ состояніе, которое даетъ ему теперь сто тысячъ ливровъ годоваго дохода.

Но и Скрибъ, съ своей стороны, расточалъ вѣжливости всѣмъ сподвижникамъ своей славы, и какъ вѣжливый кавалеръ, слагая главный успѣхъ свой на г-жу Зонтагъ, сказалъ ея мужу, графу Росси, очень замысловатый мадригалъ:

C'est toi seul qui pouvait enchaîner dans son vol
Ce rossignol divin qui nous charme à l'entendre,
Car de tout temps *Rossi*, chacun doit le comprendre,
Fut la moitié de *rossignol*.

Пѣвецъ Лаблашъ, одушевленный шампанскимъ и вдохновеніемъ Скриба, также отпустилъ экспромтецъ въ честь Галеви:

Quanto dalle altre varia
D'Alevy la *Tempesta!*
Quelle fan piover grandina.
Ora fa piover questa!

«Какъ другія бури не сходны съ твоею, Галеви! тѣ разсыпаются градомъ, а твоя золотымъ дождемъ»!

Не столько остроумно, сколько справедливо! Пѣвецъ взглянулъ на художественное произведеніе съ самой практической его стороны и, въ современномъ духѣ — едва-ли онъ не правъ.

Кромѣ разныхъ хоровъ музыки, въ одномъ углу сада Лумлея, находились и цыгане, которые пѣли, плясали и гадали о будущемъ. Это зрѣлище совершенно новое въ Лондонѣ. Дамы и кавалеры обступили сибиллъ съ вопросами о своей будущности, онѣ отвѣчали довольно темно и сбивчиво, когда-же самъ амфитріонъ Лумлей протянулъ ладонь, прося разгадки будущаго, онѣ отвѣчали довольно ловко: «Ты счастливѣйшій изъ смертныхъ: Скрибъ и Галеви напишутъ тебѣ въ будущемъ году новую оперу»! Кажется, для этого предсказанія, ловкій антрпренеръ и устроилъ свой Шахеразадный праздникъ, но достигъ-ли онъ цѣли — пока еще неизвѣстно.

—

ЧЕРНАЯ МАЛИБРАНЪ. — Лондонскія газеты полны толками о явленіи весьма рѣдкомъ и довольно странномъ въ европейскомъ художественномъ мірѣ, именно о пѣвицѣ негритянкѣ, которая въ настоящее время даетъ концерты въ Лондонѣ и приводитъ всю публику въ восхищеніе.

Вотъ что говоритъ о ней газета The Globe:

«Донна Анна-Марія-Лоретта Мартинецъ де-Морено родомъ изъ Гаванны и принадлежитъ къ такъ называемоеу гомбасскому племени, самому красивѣйшему изъ африканскихъ породъ. Отецъ ея былъ чрезвычайно искусный рѣзчикъ дерева. Донъ Франциско Агвиларъ, губернаторъ острова Кубы, встрѣтя малютку Анну и замѣтя въ ней веселый нравъ и быстрый, находчивый умъ, взялъ ребенка въ домъ и воспитывалъ ее наравнѣ съ своими до-

черьми. Добродушный характеръ дѣвочки и необыкновенныя ея музыкальныя способности, обнаружившіяся съ семилѣтняго возраста, сдѣлали ее идоломъ благороднаго семейства губернатора.

Вскорѣ донъ Франциско былъ отозванъ правительствомъ и получилъ значительный постъ въ Малагѣ. Вмѣстѣ съ нимъ и Анна покинула свою родину. Здѣсь были приняты всѣ возможныя мѣры, чтобы развить ея музыкальный геній. Голосъ ея, при необыкновенно пріятномъ звукѣ, соединялъ совершенную правильность интонаціи, а необыкновенная гибкость дала ей возможность очень скоро его выработать и довести до значительной степени блеска. Въ Севильи, городѣ, гдѣ главныя черты испанской національности наиболѣе сохранились во всей своей чистотѣ, Анна Марія нашла обильный источникъ для своихъ музыкальныхъ изученій. Она съ страстію занялась старинными испанскими и мавританскими мелодіями, сложенными нѣкогда трубадурами, и умѣла усвоить себѣ веселое, страстное и вмѣстѣ меланхолическое выраженіе этихъ пѣсенъ. Когда она потомъ возвратилась въ Гаванну, то плѣнила всѣхъ богатымъ запасомъ своихъ древне-пиринейскихъ романсовъ.

Здѣсь въ обворожительную пѣвицу влюбился донъ Маріано-Морено, офицеръ кубанскаго милиціоннаго полка. Любовь его скоро была увѣнчана счастливымъ бракомъ, но ревность нѣкоторыхъ изъ правительственныхъ лицъ Гаванны, которые пылали такою-же страстію къ Аннѣ-Маріи, заставила его выдти въ отставку и вмѣстѣ съ женою переправиться въ Севилью. Въ странѣ серенадъ и романсеровъ, кастаньетокъ и болеро, цыганокъ и дуэнъ, она была въ своей стихіи и здѣсь-то дарованіе ея заслужило первую оцѣнку, возбудило первый энтузіазмъ. Но это пока еще былъ энтузіазмъ національной гордости. Для существованія она должна была давать уроки пѣнія, и по мѣрѣ распространенія ея извѣстности, возрастали и ея уроки. Вскорѣ она скопила достаточную сумму, чтобы поступить въ мадритскую консерваторію. Тутъ талантъ ея былъ признанъ и оцѣненъ и скоро въ столицѣ Испаніи она достигла такой-же знаменитости, какъ и въ главномъ городѣ Андалузіи. Голосъ ея, сформировавшійся по законамъ искусства, развился и обнаружилъ новыя и блистательныя достоинства. Безпрерывное изученіе классическихъ композицій для пѣнія, образовало и очистило ея вкусъ, а внутреннее чувство придало ей оригинальность. Первое ея появленіе на публичныхъ помостахъ сопровождалось фуроромъ,

почти неслыханнымъ въ Испаніи, но успѣхъ этотъ былъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что восторгъ публики раздѣляли и знатоки, и музыканты по признанію. Марію Морено пригласили ко двору: здѣсь она удостоилась монаршихъ милостей и поздравленій всего дипломатическаго корпуса; королева Изабелла наименовала ее первою каммерпѣвицею двора своего и назначила ей пенсію.

Но артистическое самолюбіе влекло Анну-Марію далѣе: ей хотѣлось провѣрить свою славу приговарами остальной образованной Европы. Для этого она отпросилась въ отпускъ и отправилась въ Парижъ.

Всѣ парижскіе журналы единогласно отозвались съ похвалою о ея тамошнихъ концертахъ. Стиль чорной пѣвицы былъ такъ новъ, такъ причудливо-обаятеленъ, и полонъ такого оригинальнаго колорита и граціи, что произвелъ на слушателей глубокое впечатлѣніе, которое скоро обратилось въ неистовый восторгъ. Всѣ единогласно рѣшили, что гаванская дебютантка — явленіе душистое, опьяняющее и крѣпкое, какъ превосходныя сигары ея родины.

Ободренная своимъ парижскимъ торжествомъ донья Морено переправилась черезъ каналъ въ столицу Альбіона, чтобы тамъ выступить рядомъ съ Зонтагъ, Гризи, Персіяни, и послѣ этого состязанія, упрочить свою художественную славу навсегда.

Когда лондонская критика выскажется о ней положительно, мы не замедлимъ сообщить нашимъ читателямъ результатъ смѣлаго предпріятія *Черной Малибранъ*.

—

ПОЛЕТЪ НА ВОЗДУХЪ НА ПЕГАСѢ. — Недавно въ Парижѣ совершено довольно замѣчательное воздушное путешествіе господиномъ Пуатвеномъ, верхомъ на лошади. Извлекаемъ изъ послѣдне полученныхъ журналовъ извѣстіе о немъ.

Время совершенно благопріятствовало путешествію, и стеченіе

публики было безчисленно. Пуатевенъ назначилъ весьма умѣренную цѣну, и потому почти весь Парижъ собрался на Марсово Поле.

Наполненіе шара послѣдовало не безъ замедленія, впрочемъ не отъ вѣтра и дурной погоды, а отъ причины, которая могла-бы имѣть гибельныя послѣдствія, и которая произвела сильную тревогу въ присутствующихъ, и даже въ окрестныхъ жителяхъ. Во время наполненія шара, вдали послышался страшный взрывъ, и черезъ нѣсколько времени открылась причина этого взрыва. Въ одной изъ газовыхъ трубокъ, проходящихъ въ зданіи заставной таможни, оказался наружный протокъ газа. Одинъ изъ таможенныхъ солдатъ, желая отыскать поврежденное мѣсто, приблизился къ трубкѣ съ зажженной свѣчкой. Газъ вспыхнулъ и солдатъ былъ тяжело раненъ; два его товарища подверглись тому же, хотя и не въ столь значительной степени. Вслѣдствіе этого тотчасъ же было закрыто сообщеніе съ газохранилищемъ, а какъ шаръ наполнялся изъ того-же источника, то и произошла остановка.

Въ шесть часовъ Пуатвенъ сѣлъ на своего Пегаса и началъ подниматься. Лошадь его, прозванная «воздушною» (aérienne), повидимому не чувствовала никакого непріятнаго впечатлѣнія отъ необыкновеннаго путешествія. Во время прикрѣпленія подпруги, она оставалась совершенно спокойною и, отдѣлившись отъ земли, казалась какъ-бы совершенно привыкшею къ этого рода прогулкамъ.

Пуатвенъ, желая вполнѣ доказать зрителямъ, что онъ ничѣмъ не прикрѣпленъ къ сѣдлу, поднявшись на нѣсколько сотъ метровъ и видимый всѣми, сталъ на лошади и совершенно спокойно махалъ обѣими руками, прощаясь съ публикой.

Воздухъ былъ необыкновенно чистъ, и зрители очень долго могли слѣдить за шаромъ, который, при легкомъ вѣтрѣ, плавно плылъ по направленію къ Сенъ-Жерменю. Солнце ярко освѣщало шаръ и бѣлую лошадь, потомъ они обратились въ блестящую точку и наконецъ изчезли.

Трое верховыхъ за два часа до отплытія шара, отправившіеся по тому направленію, которое онъ, судя по вѣтру, долженъ былъ принять, слѣдили за шаромъ и поспѣли къ нему въ ту самую минуту, когда онъ опускался на землю. Пуатвенъ, лошадь и шаръ очутились на землѣ безъ малѣйшихъ неудачъ и затрудненій.

Они опустились близъ Тріеля, около станціи Руанской желѣзной дороги, въ осьми миляхъ отъ Парижа (около сорока верстъ), и на другой день возвратились по желѣзной дорогѣ въ Парижъ.

Пуатвенъ въ скоромъ времени уѣзжаетъ въ Бельгію, Голландію и Германію, чтобы и тамъ совершить свои воздухоконныя представленія.

БАЛАГУРЪ.

СПЛЕТНЯ.

(*Куплеты изъ новаго водевиля.*)

Ходитъ сплетня записная,
Словно уличный дозоръ,
Вѣсти по міру сбирая
И бросая ихъ, какъ соръ.

Для нея все — кладъ, находка,
Не разборчива она;
Безпардонная трещетка,
Видитъ, слышетъ все она.

Все про все, лихая баба,
Знаетъ сплетня напролётъ;
Гдѣ хоть чуть клеится слабо,
Тамъ свое тотчасъ пришьетъ,

Злой насмѣшкою приправитъ,
Размалюетъ тамъ и сямъ,
И — по городу отправитъ
На поживу языкамъ.

Уберечься мочи нѣту
Отъ всезнайки записной;
Тамъ явилась безъ привѣту,
Здѣсь втирается лисой.

Каждый день въ отмѣнной маскѣ,
Каждый разъ мѣняетъ видъ:
То прискачетъ къ вамъ въ коляскѣ,
То на дрожкахъ прикатитъ,

То вдовой, то дѣвой зрѣлой,
То мадамой, то ханжой,
То кокеткой переспѣлой,
То модисткой молодой.

Словомъ, сплятня записная,
Будто уличный дозоръ,
Ходитъ, вѣсти собирая,
И соритъ ихъ словно соръ.

А. ТУМАНОВЪ.

—

ПАРОДІЯ.

КАРТИНА.

Въ тѣни запущеннаго сада
Синѣли грозды винограда.
На камнѣ, подъ сѣнью чинара,
Сидѣла прекрасная пара.
Въ прудѣ полоскалася утка,
И въ лодкѣ качался малютка.
Краснѣла осока и тина....
Достойная кисти картина.

Н. СУСЛОВЪ.

—

Извѣстный варшавскій комическій актеръ, Зёлковскій, проводилъ обыкновенно время послѣ обѣда въ винномъ погребѣ, куда собирались многіе изъ его короткихъ пріятелей и почитателей его таланта. Однажды пріѣхалъ въ Варшаву провинціялъ, и между прочими рѣдкостями города, хотѣлъ непремѣнно увидать и Зёлковскаго. Ему указали, гдѣ онъ можетъ его найдти. Зелковскій въ то время былъ одинъ; онъ сидѣлъ у стола и, сложивъ руки, вертѣлъ большими пальцами на подобіе мельничнаго колеса. — Не зная, съ чего начать разговоръ, пріѣзжій, послѣ нѣкотораго молчанія, спросилъ его: Всегда-ли онъ такъ вертитъ пальцами? — «Нѣтъ, иногда и вотъ такъ!» — отвѣчалъ Зелковскій, и — началъ вертѣть въ противоположную сторону.

—

Возвратившійся изъ похода во Францію солдатъ, разсказывая своимъ землякамъ о томъ, что онъ видѣлъ рѣдкаго въ этой странѣ, прибавилъ между прочимъ: «Вотъ ужъ землица, нечего сказать! Тамъ вотъ этакой тараканъ» — при этомъ онъ указалъ на трехлѣтняго хозяйскаго сына, — «и тотъ ужъ болтаетъ по французскому!»

—

Катонъ. сказалъ: «Я всегда раскаиваюсь въ трехъ вещахъ если пропущу день, не сдѣлавъ добраго дѣла; если ввѣрю тай: ну женщинѣ, и если пущусь водою туда, куда можно-бы добыть сухимъ путемъ.»

—

Бургомистръ маленькаго германскаго городка, при проѣздѣ короля вздумалъ привѣтствовать его рѣчью, но смѣшался и не могъ кончить. «Скажи мнѣ свои желанія въ трехъ словахъ», сказалъ ему король. — Да здравствуетъ король! воскликнулъ витія.

—

— Не смотря на всѣ заслуги женщинъ въ литературѣ, говорилъ какой-то фатъ, въ обществѣ писательницъ, я не признаю, чтобы женщина могла произвесть образцовое твореніе.

— «Вотъ и видно, что васъ произвела на свѣтъ женщина», отвѣчала одна изъ собесѣдницъ.

—

Одинъ изъ самыхъ модныхъ львовъ зашелъ какъ-то разъ очень рано къ своему пріятелю и, не найдя никого въ его передней— сказалъ: Помилуй, братецъ, къ тебѣ входятъ, словно въ хлѣвъ. — «Ничего, другъ мой, — будь какъ дома»; отвѣчалъ любезный хозяинъ.

—

Дама, не молодыхъ лѣтъ, но съ большой претензіею на молодость и красоту, чрезвычайно нелюбила считать свои годы и всегда уменшала ихъ цифру. Разъ, въ присутствіи ея стараго дяди, разговоръ зашелъ о воспитаніи. Племянница спросила своего родственника о значеніи какого-то слова.

— Помилуй, душа моя, сказалъ ей старый родственникъ, ты должна была это знать лѣтъ тридцать назадъ.

— Какъ это можно, отвѣчала дама, покраснѣвъ, я тогда еще была у кормилицы.

— Ну вотъ, сказалъ неумолимый старикъ, не хочешь-ли меня увѣрить, что тебя до пятнадцати лѣтъ не отнимали отъ груди?

—

— Ѳомка, посмотри-ка, который часъ, сказалъ дачникъ своему лакею, проснувшись въ полночь. «Сейчасъ, сударь, часы ваши стоятъ, да ничего — я вотъ только зажгу свѣчку да схожу въ садъ, такъ посмотрю на солнечныхъ», отвѣчалъ расторопный слуга.

—

— Скажите, отчего это пѣтухи и соловьи поютъ всегда закрывъ глаза? спросила одна дама своего кавалера.

— Изъ желанія похвастать, отвѣчалъ любезникъ, что они умѣютъ пѣть наизустъ.

—

Съ тѣхъ поръ, какъ Пуатвень поднимался въ Парижѣ въ воздушномъ шарѣ верьхомъ на лошади, это зрѣлище сдѣлалось предметомъ всеобщихъ разговоровъ. Недавно одинъ молодой человѣкъ опоздалъ на дачу, куда онъ былъ приглашенъ къ обѣду. Извиняясь передъ хозяйкою, онъ сказалъ: «Я хотѣлъ пріѣхать къ вамъ верьхомъ, да, по несчастію, не могъ достать воздушнаго шара.»

—

Извѣстный авторъ Лесажъ, написавъ одну изъ своихъ пьесъ, хотѣлъ прочесть ее, прежде представленія на сценѣ, герцогинѣ Буильонской. Онъ назначилъ день, но обстоятельства заставили его замѣшкаться и онъ немного опоздалъ. Когда онъ пріѣхалъ, герцогиня встрѣтила его довольно сурово. «Вы заставили меня потерять цѣлый часъ времени», сказала она ему, вмѣсто привѣтствія. — Въ такомъ случаѣ, ваша свѣтлость, отвѣчалъ хладнокровно Лесажъ, — я дамъ вамъ средство выиграть два часа! Сказавъ это, онъ поклонился и вышелъ, и послѣ уже, не смотря на всѣ просьбы, не воротился и не прочелъ пьесы.

—

ОСТРОТЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АКТРИСЫ ДЕЖАЗЕ.

Кто-то замѣтилъ послѣ возобновленія «Тартюфа» Мольера, что эта пьеса производитъ на него впечатлѣніе старинныхъ обоевъ. «Да, сказала Дежазе, но старинные обои всегда употребляются для большихъ торжествъ».

—

Разъ ей указали молодаго человѣка, который, какъ говорили, влюбленъ въ нее страстно. — «Бѣдный! бѣдный! воскликнула она. Такъ молодъ и такъ хорошъ собою—и такое несчастіе!» — Отчего-же вы его жалѣете? спросили ее. — «Оттого, что тотъ, кто насъ любитъ, болѣе достоинъ сожалѣнія, нежели тотъ, кого мы любимъ».

—

Объ итальянскомъ пѣніи она говорила: «Это чудесная ткань, но матерія не стоитъ шитья».

—

Разъ, въ присутствіи ея, смѣялись надъ однимъ горбуномъ.— «Господа! будьте снисходительны! сказала Дежазе: не всѣмъ-же быть плоскими, какъ вы.»

Инв. 10428
18234.
9801

Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

«ПАНТЕОНЪ»

состоитъ изъ 12 книжекъ въ годъ, въ 20 листовъ печатныхъ каждая, и выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца. Въ *„Репертуаръ Русской сцены“* печатаются всѣ лучшія новѣйшія явленія на русскомъ театрѣ. Къ Пантеону прилагаются ноты для фортепьяно и пѣнія, романсы, аріи, куплеты, танцы, а иногда картинки.

Цѣна за годовое изданіе:

12 руб. сер., съ доставкою и пересылкою 13 р. 50 коп. сер.

Подписка принимается въ Конторахъ:

въ С. Петербургѣ въ Главной Конторѣ, въ книжномъ магазинѣ В. П. Печаткина, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: въ Университетской книжной лавкѣ И. В. Базунова.

„Кто не имѣетъ Пантеона за 1848 годъ, и желаетъ подписаться на 1850 годъ, тотъ получитъ въ видѣ подарка Пантеонъ за 1848 годъ, прилагая къ подписной цѣнѣ въ Петербургѣ 2 р. с., а Иногородныя 3 р. 50 коп. пересылочныхъ денегъ.“ Но это относится только до тѣхъ подписчиковъ, которые выпишутъ журналъ изъ Главной Петербургской Конторы.

Редакція „Пантеона“ находится близъ Чернышева моста, въ домѣ Лыткина, куда и просятъ обращаться всѣхъ, имѣющихъ до нея нужду.

Печатать позволяется, 27 Августа, 1850 года. Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

въ типографіи К. Крайя.

Редакторъ *Ѳ. Кони.* — Издатель *В. Печаткинъ.*